

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Этнолингвистика.

Ономастика. Этимология

Материалы
IV Международной научной конференции
Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

ББК Ш100.04
Э913

Редакционная коллегия:

Е. Л. Березович (отв. ред.), Е. О. Борисова (отв. секр.),
Н. В. Кабинина, В. С. Кучко, М. Э. Рут, О. Д. Сурикова

Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы
Э913 IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. /
Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т славяноведения
РАН, Урал. федер. ун-т ; [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.)
и др.]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 378 с.

ISBN 978-5-7996-2700-3

DOI 10.31168/7996-2700-3

В работах исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья рассматривается широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия указанных областей языкознания — лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков — в первую очередь русского и других славянских, а также романских, германских, финно-угорских, тюркских и др.

ББК Ш100.04

ISBN 978-5-7996-2700-3

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2019
© Институт славяноведения РАН, 2019
© Уральский федеральный университет, 2019

Содержание

<i>Алпатов В. В.</i> Английские фамилии с христианскими ассоциациями	9
<i>Андреева Е. П.</i> Отражение архаических представлений о смерти в лексике вологодских говоров	11
<i>Аникин А. Е.</i> Из истории русских сибирских диалектизмов: <i>Wetrenoi Kamen</i>	15
<i>Антропов Н. П.</i> «Облачные» наименования радуги	17
<i>Ахметова М. В.</i> Катоиконимы в метаязыковой критике: нормативность, традиционность и историчность	19
<i>Байбурин А. К.</i> ФИО: к истории именной формулы	21
<i>Бартминьский Е.</i> Концепт свободы в лексическом поле, понятийной сети и аксиосфере (пер. с польск. Е. О. Борисовой)	23
<i>Бекасова Е. Н.</i> Тюркско-славянские корреляции в ономастическом ландшафте Оренбуржья	27
<i>Белетич М.</i> К изучению происхождения с.-х. <i>ковиље</i> ‘ <i>Stipa pennata</i> ’	29
<i>Белова О. В.</i> Смоленские «авдотки» в контексте городского текста и традиционной обрядности	31
<i>Белякова С. М.</i> О вторичной сакрализации этнолингвистических феноменов	34
<i>Березович Е. Л., Сурикова О. Д.</i> Названия болезней в русских проклятиях	37
<i>Боброва М. В.</i> «Портреты» грызунов в современных пермских прозвищах	40
<i>Бобунова М. А.</i> Роль словарей языка фольклора в изучении русской народной культуры	43
<i>Бондаренко Е. Д.</i> Системные отношения в наивных словарях диалектоносителей	45
<i>Борисова Е. О.</i> Способы выражения мотива непригодности в диалектных обозначениях медлительных людей	48
<i>Букринская И. А., Кармакова О. Е.</i> Элементы традиционного похоронного обряда в современной русской деревне	51
<i>Бунчук Т. Н.</i> <i>Где тесно, там и место</i> : к вопросу об этимологической семантике слова	54
<i>Валенцова М. М.</i> Об одном архаическом мотиве: «Твои горы (дом, дети) горят!»	57
<i>Варбот Ж. Ж.</i> Еще о «съевшем собаку» и <i>зге</i> (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав)	60
<i>Варникова Е. Н.</i> Из истории русских кличек лошадей (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI–XVII вв.)	62
<i>Васильев В. Л., Вихрова Н. Н.</i> Топонимика и археология: аспекты взаимодействия	65
<i>Васильева Н. В.</i> Безымянность как категория ономастики: металингвистические заметки	68

<i>Вепрева И. Т.</i> Эргонимы Екатеринбурга в коммуникативно-прагматическом аспекте	70
<i>Войдыла З., Хабер Е.</i> Электронная версия «Праславянского словаря» с металексикографической точки зрения (пер. с англ. Д. М. Голиковой)	73
<i>Володина Т. В.</i> Этнолингвистическое картографирование и народная медицина белорусов.....	74
<i>Воронцова Ю. Б., Макарова А. А.</i> Зооморфная модель в коллективных прозвищах Архангельской области	77
<i>Высочанский В.</i> Мотив игры в польских пословицах.....	80
<i>Гайдамашко Р. В.</i> Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): материалы к этимологии коми-пермяцкой лексики	83
<i>Галинова Н. В., Трескова В. С.</i> К изучению семантической структуры гнезда * <i>tork-</i> в русских говорах.....	85
<i>Голикова Д. М.</i> Четыре евангелиста и сломанная кровать: семантика неполноты ряда на примере одной английской номинации.....	89
<i>Голомидова М. В.</i> Топонимическая политика в области номинации внутригородских объектов: проблемы и перспективы	92
<i>Горбушина И. А.</i> Проблема этимологической интерпретации лексической группы <i>суторить, сутурма</i> и <i>сутырь</i>	95
<i>Гордова Ю. Ю.</i> Приемы и методы ономастической реконструкции: восстановление топонимии предыдущего хронологического слоя по названиям пустошей, городищ, селищ (на материале рязанской средневековой топонимии).....	97
<i>Горяев С. О., Кривошапова Ю. А.</i> Этикетное слово как маркер онимизации и трансонимизации	99
<i>Гулиева Л. Г.</i> Русский островной говор Азербайджана в ономастическом пространстве региона	102
<i>Гура А. В.</i> Об одном архаическом способе символизации в культуре	104
<i>Дзицойты Ю. А.</i> Реликты мифа о похищении сомы в топонимии Южной Осетии	107
<i>Дзюба Е. В., Еремина С. А.</i> О феномене вторичной русскоязычной самономинации у китайских студентов	109
<i>Дмитриева Т. Н.</i> К истории и этимологии мансийских топонимов: озеро <i>Ваткатур</i> и смежные объекты	112
<i>Дронова Л. П.</i> Проблема словообразовательно-генетических отношений др.-рус. <i>тѣска</i> ‘тоска, печаль’	116
<i>Душенкова Т. Р.</i> К семантике выражения <i>шыр голык</i> , или Почему <i>мышь голая</i> ? ..	119
<i>Дьёни Г.</i> Имя, народ, история.....	121
<i>Еремина М. А.</i> Опыт создания идеографического словаря лексики труда	123
<i>Ефименко И. В.</i> Названия плавательных средств в славянских языках (фрагмент историко-этимологического словаря)	125
<i>Жуйкова М. В.</i> Глагольная ономимия в диахронном аспекте	128

<i>Захарова Е. В.</i> Типы традиционных людиковских поселений по данным ойконимии.....	130
<i>Зверева Ю. В.</i> Микропонимы пермского происхождения на территории Красновишерского и Юрлинского районов Пермского края	133
<i>Иваненко А. В.</i> Славянская теонимия: Святovit	136
<i>Иванова Е. Э.</i> Фамилия <i>Демидов</i> на карте Урала	139
<i>Кабинина Н. В.</i> К этимологии рус. диал. <i>сѣндуха</i>	142
<i>Качалкова Ю. А., Рут М. Э.</i> Урбанонимическое реформирование: «за» и «против»	146
<i>Качинская И. Б.</i> Эротика в языке народной культуры: эвфемистические названия половых органов (по материалам архангельских говоров).....	150
<i>Климова К. А.</i> Мифологическая лексика традиционной культуры Дарнашских сел (Ном Серрес, Греция) в этнолингвистическом аспекте..	152
<i>Кондратенко М. М.</i> Антропонимы в традиционной духовной культуре Баварии.....	155
<i>Королёва Е. Е.</i> Праздник в культуре староверов Латгалии: традиции и инновации	157
<i>Королёва С. Ю.</i> Фольклорные антропонимы и устная родословная в преданиях о сичацах Пере и Мизе (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья).....	161
<i>Костылев Ю. С.</i> Топонимы иноязычного происхождения на карте острова Врангеля.....	164
<i>Кошкин И. С.</i> Балто-славянские языковые связи и этимология некоторых слов латышского языка	167
<i>Кралик Л.</i> Этимологическая наука в Словакии: современное состояние, задачи, перспективы.....	170
<i>Красовская Н. А.</i> Проявление региональных и этнолингвистических особенностей в русскоязычных социальных сетях.....	172
<i>Кречмер А. Г.</i> Мир русского человека эпохи первых Романовых (на материале деловой письменности и частной переписки).....	175
<i>Кривошапова Ю. А., Феоктистова Л. А.</i> Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в русских народных говорах	177
<i>Кузнецов А. М.</i> К этимологии этнонима <i>латыши</i>	180
<i>Кузьмин Д. В.</i> Некалендарные и календарные имена в составе ойконимов Олонецкой Карелии	182
<i>Куркина Л. В.</i> Звукоподражательная и экспрессивная лексика как источник реконструкции распавшихся этимологических гнезд	185
<i>Кучко В. С.</i> К семантико-мотивационной реконструкции русских диалектных слов, обозначающих группы людей	188
<i>Кюришнова И. А.</i> Региональный ономастикон донационального периода как источник этнокультурной информации	191

<i>Лабунец Н. В.</i> Топонимия нижнего течения реки Тавды: историко-этимологический ракурс.....	193
<i>Лазич-Коник И., Ристич С.</i> Концепт «народ» в сербском языке и культуре в свете системных связей (пер. с серб. С. Голяк).....	195
<i>Леонтьева М. О.</i> Пейоративные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект.....	199
<i>Лешбер К.</i> Свойства славянских слов с неясной этимологией.....	202
<i>Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.</i> Некоторые замечания о функционировании «уменьшительных» имен в допетровское время.....	205
<i>Лома А.</i> Оружие, орудие и смешение приставок.....	208
<i>Малькова Я. В.</i> Семантические особенности русской диалектной лексики со значением неприятия, отторжения.....	210
<i>Масловска Э.</i> Душа в облике птицы: символический и этнолингвистический аспект (пер. с польск. К. В. Осиповой).....	213
<i>Михайлова Л. П.</i> К этимологии слов <i>кúмóра, кúмороть, кúмоворóт</i>	214
<i>Мокиенко В. М.</i> Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов.....	216
<i>Мороз А. Б.</i> <i>Святке</i> : биография несуществующего демона.....	219
<i>Муллонен И. И., Захарова Е. В.</i> Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление.....	222
<i>Мызников С. А.</i> Славянская лексика в этимологических словарях финского языка: опыт критического анализа.....	225
<i>Напольских В. В.</i> Названия соли в уральских языках.....	228
<i>Небжеговска-Бартминьска С.</i> Крестьянский этос труда в системе связанных с ним ценностей (пер. с польск. Е. О. Борисовой).....	232
<i>Невяра А.</i> Концепции коллективного времени как фактор польской идентичности.....	233
<i>Никитина С. Е.</i> О вариантности и многослойности толкования Библии в молоканской культуре.....	236
<i>Норейкис С.</i> Финно-угорские топонимы Литвы и Латвии.....	239
<i>Осипова К. В.</i> Названия блюд из мяса на Русском Севере: этнолингвистический аспект.....	241
<i>Островский Б.</i> Роль этимологии при реализации проекта «Язык жителей Спиша. Корпус текстов и диалектных записей» (пер. с польск. К. В. Осиповой).....	244
<i>Пазио-Влазловска Д.</i> Образ современной семьи в российских женских онлайн-журналах.....	247
<i>Панченко С. В.</i> Лексика хантыйского происхождения с ассоциативными значениями в русских письменных источниках 1870–1930 гг.	249
<i>Пашина О. А.</i> Терминология пения в русских народных говорах.....	252
<i>Петросян А. Е.</i> Соссюровская анаграмма в древнеармянском эпосе «Випасанк».....	256
<i>Плотникова А. А.</i> Слово и дело как способы магического воздействия на окружающий мир (Пчина на юге Сербии).....	258

<i>Плотникова А. М.</i> Метафтонимия собственных имен в русском языке	261
<i>Полговизд Ш.</i> Польско-восточнословацкие семантические соответствия в развитии континуантов лексем праславянского происхождения.....	263
<i>Подюков И. А.</i> Словарь похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья как источник сведений о региональных особенностях традиции.....	266
<i>Попов С. А.</i> О лексикографическом обеспечении региональных ономастических исследований	268
<i>Попович Д., Мирич Д.</i> Семантика сербских слов, означающих проявления воли.....	271
<i>Праведников С. П.</i> Ономастическое пространство курской сказки	274
<i>Провсирнина И. С., Цзя М.</i> Оппозиция «трудный — простой» в русских и китайских толковых словарях.....	276
<i>Пустьяков А. Л.</i> О русских личных именах волжских марийцев в XVII в.	279
<i>Разумов Р. В.</i> Дескриптивные названия и проблема локализации объекта в русской урбанонимии XVII–XXI вв.	281
<i>Рак М.</i> К вопросу о культурах — диалектных, общепольских, славянских ..	283
<i>Рантакаулио Т.</i> Топонимические ареалы к востоку и западу от границ, установленных Ореховецким и Тязвинским мирными договорами	285
<i>Романова Т. П.</i> Ивентоним как особый тип рекламного имени	287
<i>Русинова И. И.</i> <i>Ойкать, ахать и охать</i> : семантика причинения магического вреда (по данным русских диалектных словарей и мифологических текстов).....	289
<i>Рут М. Э.</i> Об ономастике и диалектной лексикографии (из опыта работы над дополнениями к «Словарю говоров Русского Севера»)	292
<i>Седакова И. А.</i> Нетрадиционные ценности и их традиционные корреляты (2): <i>карьеря, самореализация, лидерство</i>	294
<i>Семенова О. В.</i> Ономастикон сказок Ф. Н. Свиньина	296
<i>Смирнов О. В.</i> Реконструкция мерянского языка на основе топонимических данных: математико-статистический подход	299
<i>Смирнова О. С.</i> Региональный именник во времена антропонимического «половодья» 1930-х гг.	304
<i>Соболев А. И.</i> Ономастические данные писцовых книг как источник реконструкции языковой ситуации (на примере Юго-Восточного Обонежья).....	306
<i>Соботка П.</i> Этимология и смысловое развитие севернославянских коннекторов, образованных от местоимений	309
<i>Соколова Т. П.</i> Стратегии внутригородской номинации Москвы	312
<i>Сулейманова Р. А.</i> О происхождении некоторых башкирских фамилий	315
<i>Супрун В. И.</i> Орнитонимы в славянских антропонимах: какие названия птиц стали именами собственными славян	317
<i>Теуш О. А.</i> Северный ландшафт Европейской России в языковых образах.....	319

<i>Толстая М. Н.</i> Две церковнославянские формулы в мифологии украинского Закарпатья	323
<i>Толстая С. М.</i> К проблеме синонимии в праславянской лексике	325
<i>Толстик С. А.</i> Русский национальный образ внешности: к истории и этимологии диалектного прилагательного <i>брыдкий</i>	329
<i>Томасик П.</i> Названия <i>не-мест</i> (в соответствии с теорией М. Оже)	332
<i>Томасик С.</i> Место названий пандемических заболеваний в ономастической системе	334
<i>Узенёва Е. С.</i> О языке и культуре славян-мусульман Северной Греции: случай Ксанти	335
<i>Фалилеев А. И.</i> Перевод, примечание, этимология: Геральд Камбрийский (1146–1223) как топонимист	338
<i>Фролова О. Е.</i> История СССР сквозь призму антропонимов	340
<i>Хисамитдинова Ф. Г.</i> Отражение контактов с тюркскими народами в русской мифологической лексике	343
<i>Хоффманн Э.</i> Патриотизм в современной российской хремотонимии	347
<i>Хроленко А. Т.</i> Сопоставительный анализ конкордансов курских и кубанских народных песен как средство выявления дифференцирующих признаков фольклорных диалектов	351
<i>Черных А. В.</i> Названия старообрядцев в диалектной речи русского населения Пермского края	353
<i>Чеха О. В.</i> Греческие названия участников обряда вызывания дождя (<i>παλαρούνα, βερβερίτσα, μερμερούσα, υτοντολάς</i> и др.)	356
<i>Чикало Н. А.</i> Этимологизация лексики, репрезентирующей понятие «здоровье» в древнеанглийском языке (общегерманский и индоевропейский фон)	358
<i>Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В.</i> Система названий персонажей низшей демонологии в коми-пермяцком языке	362
<i>Юзиева К. С.</i> Деривационно-фразеологическая семантика названий птиц в марийском языке	364
<i>Якубович М.</i> К вопросу о выделении семантических полей реконструируемой лексики (из опыта работы над 11-м томом «Праславянского словаря»)	367
<i>Якушкина Е. И.</i> Праславянские лексические изоглоссы западной части сербскохорватского ареала	368
<i>Янышкова И.</i> К изучению названий внебрачного ребенка в старославянском и (старо)чешском языках	371
Сокращения	373

В. В. Алпатов

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
alpatov.v@list.ru

Английские фамилии с христианскими ассоциациями

Антропонимы разных видов являются дополнительным источником знаний о структуре общества, его духовной и материальной культуре. В связи с этим интересно исследовать христианские ассоциации, отраженные во внутренней форме английских фамилий.

В оттопонимических фамилиях христианские ассоциации возникают за счет семантической прозрачности топонимических элементов, например *Cross* ‘Крест’, *Churchill* ‘Церковь’, ‘Холм’, *Chapel* и *Chappel* ‘Часовня’, *Kirk* ‘Церковь’, *Kirby* ‘Церковь’, ‘Село’.

В патронимических фамилиях ассоциация возникает благодаря обозначению по церковному сану отца или хозяина, сын или работник которого получает прозвище, впоследствии ставшее фамилией, например *Prestman* и *Pressman*, *Parsons*, *Parsonson*, *Vickers* от слов *priest*, *parson*, *vicar*, обозначающих приходских священников, с флексией род. п. *s-* (ср. русскую фамилию *Понов*): ср. рукописные формы *William le Prestesson* (1293), *William Prestesman* (1283), *Roger le Persones* (1323), *Roger le Vikers* (1332) (здесь и далее рукописные формы приводятся по [Reaney, 1980]).

От прозвищные фамилии бывают связаны с тем или иным общественно-религиозным явлением. Такие фамилии, как *Abbott* 'Аббат', *Prior* 'Приор', *Dean* 'Декан', *Clark* 'Клирик', *Chaplin* 'Капеллан', могут происходить от прозвищ по свойствам характера или внешности, ассоциировавшихся с церковным саном или должностью. Прозвищный характер таких обозначений виден из рукописных форм *John called Prest* 'Джон, называемый Поп' (1333), *John de Northall called Clerk* 'Джон из Нортхолла, называемый Клирик' (1349). В некоторых прозвищах запечатлено прямое обозначение рода занятий человека или его церковного статуса, например *John Paternostre* 'Джон Чётчник' (где название четок, в свою очередь, происходит от названия молитвы *Paternoster* «Отче наш»), *Sexton* 'Звонарь'.

Темпоральные прозвища с христианскими ассоциациями включают отсылки к церковным праздникам, например *Roger Cristemasse* 'Роджер Рождество' (1190), *Matilda Candelmes* 'Матильда Сретенье' (1379).

Нередко в прозвищах запечатлены названия ролей, которые их носители играли в средневековых календарных карнавалах и мистериях — церковных театрализованных действиях, призванных представить в лицах события Священной истории и ставших непосредственными предтечами театра Нового времени. К таким английские историки фамилий, в том числе Рейни и Коутс, относят, например, фамилии *Cardinal* 'Кардинал', *Pope* 'Папа', *Abbott* 'Аббат', *Bishop* и *Bisp* 'Епископ', *Caine* 'Каин', *Abelle* 'Авель', *Abraham* 'Авраам', *Nycodemus* 'Никодим', *Pilatt*, *Pilot* 'Пилат', *Herod* 'Ирод'; ср. средневековые формы *William Caifas* 'Уильям Каиафин' (1200), *William Herode* 'Уильям Ирод' (1279). Сюда же можно отнести фамилии, образованные от имен добродетелей: *Verity* 'Верность, истинность', *Mercy* 'Милость', *Justice* 'Справедливость', *Peace* 'Мир'.

Наконец, христианские ассоциации присутствуют в благопожелательных прозвищах и прозвищах от «любимых словечек» или восклицаний, например фамилии *Blest*, *Blissett*, *Blessing* 'Благословенный, блаженный', 'Благословение', *Cely*, *Sealey* (от др.-англ. *saelig* 'счастливый, блаженный'); ср. *Alicia Iblessed* 'Алисия Блаженная' (1297), англо-французские *Engelram Wardedeu* (< *warde Dieu*), 'Энгельрам Божья помощь' (1220), *Goodspeed* (< *Godspeede*) 'Бог в помощь', *Simon Helpusgod* 'Саймон Помогите нам Боже!' (1296),

John Godbehere ‘Джон Боже будь здесь’ (1456), *Gilbert Godbiemidus* ‘Гильберт Боже будь с нами’ (1219), *Pardee, Pardew, Depardieux* (< *de par Dieu* < лат. *de parte Dei* ‘ради Бога’).

«Набор» христианских ассоциаций в английских фамилиях свидетельствует о заметном месте, которое занимали клирики в средневековом английском обществе, и о роли церковного календаря, регуливавшего многие стороны жизни этого общества.

Reaney P. H. The Origin of British Surnames. London, 1980.

DOI 10.31168/7996-2700-3.2

Е. П. Андреева

Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
ep-andreeva@bk.ru

Отражение архаических представлений о смерти в лексике вологодских говоров

По мнению О. А. Седаковой, «обращаясь к погребальной и поминальной обрядности и к тому кругу представлений, которые она выражает (смерть, жизнь, бессмертие, душа, доля, предки, “тот” и “этот” свет), мы касаемся самой сердцевины традиционной славянской культуры» [Седакова, 2004, 17].

Согласно данным вологодских говоров, народный ритуал погребения, с одной стороны, основан на православных традициях, с другой стороны, отражает дохристианские представления о смерти. Так, на территории Вологодской области широко распространен устойчивый оборот *хоронять с выносом* ‘хоронить по христианским обычаям, со священником’: «Если священник быў на похоронах, то это называли хоронять с выносом» (Влгд.) [СВГ, 1, 205]. Согласно православному обряду, на лоб умершего возлагается венчик, в руки покойного вкладывается текст с разрешительной молитвой. О соблюдении этой традиции свидетельствуют слова *венок, подорожная* ‘венчик на лоб покойника’: «Пропуск в руки подаёт, а на лоб накладывают венок» (Тот.); «Прежде

на лоб покойнику накладывали подорожную» (Межд.) [СВГ, 8, 91; 7, 104]. Для обозначения понятия 'бумага с текстом молитвы, вкладываемая в руки покойного' в вологодских говорах используются слова *похоронная*, *пропуск*: «Лóжили покойника в грóб. Лóжили ему в рúки похорóнную, лист с тéкстом молíтвы» (Гряз.) [СВГ, 8, 24].

Интерес представляет история лексемы *подорожная*. В словаре Даля это слово фиксируется без помет в значениях 'открытый лист на получение почтовых лошадей', 'разрешительная молитва по усопшем: местами она кладется в гроб' [Даль, 3, 190]. СРНГ [28, 121] отмечает его в значениях: 1) 'написанная на листе бумаги молитва, которую вкладывают в руки усопшего' (нижегор., перм., смол.); 2) 'венчик на лоб покойника' (новг.). Видимо, со временем происходит контаминация понятий 'венчик' и 'разрешительная молитва', что приводит к изменению значения влг., новг. *подорожная*.

По церковным канонам подготовка к смерти предполагает заботу о душе умирающего. С крестьянской точки зрения, необходимо заранее позаботиться о вещественной стороне похорон: «Стáрый я совсём, náдо уж и к смéрти подготóвицца. Да я уж и домовíну себе постройл, и крест смастерíл, и оградú сдéлал» (Верх.) [КСВГ]. Влг. *дом*, *домовíна*, *домовíще* 'гроб' связаны с архаичной славянской мифологемой «гроб — дом умершего» [СД, 1, 553]. Заранее готовилась и погребальная одежда, о чем свидетельствуют устойчивые обороты *смéртная одéжда*, *смéртный úзел*: «Умрú, так смотрí, где у меня смéртной úзёў лёжít» (Тарн.) [СВГ, 10, 55]. На базе отмеченных сочетаний образуется универбат *смéртная*: «Мы с дéдом ужé приготóвляем смéртную-то, чтоб, когда умрём, всё готóво býло» (Влгд.) [Там же].

Народные представления о связи живых с миром мертвых отражают контексты, иллюстрирующие значения слов *блáзнить(ся)*, *малáвить*, *малáнить* 'чудиться, мерещиться, казаться', *поблáзнить*, *поманíть*: «Блáзнилось мне, что муж покойный здесь стоíт, как живóй, и есть прóсит» (У-Куб.) [КСВГ]. М. Н. Власова отмечает, что «по распространенным представлениям, покойные родственники, предки не исчезают бесследно, но продолжают "жить", участвуя в делах семьи, крестьянской общины» [Власова, 1995].

Комментария требует внутренняя форма устойчивого оборота *отдáть плáтьице* 'умереть': «Онá и деветí мéсецей пóсле егó не прожила, тóжо плáтьице отдалá» (Сямж.) [СВГ, 7, 88].

Фразеологический образ, формирующий это значение, отражает народную традицию: отдавать вещи покойника тем, кто провожает его в последний путь. Об этом обычае свидетельствует и фразеологизм *дары покойника* ‘вещи покойника, которые на поминках дарили пришедшим’. Кажется бы, отмеченная традиция соответствует христианским канонам: получивший милостыню должен молиться об умершем. Но в этом ритуальном действии можно увидеть и отголоски языческих верований, согласно которым существует постоянная связь между живыми и мертвыми членами рода. Отметим и фразеологизмы, свидетельствующие об обязанности живых обеспечить умершего в загробной жизни: *купить место* ‘об обычае класть монеты поверх крышки гроба на похоронах’, *окупать гроб (могилку)* ‘об обычае бросать в открытую могилу монеты’ [КСВГ].

В связи с этим интерес представляет употребление влг. *прах* в значении ‘нечистая сила’: «Вездé пра́х выгоня́л дэ́вку-то» (Шексн.) [СВГ, 8, 34]. Л. П. Якубинский, описывая распространение церковнославянизмов в говорах, рассматривает слово *прах* как эвфемизм черта [Якубинский, 1953, 116–117]. Действительно, в вологодских говорах фразеологизмы с компонентом *прах* (например, *надава́ло ко праха́м* (кого) ‘о том, кто пришел не вовремя, некстати’) строятся в основном по общерусским моделям с компонентом *черт*: *пойти́ ко праха́м* — *пойти к черту* (ко всем чертям), *прах но́гу сло́мит* — *черт ногу сломит*. Но внутренняя форма этих фразеологизмов может сохранять и более ранние (дохристианские) представления наших предков о мире. Производное значение ст.-слав. *прахъ* ‘останки, то, что осталось от тела умершего’ дает возможность предположить метонимический перенос значения (‘останки’ → ‘сам умерший’). По словам С. М. Толстой, в отношениях мира живых и мертвых наряду с культом предков «явно присутствует страх перед мертвыми, сознание зависимости от них» [Толстая, 2000, 14]. Отчасти этим объясняется пейоративная окраска фразеологизмов с компонентом *прах* и дальнейшее развитие его семантики: ‘умерший’ → ‘нечистая сила’.

Существовали магические действия, помогающие защититься от покойника, преодолеть страх перед ним: «Пóсле похоро́нья стол, где по́койник лежа́у, прокида́ют, и на стол садíтся тот, кто бо́ится» (Межд.) [СВГ, 8, 83]. Обрядовое действие переворачивания предметов при погребении описано Н. И. Толстым [1995].

В докладе рассматриваются также архаические мифологемы, сохранившиеся в вологодских говорах: «смерть — дорога» (*прóпуск, подоро́жная, похорóнная, на пра́вом пути́, непúтной покóйник*), «смерть — сон, покой» (*высыпáльня, осыпáльня, покóйницкая*), «гроб — дом» (*дом, дóмик, домовiна, домовiще*).

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. URL: <http://gumagic.ucoz.ru/files/abevega>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2006.

КСВГ — картотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ).

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983–2007.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Толстая С. М. Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение. 2000. № 6. С. 14–20.

Толстой Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 213–222.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

А. Е. Аникин

Институт филологии Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия
alexandr_anikin@mail.ru

Из истории русских сибирских диалектизмов: *Wetrenoi Kamen*

Речь идет о выражении, записанном у русских в Якутии академиком Г. Ф. Миллером: *Wetrenoi Kamen* (*Ветреной камень*) ‘камень, обладающий магическим свойством влиять на погоду’ [Müller, 2003, 117, 208]. Оно называет реалию, о которой русские узнали при контактах с якутами (начиная с XVII в.). По-якутски это *sata* — ‘безоар, или безоаровый камень, находимый в желудке или в печени крупных животных и глухаря; по поверью якутов, этот камень, будучи вынесен на открытый воздух в летний знойный день, производит сильный холодный ветер, бурю, дождь и снег, а зимой тепло’, ‘изменение погоды с помощью колдовства’, ‘ветер, вызванный посредством колдовства’ [Пекарский, 2, 2122–2123].

По описанию Миллера, при использовании *ветреного камня* (*sata*) якуты смачивают его водой или свежей кровью и выкрикивают заклятия, надеясь вызвать тем самым грозу, ветер и дождь или (в жаркий день) холодный ветер и дождь [Müller, 2003, 117]. У русских обитателей низовий Индигирки (индигирщиков) было известно слово *самá* (< якут.) ‘камень, осколок метеорита, обладающий, по поверью, магическими свойствами’ [Чикачев, 1990, 160].

Якут. *sata* связано с тюркскими формами типа алт., чагат. и др. *jada* ‘магический камень, силою которого вызывают выпадение и прекращение дождя и снега’ и с монгольским материалом (якут. < (?) монг.): п.-монг. *žada*, *žadu*, калм. *zadⁿ* ‘безоар, камень, с помощью которого вызывают дождь’. В тюркских и монгольских языках это, видимо, иранизм — ср. перс. *žādū* ‘колдовство, волшебник’, авест. *yātu* ‘колдун’ [см.: ЭСРДС, 488–489, с литературой].

Вызывание нужной погоды с помощью магического камня называлось у русских на Индигирке *спускать саму* и производилось большей

частью весной, чтобы снег подмерз и было легко ехать: «Дедушка, крепись, чиво-нибудь да доспей. Сату-ле, чево-ле спусти. Заперлися, не знаем, как до Индигирки добраться» (в рассказе путников, застрявших в дороге из-за оттепели, не чуждый колдовству *дедушка* сумел вызвать *спусканием саты* снегопад) [см.: Чикачев, 1990, 132–133]. Колдовство с помощью *саты* перенято русскими от якутов [Там же].

Выражение *спускать сату* передает як. *satalā-* (< *sata* + суфф. *-lā-*) ‘пускать сату для ненастья, бури’ [Пекарский, 2, 2126]. Еще один способ повлиять на погоду у русских обитателей Колымы назывался *завязать ветер*. Навстречу ветру выставляли женскую одежду. Когда ветер надувал одежду, ее надо было быстро завязать [Богораз, 1901, 53].

У индигирщиков известно также слово *погода* ‘гриб’, которое, несомненно, связано с засвидетельствованным на Колыме представлением о том, что срывание грибов влечет непогоду [Богораз, 1901, 109; Чикачев, 1990, 134, 157]. Сорванный гриб выступает как аналог *ветреного камня, саты*, способный повлиять на погоду. В различных мифопоэтических традициях известны многочисленные примеры взаимосвязи грибов (их роста) и атмосферных явлений [Топоров, 1979, 254; Белова, 1995, 550].

Белова О. В. Грибы // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 548–551.

Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка : в 2 т. 2-е изд. Л., 1958–1959.

Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. Лингвистические исследования / отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1979. С. 234–298.

Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

ЭСРДС — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М. ; Новосибирск, 2000.

Müller G. F. Nachrichten über Völker Sibiriens (1736–1742) / hrsg. von E. Helimski und H. Katz // *Hamburger sibirische und finno-ugrische Materialien*. Bd. 2. Hamburg, 2003.

Н. П. Антропов

Институт языкознания им. Якуба Коласа НАН Белоруссии

Минск, Белоруссия

antropov50@gmail.com

«Облачные» наименования радуги

О связи радуги и облака говорится уже в ветхозаветных текстах, см.: «Я полагаю радугу Мою в облаке <...> явится радуга в облаке <...> И будет радуга в облаке» (Быт. 9: 12–16); «В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя...» (Иез. 1: 28). Поэтому не кажется удивительным, что среди мотивационных моделей наименований радуги, картографированных в *Atlas linguarum Europea*, обнаруживается мотивема (в определенном смысле уникальная) *niage* ‘облако’, которая едва ли не полностью покрывает территорию польского и кашубского языков, с некоторой иррадиацией в географически близкие районы белорусских (три пункта) и украинских (один пункт) говоров [см.: ALE, 1, I.9]. Речь идет, конечно, о лексеме *teczza* и ее диалектных вариантах, ныне образцово представленных в целой серии польских (включая кашубский) лингвистических атласов. Но, разумеется, и в атласах белорусского и украинского языков [см. карты: ДАБМ, № 312; АУМ, 1, № 343; 2, № 355; 3/1, № 127; 3/2, № 132] распространенность континуантов, связанных с польск. *teczza* (имеющих *-н-* в основе, что однозначно указывает на заимствованный характер), значительно выше, чем в [ALE].

Понятно, что одно дело связь радуги и облака как двух разных метеорологических явлений, и принципиально иное — идентичные наименования для двух явлений, так как *teczza* наряду с обычным, широко распространенным *chmura* очень редко и, судя по всему, только в кашубских говорах имеет также значение ‘облако / вид облака (а именно дождевая туча либо результат ее пролития)’, что было зафиксировано польскими словарями уже в начале прошлого века [см.: Karłowicz, 5, 399–400; Warsz., 7, 55]. Однако знакомство с оригинальными источниками, на которые ссылаются эти словари, картину существенно усложняет.

Так, А. Ф. Гильфердинг, к которому отсылает читателя Ян Карлович, в словарной подборке очерка о языке «остатков славян на южном

берегу Балтийского моря» приводит (с отсылкой к «сборнику Прейса») *tancza* ‘дождевая туча’ (в «Донесении...» П. И. Прейса 1840 г. указана ‘туча’ без определения), и оттуда же — *tanga* ‘радуга’ (здесь в скобках Прейсом добавлено: «польск. *tecza*»). Далее Гильфердинг от себя добавляет реконструкцию **tega* (**tecza*) и, таким образом, впервые сводит обе лексемы в одно этимологическое гнездо. Вторая ссылка Карловича (повторена, естественно, в [Warsz.] — из кашубского словаря ксендза Г. Поблоцкого: *tecza* ‘*fala deszczu*’ (в [Warsz.] несколько иначе — *fala deszczowa*) и *tega* ‘*tecza na niebie*’ [Pobłocki, 1887, 101].

За прошедшие со времени этих первых фиксаций полтора столетия по славянским (в том числе, разумеется, и по кашубским) названиям радуги накоплен исключительно богатый материал, а опубликованные результаты его научного осмысления уже можно собрать в небольшую библиотеку. Естественно, интерпретировалась с разных позиций и отраженная в номинациях (польск., кашуб., в.-луж., н.-луж., макед.) семантическая оппозиция ‘радуга’ — ‘облако / туча’ (Б. Речкова, З. Штибер, Н. И. Толстой, М. Киш, В. Борысь и др.). Вместе с тем представляется, что тему нельзя считать закрытой, хотя бы потому, что пока не были предметом обсуждения восточнославянские гапаксы, а именно *туча* ‘радуга’: ст.-бел.: «дал знак <...> тучу або дугу на нбѣ чирвоную и бурнатную, которая се и тепер завжды перед дожчем и по дождчу посполите нахшталт дуги» (1582) [Strykowski, 1846, 415], укр. подкарп. (фиксация конца 1930-х гг., отсутствующая в [ЕСУМ]), а также узколокальные в.-луж. *bogowa tyca* (шесть населенных пунктов на крайней северной диалектной периферии) и, например, болг. диал. *oblaktoxo* (помакское село Демерджик в Ксанти, Северная Греция). Требуется в связи с этим нового осмысления семантическое наполнение праслав. **toča* / **teča*, относительная хронология их диалектного развития и распространения и т. п.

АУМ — Атлас української мови : в 3 т. / гол. ред. І. Г. Матвіяк. Київ, 1984–2001.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы : карты / пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.

ALE — Atlas linguarum Europea. Vol. 1 : Cartes, premier fascicule. Assen, 1983.
Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.

Pobłocki G. Słownikzek Kaszubski z dodatkiem idiotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.

Strykowski 1846 — Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego <...> z roku 1582. T. 1. Warszawa, 1846.

Warsz. — Słownik języka polskiego / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. T. 1–8. Warszawa, 1900–1927.

DOI 10.31168/7996-2700-3.5

М. В. Ахметова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия
malinxi@rambler.ru

Катойконимы в метаязыковой критике: нормативность, традиционность и историчность

В докладе на материале полевых записей, газетных публикаций, а также блогов, форумов и социальных сетей интернета рассматриваются некоторые мотивы, связанные с представлениями носителей языка о языке и касающиеся обсуждения вариантных катойконимов (например, *тамбовцы / тамбовчане* и др.). Осмысление того, какая из вариантных номинаций является «правильной», какую следует употреблять, задействует аргументацию, связанную с представлениями о правильности речи, а также об истории языка, его развитии и функционировании. Высказываемые по этому поводу суждения в целом стереотипны и сами по себе не специфичны для обсуждения катойконимов. На характер полемики часто оказывает влияние коллективная историческая память, в том числе локальная.

Во-первых, метаязыковые рассуждения задействуют критерий (не)нормативности. Те или иные вариантные номинации квалифицируются как речевые ошибки, как проявление недостаточной образованности и сопоставляются с самыми разными отклонениями от условного языкового стандарта (сленг, диалектная речь, просторечие, канцелярский стиль, нарочитое искажение речи), а также с иноязычием. Ср., например, широко распространенную идею о том, что номинации

типа *орловчане*, *тамбовчане* (вместо *орловцы*, *тамбовцы*) появились под украинским или тюркским влиянием, или представление о том, что номинация *улан-удинцы* (вместо принятого в Бурятии *улан-удэнцы*) обусловлена результатом неверного чтения записанного латиницей ойконима *Улан-Удэ* (см. высказывание мэра Улан-Удэ в газете «Информполис», 28.11.2011).

При этом сама по себе оценка вариантных номинаций при помощи их отнесения к разным разновидностям языка и стилям речи не носит абсолютного характера. Так, названия жителей Старой Руссы *рушане* и *старорусцы* в рассуждениях информантов (полевые записи 2017 г.) могут противопоставляться по принципу «народное (разговорное, просторечное, диалектное, “местечковое”) vs. официальное (“официозное”, “канцелярское”)), при этом оценки каждого из элементов данной оппозиции могут быть полярными и зависят как от того, какую из номинаций предпочитает употреблять говорящий, так и от его идеологических установок. Негативный полюс восприятия номинации *старорусцы* как «официальной» состоит в ее оценке как «канцелярского штампа», связываемого с языком советских газет; позитивный — в представлении о том, что именно она должна употребляться в СМИ и публичной речи (в отличие от «просторечной / диалектной» номинации *рушане*). Аналогичным образом суждения о номинации, оцениваемой как «народная», связаны с полярными коннотациями понятия «народ» (для одних носителей языка это малограмотность и невежество, для других народ — аккумулятор национальной культуры).

Во-вторых, значимым оказывается критерий (не)традиционности, который также понимается двояко.

С одной стороны, в соответствии с характерным для наивных рассуждений о языке принципом «стихийного антиисторизма» [Лебедева, 2008, 298] (изменения языка воспринимаются как порча) заведомо «правильными» могут объявляться варианты, возникшие хронологически раньше. Это инспирирует апелляцию к историческим памятникам, классической литературе, произведениям писателей — местных уроженцев (употребление ими того или иного варианта однозначно свидетельствует в пользу его «правильности»), а также к авторитету институций, связанных с хранением и трансляцией коллективной исторической памяти (музеи, краеведческие сообщества и др.). Примечательно, что в связи с этой логикой более раннее происхождение может

приписываться релевантным для говорящего номинациям, возникшим фактически позднее, в XX в., ср.: «до революции вот, в тридцатые, не было “тамбовцев”, были “тамбовчане”» (полевая запись 2013 г.).

С другой стороны, предпочтения говорящего могут подкрепляться обращением к неинституализированной исторической памяти, к словоупотреблению, характерному для родственников говорящего, людей из его круга общения или авторитетных горожан. В этом аспекте критерий «историчности» оказывается нерелевантным; более того, «институты памяти» сами по себе могут подвергаться критике.

Лебедева Н. Б. Метаязыковое сознание участников интернет-коммуникации (общезыковые аспекты) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика / отв. ред. А. Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 297–310.

DOI 10.31168/7996-2700-3.6

А. К. Байбурин

Европейский университет
Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@yandex.ru

ФИО: к истории именной формулы

В письменной традиции досоветского времени было принято именовать человека в последовательности «имя — отчество — фамилия». Такая последовательность применялась в официальной сфере независимо от социального положения и других характеристик личности. Это же правило распространялось на сокращенный вариант именованного — инициалы ставились перед фамилией, но никак не после.

При рассмотрении советских документов бросается в глаза изменение последовательности элементов именной формулы. Прежняя устойчивая последовательность (имя — отчество — фамилия) начинает меняться на новую: фамилия — имя — отчество (ФИО). В Инструкции по заполнению паспортов от 26 января 1933 г. дается следующее разъяснение: «Фамилия, имя, отчество пишутся полностью. Проставление имени, отчества инициалами (первыми буквами) запрещается. Причем

обязательно ранее писать фамилию, а потом имя и отчество» [ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 12, д. 137, 7].

Начиная с Положения о паспортах 1940 г. последовательность становится неизменной: ФИО одерживает безоговорочную победу в официальной сфере. Это, казалось бы, незначительное изменение именной формулы отражало существенное изменение отношения к человеку. На смену индивидуальности и эксклюзивности пришло «списочное именование». В ставших обычными ситуациях перечислений и переключек люди стали различаться не именами, а фамилиями, поскольку в различного рода списках и картотеках обычно принят алфавитный порядок. Этот общий бюрократический тренд характерен не только для советской традиции, но в ней он получил значение императива, распространившись и на неофициальное общение.

Инерция советского написания именной формулы в неофициальном контексте оказалась столь велика, что и в наше время использование ФИО весьма распространено, и не только в канцелярской сфере. Наличие двух вариантов именной формулы привело к тому, что стали изобретаться своего рода правила их применения, которые получают те или иные обоснования: в каких случаях (по отношению к кому) следует применять тот или иной порядок именованья.

Распространенным оказалось представление о том, что формулу ИОФ следует применять по отношению к живому человеку, а ФИО — к мертвому. На одном из форумов можно прочитать: «В правильной русской речи, когда говорится о живом человеке, следует указывать сначала имя и отчество (или сокращенные инициалы), а затем фамилию» [<https://rus.stackexchange.com/questions/51/Фамилия-имя-отчество>]. Ср.: «Есть мнение, что употреблять формат “Фамилия-Имя” допустимо только в списках и на могильных плитах. Во всех остальных случаях — “Имя-Фамилия”» [<http://www.ljpoisk.ru/archive/4703881.html>].

Существует мнение о том, что ФИО следует применять по отношению к «своим», а ИОФ — к «чужим»: «Лет так десять в переписке применяем правило: для российских адресатов после статуса пишем — Иванов И. И.; для экспатов и компаний с иностранными сотрудниками — Иван ИВАНОВ» [<http://www.ljpoisk.ru/archive/8650021.html>].

Для выбора между ФИО и ИОФ значимым становится различие по социальному статусу: «... если дядька крутой, то они (пишут) ИОФ. Если так себе, то ФИО» [<http://www.ljpoisk.ru/archive/8650021.html>].

Вопрос о выборе «правильной» последовательности возникает и в судебных хрониках: «До решения суда — И. И. Иванов, а после — Иванов И. И.» [http://www.ljpoisk.ru/archive/8650021.html]. Ср.: «Журналистам, например, нельзя писать сначала фамилию, а потом имя, потому что такая последовательность используется только в криминальных хрониках» [https://thequestion.ru/questions/849/pochemu-v-grossii-nazyvaya-kogo-to-pishut-snachala-familiyu].

Даже по материалам приведенной небольшой выборки чувствуется, что ФИО остается канцеляризмом, но для выбора конкретной именной формулы актуальными становятся другие соображения. Последовательность ИОФ выбирается для номинации живых, «своих», лиц с высоким статусом, несудимых. ФИО больше подходит мертвым, «чужим», низкого статуса, осужденным. Но при этом можно привести примеры применения ФИО в других контекстах.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

DOI 10.31168/7996-2700-3.7

Е. Бартминьский

Университет им. Марии Кюри-Склодовской
Люблин, Польша
jbartmin@klio.umcs.lublin.pl

Концепт свободы в лексическом поле, понятийной сети и аксиосфере

1. *Свобода* — это нечто большее, чем обычное слово со своим значением, нечто большее, чем понятие в логическом смысле; это культурный концепт с богатыми когнитивными и эмоциональными коннотациями. Понимание всего смыслового содержания такого сложного, многоаспектного концепта требует выхода за узкие рамки структурной лингвистики, а также за рамки понятийного анализа — и обращения к миру идей, следовательно, учета обширного исторического, общественного и культурного контекстов. В докладе мы анализируем смысловые связи концепта «свобода» на трех уровнях — лексическом,

понятийном и идейном, т. е. в семантической системе, тексте и дискурсе.

2. Лексические отношения *свободы* (*wolności*) в лексико-семантическом поле (на парадигматической оси) можно описать, обращаясь к категории гиперонимов (*возможность, состояние, право*), гипонимов (*свобода (swoboda)* ‘личная свобода’, *независимость / суверенность* ‘национальная свобода’), синонимов и антонимов, эндонимов (*панство, народ, человек, гражданин* и др.).

3. Понятийные отношения можно описать на более глубоком уровне, в некоторой степени независимо от лексического выражения (лат. *libertas*, франц. *liberté*, нем. *Freiheit*, рус. *свобода*, польск. *wolność* и т. д.), исследуя фраземы и фразеологизмы, а также текстовую сочетаемость (позицию в «сети слов»). Понятийную сущность концепта можно точно охарактеризовать с помощью филлморовских семантических ролей (субъектов, сфер, границ свободы, свободы как объекта действия и цели стремлений, признаков свободы).

Лексические и понятийные отношения *свободы* остаются в рамках потенции, регулируются самой языковой системой и общественной нормой, а не узусом, т. е. реальной языковой коммуникацией, дискурсивной практикой. Вопрос о том, как функционируют лексема и понятие на уровне дискурса, требует перехода на более высокий уровень описания, на котором языковые и понятийные нормы подчиняются нормам прагматическим, в особенности коммуникативным интенциям и высшим ценностям, которыми обладают участники коммуникации. Этот уровень мы условно называем идейным. Он требует инструментов из сферы критического анализа дискурса.

4. Идейные отношения включают слова и понятия в широкий историко-культурный фон, мировоззрение, общественную систему норм и ценностей. Это открывает обширное поле возможностей. Свобода вводится в различные идейные (даже идеологические) контексты и в конце концов входит в сферу аксиологического выбора. Идейные контексты свободы реализуются в дискурсе в различных вариантах. Диагностическое значение имеют сочинительные фразеологизированные сочетания («коллекции»). Относится к ним, например, определяющая до сих пор канон «левой» идеологии триада *Свобода, равенство, братство* (*Liberté, égalité, fraternité*), которая стала основой для различных лозунгов, имеющих уже иную идеологическую направленность, например *Свобода,*

равенство, независимость — название конспиративной формы деятельности Польской социалистической партии в годы войны (1939–1944); *Свобода, равенство, солидарность* — лозунг рабочих, бастующих в Гданьске в 1980 г.; *Свобода, равенство, толерантность* — лозунг участников «Марша равенства»; *Свобода, равенство, сестринство* — лозунг феминистских организаций. В «Хартии Европейского союза по правам человека» *свобода* включена в один ряд («коллекцию») с *солидарностью* и *безопасностью*. В учении Католического костела *свобода* связана прежде всего с *ответственностью*, в студенческих анкетах — с *демократией* и *справедливостью* и т. д. В западноевропейских языках — немецком, французском и английском — *свобода* относится в первую очередь к человеческой личности, в славянских языках — прежде всего к свободе народа и государства¹.

5. Открываемое или устанавливаемое? В завершение нужно поставить вопрос о том, являются ли сетевые отношения аксиологического типа объективными данными, только открываемыми исследователем, или они, кроме того, им устанавливаются? Мы склоняемся к мысли, что они реконструируются на лексическом и понятийном уровнях, а устанавливаются на уровне ценностей. Обратимся к опыту работы над «Аксиологическим лексиконом славян и их соседей» [LASiS]. Пять концептов, выделенных в ходе заседаний EUROJOS («дом», «Европа», «работа», «свобода» и «достоинство»), не должны были, по замыслу, составлять единый комплекс, планировалось рассматривать их автономно. Однако проф. Хлебда показал — обнаружил! — более глубокие «идеологические» связи между этими концептами. Он обратил внимание на «драматичную актуальность и осязаемую жизненность

---

¹ В [LASiS, 4] свобода связывается со следующими явлениями: в древнеиндийской культуре — со свободным перемещением в пространстве, безопасностью, космической гармонией и под. (*J. Jurewicz*); в древнегреческой культуре — с миром (в оппозиции к войне), Олимпийскими играми, справедливостью, равенством прав, автономией государства и др. (*K. Korus*); в польской культуре — с независимостью народа, солидарностью, личной свободой, достоинством и правами человека (*E. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska*); в русской культуре — со свободой родины и суверенностью государства (*Н. А. Кутина*); в украинской культуре — с гражданскими правами (*Ю. О. Письменная*); в белорусской культуре — с суверенностью государства, гражданскими правами, личной свободой (*Е. Н. Руденко*); в немецкой культуре — с достоинством человека, правовым государством, гражданскими правами, демократией, справедливостью, ответственностью, безопасностью (*J. Janosczyk*); в британской культуре — с правами человека, правовым государством, безопасностью (*A. Gicala*).

выбранных для совместного анализа понятий, с точки зрения так называемого европейского патриотизма», написав:

Почти библейский по своему масштабу исход сотен тысяч людей из Сирии, Ирака и других стран Северной Африки и Ближнего Востока демонстрирует нам, что эта крупнейшая со времен окончания Второй мировой войны миграция населения совершается в пространстве, ограниченном именно этими пятью понятиями. Ведь люди покидают собственный *дом* и отправляются в неизвестное в поисках нового дома. Отправляются, поскольку выгнало их из дома грубое пренебрежение их *свободой*, — и на свободу именно под крышей нового дома рассчитывают. На свободу и *работу* — работу, а не милостыню и не пособие, ведь люди эти не хотят быть на чем-то содержании, а не хотят, поскольку имеют собственное *достоинство*, свою *честь*, нередко демонстрируемую открыто перед камерами европейского телевидения полным укора вопросом: “Разве мы животные, что вы так с нами обращаетесь?”. Этот же вопрос вновь поднимает во всей ее остроте проблему европейских ценностей, т. е. самой сущности пятого из понятий — *Европы* [Chlebda, 2018, 24].

В результате оказывается, что аксиосфера является понятием эластичным, может быть сконструирована извне, по крайней мере в определенном объеме и в определенной степени. Ключевым является обнаружение семантической или прагматической основы для установления связи между концептами и нахождение наррации, подтверждающей включение данного понятия в более широкий понятийный комплекс, в аксиосферу, не столько открытую, сколько заранее определенную. Эта основа может иметь характер не только лингвистический, но также экстралингвистический, ситуативный, прагматический, быть обращенной к истине этической, идейной природы, в лучшем смысле данного термина.

Chlebda W. EUROPA w trzynastu obrazach // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 2 : EUROPA / red. W. Chlebda. Lublin ; Opole, 2018. S. 15–60.

LASiS — Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 1 : DOM / red. J. Bartmiński, I. Bielińska-Gardziel, B. Żywicka ; T. 2 : EUROPA / red. W. Chlebda ; T. 3 : PRACA / red. J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska ; T. 4 : WOLNOŚĆ / red. M. Abramowicz, J. Bartmiński ; T. 5 : HONOR / red. P. Sotirov, D. Ajdaczić. Lublin ; Opole ; Warszawa, 2015–2019.

Пер. с польск. Е. О. Борисовой

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический институт
Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

Тюркско-славянские корреляции в ономастическом ландшафте Оренбуржья

Оренбуржье изначально складывалось на обширных территориях Южного Урала и Приуралья (более 370 тыс. км²) как полиэтничный регион, где непосредственно контактировали диалектные системы не только выходцев из более чем 20 российских губерний, но и тюркских и финно-угорских народов. Смешение «языков и наречий», впервые отмеченное и описанное В. И. Далем, проявлялось в процессах интерференции, которые нивелировались под влиянием русского литературного языка, особенно начиная со второй половины XX в.

Исследование славяно-тюркского взаимодействия в ономастическом ландшафте Оренбургской области показывает разную степень интерференции и трансформации топонимических и антропонимических систем.

Крупные географические объекты, как правило, сохраняют исходное название, за исключением чисто политических переименований: р. *Як* в *Урал* и г. *Оренбург* в *Чкалов*. Ойконимы, образованные от названий рек, например *Бугуруслан*, *Бузулук*, *Донгуз*, *Тугустимир*, *Тюльган* и т. п., в ряде случаев адаптируются в соответствии с новыми моделями: пос. *Айдырлинский* < ст. *Айдырля* < р. *Айдырля*; г. *Оренбург*, г. *Орск* (< р. *Орь* < *Ор*).

Кроме радикальных переименований советского периода, такие топонимы с течением времени модифицируются по нескольким направлениям. Одно из них — образование аппозитивного гетерогена с дальнейшей редуцией славянского или тюркского наименования: с. *Сара* (< р. *Сара*) > *Сара-Петропавловка* (по церкви) > *Сара*; с. *Михайловское* / *Шарлык* > *Шарлык*; р. *Изяк* (*Узяк*) > *Изяк Студенец*, *Изяк Чёрный Отрог* > *Студенец*, *Чёрный Отрог*. Другой путь модификации — ложное этимологическое сближение: название пос. *Берды* < р. *Берды* / *Берда* (башк.) местные жители объясняют как происходящее от *бердо* (деталь

ткацкого станка), а название с. *Шарлык* (< р. *Шарлык*, тюрк.) — от *шарылык*, которые якобы здесь изготавливали в XIX в. [Моисеев, 2016, 362]. Наряду с этим отмечается сосуществование некоррелирующих тюркских и русских наименований (р. *Блява* — *Грязнушка*; оз. *Ялтыр Куль* — *Блестящее*); широко распространено преобразование тюркских топонимов по русским продуктивным моделям, например: р. *Бакалы* > *Бакалка*, р. *Берды* > *Бердянка*, р. *Домбар* > с. *Домбаровка*, р. *Каргала* > *Каргалка*, р. *Кардаил* > с. *Кардаиловка*.

В местах компактного проживания тюркоязычных народов наблюдается сосуществование исконных микротопонимов и их переводов типа *Айьумэйэйшэ* — *Медвежий Угол*, *Казак Койосо* — *Колодец Казаха*, *Морат Бабай Шишмехе* — *Родник Деда Мурата*, *Муртаза-сай* — *Образ Муртазы*, *Татар чиимәсе* — *Татарский родник* и др.

Годонимическая система как официальный класс топонимов ориентирована на русский язык, включая те случаи, когда используются номинации исторически сложившихся частей населенных пунктов, которые также закрепляются в русском переводе, например *Караишнай* — *Еришова*.

Если географическое пространство «присваивается» и осмысливается в определенных языковых координатах, то антропонимические системы во многом сосуществуют достаточно изолированно, более того, наблюдаются активные процессы обособления антропонимиконов, например казахского, за счет возрождения старотюркского именника и насаждения новых традиций именования [Бекасова, 2018]. Однако длительное разноязычное сосуществование в условиях доминирования русского языка способствует появлению многочисленных диминутивов тюркских официальных имен по моделям русского именника, например: *Гузельнька*, *Гузельчка*, *Гузелька*, *Гузелишка*, *Гузелёнок*, *Гузелёночек*, *Гузелёныш* (< *Гузель*).

Смешанность этнического состава населения Оренбуржья приводит к своеобразной контаминации разноязычных слов в составе прозвищ типа *Корноухий Фаткула* (проиграл ухо в карты) или к слиянию генетически неоднородных элементов типа *Габычиха* (именование дочери по отчеству вместо *Габайдулловна*: *Габайдулла* > *Габыч*), *Усманиха*, *Шайтаниха* (имена женщин, мужей которых зовут *Усман* и *Шайтан*), *Файзулёнок* (именование сына по отчеству от имени *Файзула*) и т. п. Подобные прозвища — яркое проявление интерференции

разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имен носителями русского языка как лишенных статуса «чужого».

Таким образом, каждая из ономастических подсистем проявляет разные возможности проницаемости, «перелицовки» и трансформации исконных онимов, естественных и искусственных переименований, что обуславливает формирование многослойности ономастического ландшафта Оренбуржья.

Бекасова Е. Н. Лингвокраеведческий потенциал Оренбургской области // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург, 2018. С. 92–95.

Моисеев Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Оренбург, 2016.

DOI 10.31168/7996-2700-3.9

Марта Белетич

Институт сербского языка САНИ
Белград, Сербия
marta.bjeletic@gmail.com

К изучению происхождения с.-х. *ковиль* ‘*stipa pennata*’

Современные этимологические исследования в большой степени ориентированы на пересмотр существующих этимологических толкований, особенно тех слов, которые еще не получили общепринятого решения. К таким словам принадлежит с.-х. *ковиль* (м. р.), чаще *кóвилье* (ср. р.) ‘*Stipa pennata*’. Данный фитоним имеет соответствия преимущественно в южно- и восточнославянских языках: макед. *ковил*, болг. *ковѝл*, *койл*, *кофѝл*, словен. *kovilje*, рус. *ковыль*, *ковыл*, укр. *ковиль*, *ковилá*, блр. *кавыль*, на основании которых реконструированы праслав. **kovylъ* / **kovylъ*, **kovylъje* [ЭССЯ, 12, 15–17].

Праславянское слово и его единичные продолжения неоднократно становились предметом научного анализа. Выдвинуто несколько «иноязычных» этимологий, например из тур. *kovaluk* ‘род тростника’ [Преображенский, 1, 279] или из лат. *capillata* ‘волосистая (трава)’ [Кобилянський, 1970, 69].

© Белетич М., 2019

Исследователи, предпочитающие говорить о славянском происхождении рассматриваемого слова, в качестве его индоевропейских соответствий приводят, с одной стороны, греч. *καυλός* ‘стебель, ствол, стержень пера’, лат. *caulis* ‘стебель, ствол у растений’, лит. *káulas* ‘кость’, латыш. *kaĩls* ‘стебель, кость’, др.-прус. *caulan* ‘кость’ (Горяев), а с другой — гот. *hawī*, др.-в.-нем. *hewī*, нов.-в.-нем. *Heu* ‘сено’ (Уленбек, Бругман, Леман, Цупица). Последний ряд параллелей указывает на связь праслав. **kovylь* / **kovylь* — прямую или опосредованную — с праслав. **kovati* ‘бить’, причем мотивация германских слов (‘то, что рубят, секут’) отличается от мотивации славянского слова (‘гнушаяся, качающаяся трава’). В формальном отношении слово трактуется как отглагольное производное с суффиксом **-ylь* от **kovati*, как **motylь* от **motati*. Данное толкование является наиболее распространенным [Фасмер, 2, 273–274; БЕР, 2, 511; ЭССЯ, 12, 15–16; ЕСУМ, 2, 484; Bezlaj, 2, 75].

В этимологической литературе внимание обращается и на потенциальную связь праслав. **kovylь* / **kovylь* с глаголом **kovyl’ati* ‘ковылять’ [Miklosich, 1886, 136; Berneker, 1, 594; Skok, 2, 172; ЭССЯ, 12, 15], которую некоторые авторы решительно отвергают [Преображенский, 1, 328; Фасмер, 2, 273–274]. Упомянутый глагол также не имеет единственного толкования: трактуется или как заимствование из фин. *kävellä* ‘идти’ (Погодин), или — в большинстве случаев — как исконное славянское слово. Мнения расходятся и по поводу его словообразовательного членения — некоторые авторы выделяют в нем приставку **ko-* [Matzenauer, 1881, 190; Шанский, 2, 182–183], а другие такое членение фактически оспаривают [ЭССЯ, 12, 15].

Цель настоящей работы — анализ существующих этимологических толкований праслав. **kovylь* / **kovylь*, с особым вниманием к его возможной связи с глаголом **kovyl’ati*, что могло бы пролить новый свет на происхождение этого загадочного слова.

БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев та ін. София, 1962–. Т. 1–.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982–2012.

Кобылянський Б. В. Діалектна лексика у «Слові о полку Ігоревім» // Мовознавство. 1970. № 4. С. 64–73.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1910–1914.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.

Шанский — Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. М., 1963–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1908–1913.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1881. № 8. S. 161–190.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

DOI 10.31168/7996-2700-3.10

О. В. Белова

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

kotmonya@yandex.ru

Смоленские «авдотки» в контексте городского текста и традиционной обрядности

С середины XIX в. в краеведческой и этнографической литературе, посвященной Смоленску, спорадически встречается упоминание о паломничестве, ежегодно совершавшемся белорусскими крестьянами и крестьянками окрестных уездов на праздник Вознесения Господня в Вознесенский женский монастырь. Целью паломниц было, помимо прочего, посещение на монастырском кладбище могилы, надгробие которой было украшено изображением амуров, получивших в местной устной традиции название *каменные деточки* (с ними связаны городские легенды о проклятых или безвременно погибших детях); вокруг этого памятника к концу XIX — началу XX в. сформировался

своеобразный народный культ, поддерживаемый также насельниками монастыря.

Подробное описание происходившего вокруг памятника (обряжение скульптур в детскую одежду, приношение денег, пряжи и кудели), а также высказывания участниц совершаемых там ритуальных практик представил в очерке «Авдотки» (1906) известный смоленский краевед, историк и знаток древностей Смоленска И. И. Орловский (1869–1909) [Орловский, 1906; 2013].

Опираясь на разновременные [Никифоров, 1853; Неверович, 1859, 151–152; Цебриков, 1862, 279–280; Орловский, 1906; 1907, 57; Добровольский, 1914, 2–3, 938] описания паломничества, происходившего на праздник Вознесения (отметим, что, скорее всего, все они восходят к одному первоисточнику — заметке в «Смоленских губернских ведомостях» за 1853 г. [Никифоров, 1853]), мы ставим своей целью проанализировать термин *авдотки* с точки зрения его возможного происхождения, времени фиксации, географии и сферы употребления [см.: Добровольский, 1914, 2–3, 9; СРНГ, 1, 197; ССГ, 1, 60–61; Аникин, 1, 80–81], а также рассмотреть некоторые сюжеты городского текста, связанные с «авдотками», и показать, как традиционные поверья встраиваются в локальный текст и получают «материализацию» в связи с конкретными городскими объектами, способствуя формированию местного городского бренда.

Второй момент, на который мы обратим внимание, — это название праздника Вознесения (*Ушесцье*, *Ушестье*), которое упоминается во всех известных нам публикациях описания паломничества в Смоленск. В ряде источников оно приобретает форму *Умесцье* и впоследствии начинает фиксироваться словарями [Добровольский, 1914, 2, 938; СРНГ, 47, 182; РНК, 447] в качестве самостоятельного хрононима, а именно «местного» названия праздника Вознесения. Наша задача — на основе текстологического анализа источников определить причины появления этого хрононима и установить его фантомный характер.

Перспективы исследования данного сюжета мы видим в том, чтобы постараться найти новый материал, касающийся паломнической практики смоленских «авдоток» (в архивных материалах первой половины XX в. нам пока не удалось обнаружить упоминаний об этом обычае, равно как зафиксировать термин *авдотки* и свидетельства о паломничестве в современной устной традиции),

уточнить, насколько распространена на Смоленщине практика приношений к «святым» местам в память умерших детей и насколько культ из Вознесенского монастыря был известен за пределами Смоленска и в самом Смоленске.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Неверович В. О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского племени, населяющих Смоленскую губернию // Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 год. Смоленск, 1859. С. 123–203.

Никифоров Ф. Об особенностях в г. Смоленске праздника Вознесения Господня // Смоленские губернские ведомости. 1853. № 26–27.

Орловский И. И. Авдотки. (Бытовой очерк) // Смоленская газета. 1906. № 119–120.

Орловский И. И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907.

[*Орловский И. И.*] *В. С-кий.* Авдотки // Смоленские мемории. Вып. 3 : А. В. Жиркевич, И. И. Орловский / сост., коммент. Ю. А. Балбышкин, М. В. Иванов, Л. Л. Степченко ; ред. К. В. Купченко. Смоленск, 2013. С. 245–258.

РНК — *Атрошенко О. В., Кривоцапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингв. словарь. М., 2015.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.

Цебриков М. М. Смоленская губерния. СПб., 1862. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба ; т. 21).

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
smbelyakova@gmail.com

О вторичной сакрализации этнолингвистических феноменов

К этнолингвистическим феноменам можно отнести различные объекты, как имеющие материальную природу, так и абстрактные сущности. Среди последних одно из главенствующих мест принадлежит феномену времени. Это идеальный объект для сакрализации в силу высокой степени его отвлеченности и, вероятно, принципиальной непознаваемости. При этом сакрализуется не только время в целом как глобальная физическая и философская сущность, но и его отрезки.

Н. И. Коновалова определяет сакральный объект как «комплекс ментальных представлений о сверхъестественном, не всегда имеющих воплощение в вербальных знаках» [Коновалова, 2007, 245]. Ниже она подчеркивает, что «и вербализованное сакральное содержание, несмотря на устойчивость, <...> обладает несомненной динамикой, которая определяется как собственно языковыми, так и внеязыковыми <...> факторами» [Там же].

Временные отрезки, особенно связанные с «инициальной магией» (С. М. Толстая), а также терминальные, подвергались сакрализации традиционно-культурным языковым сознанием. И это неслучайно, поскольку «наиболее значимы в оценке времени г р а н и ц ы» [Толстая, 1997, 65], причем «пограничность» отрезков времени может быть и явной, и латентной. Однако в условиях изменяющегося мира и трансформации народной культуры можно предположить определенную эволюцию этих представлений или даже вторичную сакрализацию темпоральных феноменов.

Особый интерес представляет рассмотрение дней недели в качестве таких сакральных этнолингвистических феноменов. Существует закономерность, согласно которой они объединяются в пары, обладают сходством. В христианской традиции это среда и пятница как дни поста

и определенных ограничений женских работ. Однако в настоящее время чаще всего такой парой становятся понедельник и пятница, прежде всего как «тяжелые», неблагоприятные дни.

Изучение современного восприятия данных временных отрезков осуществляется нами на материале «Национального корпуса русского языка» (основной корпус). Рассматривается период 2000–2019 гг.

Названные дни являются границами рабочей недели, поэтому закономерно отмечаемое в ряде случаев особое уточнение: утро понедельника и вечер пятницы. См., например: «Почему-то в пятницу вечером (даже когда тебе полтинник) чувствуешь себя много счастливей, чем в понедельник утром (даже когда тебе двадцатник)» (М. Палей, 2008).

Инициальность понедельника проявляется в традиции начинать что-либо в этот день (особенно так называемую «новую жизнь»), при этом с таким началом, вероятно, также связываются не слишком приятные события или обещания, часто не выполняемые: «Как пить и курить бросить с понедельника?» (А. Битов, 2003).

Временная рамка «понедельник — пятница» в современной культуре оказывается тесно связанной с феноменом бытового пьянства. Конец рабочей недели осознается как возможность «расслабиться», а в понедельник ощущаются последствия такого времяпрепровождения. Это обстоятельство делает названный день еще более «тяжелым». Совпадение 13-го числа с понедельником или пятницей также удваивает их неблагоприятность, поэтому, по распространенным представлениям, в такие дни не следует ничего начинать, отправляться в дорогу и т. п.

Характерны определения к лексеме *понедельник*: *чистый, светлый* (христианская традиция), *черный, кровавый, переломный, пасмурный, скучный, деловой*. Среди эпитетов, сопровождающих наименование пятницы, не только *тяжелая*, но и *черная, чумовая, грязная*. Как видно из примеров, преобладают определения с негативной оценкой.

Традицию обозначать экономические и политические кризисные события сочетанием «*черный* + название дня недели», вероятно, можно считать интернациональной. Однако в последнее время фиксируется сочетание *черная пятница*, которое обозначает отнюдь не кризисное явление, а день распродаж в магазинах, что идет абсолютно вразрез с общей лингвокультурной отрицательной оценкой, порождаемой определением *черный*.

Прецедентные тексты, в которых отмечены номинации данных дней недели, связаны главным образом с советской эпохой, а точнее — с ее кинематографом. Это прежде всего название известного фильма С. Росточкина «Доживем до понедельника» (1968). Кроме того, есть отсылки к известной песенке «Остров невезения» («Видно, в понедельник их мама родила»), которая, в свою очередь, инициировала название еще одного фильма — «Дети понедельника» А. Суриковой (1997). Но если в первом случае отчетливо проявляется семантика надежды, ожиданий, то во втором подтверждается репутация понедельника как фатально несчастливого дня, хоть это и делается в шутливой форме. Инициальность дня проявляет здесь свою амбивалентную сущность.

Еще одним случаем формирования советской мифологии дней недели является название знаменитой повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», где эта фраза становится своеобразным лозунгом людей, увлеченных научной работой.

Таким образом, в текстах постсоветской эпохи частично сохраняется христианская и советская мифология, связанная с днями недели, но в то же время развиваются и новые процессы сакрализации — как бытового характера, так и делового, экономического. Они вызваны главным образом особенностями трудовой деятельности, коммуникации и прагматических установок людей.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.

Толстая С. М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. М., 1997. С. 62–79.

Е. Л. Березович*, О. Д. Сурикова**

*Уральский федеральный университет

**Уральский федеральный университет

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Екатеринбург, Россия

*berezovich@yandex.ru

**surok62@mail.ru

Названия болезней в русских проклятиях*

Проклятия, как правило, имеют устойчивую смысловую структуру и содержат несколько типичных актантов. К ним относятся: объект негативного воздействия (проклинаяемый); предикат — действие, несущее вред проклинаяемому; топос — отдаленное или опасное место, куда должен отправиться проклинаяемый; актор — существо, предмет, явление, которое, по мысли говорящего, должно причинить вред проклинаяемому; время, в которое или на протяжении которого должно исполниться проклятие. С точки зрения лексической реализации наиболее разнообразна категория актора. Ее могут занимать обозначения смерти и ее атрибутов, опасных животных, природных стихий, инородцев, угрожающих орудий, инструментов и др. При этом чаще всего в роли вредоносного актора проклятий выступают болезни и представители нечистой силы.

Доклад посвящен семантико-мотивационной реконструкции наименований одной из этих групп — болезней. Причины, почему образ болезней активно используется в проклятиях, — это страшные симптомы и последствия болезни, иррациональность ее природы для наивного сознания, а также тот факт, что болезни нередко подвергаются антропоморфизации, наделяются свойствами деятельного субъекта.

Самый интересный для исследователя ракурс заявленной темы — это определить, наименования каких болезней оказываются востребованы текстами проклятий. Можно предположить, что отбор наименований во многом отражает народную систему ценностей по отношению

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351).

© Березович Е. Л., Сурикова О. Д., 2019

к болезням, а логика такого отбора позволяет понять, какие недуги считаются наиболее «злостными», «постыдными» и пр.

Поскольку болезни часто воспринимаются недифференцированно, выделяется группа текстов, где фигурирует л ю б а я б о л е з н ь, б о л е з н ь в о о б щ е, называемая словами с корнями *бол-*, *хвороб-*, *хил-*: вят. *Бо́лесь бы его взяла*, краснояр. *Хвороба тебя бери*, сиб. *На те хиль!* (диал. *хиль* ‘хворь, болезнь, немочь, недуг’). Отмечаются также глаголы с генерализованной «болезненной» семантикой: арх., иркут., томск. *Кабы тебя со́скало* (перм., арх., иркут., томск. *со́скаль* ‘одолеть, привести к смерти (недугом, болезнью)’), смол. *Чтоб тебе струпёхнуть* (смол., новг. *струпёхнуть* ‘испортиться, сгнить’), смол. *Чтоб ты стрях!* (смол. *стрихнуть* ‘стать трухлявым; сгнить, истлеть’).

Если говорить о названиях с более конкретной семантикой, то количественно лидируют обозначения в н е ш н и х р а н, п о в р е ж д е н и й и к о ж н ы х б о л е з н е й (а также внутренних болезней, сказывающихся на состоянии кожи и покровов). Среди названий таких болезней есть обозначения чирьев, нарывов, язв и опухолей: перм. *Запихай чирей в ботаны́*, влг. *Поддай тебе господи, сватушке лукавому, три чирья, три вёреда*, яросл. *Провал тебя возьми* (яросл. *прова́л* ‘чирей’), арх. *Волосьи тебе в хайло́* (диал. *волос* ‘гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв’). Встречаются тексты, в которых представлены обозначения лишая, чесотки, сыпи (весьма частотные в гигиенических условиях старой русской деревни заболевания с выразительными симптомами, которые оцениваются как «низкие»): новосиб. *Хвати кого лётна боль*, арх. *Васиха тебе на язык*. Проклятия не могли обойти вниманием недуг, который квалифицируется наивным сознанием как наиболее унижительный, — сифилис: орл. *Чтоб тебе дурная нос отъела*, калуж. *Хранцуз ты огложи!*, смол. *Пра́нец (пра́нцы) тебя заточи (ешь)*. В ряде проклятий упоминается *сиби́рка* (сибирская язва), а также проказа: дон. *И крёмский тебя выломай* (дон. *крёмская болезнь* ‘проказа’).

Следующая по частотности группа наименований болезней, встречающихся в проклятиях, обозначает разные виды л и х о р а д к и (м а л я р и и). Лихорадка считается «сезонной» болезнью (весенней и осенней): арх. *Чтоб тебя вёшница трясла!*, пск. *Листопáдник побери*. Самый выразительный внешний признак лихорадки — тремор: тамб., яросл. *Трясу́чка тебя забери (истряси)*. Эвфемистические названия лихорадки либо указывают на ее злостную, враждебную

природу (вят. *Ворогуша бы тебе*), либо являются задабривающими, поскольку болезнь обозначается производными от слов *кума* и *тетка* (новосиб., томск. *Кумоха тебя (его и т. п.) возьми*, смол. *Чтоб тебя тетюха трясла*).

Еще одна группа названий болезненных проявлений состоит из обозначений острого болевого синдрома — резкой, колющей, «стреляющей», «жмущей» боли. Здесь преобладают существительные с прозрачной внутренней формой, образованные от глаголов *колоть*, *сечь*, *щипать* и др. (ряз. *Колота тебя возьми*, ср.-урал. *Секун тебя засеки*, перм. *Щепота в глаза*), а также слова разных частей речи с корнем *стрел-* (кемер. *Стрель те возьми*, тобол. *Чтоб те стрéлило*).

Заметное место среди наименований болезней, выступающих в проклятиях, занимают обозначения психических и нервных недугов, потери и помутнения сознания. Многие такие заболевания относились к категории постыдных, вели к социальной изоляции, а неадекватность поведения больных вселяла уверенность в их одержимости бесами. В наибольшей степени это характерно для представлений об эпилепсии, эвфемистические названия которой образованы по моделям «своя, родимая болезнь» (смол., орл., ворон. *Роди́мец тебя возьми*), «детская болезнь» (ворон. *Молоденский тебя заберу*), «плохая болезнь» (перм. *Худоба понеси!*). Выделяются также обозначения сумасшествия: онеж. *Чтоб тебя стюшило!* (диал. *стюшить* ‘сойти с ума’). В эту группу входят и названия состояний, связанных с потерей сознания. Они «мгновенны», внезапны и напоминают смерть, потому представляют собой интерес для проклятий: орл. *О́морок (тебя) возьми!*, дон. *Будь он а́мором!* (дон. *падать а́мором* ‘падать без чувств’).

Еще одна группа названий болезней, фигурирующих в проклятиях, обозначает кишечные и желудочные заболевания, тоже воспринимающиеся как постыдные, поскольку они связаны с телесным низом и сопровождаются последствиями, которые обычно трудно скрыть от окружающих. Это понос (смол. *Чтоб тебе мыт пал!*), геморрой (калуж. *Почечуй табе сядь туды*), рвота (арх. *Рви вас кровью и жёлучью*) и др.

Отдельно следует выделить проклятия, в состав которых входят обозначения различных недугов, связанных с *нададой*. Указанная группа невелика, но очень характерна для народной речи, поскольку

здесь представлены названия болезненных состояний, возникающих вследствие непосильного физического труда, поднятия тяжестей и пр. Это надсада как таковая (вгл. *Чтоб ты пун сдёрнул*), а также грыжа (смол. *Грызь тебя ешь лихая*).

В завершение отметим проклятья с обозначениями недугов, мотивировка которых указывает на м и ф и ч е с к и й и с т о ч н и к, причину их появления. Характер недуга здесь не играет определяющей роли, главное в том, что он «наслан», «причинен» кем-то или чем-то (дурным глазом, чьим-то прикосновением, ветром и пр.). Такие проклятья как нельзя лучше отвечают задаче иррационального устрашения. Среди них тексты со словами *причина* «то, что “причинилось”» (курск. *Причина тебя побей*), *притка* ‘болезнь в результате прикосновения’ (новг. *Притка с тобой*), *призор* ‘болезнь от сглаза’ (амур., енис., иркут. *Призор тебя возьми*), *ветрена* ‘болезнь, передающаяся по ветру’ (омск. *Иди ты к ветрене*).

В докладе также будут предложены этимологические решения для ряда «темных» названий болезней, встречающихся в проклятьях: *кулюхá*, *халина*, *сивера́* и некоторых других.

DOI 10.31168/7996-2700-3.13

М. В. Боброва

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия
bomaripgu@yandex.ru

«Портреты» грызунов в современных пермских прозвищах*

Прозвища крайне привлекательны для исследований в русле современных антропоцентрических тенденций в языкознании, так как способны отражать фрагменты языковой картины мира номинатора, в частности носителя обыденного (наивного) сознания.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)».

Перспективно, в частности, изучение различных лексико-семантических групп слов, служащих «донорами» для таких онимов. В настоящем докладе изучены современные прозвища жителей Пермского края, образованные на базе наименований грызунов — самого крупного отряда млекопитающих. Эта группа включает около 140 номинаций (всего в нашем архиве около 5 000 единиц), из которых мы ограничимся 118 именованиями русских.

Изученные прозвища образованы на базе общего (родового) названия *грызун* (1 прозвище) и наименований 11 представителей данного отряда: мыши (28), крысы (21), белки (18), хомяка (16), суслика (14), тушканчика (7), бобра (9), дикобраза (2), бурундука (1), лемминга (1). Помимо основных лексем и их словообразовательных вариантов (типа *мышь* — *мышка*, *хомяк* — *хомячок*), в антропонимах обнаруживаются «вариации» (произвольные мутации форм слов), для которых характерна повышенная экспрессивность, ср.: *Беличка* ‘нежное от *Белка*’, *Бобрюша* ‘прозвище маленькой дочери, от фамилии *Боброва*’, *Мыша* ‘женское ласковое обращение’ и т. п.

Замечено, что в названиях отражаются индивидуальные признаки номинируемых объектов, выделяющие последние из ряда подобных (действие принципа относительной негативности, открытого В. А. Никоновым на базе топонимии, но, безусловно, справедливого для всей русской ономастической системы). Можно утверждать, что аналогичным образом выстраиваются мотивационные связи между объектами: номинации транслируют такие признаки ассоциируемых с номинантом предметов, которые выделяют последние, специфичны для них. Суммировав манифестированные признаки, можно реконструировать лингвокультурный образ («портрет») предмета, более или менее регулярно используемого в качестве мотивационной базы, а далее — говорить о мотивационных «сюжетах» и «героях».

Обратимся к «сюжету с животными» и укажем признаки грызунов, послужившие ассоциативному сближению наименований этих животных, с одной стороны, и людей, получивших прозвища, с другой. Остановимся на «портретах» наиболее востребованных «героев».

Мышь. Прозвища отражают такие признаки мыши, как окрас шерсти, размеры тела, особенности поведения (в том числе звукового), ср.: «*Мыша* — серые, как у мыши, волосы»; «*Мышка* — за маленький рост»; «*Мышь* — учительница, строгая слишком» и др. Кроме того,

встречаются отфамильные именованья (ср. *Мыша* от *Мышенков*, *Мышь* от *Мошенникова* и т. п.). Обобщая признаки: мышь — это небольшое животное серого цвета, крайне осторожное и пугливое, часто незаметное, способное издавать писк; мышь безвредна либо, наоборот, способна причинять вред, но незаметно для окружающих.

Крыса. Актуализированы такие признаки, как форма мордочки и отдельных ее частей, размер и форма зубов, особенности поведения, особенности биологической активности, ср.: «*Крыса* — острое лицо»; «*Крыса* — маленькие острые зубы»; «Он ночью работал — его *Крыса* и прозвали»; «Очень вредная и похожа на крысу внешне» и др. По данным прозвищ, крыса — животное с острой мордочкой, острыми мелкими зубами, вредоносное и агрессивное (дикое животное) или безвредное и неагрессивное (домашний питомец), осторожное, ведущее ночной образ жизни.

Белка. Актуализированы такие признаки, как размеры тела, окрас шерсти, особенности поведения, особенности движений, ср.: «*Белки* — прозвище двух подружек-одноклассниц. Они обе миниатюрные, небольшого роста»; «*Белка* — прозвище старосты, появившееся на одной из первых пар физкультуры: рыжие волосы, мелькающие между деревьями, напоминают лесного грызуна»; «*Белка* — ворует еду и убегает» и др. Помимо этого, экспрессивно-оценочным (ласкательным / уменьшительным / ироничным) прозвищем *Белка* регулярно наделяются одноклассники, близкие знакомые, друзья номинаторов, обладающие фамилиями с компонентом (чаще радикасом) *бел-*: *Беляева*, *Белозеров*, *Белобородова*, *Белоусова* и т. п. Прозвища транслируют образ белки как существа неагрессивного и милого, которое отличается небольшими размерами, рыжим (светлым) окрасом, подвижностью и стремительностью движений и которое быстро скрывается, схватив еду.

Образы наивного сознания лишь частично отвечают научному описанию. «Портреты» грызунов отражают доступные непосредственному наблюдению, специфичные для животных внешние и поведенческие особенности — и утрачивают неспецифичные (так, крупные верхние резцы теряют статус атрибута, не востребуются интеллектуальные возможности).

Планируется сравнение полученных «портретов» с данными «Славянских древностей» и «Русского ассоциативного словаря», отражающих традиционную и современную русскую культуру.

М. А. Бобунова

Курский государственный университет
Курск, Россия
bobunova61@mail.ru

Роль словарей языка фольклора в изучении русской народной культуры

Словари языка фольклора, над созданием которых работают курские лингвисты, являются надежной базой для изучения народной культуры, отраженной в фольклорном тексте. Покажем это на примере конкордансов необрядовой народной лирики, записанной в разных регионах России. Материалом для конкордансов был выбран авторитетный в научном отношении свод «Великорусские народные песни» [Соболевский]. Конкорданс как словарь регистрирующего типа не содержит толкований, однако исчерпывающе включает все контексты употребления каждой лексемы, что позволяет исследователям выявить характерные синтагматические связи любого слова и на основании этого определить его семантическую структуру.

Для анализа возьмем прилагательное *сладкий*, которому в [СД] посвящена самостоятельная словарная статья. «Сладкий — вкусовая характеристика, символизирующая позитивные свойства: “приятный”, “красивый”, “желанный”, “любимый”, “добрый”, “счастливый” и др. <...> Воплощением сладости служит прежде всего мед (ср. общеслав. “сладкий как мед”), а также варенье, сахар, конфеты, изюм и другие сухофрукты, подслащенная вода» [СД, 5, 33].

В русской необрядовой лирике перечень определяемых существительных выглядит следующим образом (приводим слова в алфавитном порядке): *вишенья, водка / водочка, грушица, губы / губки, елинушка, малина / малинка, мед / медочек, поцелуй, пряник / пряничек / пряничик, яблоко / яблочек / яблочко, яблонька, ягода / ягодка, ягода изюм-виноград, ягода малина / малинка, ягодка виноградка, ягодка изюминка*. Как видим, данный список, включающий названия кушаний, напитков, фруктов и др., в целом соотносится с представленным в этнолингвистическом словаре, при этом у прилагательного в фольклорном тексте реализуются

разные значения: ‘имеющий вкус, свойственный сахару, меду’, ‘вкусный, приятный на вкус’, ‘доставляющий удовольствие, наслаждение’.

С опорой на конкордансы можно выявить наиболее употребительные и широко распространенные в песенном фольклоре конструкции. Как оказалось, чаще всего и повсеместно (во всех анализируемых конкордансах) зафиксирована пара *сладкая водка (водочка)*, которая нередко получает дополнительную характеристику (*анисовая, вишневка, вишнебочка, развишнебочка, наливочка*): «Я за тем столом дубовым / Сладку водочку пила, / Сладку водочку вишневку» [Соболевский, 4, № 466]; «Во пиру была, во беседушке, / Я не мед пила, я не патоку, — / Сладку водочку, наливочку» [Там же, 2, № 404].

Вторую позицию занимает атрибутивная конструкция *сладкое яблоко*, расширяющаяся за счет эпитетов *наливчатый, рассыпчатый* и *черносливчатый*: «Я во садике была, / Сладки яблочки рвала, / Все наливчатая, / Черносливчатая» [Там же, 5, № 384].

На третьем месте по частотности находится пара *сладкий пряник*: «Я допреж к тебе хаживал, / Зелено вино к тебе нашивал, / Сладких пряников из кармаников» [Соболевский, 4, № 492]. *Пряник* (‘фигурное, рельефно-фигурное или орнаментированное изделие из теста на меду с пряностями’ [СД, 4, 334]) является значимым для славянской культуры артефактом. В разных песенных традициях обращается внимание на вкусовые качества этого продукта, для приготовления которого используется мед, а в курских и архангельских песнях с помощью определений подчеркивается и «география» (*замосковный, московский, ярославский*) указанного лакомства, которое обычно использовалось в качестве гостинца или подарка: «Молодой парень за девушкой ходил; / Он не так ходил — гостинчики носил, / Гостинчики — сладки прянички на меду» [Соболевский, 5, № 566]. Данная функциональная особенность пряников отражена в этнолингвистическом словаре, где отмечается, что молодым людям и девушкам в знак любви нередко дарили такое изделие с соответствующими надписями [СД, 4, 334].

Атрибутивная пара *сладкий мед* занимает четвертую позицию: «Мне ли на пиру не бывати, / Будет пива и вина не пивати, / Будет сладкаго меду не кушивати, / С миленьким по садику не гуливати!» [Соболевский, 5, № 129].

Остальные конструкции используются реже и фиксируются обычно в песнях одной-двух губерний, например: *сладкая яблонька*

(Сарат.), *сладкая грушица* (Влг.), *сладкие сливочки* (Вят.), *сладкие губы* (Курск., Самар.), *сладкий поцелуй* (Сиб.).

Сладкий — это показатель радостной, счастливой, благополучной жизни. Неслучайно в песнях атрибутивные пары с прилагательным *сладкий* включаются в сравнительные конструкции типа: «Уж я младого в уста целовала, — / Будто сладкаго меду испивала» [Соболевский, 2, № 384]; «Какова сладка малинка, — / Таково мне, молоденьке, / Со младым-то мужем жити» [Там же, № 368].

Полагаем, что словари языка фольклора, подтверждающие наблюдения этнолингвистов и заставляющие задуматься над конкретными языковыми фактами, будут полезными для исследователей народной культуры.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Соболевский — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1902.

DOI 10.31168/7996-2700-3.15

Е. Д. Бондаренко

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

jelena.kazakowa@gmail.com

Системные отношения в наивных словарях диалектоносителей*

Предметом изучения в докладе являются особенности лексикографического отражения наивными лингвистами отношений лексической системности (полисемии, синонимии, антонимии и др.). Материалом для анализа стали 20 авторских словарей диалектоносителей (преимущественно по территории Русского Севера, реже — Урала).

---

* Работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

© Бондаренко Е. Д., 2019

Наивная лексикография характеризуется тесной связью автора с читателем и более яркой прагматической установкой автора, чем научная объективированная традиция. Отсюда некоторые особенности отражения системных отношений в словарях «местных слов», составляемых диалектоносителями.

П о л и с е м и я. Ориентируясь на свое лингвистическое чутье, лексикографы отражают в словарях случаи многозначности, ср. *оболванить* ‘остричь волосы, обмануть кого-то’ (всюду сохранены авторские дефиниции. — *Е. Б.*); *тяпушка* ‘жидкая грязь’ и ‘мешанка из толокна, простокваши или с ягодами, или без них’. Авторы некоторых словарей приводят пометы, касающиеся сферы бытования различных значений слов (ср. *катавасия* ‘когда певчие хора сходят с клироса и поют в храме; в просторечии — неразбериха или шум’), или формулируют механизм формирования переносного значения, ср. *Иродиана* ‘наложница правителя Галилея Ирода Антипы. Ее имя стало синонимом нравственной распущенности и жестокости’.

Чаще всего в качестве переносных значений авторы наивных диалектных словарей приводят экспрессивы, обозначающие характеристики человека и его действий, ср. *кокора* ‘коряга, занудный человек’, *шваль* ‘мусор, плохое что-то, может быть, человек’, *гильгать* ‘звон ездовых колокольчиков; смешить, проказить, балагурить’. Это связано с общей установкой наивных лексикографов на фиксацию экспрессивной лексики.

С и н о н и м и я. Факты синонимии могут быть организованы в словарях диалектоносителей в виде микрогрупп, ср. *домовое, откопное, отвальное* ‘уход в армию’ (единой дефиницией объединяются все синонимические лексемы); *надрызгался, нарезгался, напился до обуха, до упора, пьяный в дымину, в стельку* (без дефиниции). Авторы могут отражать в словаре оттенки значения синонимичных лексем, ср. *другоряд* ‘в следующий раз’, *надругорядку* ‘потом (между делом)’. Синонимы могут не объединяться специально, а просто располагаться друг за другом в списке слов, ср. *кутаться* ‘в одеяло закрыться’ и *замоталась (в плед)* (без дефиниции); *на закорки* ‘загрибок’ и *на кукарешишка покатай* ‘сзади на плечах, детей’.

Особым образом осмысляются наивными лексикографами факты междиалектной синонимии. Это происходит в случаях, когда диалектоноситель тесно общается с носителями другого говора и стремится

отразить в своем словаре не только оппозицию «местное — городское», но и «местное₁ — местное₂». Ср. осмысление междиалектных различий, наблюдаемых между *вятчанами* и *вохмяками* (жителями бассейна р. Вохма), в словаре В. П. Криулиной, которая приводит оба известных ей обозначения реалии (*клеть* и *сельник*, *шаньги* и *колобы*, *колобенница* и *конек* и др.).

В авторских словарях отражаются также явления «ситуативной» синонимии (ср. *куделька*, *прииск* — *Асбест*) и «диахронической» («эстафетной») синонимии (ср. *кабак* — *сентросприт*, *урядник* — *милиционер*, *волось* — *сельский совет* и др.).

На осмыслении явления синонимии основана классифицирующая стратегия дефинирования в наивных диалектных словарях, ср. *лопоть* ‘белье’, *баской* ‘красивый’, *нонче* ‘сегодня’. В толкование авторы могут помещать не один синоним, а синонимический ряд, ср. *бахилы* ‘сапоги, бродни, большая обувь’, *бычатъ* ‘надуться, упрямиться, глядеть угрюмо’. Встречаются случаи толкования диалектного слова через диалектный синоним, ср. *прихехе* ‘дроля’, *приушомкалось* ‘приутихло’, *набазулились* ‘навадились’, а также — чаще — слова литературного языка через литературный синоним, ср. *намедни* ‘недавно’, *угомонился* ‘успокоился’ и др.

Часто синонимические дефиниции получает экспрессивная лексика, в подобных случаях лексикограф нередко приводит в толковании ряд контекстных синонимов, ср. *гоношить* ‘торопиться, шевелиться, работать с увлечением, двигаться, собирать, приносить’.

Реже в наивных диалектных словарях встречаются факты антонимии. Авторы могут приводить антонимы в ряду других слов единой тематической группы: ср. *хавос* ‘мусор’, *хавосить* ‘мусорить’, *хавосник* ‘человек’, *грязаво*, *красаво* ‘красивое’, *наряжунья*, *козырять* ‘модничать’. При этом толкование слова *грязаво* восстанавливается читателем из следующего за ним *красаво* ‘красивое’. Микрогруппы могут создавать в словарях случаи «ситуативной» антонимии, ср. *ведро* ‘хорошая погода’ / *няша* ‘жидкая грязь’, *отвально* ‘угощение на проводах (в армию)’ / *привально* ‘угощение при возвращении’.

Наконец, в словарях диалектоносителей отражаются гипонимические отношения. В единый блок авторы помещают согипонимы, а в дефиницию — гипероним, ср. *шаньги*, *налитки*, *наливушки*, *сочни*, *рыбник* ‘пироги’. Нередко гипероним отсутствует,

подразумевается автором как толкование к обозначенным лексемам, ср. *уздечка, хомут, оглобли, дровни, уздечка, вожжи* (без дефиниции); *матка* ‘мать’, *батька, братан* (без дефиниции).

DOI 10.31168/7996-2700-3.16

Е. О. Борисова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
liska5@yandex.ru

Способы выражения мотива непригодности в диалектных обозначениях медлительных людей*

Быстрота и медлительность редко воспринимаются носителями традиционной культуры абстрактно, изолированно от конкретных действий и процессов, обладающих «нормативной» скоростью и временем совершения. Как следствие, человек, склонный к быстрым или медленным действиям, оценивается с позиции его полезности в трудовой деятельности, и если оценка быстрого работника неоднозначна («быстро, ловко» vs. «кое-как, наскоро»), то медлительный человек воспринимается, как правило, резко негативно. В докладе мы опишем некоторые примеры реализации мотивов неполноценности, бесполезности в русских диалектных обозначениях человека, работающего с низкой скоростью, — начиная с тех, в которых данный мотив просматривается наиболее отчетливо.

Метафорические номинации, уподобляющие медлительного человека объекту низкого качества: волг. *чадо с дымом* ‘о нерасторопном, непригодном к делу человеке’, челяб. *обабок кислый* ‘медлительный, небойкий, нерасторопный, тихий’, арх. *неразвезная квашня* ‘о медлительном, неповоротливом человеке’, смол. *горелый блин* ‘о том, кто плохо или вяло работает’ и т. д.

Фразеологизмы, образованные по модели «не А не В» и «ни А ни В»: волг. *не бздит не горит* ‘о том, что совершается медленно,

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

© Борисова Е. О., 2019

не спеша', сиб. *ни тять ни потять* 'о бестолковом, нерасторопном человеке', влг. *ни тяжёлого поднять, ни высокого достать* 'о неумелом, нерасторопном человеке', перм. *не куёт не мелет* 'не предпринимает никаких действий; медлит, мешкает': «Хотели пить чай, чайник уж поставили, а она чё-то не куёт не мелёт» и под. Ср. также дон. *не три, не мни сухие ремни* 'о медлительном, нерасторопном человеке', казан. *не из кúзова в короб* 'о нерасторопном и ненаходчивом человеке': «Не из кúзова в короб ворочится».

Производные от неопределённых местоимений (ср. разг. *никакой* 'никуда не годный, никудышный'): свердл. *некто́шный* 'вялый, неповоротливый, неловкий': «Это хто нектошный какой, вялый, так понтоуха», перм., свердл. *некуда́ка* 'ленивый, нерасторопный человек': «Некудака она у меня, все из рук валится».

Метонимические номинации, мотивированные негативными и экспрессивными обозначениями частей тела: арх. *гáча* 'неповоротливый, медлительный человек', арх. *каньгá* 'о человеке, медленно бредущем в обуви слишком большого размера', влг., арх., свердл., перм., курган., тобол., хакас., краснояр., прибайк., сиб., забайк. *пахору́кий* 'медлительный, неловкий, неумелый', вят., яросл. *безля́двый* 'ленивый, непроторный'. Интересно в связи с этим отметить арх. *пакля́га* 'нерасторопный, неумелый человек': «Я заставил его работать, а у него не клеится — вот и пакляга». Н. В. Галинова выделяет в структуре данного слова архаичный префикс *па-* и корень **klek-* 'клонить', отмечая, что среди дериватов **klek-* есть формы, в которых представлен звонкий *-g-*: рус. диал. *кляга* 'ножное колено', 'бедро человека или животного' [Галинова, 2000, 132]. Именная приставка *па-*, которая может выражать значение неполноты, неполноценности, позволяет назвать арх. *пакля́га* в ряду лексем, мотивированных обозначениями плохо функционирующих частей тела.

Ряд номинаций, объединённых мотивом каритивности (неполноты, недостаточности), продолжают *недо-о-при-ставочные* образования: калуж. *недодви́жимый* 'ленивый; медлительный' и калуж. *недодви́га* 'ленивый или медлительный человек' (ср. новосиб. *недосту́пная лошадь* 'плохо, медленно идущая лошадь; лошадь с коротким шагом'), пск. *недоспéх* 'человек, отстающий в работе', перм. *недокуме́нный* 'ленивый; медлительный' (ср. перм. *недокуме́ть* 'недопонять'), свердл. *недола́док* 'глуповатый, нерасторопный

человек'. Описываемая модель продуктивна среди метафорических номинаций, которые основаны на обозначениях степени готовности пищи: *недопéка* тюмен., тобол., калуж., пск., смол., ряз. 'неумелый, нерасторопный и несообразительный в работе человек', яросл. 'нерасторопный, медлительный человек' и ряз. *недопéкий* 'нерасторопный; несообразительный', арх., влад., костр. *недовáренный, недovaréнный* 'вялый, медлительный, неуклюжий' и влг. *недовáра, недovarыш* 'медлительный, нерасторопный человек' и др. Значение 'нерасторопный человек' фиксируется также у свердл. *недоты́комка* наряду с прочими негативно-экспрессивными характеристиками человека. Корень *log-* (*log-*) с приставкой *недо-* представлен рядом фонетических вариантов: пск. *недолу́га* 'неопрятный, медленно работающий человек', смол. *недолу́жный* 'нерасторопный; неумелый': «Такому работающему мужу попала недолужная жена», без указ. м. *недолу́ка* 'неумелый, неуклюжий человек'; ср. также рус. лит. *недолéнга* 'нерасторопный, неловкий человек, растяпа': «Ну и недоленга ж ты».

Наконец, наиболее объемную группу составляют *н е-п р и с т а в о ч н ы е* о б р а з о в а н и я: арх. *непопáда* 'о неловком, неуклюжем, нерасторопном человеке', 'о лошади', влг., костр. *неварéнный* 'неловкий, медлительный человек, делающий все плохо, неаккуратно' и др. Обозначения такого рода содержат указание на отсутствие качества, необходимого для быстрой работы, или отрицание способности делать что-либо быстро: прост. *нескладёха* 'бестолковый, нерасторопный, нескладный человек', урал. *незары́вный* 'медлительный', влг. *нехóдкий* 'медлительный, неповоротливый', яросл. *невладéлый* 'неловкий, неповоротливый', рост., рус. лит. *невдалый* 'нерасторопный; неловкий, неповоротливый': «Невдалый малец, куды ни пошли, так сзади иди». Может эксплицироваться идея бесполезности нерасторопного человека: яросл. *непрóкий* 'вялый, медлительный человек' (ср. яросл. *непрóкий* 'бестолковый, ни к какому делу не способный' и без указ. м. *непрóка* 'о том, от кого нельзя ждать проку, не будет толку, пользы'). При этом бесприставочные варианты могут отсутствовать, ср. брян. *негéглый* 'нерасторопный, бездеятельный; бестолковый': «Этый человек сусим негеглый» (т. е. совершенно никуда не годный), влг., перм., урал., сиб., том. *нету́лика* 'вялый, нерасторопный, медлительный человек' (при отсутствии *тулика, *геглый) и мн. др.

В докладе рассматриваются также некоторые этимологически темные слова, ср. влг. *неу́хлый* ‘нерасторопный, медлительный’ — на фоне влг., ленингр. *ни́хлый* ‘вялый, флегматичный’, арх. *ну́хлый* ‘медлительный, вялый’, *ну́хлый* арх. ‘вялый, сонный’, карел., новг., арх. ‘робкий, застенчивый’.

Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.

DOI 10.31168/7996-2700-3.17

И. А. Букринская*, О. Е. Кармакова**

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

*irbukr@gmail.com

**okarmakova@list.ru

Элементы традиционного похоронного обряда в современной русской деревне

Похоронно-поминальный обряд достаточно хорошо изучен в восточнославянской традиции, назовем лишь две обобщающие монографии: О. А. Седаковой [2004] и В. Конобродской [2007]. Подробная схема всех необходимых при погребении действий дается в первом из названных трудов [Седакова, 2004, 85–94]. Традиционный похоронный ритуал в современной деревне отличается хорошей сохранностью, поскольку связан с культом предков и осмыслением важнейшего для народной картины мира события — перехода в иной мир. Этот обряд выполняет две главные функции: 1) оказать уважение умершему, помочь ему преодолеть границу между «этим» и «тем» миром; 2) оградить живых от разрушительного воздействия смерти.

Назовем те составляющие обряда, которые сохранились в современной деревне (по материалам экспедиций 2002–2016 гг. в разные регионы Центральной России). Так, повсеместно одежду для погребения (как правило, новую) готовят заранее. Во Владимирской области шьют

из тюля *сáван* — женский погребальный головной убор; в других обследованных нами регионах женщин хоронят в платках. После смерти, случившейся дома, обмывают и одевают покойного обычно пожилые женщины, но не из числа родственников. Две ночи перед погребением (хоронят по христианской традиции на третий день) следует читать молитвы у тела умершего, причем их читают *монашки* — пожилые вдовье женщины. В гроб покойнику кладут предметы, которые «могут понадобиться»: очки, расческу, носовой платок, мужчинам в Архангельской области кладут головной убор. Иногда добавляют вещи, чтобы «их передать» ранее умершему. Во Владимирской области сразу после смерти открывают дымоход, чтобы душа могла спокойно вылететь. В Нижегородской области в день похорон перед выходом из дома родственники едят сами и «кормят» покойника. В деревнях русско-белорусского пограничья (Витебская и Псковская обл.), если в доме кто-то умер, надо зарезать курицу или петуха, «чтобы из дома кто-то с хозяином ушел», и сварить *пóливку* — поминальную еду (суп). На следующий день после похорон ее несут на кладбище.

Раньше был обязательным и повсеместным обрядовый плач, который сопровождал покойного с момента смерти и до погребения, но в настоящее время остаются лишь его реликты: упоминания обрядового плача были записаны во Владимирской, Вологодской, Нижегородской обл. Лингвистическому ландшафту глаголов, обозначающих обрядовый плач, посвящена статья [Букринская, Кармакова, 2014].

Первая встреча и подача милостыни, *тайная милостыня*, одаривание всех участников похорон — действия, призванные облегчить путь покойного в иной мир [Букринская, Кармакова, 2018]. Поминальная трапеза в день похорон обычно бывает и на могиле, и в доме. На могиле поминают хлебом, кутьей или чем-то сладким, на поминках в доме блюда и их количество варьируют в зависимости от территории, но везде принято ставить прибор для покойного.

К охранительным обрядам относятся: занавешивание зеркал, переворачивание предметов, на которых стоял гроб, запрет отдавать что-либо из дома, чтобы не было еще одной смерти; также нельзя обгонять похоронную процессию, переходить ей дорогу и смотреть на нее в окно, после похорон в Вологодской области было принято мыться. В большинстве областей, например во Владимирской, покойника выносят не раньше 12 часов дня, после выноса моют пол от двери к окну.

На севере, в Белозерском районе Вологодской области, перед гробом идет плакальщица и разбрасывает крупу.

В южнорусских землях после выноса покойника быстро закрывают двери, а в могилу до сих пор бросают *желтые деньги* — для выкупа места. После похорон «сорок дён няльзя в избе мух бить», чтобы не убить «душку» (Воронежская обл.).

Приведем рассказ, записанный от библиотекаря Н. Ю. Козыревой, 1948 г. р. (д. Зяблицы Варнавинского района Нижегородской обл., запись 2002 г.):

Покойника обмывают // воду / ее выкидывали / где недоступно человеку // хоронят на третий день // обязательно причитать // Вот у меня соседка / мы ходили за ягодами / у неё муж болел // она в лесу тренировалась //

Готовили еду // кутья / супы / второе / третье // Родные должны перед тем как понести / покойника покормить и сами поесть // Расческа / носовой платок лóжат // Схоронят покойника / идут и в каждый дом на крылечко лóжат // на все четыре стороны (поминальную еду) / если сорок домов не хватит / кладут на колодец // 20 дней необязательно (отмечать) / 40 день отобедали // и на 9 и на 40 день читают молитвы //

Когда везут на кладбище — первая встреча // Платок или белый материал собирают / туда хлеб / соль / спички / нитки / иголочка / луковица / сахарку // Такой обед накрывают и с иконкой идут впереди всех // И кого первого встречают / тому отдают // Он принять должен // первая встреча // Лáпочки кидают колёчие / чтобы он не вернулся / никого не забрал.

Как видно из приведенного материала, традиционный ритуал похорон сохранился достаточно хорошо, однако семантика обряда частично утрачена.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Глаголы со значением ‘исполнять похоронный обрядовый плач’ в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. 2013 : материалы и исслед. / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2014. С. 74–83.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Реликты архаической картины мира в русских говорах: подаяние милостыни // Славянский мир: язык, литература, культура : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Г. Широковой / редкол.: М. Н. Ремнева и др. М., 2018. С. 51–53.

Конобродської В. Поліський поховальний і поминальні обряди. Етнолінгвістичні студії. Т. 1. Житомир, 2007.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Т. Н. Бунчук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Сыктывкар, Россия
tnbunchuk@mail.ru

***Где тесно, там и место:*
к вопросу об этимологической семантике слова**

Выявление этимологической семантики слова, безусловно, представляет собой размышления в гипотетическом ключе и требует определенной осторожности в выводах. Сложность в том, что этимологическая семантика, являясь конструктом, выведенным на основе сопоставления данных родственных языков, как правило, выражает элементарное основание номинации — признак, действие и т. д. Однако значение этимона еще не смысл слова, за которым стоит концептуальное понимание действительности в древности. Такое, условно говоря, «протопонимание» реалии, отраженное и закрепленное в слове, можно квалифицировать как «протосемантику» — семантический объем слова, сформировавшийся на основе этимологического значения исходного корня и сам ставший впоследствии основой для семантического переосмысления. В анализе «протосемантики» важен учет древнейшего мировидения, так как в глубине исторического прошлого языка и культуры можно обнаружить исходное концептуальное понимание явления и импульс для его дальнейшей интерпретации в культуре языкового коллектива.

Слово *тесный* можно отнести к разряду важнейших знаков культуры. Это слово и его многочисленные производные в русском языке (*теснота, теснить, тесниться* и др.) выражают общий признак 'такой, в котором мало свободного места, простора; расположенный близко, вплотную'. Теснота предстает как явление преимущественно негативное, так как доставляет объекту, на который направлено проявление признака, неудобство и даже мучение, вызывает отрицательные чувства вследствие отсутствия простора для движения, дыхания, желания и т. п. (ср. диал. *теснить* 'мучить (животных)' [СРНГ, 44, 93]).

Значение этимона *тесный* связано со сжатием, давлением: корень *тесн-* из **tēsknъ* родственен слову *тискать* 'давить, двигать' [Фасмер,

4, 51, 62], что подтверждает представление о тесноте как состоянии, при котором на объект оказывается давление, вызывая у него чувство скованности.

Теснота возникает из-за скопления в одном месте множества (кого-или чего-л.), она свойство этого множества: диал. *теснота* ‘о скоплении народа’ [Даль, 4, 450], *тесно* ‘в большом количестве, много’ [СВГ, 11, 21]; *теснотиться* ‘собираться где-л. толпой, толпиться’ [СРНГ, 44, 93]. Это состояние, с одной стороны, дает чувство надежности, опоры (ср. *тесный круг друзей*), с другой стороны — вызывает чувство ограниченности в противоположность простору, который мыслится как отсутствие ограничения. В свою очередь, ограничение может восприниматься как насильственное лишение, недостаток, в том числе и материальных благ (ср. *стеснённый в средствах*).

При всей очевидности представления тесноты в виде уплотнения множества за счет лишения пространства обращают на себя внимание языковые факты, которые заставляют по-иному взглянуть на ее образ в древней культуре.

Понимание тесноты отталкивается от восприятия простора / пространства, образуя с ними квазиантонимическую пару. В свою очередь, по наблюдениям В. Н. Топорова, понятие «пространство» формируется посредством понятия «место» (от *mět-to < *moit-to) и может трактоваться как «сбитое», «стиснутое», «уплотненное» [Топоров, 2004, 103], внутри которого находятся люди, «населяющие это “место” и имеющие заинтересованность в нем» [Там же, 27]. И главное — место «по определению немисливо без его границы» [Там же, 28], которая очерчивает контуры места и одновременно ограничивает его «распространение / распозание» в пространстве. Это наблюдение позволило В. Н. Топорову сделать вывод о том, что вся история цивилизации определяется тенденцией «к собиранию <...> в “место”, <...> разного и розного в цельное единство, некогда “природного” в выстраиваемое “культурное”, <...> рыхлого и аморфного в плотное и крепкое» [Там же, 104]. Место в таком случае предстает как окультуренный мир человека, огороженный (стесненный) границей и противопоставленный простору — ничем не ограниченной, дикой пустоте.

В таком случае теснота выступает главным признаком места (*Где тесно, там и место* [Даль, 4, 450]), а диалектные слова *теснотить* (*бабу*), *тискаться* ‘обниматься, совершать половой акт’ [СРНГ, 44,

93, 136] высвечивают древнюю семантику корня, который выражал представления о сжимании как о действии по созданию места, произведению и воспроизведению человеческого мира.

В таком понимании устройства вселенной становится очевидным, что теснота (уплотнение, ограничение, в том числе и социальное ограничение — закон, порядок) выступает признаком человеческого / окультуренного места в противоположность простору (неопределенности и отсутствию ограничений, а значит, дикости и отсутствию порядка): *Деньги держи в темноте, а дочь-невесту в тесноте* [СРНГ, 44, 93]; *В тесноте люди песни поют, а на просторе волки воют* [Даль, 4, 450] и др. Теснота в таком случае может выступать символом человеческого общества, мира — людей, собранных в одном месте и объединенных изначально причиной родства, а позже и иными социальными связями (*мир тесен*). И только в тесноте, в собрании своих можно быть своим и свободным: *Хотя тесно, а лучшие все вместе* [Там же]; в свою очередь, *быть на просторе* (диал.) — это ‘находиться отдельно, в одиночестве’ [СРНГ, 32, 250].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983–2007.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Топоров В. Н. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)* / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2004. С. 12–106.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
mvalent@mail.ru

Об одном архаическом мотиве: «Твои горы (дом, дети) горят!»*

Среди вербальных апотропеев в славянской демонологии достаточно редкой надо признать формулу, в которой женскому мифологическому персонажу (далее МП) сообщают о том, что его дом (дети) в огне, дети плачут. Две составные части формулы (горящий дом и плачущие дети) могут выступать и отдельно друг от друга.

Большая часть данных (записи XIX–XXI вв.) относится к региону Восточных Карпат, где мотив чаще всего выступает в связи с запретом женских домашних работ: прядения, тканья, стирки и особенно золения в определенные праздники. В качестве МП выступают демонологизированные святые, память которых празднуется в запретный для работы день: Варвара, Савва (часто ассоциируется с женским именем и объединяется в один хроним *Сава-Варвара*), Люция, — а также персонифицированные дни недели: Среда, Пятница, Неделя.

Примеры таких формул: *Савы-Варвары, Варварскы горы горят!* — Варвара сразу же ушла, приговаривая: «Йой боже, та то мої діти горят!». Известен подобный сюжет и о Середи [Вархол, 1982, 289]; *Ой, Пятниця, осияньцька гора горит!* — после чего Пятница убегает с криком: «Та там мої діти згорьат!» [Левкиевская, Толстая, 2009, 632]; *Hory Savianskije i Varvarskije horiat* «Горы Савианские и Варварские горят» (Вышняя Радвань, округ Медзилаборце; словац.) [AT ŪEt SAV]; *Hury, leši horia, i Lucovo dzeci pohoria!* «Горы, леса горят, и дети Люции погорят!» — отчего Люца убежала прочь (Будковице в Земплине; словац.) [Ibid.].

Аналогичный мотив известен и для защиты от ястреба, таскающего кур; увидев его, кричали: *Гей, астрабова хижа горить!* — но, а астреб

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (рук. С. М. Толстая).

вже шіол гет дому позерати, же ці праўда (Руски Грабовец, округ Собранце; словац.) [ПМ]; *Круть-круть, крутило, бий-бий железо, ястрабова хижа горить!* (Убля, округ Снина; словац.) [Там же].

В русском предании о демоне-Середе женщина спасается тем, что кричит в окно: *На море Серединские дети погорели!* [Афанасьев, 1, 242–243].

Усеченный мотив «твои дети плачут» находим в некоторых других контекстах. Например, при лечении детской бессонницы произносили: «Зоря зорьница красная девица твои дети плачут гулять хотят, мой дитя плачет спать хочет дай покой» (Лукино) [Знатки, 450].

Мотив отмечен также у литовцев: «Женщина говорит, что на восточной (западной) стороне слышно, как кого-то бьют и плачут дети (говорит, что небо падает / изба загорелась), — лауме выбегают из избы» [Кербелите, 2001].

Согласно В. Н. Топорову, этот мотив относится к «основному» мифу [Топоров, 1981; 1984; 2004], к той его части, где речь идет о наказании за измену жены Громовержца и/или ее детей. В частности, мотив горящего дома разработан «в особой версии “основного” мифа, претендующей на особую самостоятельность: женщина, мать детей, в запретный день для стирки (пятница) все-таки стирает, вступая в контакт с двумя противоположными стихиями — водой и огнем (через употребляемую при стирке щелочь) (т. е. золит белье. — М. В.), и после стирки уходит; оглянувшись, она видит дом, в котором остались ее дети, объатым пламенем...» [Топоров, 2004, 54].

Известна «энтомологическая» версия основного мифа, в которой жена Громовержца, кодируемая образом божьей коровки, выступает в сюжете небесной свадьбы в виде солнцевой дочери (ср. укр. *соне́чко*, блр. *сонейка*, *солнышка*, чеш. *sluněčko*, в.-луж. *šlyńčko* ‘божья коровка’). Образ этот ассоциируется с положительным началом, но одновременно сохраняет следы трансформаций отрицательного женского персонажа, жены Громовержца [Топоров, 1981, 281–282], например в контексте «темы наказания огнем» в ряде фольклорных текстов: н.-луж. *šlyńčko, slyńčko, letkaj domkaj, twoja budka se pali, twoje źižetka plaku* «божья коровка, лети домой, твой дом в огне, твои дети горят» [Там же, 283]; *Šluńcko, šluńcko, lěškaj domoj. Twoja budka se pali. Žižetka su ognju!* «Солнышко, солнышко, лети домой. Твой дом горит. Детки в огне!» [Терновская, 1993, 52].

«Мотив горящих детей, наказанных за некий грех матери (“не свои” дети) или за нарушение запрета, хорошо известен как в ряде версий основного мифа (например, на Балканах, где обнаруживаются и другие важные параллели в этом же сюжете), так и в некоторых литературных текстах с мощным архетипическим слоем» [Топоров, 1981, 283–284].

Более далекие отголоски мотива «детей солнца», в котором под «детьми» понимаются земные люди, можно видеть в восточнославянских приговорах — при встрече весны: «Солнышко-ведрышко! / Выглянь в окошечко, / Твои детки плачут, / Есть-пить просят...» или когда небо заволокут тучи: *Выглянь, солнышко! твои детки плачут* [Афанасьев, 1, 521, 743], в детских закличках: *Сонечко-сонечко! виглянь у виконечко; твои дитоньки плачуть, йистоньки хочуть* (укр.) [Номис, 1993, 54].

Этот мотив, уже вне связи с основным мифом, входит в арсенал мотивов других жанров мифологической прозы в славянских и балтийских традициях, где люди и демоны морочат, обманывают друг друга.

Устойчивость рассмотренного архаического текста и его символики (огонь, дети, дом, плач, наказание) свидетельствует о его мифологической и аксиологической важности, а трансформации и вариации мотива способны дать материал для изучения функционирования мотивов в мифологической прозе.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 1. М., 1994.
Вархол Н. Жінка-демон в народному повір'ї українців Східної Словаччини // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. 1982. Т. 10. С. 229–262.

Знатки, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере / ред. А. Б. Мороз. М., 2012.

Кербелите Б. Типы народных сказаний. СПб., 2001. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kerbelite1.html>.

Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Параскева Пятница // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2009. С. 631–633.

Номис 1993 — Українські приказки, прислів'я, і таке інше / укл. М. Номис. Київ : Либідь, 1993.

ПМ — Полевые материалы автора, собранные в русинских селах Восточной Словакии в 2014 г. (Убля, Руски Грабовец, Руска Быстра) и 2018 г. (вместе с М. Н. Толстой; Улич, Стриговце, Убля и др.).

Терновская О. А. Божья коровка, или Ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов / отв. ред. С. М. Толстая, Т. В. Цивьян. М., 1993. С. 41–55.

Топоров В. Н. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в перспективе Основного мифа // Балто-славянские исследования. 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1981. С. 274–300.

Топоров В. Н. К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете «*Latvju dainas*» (к 150-летию со дня рождения Кр. Барона) // Балто-славянские исследования. 1984 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1986. С. 29–59.

Топоров В. Н. Об отражении некоторых мотивов «основного» мифа в русских детских играх (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // Балто-славянские исследования. Вып. 16 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004. С. 9–64.

AT ŪEt SAV — Archiv textov Ūstavu etnológie SAV (Bratislava, inv. č. 48).

DOI 10.31168/7996-2700-3.20

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав)*

Для объяснения происхождения фразеологизма *собаку съел* (на чем, в чем) ‘кто-л. является знатоком чего-л., имеет большой опыт в чем-л.’ существует много версий. Представляется возможной дополнительная аргументация в пользу одной из них.

В «Словаре русской фразеологии» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой в качестве формальной аналогии для русского фразеологизма приведена латинская поговорка *Linguam caninam comedit* (букв. «язык собачий съел») ‘о том, кто разглагольствует без меры и без устали’

---

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

© Варбот Ж. Ж., 2019

[СРФ, 538]. В русской диалектной речи зафиксирован вариант фразеологизма *собаку съел* со значением, тождественным латинской поговорке: нижегор. *собаку сожрал* (кто-л.) ‘умеет поговорить, занять разговором кого-л.’ [СРНГ, 39, 139]. В основе латинского и русского диалектного фразеологизмов лежит представление о собаке как о самом шумном, «брехливом» (к месту и не к месту) домашнем животном. Из семантики умелого говоруна вполне вероятно развитие значения ‘умелец, знаток чего-л.’. От лексемы *собака* как наиболее значимого элемента фразеологизма образован русский глагол *насобачиться* ‘навыкнуть’ [Даль, 2, 472]; см. об этом глаголе [СОфЛ, 193]. Но собачий лай связан еще и с собачьими сварами, поэтому существует также диалектное (перм.) употребление фразеологизма *собаку съест* в значении ‘сильно выбрать, выругать кого-л.’ [Прокошева, 2002], а соответствующий глагол *насобачиться* значит также ‘вдоволь набраниться’ [Даль, 2, 472].

Перенос семантики фразеологизма на одну из составляющих его лексем (точнее, ее производное), представленный в рассмотренном соотношении фразеологизма *съест собаку* и глагола *насобачиться* в обоих его значениях, произошел, вероятно, и в фразеологизме *ни зги (не видно)*. В говорах Красноярского края записан текст: «Ты две-три баржи нагрузишь — в глазах темно. Идешь домой, ни рук, ни ног не *зга-ешь*»; значение глагола составители словаря толкуют как ‘ощущать’ [СКК, 2, 122]. Как и в случае с фразеологизмом *съест собаку*, значение фразеологизма *ни зги* пережило расширение: ‘ничего не видеть’ → ‘ничего не чувствовать, не ощущать’, а вследствие этого производный от *зга* глагол *згать* получил значение ‘ощущать’.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М., 1955.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

СКК — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края : в 5 т. / под общ. ред. О. В. Фельде, С. П. Васильевой. Красноярск, 2003–2010.

СОфЛ — Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М., 2003.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии : историко-этимологический справочник. СПб., 1999.

Е. Н. Варникова

Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
e-varnikova@yandex.ru

**Из истории русских кличек лошадей
(по данным переписных книг
вологодских монастырей XVI–XVII вв.)***

Доклад посвящен историческому аспекту зоонимики, совершенно не разработанному в настоящее время. На материале зоонимических данных переписных книг вологодских монастырей XVI–XVII вв. рассматриваются факты истории русских кличек лошадей. Выявляется лексический состав старорусских гиппонимов, определяется семантика онимов и апеллятивов, от которых они образованы, анализируется структура кличек лошадей, описываются способы зоонимообразования. Собранный материал сопоставляется с зоонимикомом московской «Росписи лошадям» 1665 г. (Г. Ф. Одинцов).

В использованных источниках отражается процесс формирования лексической базы русской гиппонимии. Основными группами слов, от которых образуются старорусские клички лошадей, являются:

- названия внешних признаков животных: цвета шерсти и отметин на основной масти (*Белогуз, Белокрыл, Звездуха, Седой, Синюха*), степени упитанности (*Глаткой, Житкой, Круглышка, Мякота*), особенностей телосложения (*Вислоух, Горбунъ, Долгуша, Крутогуз, Лобанъ, Нископерада*), возраста (*Стар*), физических недостатков (*Гнилобокуша, Корноух, Хромуша*);
- названия особенностей нрава и поведения животных (*Визгуша, Добрыня, Лягунья, Толкунъ, Тыркунъ*);
- нейтральные и экспрессивные агентивы — наименования лиц по этническим признакам (*Башкирец, Колмак*), территориальным (*Галечанинъ, Каргопол, Новгородец*), социальным (*Бобыл, Князекъ, Новожил, Холон*), профессиональным (*Водовозъ, Воевотка, Поп, Трапезница*), возрастным (*Девка, Девочка, Молодка*), поведенческим (*Дира, Заворуй, Лодыга, Мозоха, Подуруй, Шилохвость*);

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

- названия животных других видов (чаще названия птиц: *Воробей, Гагара, Орел, Синица*);
- антропонимы (*Аника, Вавила, Власко, Спиридон, Пановская*);
- топонимы (*Бориловской, Боровской, Великорецкой, Скопинь, Самара*);
- названия предметов (*Гудок, Заплата, Копыл, Ожегъ*), и др.

Интерпретация некоторых кличек представляется затруднительной или неоднозначной: *Воротинец, Зыпка, Натекa, Опалиха, Харчевка* и др.

Сопоставление зоонимических данных описей вологодских монастырей с материалами московской «Росписи лошадям» обнаруживает почти полное соответствие семантических моделей кличек животных: выделяются одинаковые группы гиппонимов, различающиеся количественным составом и лексическим наполнением. Интегральная часть кличек, отмеченных как в вологодском, так и в московском зоонимиконах, дает представление об основном репертуаре гиппонимов старорусского языка: *Воробей, Дворянка, Девка, Заплата, Медвѣдь, Медвѣдко, Рыкуша, Тонкой, Частоступ, Шарапъ*.

Старорусская зоонимия, так же как современная, отражает профессиональные (или иные, но в данном случае — профессиональные) предпочтения номинаторов: среди рассмотренных кличек встречаются образованные от лексем, непосредственно связанных с монастырской действительностью: *Детеныш, Поп, Просвирня, Трапезница*. Особенностью монастырской зоонимии XVI–XVII вв. является также отражение в кличках лошадей имен лиц, внесших вклад в хозяйство того или иного монастыря: *Домнинской, Засодемской, Лягушкинская, Мумарин, Пановская*.

По своему лексическому составу старорусская гиппонимия почти полностью совпадает с древнерусской антропонимией, что может свидетельствовать об их генетическом единстве. Языческие имена, исчезнувшие из активного употребления к концу XVII в. и уступившие место заимствованным христианским именам, продолжали в это время активно использоваться в зоонимической функции. Вместе с тем в источниках XVI–XVII вв. в роли кличек животных начинают появляться христианские антропонимы, получившие к описываемому периоду широкое распространение. Таким образом, можно утверждать, что вслед за сменой именника в русской антропонимии такая смена произошла и в зоонимии.

Основными структурными типами старорусских гиппонимов являются зоонимы, имеющие субстантивную форму (*Афонка, Самара, Башкирец, Заворуй, Гудок, Воробей, Гагара, Заплата, Краснокрыл, Кривохвост, Желтоусиха*); зоонимы, имеющие адъективную форму (*Вахромеевской, Домнинская, Боровской, Глушицкая*), и составные наименования (*Воевооткина сестра, Просвирнина доч*). Эти типы характерны для кличек лошадей, выбранных как из вологодских, так и из московских документов; различия связаны с количеством зоонимов, соответствующих тому или иному типу.

В роли гиппонимов, зафиксированных в монастырской письменности XVI–XVII вв., преимущественно используются готовые номинативные единицы, случаи создания формально новых лексем для именования животных немногочисленны (*Гнилобокуша, Клопоедина, Лыскабрынка, Обнимало, Рыкуша* и др.), причем зоонимы, как правило, образуются по суффиксальным моделям агентивной и антропонимической лексики. Основными способами зоонимообразования являются онимизация апеллятивов (иногда на метафорической основе), субстантивация имен прилагательных (часто субстантивация, как и в других ономастических классах, выступает в качестве «движущей силы» зоонимообразования), трансонимизация антропонимов и топонимов.

Близость старорусской зоонимии и древнерусской антропонимии по лексико-семантическим, структурно-словообразовательным признакам не только позволяет рассматривать зоонимикон XVI–XVII вв. как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании, но и во многом объясняет «антропонимоподобный» (В. И. Супрун) характер современной русской зоонимии, а также активное использование в настоящее время в качестве кличек животных личных именований. Эти явления, как оказывается, имеют глубокие исторические корни.

В. Л. Васильев, Н. Н. Вихрова

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия
vihnn@mai.ru

Топонимика и археология: аспекты взаимодействия*

Изучение древней лингвоэтнической истории, исторической географии региона требует учета материалов и выводов разных исторических дисциплин. Безусловно полезным видится сотрудничество топонимики и археологии, так как обе дисциплины обращены к объектам на местности, имеют дело с ареальными явлениями и заинтересованы друг в друге. Лингвистам, изучающим процессы сложения регионального топонимического ландшафта, необходима опора на вскрываемое археологами культурно-историческое присутствие в регионе древнего населения, равно как и на сравнительно точные датировки событий и вещей, разработанные в археологии. В свою очередь, для археологов важны в топонимии подтверждения их выводов о путях миграций и распространении народов, оставивших материальные следы в виде археологических памятников и культур, особенно в том, что касается этноязыковой атрибуции археологически прослеживаемого древнего населения.

Лингвисты-ономакологи, занимающиеся древними географическими именами, охотно прибегают к работам археологов, нередко предваряя свои топонимические штудии обзором историко-археологических выводов. Порой кажется, что лингвисты готовы отдать приоритет археологам даже в собственно языковых вопросах, — см., например, мнение о преждевременности решения вопроса об этиологии множества гидронимических балтизмов в Ленинградской и Новгородской областях, поскольку присутствие балтов на Русском Северо-Западе «не находит достаточного подтверждения в работах археологов» [Агеева, 1989, 201].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) (18-00-00838).

© Васильев В. Л., Вихрова Н. Н., 2019

Напротив, большинство археологов либо вообще не учитывают топонимические исследования лингвистов, либо упоминают их вскользь, ради частной иллюстрации. Так, в ежегодно публикуемых (с 1980-х гг.) выпусках археологического сборника статей «Новгород и Новгородская земля. История и археология» ссылок на лингвистические труды почти нет. Лишь в редких случаях археологи в полной мере отдают должное топонимике, привлекая исследования топонимистов или обращаясь к анализу географических имен самостоятельно: таковы, в частности, отдельные публикации В. В. Седова (например, [Седов, 1980]). Кроме того, есть примеры равноправного успешного взаимодействия представителей двух наук. В связи с этим отметим плодотворное сотрудничество лингвиста А. С. Герда с петербургскими археологами В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым с целью выявления устойчивых историко-культурных зон на Русском Северо-Западе, результатом чего стало появление двух коллективных монографий и серии совместных статей.

Разумеется, необходимость сотрудничества двух наук продиктована сложностью предмета, но каждая наука имеет свой суверенитет и должна отстаивать его. Выглядит справедливым наблюдение, что «в чисто лингвистических вопросах исторические аргументы обычно приводят к ложным заключениям <...> Лингвистические проблемы должны решаться прежде всего чисто лингвистическими способами» [Trubetzkoy, 1936, 92; цит. по: Крысько, 1998, 86]. Столь же самодостаточны аргументы и методы археологии.

Действительно, мы обычно ищем сходства в конфигурациях ареалов археологических культур и ареалов разного рода топонимических моделей, но таких удачных случаев обнаруживается немного. Несходства наблюдаются гораздо чаще. Так, балтийская топонимия кучно обнаруживается на широте Великого Новгорода и севернее, тогда как ареал культур штрихованной керамики, приписываемой древним балтам, археологи обыкновенно проводят не севернее широты озера Селигер (к северу от Селигера говорят о пространстве текстильной керамики древних финно-угорских этносов). Очевидно, что лингвистический аргумент в данном случае более весом, нежели археологический: наличие многих балтизмов близ Новгорода и Волхова прямо свидетельствует о давнем присутствии здесь балтоязычного населения, которое археологи традиционно не улавливают (за некоторым исключением). Археологические культуры, как известно, бывают

полиэтническими (скажем, в сложении псковско-боровичской культуры длинных курганов VI–IX вв. участвовали финны, балты и славяне), и уже только на этом основании не стоит ожидать ареальных совпадений.

Выводы археологии, как правило, привлекаются при исследованиях массивов водных имен в регионе. Это позволяет сопоставлять именно ареалы явлений, тем более что гидронимы, относящиеся к крупным и/или линейным объектам, обычно не знают точечной локализации. Но взаимно полезным является и атомарное сопоставление фактов археологии и топонимии применительно к отдельно взятым локасам. В этом отношении прослеживается два подхода: от топонима к археологическому объекту и от археологического объекта к топониму.

В первом случае географическое название служит ориентиром для поиска археологического объекта в регионе. Зачастую именно топонимия способствует обнаружению древних городищ, селищ, могильников, святилищ. С первой половины XIX в. в первую очередь стали изучать те места в приновгородской округе, которые отмечены характерными именами: *Перынь* (считавшееся святилищем Перуна), *Волотово* (где, по местной топонимической легенде, были погребены древнерусские богатыри-волоты), сопка, известная в народе как *Могила Гостомысла*, *Холопий Городок* на Волхове, *Коломцы* на Ильмене (зная, что *коломы* означает на могильник).

Топонимия помогает вести на местности целенаправленный поиск объектов, интересных археологам. Так, название *Городок* закреплено более чем в полусотне мест Новгородской и Тверской областей, и в тех *Городках*, где велись археологические изыскания, всегда находили следы древних селений или захоронений. Топонимы со словом *княжий* (*Княжее Село*, *Княжья Гора*, *Княжна-Гора*, или *Княжья Гора*) локализуются в местах скопления археологических памятников. Потенциально важны для археологии не только многие урочища и селения с «говорящими» названиями типа *Бдыни* (к др.-рус. *бдын* ‘бдение над покойным’), *Вельско-Волосько*, *Городище*, *Городцы*, *Жальники*, *Коломно*, *Людцик*, *Могильно*, но и места с ранними названиями древнерусского облика, которые удостоверяют давнюю освоенность округи (*Миголощи*, *Раглицы*, *Теребуново*, *Уницы*, *Хутынь*).

Второй путь — от археологического объекта к топониму — нацеливает исследователя обратить внимание на (микро)топонимию вблизи

памятника археологии, поискать в данной местности ранние названия и по возможности подкрепить этимологию неочевидных названий указанием на обнаруженные здесь археологические древности. Например, название деревни *Кострони* в Новгородской области получило приемлемое объяснение от др.-рус. *костърь* 'укрепление, башня' ввиду того, что вблизи деревни было открыто средневековое укрепленное городище.

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // *Вопр. языкознания*. 1998. № 3. С. 74–93.

Седов В. В. Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов и археология // *Перспективы развития славянской ономастики* : сб. ст. / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М., 1980.

Trubetzkoy N. Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1927. Bd. 13. S. 88–97.

DOI 10.31168/7996-2700-3.23

Н. В. Васильева

Институт языкознания РАН
Москва, Россия
vasileva-natalia@yandex.ru

Безымянность как категория ономастики: металингвистические заметки

Относится ли безымянность к концептуальному и терминологическому полю ономастики? С одной стороны, А. К. Матвеев, обсуждая термин *аноним*, писал, что «он обозначает не группу собственных имен, а отсутствие имени, его неизвестность, безымянность и находится вне ономастической рубрикации. Поэтому бессмысленны термины *анонимика, *анонимия. Нельзя изучать то, чего нет» [Матвеев, 2005, 8]. С другой стороны, литературоведами все же предлагается обобщающий термин для интерпретации фикциональных текстов, построенных на безымянности как поэтической доминанте, а именно:

© Васильева Н. В., 2019

Anonymastik — «нулевой» коррелят литературной ономастики [Stiegler, 1994, 279]. Таким образом, безымянность сродни морфологическому нулю, и есть основание для того, чтобы описать категорию безымянности как особое терминологическое поле в рамках кластерного (сбранного по различным полям) словаря терминов литературной ономастики.

Как нам уже доводилось писать [Васильева, 2009], у лингвистов, которые так или иначе обращались к проблеме безымянности, возникало желание видоизменить это русское слово, освободить его от груза общеупотребительности и тем самым терминологизировать, приблизить к термину *имя*. То есть сделать так, чтобы *имя* четче зазвучало внутри термина, имя отрицающего. Поэтому предлагались формы *безыменность* [Фужерон, 2001] и *безымение* (устное сообщение С. Е. Никитиной).

Для структурирования концептуального и терминологического поля безымянности представляется целесообразным сначала объединить безымянность / анонимность в единый семантический комплекс, а затем выделить различные виды безымянности в текстах. Таких видов получается три, и образно их можно назвать ликами безымянности: безымянность как неимение имени (безымянность₁, ср. *безымянная речка*), безымянность как незнание имени (безымянность₂, ср. *безымянные герои*) и безымянность = анонимность, т. е. сокрытие имени (безымянность₃, ср. *анонимный звонок*). Достаточно очевидно, что безымянность становится категорией только в связке «имя ↔ безымянность». Если исходить из того, что у безымянности три лика, а переходы в тексте возможны как от имени к безымянности, так и от безымянности к имени, то мы получим шесть вариантов переходов, т. е. «безымянность_{1,2,3} → имя» и «имя → безымянность_{1,2,3}». С этих позиций наречение именем, например, является переходом «безымянность₁ → имя», а текстовая интродукция персонажа с называнием его имени адресату — переходом «безымянность₂ → имя». Такое структурирование концептуального пространства безымянности в фикциональных текстах позволяет не только точнее охарактеризовать безымянность как текстовую стратегию, но и привести в некоторую систему термины и различные выражения, которые используются в филологических трудах при рассуждениях о безымянности, ср. *умолчание имени, отказ от имени, неназывание по имени (nomina sunt odiosa* [ср.: Безродный, 1994]), *криптоним, псевдоним, аллюзия* и др.

Безродный М. В. Об одном приеме художественного имяупотребления: *nomina sunt odiosa* // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Тверь, 1994. С. 157–164.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М., 2009.

Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 5–10.

Фужерон И. Имя и «безыменность» как прием расстановки сил и выражения авторского отношения к персонажам (на примере рассказов В. Гроссмана) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. докл. междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2001. Ч. 2. С. 153–157.

Stiegler B. Die Aufgabe des Namens. Untersuchungen zur Funktion der Eigennamen in der Literatur des zwanzigsten Jahrhunderts. München, 1994.

DOI 10.31168/7996-2700-3.24

И. Т. Вепрева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
igina_vepreva@mail.ru

Эргонимы Екатеринбурга в коммуникативно-прагматическом аспекте

Урбанонимы в ономастическом пространстве современного мегаполиса являются динамично развивающейся группой, обладающей, помимо номинативной функции, функцией речевого воздействия на горожанина, выступающего в роли адресата в диалоге с номинатором, автором эргонима. В номинациях городских коммерческих объектов находят отражение активные языковые процессы, отмечаемые на современном этапе развития русского языка. При функциональном многообразии эргонимов (легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации, быть понятными благодаря своей внутренней форме) на первое место выходит прагматическая нагрузка эргонима — эпатировать городского жителя своей экспрессивностью.

Прагматические намерения номинатора, создателя коммерческого имени, — создать новые номинативные модели, которые бы обладали особым видом стилистической окраски — экспрессией новизны

и необычности, вызывающей модальные оттенки удивления и неожиданности. Модальность удивления создается разными языковыми средствами. Отметим наиболее очевидные тенденции, которые прослеживаются в эргонимии Екатеринбурга.

Один из продуктивных номинативных процессов — экспансия коммуникативных единиц. В общепринятом подходе к изучению языковой системы по отдельным уровням противопоставленность слова и предложения традиционна. Она базируется прежде всего на функциональной специфике данных языковых единиц: слово выполняет номинативную функцию, предложение — коммуникативную. В то же время словосочетания и предложения разных типов способны на выполнение номинативных функций. Создание в современной речевой практике новых номинативных единиц путем лексикализации коммуникативных структур подтверждает расшатывание функционального противопоставления слова и предложения. Этот процесс лексикализации затронул и номинативную сферу ономастики.

Можно оттолкнуться от наиболее ярких лексикализованных разговорных конструкций — названий ресторанов в Москве, Уфе и других городах: «*Дорогая, я перезвоню*» с параллельным переводом на английский или петербургского ресторана «*Мы же на ты*». Екатеринбург в отношении отбора синтаксических единиц выглядит «скромнее»: наиболее яркой является номинация бургерной «*А ты где?*». Можно спорить об удобстве подобных номинаций, которые в обиходной практике явно сворачиваются до универбов (и это отдельный предмет наблюдений), но процесс лексикализации коммуникативных единиц подтверждает положение об активных инновационных процессах, происходящих в грамматическом строе языка, неразрывно связанных с номинативной деятельностью говорящего.

Перечислим ряд подобных единиц, зафиксированных в Екатеринбурге: кондитерская «*Не торты, а торты*», кафетерии «*May be Сир*», «*Согрей душу*», кафе осознанного питания «*Мы есть*», магазин по продаже чая и кофе «*Сначала кофе*», кондитерская «*Торт мне*», кафе «*Люблю и благодарю*», «*ЛепимВарим*», «*Вкусно здесь*», «*Вкусно как дома*», «*Всегда вкусно*», «*Все пучком*», «*Ем и Ем*», парк развлечений «*ТутОкруто*».

Коммуникативные единицы, номинирующие кафе «*Время есть*», «*Место есть*», «*Счастье есть*», включают в структуру названия

ассоциативную игру с омонимичностью глагольной формы *есть*. Номинаторы начинают множить удачно изобретенный образец, каждый раз по-новому заполняя левый член синтаксемы. Становятся частотными в роли эргонимов номинативные предложения: кафе «*Хинкали. Беседы. Вино*», магазин «*Хлеб. Сыр. Настроение*».

Усиление личностного начала позволяет строить номинации окказионально. Окказиональные единицы приходят на смену единицам номенклатурным либо лексическим единицам с положительной семантикой.

Так, в названии туристического агентства «*Турбери*» прочитывается синтаксическая единица, в названии караоке на улице Бардина «*Бардин*» сочетание латиницы и кириллицы позволяет также окказионально разбить лексику на синтаксему.

В противовес традиционным эргонимам с положительной семантикой типа номинаций кафе «*Веранда счастья*», «*Счастье*», «*Кусочек счастья*» прагматически заряженными становятся единицы заведомо приземленные, с профанной семантикой: кафе «*Вилы*», «*На задворках*», «*Краснодарский парень*», «*У дяди Феди*», гриль-бар «*Дрова*».

Окказиональные единицы, вынесенные в названия городских объектов, вызывают потребность угадать приемы языковой игры, продолжают удивлять творческим потенциалом номинатора: хлебный магазин «*Хлеб-да-Соль*», коктейль-бар «*in100грамм*», кафе «*Тортоешка*», «*Телячьи нежности*».

Таким образом, номинативная деятельность в области эргонимии, с одной стороны, расширяется за счет мотивационно-ассоциативного пространства лексики (тем самым подчеркивается возможность участия приемов языковой игры в ономастическом производстве), с другой стороны, захватывает в свой креативный языковой арсенал коммуникативные единицы языка.

Зузанна Войдыла, Ежи Хабер

Институт катализа и химии поверхности ПАН
Краков, Польша
zuzanna.wojdyla@gmail.com

Электронная версия «Праславянского словаря» с металексикографической точки зрения

«Праславянский словарь» [SP] реконструирует лексику славянских народов VII–VIII вв. н. э., основываясь на материале всех существующих в настоящее время славянских языков. 11-й том включает в себя вторую половину слов, начинающихся на букву *K*, и это первый том, который доступен в электронном виде.

Статьи словаря составлены следующим образом. Описание начинается с реконструированной единицы праславянского языка, далее следует ее грамматическая категория и реконструкция базового значения заглавного слова. В электронной версии определение дано на русском, польском и английском языках. Словарь, таким образом, становится доступен более широкой аудитории.

В следующем разделе приводится доказательный материал: рефлексы в славянских языках, их грамматическая категория, дефиниции, комментарий и ссылки на литературу. В электронной версии словаря доказательный материал дается более полно: в частности, для каждого рефлекса создано новое поле, содержащее его определение в языке-источнике.

Схожим образом в статьях представлен и компаративный материал из неславянских языков. В конце размещен комментарий к этимологическому решению на русском, польском и английском языках.

Электронная версия словаря представлена в виде базы данных, информация в которой вводится в строго заданные поля. Поля определяются на основе металексикографического анализа «Праславянского словаря» (например, заглавного слова, его определения и каждого рефлекса) и формируют организованную структуру. Такой подход не только позволяет корректно форматировать каждую статью, но и, что более важно, осуществлять поиск и загрузку как праславянской реконструкции, так и отдельных полей словарной статьи (например,

доказательного материала или комментария). Кроме того, наличие семантических и грамматических категорий помогает пользователю отфильтровать результаты поиска и сделать выборку более репрезентативной.

SP — Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław ; Kraków, 1974–.

Пер. с англ. Д. М. Голиковой

DOI 10.31168/7996-2700-3.26

Т. В. Володина

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Белоруссии
Минск, Белоруссия
tanja_volodina@tut.by

Этнолингвистическое картографирование и народная медицина белорусов*

В белорусской глубинке, где традиционное мировоззрение сохраняет свои позиции не только в пассивной памяти, но и в активном бытовании, сфера обеспечения здоровья человека, актуальная в любую эпоху, обнаруживает ряд несомненно архаических деталей. За некоторыми из них в этнографической литературе устойчиво закрепились пометы «блр.», хотя их ареал включает несколько соседних районов или даже деревень (при оправданности такой пометы в славистических или даже общеевропейских исследованиях). В такой ситуации ведущие позиции в исследовании диалектной картины традиционной культуры занимает именно этнолингвистическое картографирование.

Объектами картографирования становятся номенклатура болезней, симптомы, акциональные целительские стратегии и конкретные способы лечения, заговоры и их мотивы. Карты наглядно демонстрируют, как в границах проживания одного этноса при приблизительно одинаковых климатических и природных условиях выявляются четкие

---

* Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г18МС-005 от 30 мая 2018 г.

© Володина Т. В., 2019

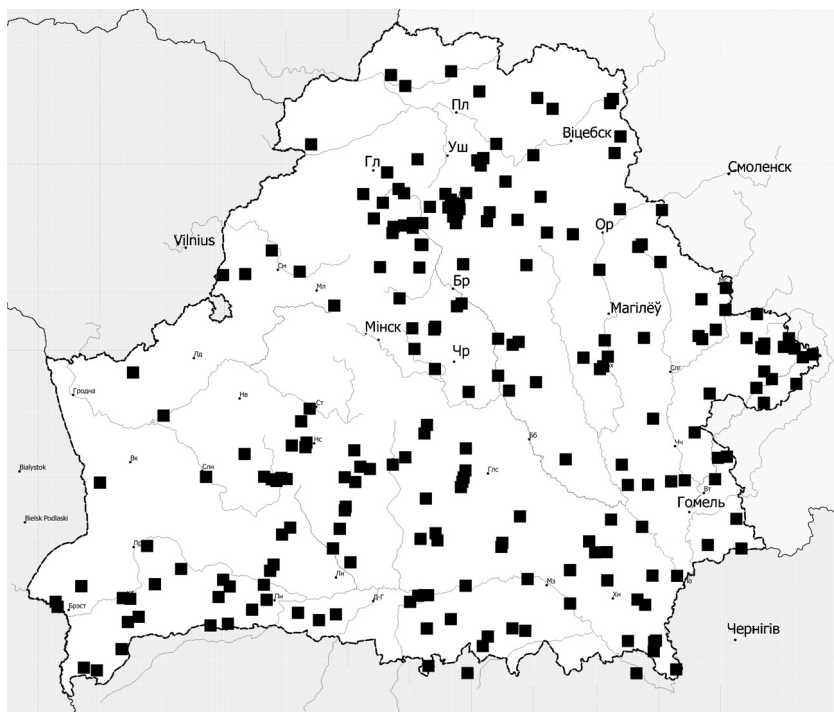
ареалы народно-медицинских реалий. К примеру, заговоры на территории проживания белорусов представлены очень неравномерно, что обусловлено как экстракультурными причинами, так и закономерностями бытования традиции магического вербального лечения. Карты, демонстрирующие не только ареалы, но и плотность записей того или иного явления, не позволяют выявить прямую зависимость от климатических или хозяйственных факторов: к примеру, количественная диспропорция в записях заговоров (на юго-востоке их записано в сто раз больше, чем на северо-западе) никак не свидетельствует о масштабном «разбеге» в уровне жизни или условиях хозяйствования. Фронтальный обзор всего массива заговоров и их картографирование обнаруживает неожиданные подробности — ряд популярных мотивов, которые представлялись общеполорусскими, с высокой плотностью фиксируются в восточной половине страны и затем довольно резко «обрывается».

Именно картографирование в ряде случаев развенчивает достаточно прочно устоявшиеся стереотипы. Среди них — представления о колтуне (*Plica polonica*) как о болезни Полесья с его болотами и низким уровнем гигиены. В современном авторитетном издании читаем: «Славянские представления о колтуне имеют четко выраженный региональный характер: в наибольшей степени они распространены в Польше, в западных частях Белоруссии и Украины. В меньшей степени они известны в чешской и словацкой традициях, в русской культуре поверья о колтуне носят единичный и спорадический характер. У южных славян это верование не встречается. Таким образом, Полесье является восточной окраиной ареала представлений о колтуне, центр которого находится на западнославянской территории» [НДП, 242]. Этнолингвистическое картографирование представлений об этой болезни не только указывает на их распространенность по всей этнической белорусской территории, но и позволяет выделить диалектные «предпочтения» в картине болезни (см. карту¹).

Хотя упоминание колтуна в современных городских контекстах устойчиво связывается с «пережитками прошлого», полевые записи последних 10–15 лет демонстрируют не только устойчивость и живучесть представлений об этой болезни, но и реальные факты существования ее в наше время или в недалеком прошлом. Колтун в белорусской

---

¹ Карта подготовлена Т. Авилиным.

традиции в целом лишь в немногих случаях приписывается демоническому вмешательству (еще один из стереотипов о болезни), чаще представляется извержением вовне присущей каждому человеку внутренней субстанции под воздействием ряда факторов: «У любога чалавека ёсь каўтун, толькі яго нада ўстрывожыць, узнервіць, устаўчы. З бальшых нерваў, з бальшого іспуга» (Стародорожский район Минской обл.). Подобное понимание колтуна как болезненного проявления / извержения жизненных потенций и сил человека существенно в том плане, что на современном этапе о нечистоплотности или запущенности говорить уже не приходится.

В верованиях о колтуне всплывают показательные западно- и восточнославянские параллели, причем на самой границе их ареала. Так, на востоке Белоруссии, на пограничье, на небольшой территории колтуном называют разного рода раны, фурункулы, гнойные высыпания, см. один из примеров: «Каўтун бываець на галаве, дзе ўгодна

адкладываецца, эта проста мякнець, эта такія болькі» (Хотимский район Могилевской обл.). Подобные болезни кожи у чехов называются *koltún mokry*, у поляков колтун может проявлять себя сыпью и фурункулами. Во всех случаях указывается на то, что такие раны долго не заживают и требуют прежде всего лечения заговорами.

Таким образом, стремление обозначить народно-медицинское диалектное распределение предполагает описание внутреннего членения пространственной структуры самой традиции магического врачевания на основании ряда карт. Безусловно, причиной некоторой условности конечных результатов становится отсутствие целенаправленных исследований тех или иных территорий, хотя тенденции и закономерности в любом случае очевидны.

НДП — Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 3 : Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / ред.-сост. Л. Виноградова, Е. Левкиевская. М., 2016.

DOI 10.31168/7996-2700-3.27

Ю. Б. Воронцова*, А. А. Макарова**

*Уральский федеральный университет

**Уральский федеральный университет

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Екатеринбург, Россия

*vorontsova_julia@rambler.ru

**toponimist@yandex.ru

Зооморфная модель в коллективных прозвищах Архангельской области*

В докладе на ономастическом материале говоров Архангельской области рассматриваются коллективные прозвища, образованные от названий животных, птиц, рыб, земноводных и насекомых.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

© Воронцова Ю. Б., Макарова А. А., 2019

В качестве источников материала используются, во-первых, богатейшие коллекции электронной базы данных Топонимической экспедиции УрФУ, включающие материалы полевых сборов 1960–2010-х гг., во-вторых, данные опубликованных словарей и монографий, в первую очередь «Словаря коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [2011] и книги «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика» Н. В. Дранниковой [2004].

Задачи исследования — уточнение состава и географии лексем, используемых в рамках зооморфной модели при создании коллективных прозвищ, а также интерпретация закономерностей распределения прозвищ в рамках тематических групп и анализ ареальной дистрибуции (в первую очередь зон «повышенной плотности») коллективных прозвищ.

Общее количество коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, составляет более 200 единиц. Среди них, с одной стороны, есть довольно широко распространенные номинации, образованные от общерусских лексем, — ср. *ворóны* (15 «омонимичных» прозвищ в разных частях области), *зайцы* (11), *ерши* (10), *кулики* (7). С другой стороны, отмечаются более редкие именованья, образованные от диалектизмов: *косачи* ‘жители д. Макарьино’ (Он.) — ср. онеж. *косач* ‘тетерев’ [КСГРС]; *ревяки* ‘жители д. Солза’ (С.-Двин.) — ср. арх. *ревяк* ‘небольшая рыбка семейства бычков’ [Там же]; *сивкуны* ‘жители д. Нокола’ (Карг.) — ср. арх. *сивкун* ‘мелкая пресноводная рыба’ [Там же] и др.

В ходе исследования выявлено, что среди коллективных прозвищ рассматриваемого типа в Архангельской области преобладают именованья, мотивированные названиями птиц. Ареалы повышенной плотности таких коллективных прозвищ могут являться показателями субстратных зон. В частности, такие зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Леш., Мез., Он., Пин.), где ярко проявляется «птичья» модель — ср., например, коллективные прозвища *ворóны*, *дрозды*, *зелезени*, *крохали*, *кукушки*, *петухи*, *совы*, *тетёры* (низовья р. Мезень); *вороны*, *галки*, *голубки*, *журавы*, *косачи*, *кулики* (низовья р. Онега). Кроме того, нередко прослеживается связь прозвищ данного типа с фамилиями местного населения — например, все жители д. Сырья (Он.), имеющие коллективное прозвище *воробьи*, носят фамилию *Воробьёвы*.

Другая большая группа коллективных прозвищ — наименования, образованные от названий рыб. Такие коллективные прозвища сконцентрированы, во-первых, в приморской зоне (Он., Мез., Прим.), а во-вторых, в бассейнах озер и крупных промысловых рек — Ваги, Мезени, Онеги, Пинеги. В их основу положены преимущественно наиболее распространенные на данных территориях виды рыб, ср. *ерши* (11 прозвищ), *ельцы* (четыре прозвища) и др. На наш взгляд, ядро «рыбной» модели формирует такая особенность территории, как наличие промыслового водоема — озера, реки, моря.

К периферии данной группы относятся прозвища, отражающие кулинарные предпочтения местного населения или его характерный рыбный промысел, ср.: *ершееды*, *трескоеды*; *наважьи головы* ‘жители побережья Белого моря’: «Наважьи головы рыбы много ловили» (Он.); *ревяки* ‘жители д. Солза’: «Они в море ревяков ловили» (С.-Двин.); и др.

Среди коллективных прозвищ, образованных от названий диких животных, шире всего представлены прозвища, мотивированные лексемой *заяц* (*зайцы*, *зайца*, *зайки*, *зайчата*, *заячаны*, *заяушки*); остальные наименования животных реализованы единичными номинациями (*ёжики*, *волки*, *кроты*, *лоси*, *песцы*, *хорьки*).

Еще одной зооморфной сферой, отраженной в коллективных прозвищах Архангельской области, являются наименования насекомых. В большинстве случаев эти прозвища мотивированы тем, что в данной местности природные условия особенно благоприятны для тех или иных насекомых, ср.: *комары* ‘жители д. Пылема’: «Так назвали из-за того, что в деревне Пылема много комаров, так как деревня окружена множеством покосов» (Леш.); *пеяки* (*попяки*) ‘жители д. Павловский Бор’: «Павлобора “пеяки”, у них до сих пор воды нет, озерко небольшое, в нем пеяки живут» (Он.), ср. онеж. *пеяк* ‘водяной жук’ [КСГРС].

Реже всего в коллективных прозвищах используются наименования земноводных, представленные всего двумя фиксациями: *змеи* ‘жители д. Летняя Золотица’ (Прим.) и *лягухи* ‘жители д. Сазониха’: «Болотные жители, одни лягухи, другие кулики» (Вил.).

Таким образом, в зооморфных коллективных прозвищах жителей Архангельской области наиболее широко представлены наименования птиц и рыб, что обусловлено ландшафтными и хозяйственными

особенностями региона, а также, возможно, влиянием субстратных языков.

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.

Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ).

DOI 10.31168/7996-2700-3.28

Влодзимеж Высочаньский

Вроцлавский университет
Вроцлав, Польша
wl.wysoczanski@gmail.com

Мотив игры в польских пословицах

Игра определяется как ‘действия, совершаемые для удовольствия, развлечения, уменьшения психического и физического напряжения; то, что радует, развлекает, доставляет удовольствие; веселье, баловство, развлечение’ [Dupał, 1996, 1302]. Языковой материал свидетельствует о том, что понятие игры многоаспектно, игра органически связана с забавой и развлечением [Wysoczański, 2015, 39–56]. В докладе анализируются проявления мотива игры в польских пословицах. Обзор паремий показывает, что рассматриваемое поле игры включает несколько сфер.

Паремии отражают существование игр, сопряженных с определенными сельскохозяйственными работами. О том, кто не принимал участия в дожинках, говорится: *Jam się z nim nie wieńczał* (букв. «Я с ним не венчался»). Ярко изображены народные игры, входящие в годовой цикл. Упоминание дня св. Михаила (29.IX) отсылает к окончанию периода игр, веселья на пастбищах и лугах, ср. *Święty Michał uciechy pospychał* «Святой Михаил веселье унес». Пословица *Święty Andrzej grzechem, święta Katarzyna śmiechem* «Святой Андрей грехом, святая

Катерина смехом» говорит о том, что если в день св. Екатерины (25.XI) развлекаться танцами еще позволительно, то со дня св. Андрея (30.XI), т. е. с начала Рождественского поста, делать это уже не разрешается.

В паремиях отражаются отрезки литургического года в католической традиции. Так, в паремии, где упоминается св. Николай (6.XII), говорится о том, что посвященная ему дата приходится на Рождественский пост — время без игр и развлечений, ср. *Na święty Mikołaj dziewki z karczmy wywołaj* «На святого Миколая девок из корчмы зови». Пословица *A powiedzcie wstępnej środzie, niech zaczeka na ogrodzie* «А скажите наступающей среде, пусть подождет на огороде» апеллирует к представлению о том, что наступающая (Пепельная) среда начинает период Великого поста, поэтому в масленичный вторник за полночь в кабак входил человек, одетый в тряпье, с селедкой в руке, олицетворяющий Пепельную среду; он давал сигнал играющим, что пришло время, когда игры запрещены.

В пословицах упоминаются не только крестьянские игры, но и такие, где участвовали другие слои населения. Ср. забаву *derkacz* ‘коростель’, в которой обыгрывалась неопытность новичков на службе, ср. *Nie bywał na derkaczach* (букв. «Не бывал на коростелях») ‘не имеет опыта, не завсегдатай’. Игра с новичками среди наемных рабочих или в армии, заключающаяся в перетягивании кошки через грязь, послужила основой для возникновения пословицы *Ciągnąć kota* (букв. «Тянуть kota») ‘оскандальиться, сделать глупость, дать себя обмануть’. Пословицы фиксируют пристрастие к играм среди рыцарства. Постоянно проводимые всевозможные игры, пиршества и танцы разнообразились повсеместными и очень любимыми погонями и рыцарскими турнирами, отсюда пословица *Mieć z kim turnieje* «Иметь с кем-л. турниры».

Конечно, в паремиях нашли отражение и детские игры, например игры в песочнице, ср. *Dziesięcinna zabawka w piasku gmera* «Детская игрушка — в песке копаться». Пословицы возникают на почве известных и сегодня детских игр, например *Grać w ślepa babkę / w ciuciubabkę* (букв. «Играть в слепую бабку / в жмурки») ‘поступать фальшиво, обманывать кого-то’; *Zgaduj, zgadula, gdzie moja złota kula* «Угадывай, угадайка, где мой золотой шар». В паремиях обнаруживаются отклики давних, уже неизвестных детских игр. С детской игрой в немых связано выражение *Patrzajmy się, nie śmiejmy się, a kto głęą poruszy, tego za łeb i za uszy* «Глядим, не смеемся, а кто рожей шевельнет, того за башку и за уши».

Широко были распространены традиционные катания в санях, ср. *Bigos to potrawa, kulig to zabawa* «Бигос — это кушанье, кулиг <катание на санях, запряженных лошадьми> — это игра».

В пословицах отразились особенности поведения во время танцев. Относится это к девушкам, не имеющим успеха на танцах, ср. *Pietruszkę sprzedawać / siać / strugać* «Петрушку продавать / сеять / чистить»; *Podpierać ściany* «Подпирать стены».

Наиболее благоприятным временем для проведения игр и пиршеств является зима, о чем сообщает пословица *Zima częstuje i rozprasza kłopotne staranie* «Зима угощает и прогоняет затруднительные хлопоты». Что касается традиционных мест проведения игр, то в пословицах делается акцент на образе столицы, в которую необходимо отправиться для получения удовольствия, ср. *Na uciechy i zabawy trzeba jechać do Warszawy* «Для удовольствия и игр надо ехать в Варшаву».

Анализ мотива игры, разрабатываемого в польских паремиях, показывает, какие именно занятия считаются приятными, что развлекает, веселит; какие формы досуга и игрового поведения приемлемы в определенных обстоятельствах и в определенное время: в будни, на работе, в праздничные дни, в свободное от работы время. В конечном счете все это подтверждает трактовку игры как добровольной деятельности или занятия, совершаемого «в определенных, установленных границах времени и пространства, согласно добровольно принятым, но безоговорочно обязывающим правилам. Игра сама по себе является целью, сопутствует же ей чувство напряжения и радости и осознание “отличия” от “обыкновенной” жизни» [Huizinga, 1985, 48–49].

Dunaj B. Słownik współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1996.

Huizinga J. Homo ludens. Zabawa jako źródło kultury. Warszawa, 1985.

Wysoczański W. Językowe odzwierciedlenie rozrywki // Kulturowy obraz rozrywki / red. J. Bujak-Lechowicz. Szczecin, 2015. S. 39–56.

Р. В. Гайдамашко

Институт лингвистических исследований РАН
 Российский государственный педагогический университет
 им. А. И. Герцена
 Санкт-Петербург, Россия
 gaidamashko@gmail.com

**Рукописное наследие
 протоиерея Антония Попова (1748–1788):
 материалы к этимологии коми-пермяцкой лексики***

Настоящие материалы являются частью коллективного исследования памятников ранней коми-пермяцкой письменности. Объект этого исследования — три коми-пермяцкие рукописи протоиерея пермского Петропавловского собора Антония Попова (1748–1788), датированные 1785 г. и известные в настоящее время как первые специальные труды по коми-пермяцкому языкознанию (алфавитный, тематический словари и грамматический очерк). Рукописи хранятся в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В настоящем исследовании приводятся материалы к этимологиям некоторых коми-пермяцких слов, засвидетельствованных в крупнейшей из трех указанных рукописей — алфавитном словаре «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петропавловского собора протоиереем Антонием Поповым 1785 года» [Эрм., № 206, 81 л.] (далее при цитировании в круглых скобках указываются только номера листов). Особое внимание уделяется древне- и севернорусским заимствованиям.

▪ *бэкерь* «ставец» (л. 5 об.) // коми-перм. совр. *бекөр* ‘миска, тарелка, чашка’ [КПРС, 27], коми-зыр. в.-сысол., вым., луз.-лет., н.-вычег., ср.-сысол. *бекар* ‘столовая чашка, миска’ [КСК, 1, 62] < рус. [КЭСНЯ, 38], ср. др.-рус. *бѣкарь* ‘мера емкости’ (1462 г.) [СлРЯ XI–XVII вв., 1, 130]. Русское слово считается германским заимствованием [КЭСНЯ, 38];

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

▪ *вѣребеи* «воробей» (л. 7) < рус., ср. др.-рус. *веребий* ‘воробей’ (в Переяславской летописи под 946 г.) [СлРЯ XI–XVII вв., 2, 83], рус. диал. *веребѣй* ‘воробей’ (орл., курск.) [СРНГ, 3, 125];

▪ *жѣлуница* «желтуха» (л. 15) < рус., ср. рус. диал. *желу́ница* ‘болезнь желтуха’ (нижегор., вят., перм., свердл., сиб.) [СРНГ, 9, 120];

▪ *жолтышь* «яичный желток» (л. 15 об.) // коми-зыр. луз.-лет. *жолтыш* ‘яичный желток’ [КСК, 1, 524] < рус., ср. др.-рус. *желтышь* ‘желток’ (XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 86], рус. диал. *жѣлтыш* ‘яичный желток’ (твер., новг., костр., влг., олон., арх., перм., сиб.) [СРНГ, 9, 118];

▪ *кѡшь* «ковш» (л. 24 об.) // коми-перм. совр. *кѡш* ‘ковш’ [КПРС, 195], коми-зыр. в.-вычег., в.-сысол., вым., ижем., луз.-лет., печор., присыкт., ср.-сысол., удор. *кѡш* ‘ковш’ [КСК, 1, 745] < рус. [КЭСКЯ, 143], ср. общерус. *ковш*. Упрощение группы согласных, вероятно, произошло при заимствовании, хотя следует учитывать и факты вроде рус. *кош* ‘мельничный ковш, в который засыпают зерно для помолы’ [СлРЯ XVIII в., 10, 214]. В том же значении встречается у В. И. Белова в произведении «Лад. Очерки народной эстетики»: «Это его [помольщика] обязанность засыпать в кош зерно, а ты ходи, слушай воду, гляди в небо, угадывая погоду, следи за обсыпью да шупай теплую мучную струю...»;

▪ *ѡсподинь* «господин» и *ѡспѡжа* «госпожа» (л. 33) < рус., ср. рус. диал. *осподин* ‘господин’ и *оспѡжѡ* ‘госпожа’ (вят.) [СРНГ, 24, 50, 51]. В современном коми-пермяцком языке есть только *оспѡжъя*, *оспѡжъятурун* ‘бот. валерьяна’ [КПРС, 297], в коми-зырянских диалектах в составе сочетаний — н.-вычег., печор., присыкт., удор. *ѡспѡжа видз*, в.-вычег. *ѡспѡжа видз* [КСК, 2, 27], ижем. *госпѡжа видз* ‘Успенский пост’ [ССКЗД, 48];

▪ *шѡлга* «левый», *шѡлгаки* «левая рука», *шѡлга пѡле* «налево» (л. 50 об.) // коми-перм. совр. *шѡльгѡ* ‘левый’ [КПРС, 570], коми-зыр. в.-сысол., ижем., луз.-лет., н.-вычег., печор., ср.-сысол., удор. *шѡльга* ‘левый’ [КСК, 2, 808] < рус., ср. рус. диал. *шѡльгѡ* ‘левая рука, левиза, левша, пакша’ (арх., перм.) [Даль, 4, 1481].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртене. 3-е изд., испр. и доп. СПб. ; М., 1903–1909.

КПРС — *Баталова Р. М., Кривоцекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КСК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукор = Словарь диалектов коми языка : в 2 т. Сыктывкар, 2012–2014.

КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, А. А. Алексеев. Л. ; СПб., 1984–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ССКЗД — Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Эрм. — Эрмитажное собрание Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

DOI 10.31168/7996-2700-3.30

Н. В. Галинова, В. С. Трескова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
nvgalinova@yandex.ru

К изучению семантической структуры гнезда **mork-* в русских говорах*

В состав гнезда **mork-*, связанного чередованием с **merk-* / **тырк-*, в русском литературном языке входят слова *мрак*, *мерцать*, *морока*, *сумерки*, *обморок* и пр. Это обширное гнездо восходит к и.-е. **mor-* / **mer-* / **тыр-*. Получив расширитель *-k-*, данные основы приобрели семантику мерцания, которая, по сути, отражает представления о возвратном движении. Таким образом, значения дериватов оказываются связанными с разными стадиями этого движения, когда на первый план выходит либо одна из крайних точек (тьма или свет),

---

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00385 «Словарь говоров Русского Севера: дополнительные материалы».

либо промежуточная стадия — движение от света к полной темноте и наоборот. По этим причинам в изучаемом гнезде нередко развиваются энантиосемичные значения, определяемые характером номинируемых реалий. В настоящем докладе анализируются русские диалектные слова, корень которых имеет огласовку *морок-*.

«Застывание» во мраке находит отражение в первую очередь при обозначении природных явлений, прежде всего пасмурной погоды: диал. шир. распр. *мóрок*, влг. *сúморочь* ‘пасмурная, ненастная погода’, костр. *обморок*, влг., смол. *пáморок* ‘мгла, непрозрачный воздух’, арх. *запáморочить* ‘стать пасмурным’, свердл. *солнышко вúморок село*, новосиб. *солнце в мóрок закатилось* ‘о ненастной погоде’, краснояр. *подморóк* ‘сумрачная погода перед дождем’ и т. п.; частотны также значения ‘туча’, ‘облако’ (сев., сиб., урал. *мóрок*, байк., перм., влг. *морóко*, арх. *пáморок* и др.). В этих значениях актуализируется сема ‘нечто темное’: ‘мерцать’ → ‘мрак’ → ‘быть темным’ → ‘туча’. Значения ‘туман’ (сев., сиб., урал. *мóрок*, коми *морочóк*, вят., тамб. *морóка*, пск. *ízморок*, костр., новг. *пáморок*, костр. *в́иморок*) и ‘призрак’ (курск. *морóка*) связываются с промежуточным состоянием между темнотой и светом, при этом для семантики «призрачности» можно предложить и другую мотивацию: актуализируется динамика, сам процесс мерцания, появление и исчезновение света. Значения ‘дождь (обычно мелкий)’ (свердл., влг., арх., новосиб., камч. *мóрок*, твер., сев.-зап. *пáморок*, карел. *пáморока*, влг. *сúморок* и др.), ‘идти мелкому дождю’ (арх. *морочить* и др.), ‘о дождливой погоде’ (забайк. *морокá ходют*) и под. также обусловлены неполнотой признака темноты / света, так как номинируется моросящий дождь, во время которого становится пасмурно, однако до состояния крошечной темноты не доходит. Кроме того, на появление «дождевых» значений влияет аттракция к литер. *моросить*, диал. *мóрох*, *морохá* ‘мельчайший дождь’ и др., которые возводятся к *moršiti. Важно, что в языке оказываются зафиксированными и представления диалектоносителей о стадии прояснения, ср. новг. *мóроко* («На Ильмени так говорят, когда бывает свежо и ясно»). «Подготовительный этап» перед прояснением фиксируется в амур. *морокá перегорели* ‘облака стали цвета заката, что предвещает ясную погоду’.

В изучаемом гнезде активно образуется и семантика, связанная с поведенческими, коммуникативными и прочими характеристиками человека. В основе подобных значений нередко лежит

переосмысленный признак остановки движения в стадии темноты. В некоторых случаях речь идет о «буквальной» темноте: арх. *морокуша* ‘о человеке, долго работающем по вечерам’ отражает перенос по смежности ‘темнота’ → ‘работа в темное время суток’. Чаше поведенческие значения формируются на основе метафорического переноса, например для перм. *морóкаться* ‘жаловаться на что-л., высказывать неудовольствие чем-л.’ можно восстановить семантическую цепочку ‘обволакивать мраком’ → ‘окутывать жалобными словами, словно темнотой’ → ‘жаловаться’.

Таким образом, восприятие разнообразных человеческих качеств и состояний оказывается сродни «окутыванию» темнотой. Болезни, связанные с нарушениями зрения и сознания, «покрывают» человека, словно мрак: вят. *мо́рок* ‘слепота’, омск. *морочать* ‘терять сознание, падать в обморок’, дон. *во́морок*, курск., орл., новг. *па́морок*, дон. *памо́рок* ‘обморок’, орл. *по́морóки находят*, смол. *па́морок водит* ‘о состоянии, при котором человек не может разумно рассуждать’ и т. п. Сходным образом представляется обман, который создает вокруг человека непроницаемую темную пелену: сиб. *мо́рок* ‘хитрость, плутовство, обман’, зап. *морóчливый* ‘неискренний, имеющий привычку обманывать, говорить неправду’, морд. *мороку́н* ‘жулик, мошенник’, костр. *обмо́ро́к*, твер. *о́бморок* ‘обманщик’, пск. *обмо́ро́к* ‘состояние заблуждения, обмана’ и др. На базе семантики обмана, ментального «затемнения» возникают значения ‘забавлять, развлекать, показывая фокусы’ (влад., тамб. *морóчить*), ‘загипнотизировать, повлиять на психику, сознание’ (твер. *обмороча́ть*), ‘страдать галлюцинациями’ (костр. *морóчить*), ‘мираж на море’ (сев. *морóка*) и др. С этими смыслами оказываются связанными и «демонологические» значения: пск., урал. *обмо́ро́к* ‘фантастическое существо, обладающее сверхъестественной силой превращать людей в животных, камни, предметы’, влг. *о́морок* ‘нечистая сила, черт’, оренб. *обморочка* ‘женщина-оборотень’, юж., зап. *заморóка* ‘о том, кто чарует, напускает морок’. Показательно, что в сфере указанной семантики возможен субъектно-объектный сдвиг: арх., новг. *о́бморок* ‘о том, кто околдован, зачарован, находится без сознания, без чувств’.

Появляются и значения, отражающие признак затрудненности при осуществлении каких-либо действий (калуж. *морочиться* ‘идти быстро, запыхавшись, торопясь’), откуда производны смыслы, связанные

с препятствиями → хлопотами (дон. *заморóка* ‘канитель, хлопотное дело’), а также медлительностью (арх. *морокúша* ‘медлительный и нерасторопный человек’, новг., арх. *óбморок* ‘о неповоротливом, малоподвижном, сонливом человеке’).

Как в случае с «метеорологическими» значениями, в сфере характеристик человека возникает и такая семантика, которая коренится в представлениях о свете как противоположной мраку конечной точке возвратного движения при мерцании. Так, интересна актуализация семы просветления в мыслях: ворон. *заморóкать* ‘начать соображать, дельно рассуждать’, арх., урал., перм. *морокóвать* ‘думать, соображать’, влг. *поморóкать* ‘подумать, посоображать’, урал. *смороковáть*, твер. *сморокáвить* ‘сообразить’, свердл. *морочнóй* ‘сообразительный, смысленный’, перм., свердл. *разморокóвать* ‘хорошо объяснить, сделать понятным, ясным’ и т. п. Отсюда и максимально абстрагированное значение ‘ум, рассудок’ (курск. *пáморок*), ср. также фразеологизмы вроде дон. *отишибить пáмороки* ‘утратить способность здраво рассуждать’, новосиб. *забило все пáмороки* ‘трудно, невозможно рассуждать’. Возможно, «ментальные» значения связаны с перцептивными, ср. перм. *разморокóвать* ‘разглядеть, увидеть с трудом’. Значения ‘знать’ (влг. *морóкать*), ‘уметь лечить’ (ряз. *морокóвать*), ‘колдун, знахарь’ (сиб., влад. *морокúн*) оказываются вторичными по отношению к ‘соображать’, ‘понимать’: человек вследствие «просветления» в сознании становится обладателем определенного знания, а поэтому умеет лечить, колдовать и т. д.

В целом ряде случаев значения из поведенческой сферы и сферы психической жизни человека оказываются производными не от семантики мрака или света, а от более специализированных «природных» значений. Так, значение ‘тосковать, скучать’ (влг. *морокóвать*) метафорически связано с ‘идти мелкому дождю’ и обусловлено представлением о затяжном характере моросящего дождя, идущего в пасмурную погоду.

Изучаемое гнездо обладает высокой к о н т а м и н а ц и о н н о й а к т и в н о с т ь ю: так, помимо скрещиваний с *моросить* и родственными ему словами (см. выше), возможны также аттракции к элементам гнезда *мор-* (ср. краснаяр. *помóрок* ‘смертельная болезнь’: «У, поморок бы тебя взял!»), *смород-* (ср. кемер. *смóрок* ‘сильный запах’) и др.

Д. М. Голикова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
d.golikova@gmail.com

Четыре евангелиста и сломанная кровать: семантика неполноты ряда на примере одной английской номинации

Модель отантропонимической деривации, при которой апеллятив образуется от пары имен, широко известна в ономастике, например фр. *mari-jen* <мари-жан> ‘мужчина, занимающийся женской работой’ [Peterson, 1929, 142], англ. *Mary and Joseph* <Мария и Иосиф> ‘незабудка болотная’ [Wright, 4, 45], *Jack and Gill* <Джек и Джилл> ‘влюбленная парочка’ [Lingvo] или рус. *иван-да-марья* ‘травянистое растение’ [СРНГ, 12, 54]. Апеллятивы, образованные от микросистемы из трех или более имен, встречаются сравнительно редко и довольно любопытны для изучения. Особенно интересными кажутся номинации, семантика которых основана не на присутствии, а на отсутствии в составе апеллятива одного из имен.

Так, любопытную микросистему образуют в английском языке имена четырех евангелистов. Апеллятивный дериват для этой микросистемы фиксируется всего один: *Mark, Luke and John* <Марк, Лука и Иоанн> ‘кровать на четырех ножках, одна из ножек которой сломана или отсутствует’ [Wright, 6, 38]. В данном случае отчетливо видно нарушение целостности ряда: отсутствие одного из имен подчеркивает неправильность, ущербность номинируемого объекта. При этом четвертое имя в номинации подразумевается, оно придает номинации смысл именно своим отсутствием и поэтому не может быть исключено из перечня элементов микросистемы. Мотивация номинации, как кажется, ясна, однако более глубокий анализ этой микросистемы на основе фольклорных источников именно в контексте значения апеллятивного деривата позволяет взглянуть на нее более широко.

Святые фигурируют в популярной молитве под названием «*White Paternoster*» <Белый Отче Наш>, которая была впервые записана в 1656 г.:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John, Bless the bed that I lie on, Four corners to my bed, Four angels round my head; One to watch and one to pray And two to bear my soul away.</i>	Матфей, Марк, Лука и Иоанн, Благословите кровать, на которой я лежу, У моей кровати четыре угла, Четыре ангела стоят вокруг моей головы; Один — чтобы следить, второй — чтобы молиться И два — чтобы унести мою душу.
--	---

[Opie & Opie, 1966, 303]

В некоторых вариантах молитвы ангелы стоят не у головы молящегося, а вокруг него:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John, Bless this bed that I lie on; Four angels to my bed, Two to bottom, two to head, Two to hear me when I pray, Two to bear my soul away.</i>	Матфей, Марк, Лука и Иоанн, Благословите кровать, на которой я лежу; Четыре ангела у моей кровати, Два — внизу, два — в головах, Два — чтобы слушать меня, когда я молюсь, Два — чтобы унести мою душу.
--	---

[Opie & Opie, 1966, 304]

Таким образом, наглядно видна корреляция: четыре евангелиста — четыре ангела — четыре угла (или четыре ножки) кровати. В этом контексте стоит вспомнить и крестное знамение — жест, защищающий от нечистой силы, состоящий из четырех движений руки в разных направлениях. Приведенная молитва читалась на ночь как защитное заклинание и была крайне популярна: в некоторых деревнях это была единственная молитва, известная детям, тогда как канонических текстов они не знали вовсе [Opie & Opie, 1966, 304]. Христианская традиция здесь смешалась с языческой: подобные заклинания, известные как *lorica* (лат. ‘доспехи’) и имеющие целью оградить заклинаемого от злых сил, окружив его ангелами или божествами-хранителями со всех сторон, фиксируются и в кельтской традиции, а через нее уходят корнями в традицию каббалистическую (ср., например, каббалистическую молитву «против ужасов ночи»: «Михаил — справа от меня, Габриэль — слева от меня, передо мной — Уриил, за мной — Рафаил») и даже древневавилонскую («Шамаш — передо мной, Син — за мной, Нергал — справа от меня, Ниниб — слева от меня») [Там же].

В номинации кровати, таким образом, мотивационная основа видится не просто в семантике неполноты ряда и отсутствия одного

из элементов, но и в том, что кровать в этом случае теряет «четвертый угол», четвертый элемент, необходимый для того, чтобы со всех сторон охранить лежащего на ней человека от опасностей и нечистой силы. Прецедентным текстом, на котором основывается выделенная нами микросистема, является, конечно, Библия, однако нельзя не заметить, что библейская мифология и ее персонажи являются лишь оболочкой, а смыслом ее наполняет языческая традиция и созданное на стыке двух мифологий народное христианство.

Четырех евангелистов можно найти и в фольклорных текстах русского языка. В частности, четыре апостола вместе упоминаются в разных функциональных типах заговоров (защита от нечистых духов, от начальства, от оружия, от колдунов и порчи, защита скота, исцеление от лихорадок и сглаза, помощь в охоте на птиц и т. д.) [Юдин, 1997], однако апеллятивных дериватов от их имен, функционирующих как одна лексическая или фразеологическая единица, найдено не было. В заговорах представлена скорее корреляция между персонажами, чем между антропонимами, тогда как факт, найденный нами в английском языке, от персонажей в некоторой степени дистанцируется, хотя связь с библейской традицией и не стирается полностью.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Lingvo — Lingvo 12. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). М., 2008.

Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. London, 1966.

Peterson A. Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Etude de sémantique. Uppsala, 1929.

Wright J. The English Dialect Dictionary. Vols. 1–6. London, 1898–1905.

М. В. Голомидова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
golomidova-marin@mail.ru

Топонимическая политика в области номинации внутригородских объектов: проблемы и перспективы*

Топонимическая политика в отношении городских объектов муниципальной собственности традиционно находится в ведении муниципальных и региональных органов власти и местного самоуправления. В контексте политических, экономических и социокультурных преобразований постсоветского времени локальная топонимическая политика не могла не претерпеть изменений. Общий курс в ее динамике можно обозначить как движение от стереотипного в сторону регионально специфичного. Такая тенденция проявляется в попытках реализовать в топонимическом означивании символический капитал территории и в стремлении связать официальные городские топонимы с местной идентичностью.

Однако нельзя не признать того факта, что органы власти и местного самоуправления и работающие под их началом топонимические комиссии далеко не всегда выдерживают рациональный, научно обоснованный и взвешенный подход к осуществлению номинативных действий. Обобщая трудные случаи топонимической политики в ее локальных версиях, мы можем обозначить несколько проблемных направлений и, в частности, отнести к ним вопросы, которые связаны:

а) с созданием полных в содержательном отношении нормативных документов и последовательными действиями в их реализации;

б) с унификацией способов оформления названий (в том числе и на государственных языках в национальных республиках);

в) с проработкой технологии нейминга в отношении объектов общественного пространства;

г) с решением вопросов об экспертной оценке урбанонимов, предлагаемых для новых топографических реалий.

---

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития». © Голомидова М. В., 2019

Отдельного разговора заслуживает социологическая сторона номинативной деятельности. Существует несколько видов конфликтов, которые влияют на номинативную ситуацию и в случае поспешных либо недостаточно продуманных административных решений вызывают негативный общественный резонанс.

В первую очередь стоит отметить требования «переписать» существующий городской топонимикон в соответствии с продвигаемой оценочной позицией политического или религиозного толка, которые исходят от представителей некоторых общественных движений, политических партий или гражданских активистов. Мотивы таких требований весьма разнообразны: за ними могут стоять как личные либо групповые убеждения, так и банальная манипуляция общественным мнением в угоду собственным интересам. Вопрос о том, насколько это нужно конкретному городу для его позиционирования в контексте современных экономических реалий, не ставится. Границы и глубина «переписывания», как правило, не определяются. Однако всякое громкое требование, вброшенное в публичную сферу, неизменно влечет за собой общественные дискуссии и провоцирует столкновение диаметрально противоположных идейных позиций.

К конфликтам, возникающим на политической или религиозной почве, можно отнести и те, что обусловлены навязыванием городу новых топонимических обозначений в силу интересов политического пиара местной власти либо лоббистских действий субъектов бизнеса. Весьма показательна в этом отношении ситуация с переименованием в Казани в 2015 г. улицы *Эсперанто* в улицу *Нурсултана Назарбаева*, что вызвало бурные и продолжительные протесты со стороны жителей города.

Как правило, именно переименование выступает поводом для конфликта между принимающими решение субъектами власти и местными жителями. Последних волнуют не только проблемы со сменой документов на объекты частной собственности и адресную прописку, но и то, что может быть обозначено как «нарушение права на благоприятную окружающую среду в ее антропогенном сегменте, гарантированное статьей 42 Конституции РФ» [Соколова, 2016, 112]. В отношении топонимического ландшафта право на благоприятную среду распространяется в том числе и на право пребывания человека в комфортном языковом и привычном топонимическом окружении.

Простым способом предотвращения социальной напряженности служат предварительные социологические опросы граждан, проживающих в домах на планируемых к переименованию улицах. Положительное решение в таких случаях принимается лишь при наличии преобладающего числа согласившихся. Подобная практика известна и используется на деле (например, в Екатеринбурге), однако, к сожалению, распространена не везде.

К формированию и реализации топонимической политики в современных реалиях неприменимы ни желания отдельных социальных акторов, ни «уличная демократия». Политика может выстраиваться только в интересах самого города как субъекта хозяйственной деятельности. Поскольку в идеале она должна быть ориентирована на долговременную, системную и планомерную номинативную работу, складывается необходимость применения правил стратегического управления. Это означает, что в основу топонимической политики должна быть положена ясная концепция топонимического означивания, скоординированная с политикой в области культурного и социального развития и с индивидуальной стратегией в развитии территории. Для программного управления топонимической политикой необходимы не только базовые нормативные документы и регламенты присвоения названий, но и детализированные методические материалы в области нейминга и экспертной оценки нового топонимического материала.

Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М., 2016.

И. А. Горбушина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Москва, Россия
 igor84@yandex.ru

Проблема этимологической интерпретации лексической группы *суторить, сутурма и сутырь*

Известно, что, устанавливая факт родства слов, необходимо основываться на словообразовательных и морфонологических закономерностях, в том числе на регулярных морфонологических чередованиях.

Однако в живом языке встречаются слова, не укладывающиеся в рамки регулярных чередований. Доклад посвящен анализу нетипичных вариантов праславянского корня **ter-* и имеет целью установить, какие факторы повлияли на расхождение их фонетических форм при сохранении семантической близости.

Регулярный вариативный ряд корня **ter-* связан с разграничением ступени **e* в основе инфинитива (**terti*) и ступени редукции **ь* в основе настоящего времени (**tьrǫ*), с удлинением **ь > *i* в основе настоящего времени при образовании итератива (**tьrǫ > *tirati*), с наличием **o* при образовании именных форм (**terti > *torь*), **a* при вторичном наложении удлинения на апофоническое *o* (**tariti*).

Из этого ряда выпадают формы с корнем **tur-* (диал. *сутурма* ‘сутолока, суета’ [СРНГ, 42, 323]) и **tyr-* (диал. *сутырь* ‘спор, ссора, беспокойство’, *сутыра, сутырник* ‘сутяга, кляузник’, *сутырить(ся), сутырничать* ‘ссориться, браниться, сутяжничать, кляузничать’, *сутырный* ‘беспокойный, заботливый; торопливый’, *сутырицина* ‘суета, суматоха, беспорядок’, *сутырь* ‘вздорный, придирчивый человек; бестолковый спор; спорный участок земли’ [Там же, 324]), которые многие авторы относят к гнезду с корнем **ter-*. Это подтверждается семантически близкими словами с регулярным вокализмом [o]: *суторить* ‘болтать, пустословить; спорить; мешать, надоедать; толкаться, беспорядочно двигаться’, *суториться* ‘хлопотать, суетиться, спешить; упрячиться, капризничать’, *суторма* ‘суматоха, суета, беспорядок’, *сутормиться* ‘хлопотать, суетиться’, *суторный* ‘беспорядочный, запутанный’, *суторочный* ‘вздорный, сварливый’ [Там же, 319].

На базе первичного значения корня **ter-* ('физическое воздействие, трение') развивается значение 'мешать, надоедать; толкаться, беспорядочно двигаться, спешить; ссориться'.

Нерегулярный вокализм **tyr-* объясняется продлением ступени редукции [ъ] > [ы], которое предполагается также в **tyrkati*, **tyrknŋti* (экспрессивное образование от *торкать*, *торкнуть*, см. *мереть* [Фасмер, 4, 132]), как и в некоторых других гнездах: **dъrati*, **dirati* — **dyra*; **zъrĕti*, **zorkъ*, **-zirati* — **zyrkati*, **zyrknŋti*.

С вариантом **tur-* другая ситуация. Регулярного чередования [e]/[o]/[y] в славянских языках не наблюдается. Можно было бы предположить, что *сутурма* — осколок какого-то другого гнезда, если бы не очень близкие слова с регулярным вокализмом *суторма* и с нулевым *сутрома*. Этот ряд (*су-тор-ма* / *су-тур-ма* / *су-тр-ома*) дает основание предполагать, что безударный корневой гласный в одном случае подвергся межслоговой ассимиляции (ср. диал. *угурец* 'огурец', *угустить* 'угостить' [СРНГ, 46, 262–263]), а в другом — полной редукции. Возможно и еще одно допущение: развитие вокализма [y] как полной ступени к ступени редукции [ъ]. Подобное совпадение при вторичной ступени огласовки встречается в славянских языках [Варбот, 2012, 246].

Таким образом, толкование приведенной группы русских лексем на базе гнезда с корнем **ter-* становится возможным при допущении для этого гнезда ступени редукции [ъ].

Варбот Ж. Ж. Вокруг славянского гумна // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб., 2012. С. 243–247.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

Ю. Ю. Гордова

Институт языкознания РАН
Москва, Россия
onyuma-gyazan@yandex.ru

**Приемы и методы ономастической реконструкции:
восстановление топонимии предыдущего
хронологического слоя
по названиям пустошей, городищ, селищ
(на материале рязанской средневековой топонимии)**

Сведения памятников письменности по топонимии большинства периферийных русских регионов вплоть до XVI в. крайне скудны. Они дают в руки исследователя лишь отдельные, во многом фрагментарные факты, не позволяющие рассматривать топонимию раннего периода как систему. В такой ситуации возникает необходимость поиска новых приемов и методов, позволяющих выявлять названия, которые по своим формальным, семантическим и иным признакам могут быть отнесены к топонимии древнерусского времени. Одним из них может служить прием восстановления ранних названий региона по названиям пустошей, городищ и селищ, упоминаемых в средневековых документах. Источники этого времени носят уже массовый характер и содержат богатый материал, который может быть использован и для реконструкции названий предыдущего хронологического слоя. Прием рассматривается на материале рязанской топонимии.

В ходе ономастической выборки из текстов древнерусских летописей удалось выявить 66 наименований, относящихся к территории Рязанского великого княжества (образовано в середине XII в.). В их числе древнейший русский ойконим этой земли, название стольного города *Рязань*. История топонима необычна. Город впервые упоминается в летописях под 1095 г., в 1237 г. столица княжества была почти полностью уничтожена войсками хана Батыея. Однако ликвидация города привела не к переходу его названия в разряд исторических, а к тому, что имя утраченного объекта стало наименованием всей Рязанской земли. Постепенно наметилась тенденция переноса топонима

на другое поселение, выполнявшее функции столицы и имевшее собственное название — *Переяславль*. Процесс проходил в течение XIV в.

История названия *Рязань* служит яркой иллюстрацией древнейшей топонимической традиции сохранения особо значимых топонимов после утраты самого объекта, носителя имени. Однако эта особенность древнерусской топонимии распространяется не только на названия важнейших городов области, но и на названия рядовых поселений. В случае утраты поселения его имя переходило на близлежащие объекты (водоемы, поля, другие поселения) или сохранялось в качестве названия городища, селища или пустоши, оставшихся на заброшенном месте. Впоследствии здесь вновь могло возникнуть поселение, и ему давали имя исчезнувшего города или села. Благодаря этому они могли сохраняться в течение нескольких столетий.

Это подтверждает история отдельных топонимов, которые точно локализованы и соотносены с объектами не вызывает сомнений. В частности, место уничтоженного летописного города *Перевитска* уже в источниках XVI в. называется *Перевицким Городищем* [ПК, 165], рядом с ним — *Перевицкая чернопосацкая земля*, *Перевицкий посад*, или *Перевитцк на посаде* [Там же, 165, 175, 178]; позднее в том же районе возникает деревня *Перевицкий Торжок*.

В XIV в. в районе р. Глинка существовала деревня, название которой фиксируется только в XVI в. как название «пустоши, что была д. Митякино» [ПК, 214]. Существовавшая здесь в наши дни деревня тоже носит название *Митякино* [АКР, 3, 43; Гордова, 2010, 51], т. е. на месте пустоши вновь возникло поселение, перенявшее историческое имя.

Полагаем, что появление географических терминов *городище*, *городищец*, *городок*, *селище*, *пустошь* также было вызвано желанием сохранить память об утраченных поселениях, что и отражено в семантике лексем: *городище* ‘место, где раньше был город’, *городищец*, *городок* ‘место, где раньше было небольшое укрепленное поселение’, *селище* ‘место, где раньше было сельское поселение’, *пустошь* ‘запустевшее место’.

При образовании топонимов эти термины использовались как самостоятельно, без дополнительных лексических и морфологических средств (д. *Городище*, д. *Селище*), так и в составе двучленных или трехчленных наименований с участием определений, указывающих на имя старого поселения. Такие топонимы (*Глебово Городище*, *Селинское Городище*, *Горбцово Селище*, *Ивановское Пронино Селище*, *Литвиновское*

Селище, Селище Романовское Побежимова и т. д.) позволяют восстановить названия древних поселений: г. *Глебов*, г. *Сель / Селинск*, д. *Горбцова*, д. *Ивана Пронина*, д. *Литвинова*, д. *Романа Побежимова* и т. д.

Ряд топонимов проходит «трехступенчатую» транстопонимизацию, сначала сохраняясь в названии селища, затем в названии деревни — уже в составном образовании с участием поселищного термина, и далее в названии пустоши, которое, как правило, передается в средневековых записях при помощи конструкций типа «в пустоши, что была д. Княжное Селище». Эти сведения представляются весьма ценными в свете задач реконструкции ономастической картины региона в условиях малочисленности письменных свидетельств.

АКР — *Краснов Ю. А., Михальченко С. Е.* Археологическая карта России: Рязанская область : в 3 ч. М., 1993–1996.

Гордова Ю. Ю. Топонимия Рязанской области (список географических названий). Ч. 1 : Современная топонимия. Вып. 1 : Территория бассейна реки Прони. Рязань, 2010.

ПК — Писцовые книги Рязанского края XVI в. / ред. В. Н. Сторожев. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1996.

DOI 10.31168/7996-2700-3.35

С. О. Горяев*, Ю. А. Кривошапова**

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

*gorajev@yandex.ru

**insekt@yandex.ru

Этикетное слово как маркер онимизации и трансонимизации*

В докладе речь идет о процессах образования новых имен в периферийной сфере ономастического пространства — эргонимии. Об онимизации и трансонимизации как способах образования рекламных имен, в том числе эргонимов, пишет, в частности,

---

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

© Горяев С. О., Кривошапова Ю. А., 2019

Т. П. Романова [2007, 205], рассматривая вторую как разновидность первой, вслед за Н. В. Подольской [1988], и предлагает подробную типологию анализируемых явлений. Таким образом, как способы проприативного словообразования оба эти процесса уже описаны. Нам бы хотелось подробнее показать возможности грамматической онимизации, т. е. «создания имен-словосочетаний, имен-фраз» [Там же, 91], и ее роль в формировании системных отношений в ономастиконе.

В качестве объекта исследования мы выбрали русские названия коммерческих предприятий, которые содержат слово *пани* — заимствованную из польского языка этикетную лексему вежливого обращения к женщине. Такое обращение распространено в ряде славянских языков, но русское языковое сознание прочно ассоциирует его именно с Польшей, см. лаконичное словарное определение: «в Польше и некоторых других странах: вежливое обращение к женщине» [Кузнецов, 2000, 778]. Рассмотрим ряд эргонимов.

Первая группа — «*пани* + неодушевленное существительное»: «*Пани Булавочка*» (товары для рукоделия), «*Пани Сумка*» (магазин сумок и подобных товаров), «*Пани Туфля*» (детская обувь). Языковая игра здесь очевидна, в терминологии Т. П. Романовой это метонимическая онимизация, «отражающая в названии объект продажи» [Романова, 2007, 206]. Со своей стороны отметим, что этикетное слово задает восприятие следующей лексемы как собственного имени, квазиантропонима — и тем самым является основным средством онимизации.

Вторая группа — «*пани* + одушевленное существительное»: «*Пани модница*» / «*Pani Modnica*» (салон красоты в Новосибирске), «*Пани модница*» / «*Pani Modniza*» (то же в Омске, орфография сохранена), «*Пани мама*» (подушки для беременных). Эти примеры — результат метонимической онимизации, указывающей на потребителя [Романова, 2007, 206]. Учитывая, что в современном русском языке подобные лексемы не распространены (с утратой советского *товарищ* и более ранних *госпожа*, *сударыня*), употребление *пани* делает лексему маркером трансонимизации.

Третья группа — «*пани* + антропоним»: «*Пани Влада*» (ювелирный интернет-магазин), «*Пани Сафи*», «*Пани Яна*», «*Пани Каролина*» (все примеры — магазины одежды), «*Пани Моника*» (12 примеров, в основном магазины одежды и косметики). Во всех примерах имя

реального владельца не совпадает с вынесенным в название магазина. Таким образом, перед нами несомненная трансонимизация. В обычном русском контексте употребление *пани* в сочетании с антропонимом сразу же намекает на то, что это не антропоним. Мы разделяем высказанное в частной беседе мнение И. В. Крюковой о том, что трансонимизация почти всегда следует по пути от ядра к периферии ономастикона, таким образом, парадоксально этикетное слово-обращение к человеку становится маркером «расчеловечивания». Отметим также, что с точки зрения словообразования рекламных имен приведенные примеры являются результатом символической трансонимизации [Романова, 2007, 206] и эксплуатируют национальный русский стереотип польской женщины — изящной, модной и ветреной красавицы. Два последних примера — несомненно, отголосок популярного сериала «Кабачок тринадцать стульев»; показательно, что персонаж *пани Каролина* представлен только одним эргонимом, а *пани Моника* — двенадцатью.

Таким образом, в русском языке слово *пани* является экзотизмом, поэтому употребление его в контексте, не связанном непосредственно с польской или иной не отечественной культурной ситуацией, автоматически переводит высказывание из реального модуса в режим языковой игры. Заимствованная лексема *пани* выступает как маркер ономастических процессов — онимизации и трансонимизации.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.

Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5. С. 204–214.

Л. Г. Гулиева

Бакинский государственный университет
Баку, Азербайджан
lalaquli@rambler.ru

Русский островной говор Азербайджана в ономастическом пространстве региона

Русская антропонимия, топонимия, русский островной говор — это «мигранты» на территории Азербайджана. Русский ономастикон Азербайджана формировался не только на базе русского островного говора на данной территории, в нем активно участвует и лексика русского литературного языка.

Исследование семантической структуры онимов и апеллятивов раскрывает видение мира носителями данного языка (говора). Членение семантического пространства происходит в разных языках приблизительно одинаково. Однако специфика каждого языка проявляется в способе членения общего семантического пространства, в концептуальной картине мира, составляющейся из взаимосвязанных универсальных концептов. На уровне региональной ономастики происходит следующее: «Диалектные концепты маркируются в концептосфере региональных онимов и обеспечивают концептуальную основу для возникновения оппозиций на разных языковых уровнях. С помощью диалектных и ономастических концептов структурируется знание о регионах, их культурной и языковой специфике <...> региональный оним закрепляет и отражает территориальные отличия в ономастической системе...» [Щербак, 2008, 17]. Поскольку связь ономастических и диалектных концептов несомненна, то в процессе исследования выявляются лакуны в концептосферах с обеих сторон, что, естественно, отражает объективную картину семантических полей в системе говора. Когнитивный подход к исследованию онимов вызван необходимостью осмысления образности имени собственного. «Это дает возможность говорить о том, что значительная часть лексических отличий в разных языках и говорах может быть вызвана различиями в структуре образности, которая находит свое воплощение на уровне антропонимической системы при формировании ономастической категории» [Щербак, 2014, 18].

Диалектная ономастика связана также с лингвокультурологией. Ономастический материал «консервирует» определенный пласт лексики, которая может считаться архаической, не употребляемой из-за отсутствия ее носителей (естественный процесс, уход из жизни старшего поколения); диалектный ономастикон является хранителем исторического, этнического знания.

Русская микротопонимия Азербайджана базируется непосредственно на местной диалектной основе, поскольку микротопонимы представляют собой тот пласт лексики говора, который функционирует в повседневном обиходе его носителей. В состав диалектной лексики и микротопонимии входит одна и та же лексико-семантическая группа слов — местные географические апеллятивы. Существовая в говоре как нарицательное слово, местный географический апеллятив таит в себе возможность стать собственным именем. Происходит совпадение, совмещение репрезентации апеллятива и онима.

Если на уровне топонимической системы русского островного говора Азербайджана уместно говорить о связи «апеллятив — оним» и доказательство этой связи лежат на поверхности, то антропонимическая система является закрытой, привнесенной извне.

В исследуемом островном говоре антропонимическая система, в частности фамилии русских переселенцев, рассматриваются как данность, уходящая своим происхождением в метрополию диалекта. Исключительность онима, его нехарактерность для данной местности, семантическая закрытость для носителей говора может подтверждать его «миграцию». В таких случаях оним функционирует в ономастическом пространстве говора, являясь репрезентативным средством, связанным с апеллятивной лексикой. Однако, являясь «мигрантом», такой оним (конкретная фамилия с закрытой семантической структурой) может и не быть средством репрезентации ономастического знания для носителей островного говора, не отражает «референцию характеристики человека» [Щербак, 2014, 19, 21].

Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики : автореф. дис ... д-ра филол. наук / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2008.

Щербак А. С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопр. когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (41). С. 18–22.

А. В. Гура

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
avgura@mail.ru

Об одном архаическом способе символизации в культуре

В традиционном и обыденном сознании присутствует устойчивая ассоциация свадьбы с дракой, ссорой. Существует расхожее мнение носителей народной традиции, что свадьба не обходится без драки. Такое сближение имеет и ритуальное выражение: у польских пастухов Западных Бескид один из обязательных эпизодов игры в свадьбу — драка в корчме после венчания. Почему эти понятия находятся в постоянной коннотативной связи со свадьбой? Возможно, потому, что в конце свадьбы допускается разгул, бесчинства? Или потребление алкоголя вызывает пьяные ссоры? Попытки ответить на этот вопрос давались разные. А. А. Потебня отмечал символическую связь женитьбы и пира (в том числе свадебного) с битвой. Другие видели в имитации драки на свадьбе реликт насильственного умыкания. Но ни одна из этих трактовок не выглядит вполне убедительной. Подобное восприятие свадьбы, как кажется, объясняется проще и лежит в иной плоскости: оно отталкивается не от каких-либо реальных особенностей свадьбы, которые осмысляются путем логического сближения их со ссорой или дракой, а определяется формальным, фонетическим созвучием соответствующих слов. Акустическая близость слов формирует символическую связь стоящих за ними понятий. Названиям свадьбы *свад(ь)ба* и *свар(ь)ба* созвучны соответственно *свада* и *свара*, обозначающие ссору, вражду, драку. Подобные анафорические созвучия ярко представлены в жанре снотолкований: «Свадьба (*сва́бда*) — будет драка (*сва́да*)» (у болгар Баната); «Свадьба (*свадба*) означает ссору (*свађу*)» (у сербов Шумадии); «*Сварьба* — к *сваре*» (в Ярославской губ.).

Снотолкования — один из видов прорицаний, а фонетические созвучия, на которых они строятся, представляют собой род вербальной магии. Магическое значение приписывалось анаграмме в древних поэтических текстах. Она выполняла магическую роль табуистической замены сакральных имен. Принцип звуковой мотивации символики

сновидений известен с глубокой древности. Подобные примеры имеются в ассирийских, древнеегипетских, античных, византийских сонниках.

В традиционной символике сновидений рыба у сербов и хорватов получает в качестве прогноза значение заботы, беспокойства на основе анаграммы *риба* — *брига*, на Русском Севере толкуется как предвестье плача исходя из анафоры *рыба* — *рыдать*, а в Полесье символизирует прибытие гостей по созвучию *риба* — *прибыль*. Корова во сне получает в Полесье ассонансные и рифмованные толкования *корова* — *хвороба* (символ болезни) или *корова* — *корогва* (хоругвь), объясняемая как предвестье болезни или смерти, а также аллитерационное толкование *корова* — на *кровь*. У русских символическая связь ее с плачем обусловлена рифмой: (*видеть*) *корову* — к *рѣву*. В Вологодской области известно анафоническое снотолкование *корова* — *оброк* (напоминание о данном обещании). А на Украине в основе символики коровы как врага лежит анаграмма, почти палиндром: *корова* — *ворог*.

В поэтической речи фонетические созвучия выполняют прежде всего формальную роль — ритмическую, эвфоническую и т. п. Б. Эйхенбаум писал, что стих отличается от не-стиха особенностями звукового порядка, а не смыслового. Звуковые средства (рифма, ассонансы и пр.) имели изначально первостепенное значение в образовании стихотворной речи. В «Слове о полку Игореве» А. Ю. Чернов и С. Л. Николаев выявили систему рифмовки, основанную на хендингах, характерных для скальдической поэзии, и обнаружили ряд смысловых рифм, заключающих в себе магию слова, восходящую к наследию волхвов. Князь Игорь, бегущий из плена горностаем, — пример архаического синкретизма магии (оборотничества) и слова — обращения человека в горностаю по вербальному созвучию человека и животного: «*а Игорь князь поскочи горнастаемъ к тростію*».

Магическая функция речи и действенный механизм символизации на основе созвучий присущи также жанру заклинания. Одним из показателей архаики заклинательных формул может служить синкретизм слова и магического действия, когда заклинание представляет собой перформатив, самостоятельный вербальный ритуал. Этимологическую связь слов *змија* и *земља* воскрешают сербские заклинательные формулы от змеиного укуса, о которых писал В. Н. Топоров. Их произносят, прикладывая землю к месту укуса: «*Земља земљу љуби!*» <Земля

землю целует!», «*Земља земљу јела*» <Земля землю (пусть) ест!>. Актуализация смыслового родства слов путем их созвучия задействует и символическую связь между соответствующими реалиями — змеей и землей — по локативному признаку. Звуковая игра в магических целях представлена в заговорах, в которых символическим значением наделяются личные имена, созвучные названиям того, на что направлена сила заклинания: имя *Стоян* у болгар используется для остановки кровотечения, а *Видо* у сербов — для лишения зрения, способности видеть дневной свет (*видело*): «*Видо, видело да не видиш!*»

Наделение зверька ласки символикой ласковости у поляков Малопольши обусловлено анафорой *lasia, lasica* ‘ласка’ и *lasić się* ‘ластиться, ласкаться’. Считается, что за вежливое обращение к ней *pani lasia* она будет ластиться к человеку и укажет ему клад. Символическими связями обрастает также созвучие названия ласки в Полесье (*ласица*) с ее действиями по отношению к скоту — *ласкать, ласкотать* ‘щекотать’, которые сближают ее с русалкой, полудницей, кикиморой и тому подобными персонажами.

В результате народноэтимологического сближения на звуковой основе символическое значение получают дни недели. В северной Болгарии четверг наделяется символикой прочности, здоровья: в четверг (*четвъртък*) на основе анафонического созвучия с прилагательным *чевръст* ‘прочный’ раздают хлеб при рождении ребенка, чтобы ребенок был крепким (*чевръст*). А у словенцев Восточной Штирии вторник считался опасным своей демонической силой: невеста не должна была переходить на житье к жениху во вторник (*torek, -rka*), потому что с ним связано созвучное по названию демоническое существо *tork(lj)a*, которое наказывает пряжу за нарушение запрета пряхь вечером в определенные дни.

Часто фонетический и логический способы символизации действуют совместно. Так, апотропейная символика бороны в ритуальной магии мотивируется не только ее решетчатостью, острыми зубьями, ячейками и узлами-переплетениями, но и сближением омонимов **borna* — как ‘борона’ и как ‘оборона, защита, преграда’, — возможно, сближением вторичным, поскольку разошедшиеся значения, скорее всего, восходят к семантически единому слову. Мотивы воровства в представлениях о воробье связаны с вредом, который он наносит посевам. Отсюда обереги полей от воробьев. Та же символика — в украинской

легенде о том, что птицы за воровство заковали воробью ноги в кандалы, отчего он скачет на обеих ногах. Поддерживается такая символика анафорическим сближением слов *воробей* и *вор*. Хтоническая, связанная со смертью символика ворона определяется его черной окраской и тем, что он питается мертвечиной. У болгар она подкрепляется аллитерацией *гарван* ‘ворон’, *грача* ‘каркать’ и *гроб* ‘могила’. Отсюда болг. диал. *гроб*, *гробник*, *гробар* ‘ворон’ и вербальная имитация его крика: «*гро! гро!*» (т. е. гроб). А у поляков символика кражи применительно к вороне, вызванная ее охотой на цыплят (отчего в гнездо наседке для берега кладут вороньи перья), мотивируется еще и фонетически — анафорой *krakać* ‘каркать’ и *kraść* ‘красть’ (ср. также передачу крика вороны «*kra-aść!*») и анаграммой (анафонией) *wrona* ‘ворона’ — *porwanie* ‘похищение’, *porwać* ‘похитить, выкрасть’.

Мотивация значения на основе созвучий помогает не только понять архаические механизмы символизации в культуре, но и способствует более полному раскрытию смысловых связей слов в этимологических исследованиях.

DOI 10.31168/7996-2700-3.38

Ю. А. Дзицойты

Юго-Осетинский государственный университет
им. А. Тибилова
Цхинвал, Республика Южная Осетия
dzicc@mail.ru

Реликты мифа о похищении сомы в топонимии Южной Осетии

1. Топонимические предания осетин являются неотъемлемым сопровождением каждого агитопонима, играющего сколько-нибудь важную роль в жизни общества. Их историческая ценность весьма условна, поскольку хранящиеся в них сведения не поддаются проверке с помощью существующих исторических источников. Этого нельзя сказать о мифах, представленных в топонимических преданиях: даже те из них, которые сохранились не в полной, завершенной форме,

а в отрывочном виде, содержат в себе важные сведения по древней мифологии. И только путем сравнительно-фольклористического исследования можно установить их «полную» форму, генетические связи и мифологический контекст.

2. В Южной Осетии множество преданий связано с одной из наиболее почитаемых гор, известной у осетин под тремя названиями: *Бурхох* ‘Желтая гора’, *Бурсамдзели* ‘Желтый саманник’ и *Хурбадаэныхох* ‘Гора — обитель солнца’. В большинстве преданий с этой горой связывается эпоха «золотого века» в мифологической истории осетин. У соседних грузин гора Бурхох почитается под названием *Брутс-сабдзели* ‘Саманник слепого’, а в грузинских преданиях о всемирном потопе она занимает то же место, что и гора Арарат в христианской традиции.

3. Среди преданий о горе Бурхох особое место занимает сюжет о похищении напитка *элутон* — пива особой варки, способного навсегда (в вариантах: надолго, на семь лет) утолить голод и жажду. Этот божественный напиток хранился в золотом замке на вершине священной горы Бурхох. Судя по контексту, вокруг напитка стояла охрана, ибо, когда его похищали, кто-то пытался организовать погоню. Однако никто не смог помешать похитителям. Место, по которому везли *элутон*, до сих пор называется *Элутоны ласен* ‘Место провоза *элутон*’, *Элутонваандаг* ‘Дорога, по которой везли *элутон*’.

4. Из предания неясно, кто и как похитил *элутон*, куда его доставили, какова дальнейшая судьба этого напитка и мн. др. В одной осетинской сказке находим «глухое» упоминание о том, что некий орел похитил в клюве глоток *элутон*’а. А в Нартовском эпосе осетин встречается сюжет о возвращении похищенного у героев-нартов чудесного котла, в котором хранился напиток, надолго утолявший жажду и голод, его законному хозяину. Вернуть реликвию помогло божество Уастырджы в образе гигантского орла.

Совершенно ясно, что перед нами осколки единого мифа о похищении священного напитка, типологически и генетически соотносимого с древнеиндийским мифом о похищении священного напитка сомы (или амриты). Похитителем сомы оказывается божество Индра в образе гигантского орла.

5. В осетинской традиции единый некогда миф представлен в виде не связанных между собой фольклорных памятников:

1) топонимического предания, подкрепленного соответствующими топонимами, призванными подчеркнуть «реальный» характер информации, 2) эпизода из сказки, 3) эпического сказания. На этой основе можно сделать вывод о существовании в прошлом эпического цикла о священной горе Бурхох, основная тема которого — жизнь первых людей в эпоху «золотого века», очевидно, питавшихся чудесным напитком, похищение которого, скорее всего, и ознаменовало конец этого века.

DOI 10.31168/7996-2700-3.39

Е. В. Дзюба*, С. А. Еремина**

Уральский государственный педагогический университет

Екатеринбург, Россия

*elenacz@mail.ru

**swegle@yandex.ru

О феномене вторичной русскоязычной самономинии у китайских студентов*

При обучении китайских студентов русскому языку как иностранному преподаватели сталкиваются с интересным феноменом — вторичной самономинией, выбором иностранными учащимися второго — русского — имени. Обычно имя выбирается студентами еще в начале обучения языку в университетах Китая; русские имена берут себе и китайские преподаватели, ведущие отдельные курсы по русскому языку.

Такой шаг студенты и преподаватели объясняют трудностью восприятия и произношения китайского личного имени русскими коллегами, опасениями искажения фонетического облика имени собственного, ведущего к серьезным семантическим изменениям. Выбор второго имени связан также с желанием приобщиться к русской культуре и быть толерантными.

С целью определить мотивировочные признаки, лежащие в основе выбора русскоязычного имени собственного у иностранцев, была

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895.

© Дзюба Е. В., Еремина С. А., 2019

разработана анкета, предлагающая изучающим русский язык китайцам — студентам Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург) ответить на следующие вопросы:

1. Ваше китайское имя (русскими буквами).
2. Что означает ваше имя в переводе с китайского языка?
3. Кто из родителей дал вам китайское имя?
4. Почему ваши родители выбрали это имя? (Потому что так называли родственников или известных людей, или это имя отражает вашу внешность и т. п.)
5. Вам нравится или не нравится ваше имя? Почему?
6. Ваше русское имя.
7. Вы сами выбрали себе русское имя?
8. Почему вы выбрали это русское имя?
9. Почему вы согласились взять это русское имя?
10. Вы отзываетесь на другие варианты вашего русского имени (например: *Мария — Машиа, Машенька...*)?
11. Какие другие русские имена вам нравятся? Почему?

Ответы респондентов показали, что процесс вторичной самоиминации осуществляется на основании следующих мотивировочных интенций.

1. Фонетический облик имени собственного

1.1. Выбор нового имени осуществляется на основании фонетической близости родного и русского имени (общности некоторых звуков или звукосочетаний), ср.: студент по имени *Пан Хао* выбирает имя *Петр* (общность начального звука), *Мин Лео* выбирает имя *Виола* (общность некоторых звуков) и т. п.

1.2. Выбор нового имени обусловлен благозвучием, гармоничностью (по субъективному мнению носителей китайского языка) звучания. Так, благодаря «приятному», по мнению иностранцев, звучанию приоритетными для выбора оказываются имена *Аврора, Анна, Андрей, Виктор, Ира, Наташа, Пульхерия* и др.

1.3. Выбор нового имени диктуется краткостью написания и произношения: «*Зоя*. Потому что это имя очень короткое». Эту причину выбора имени можно объяснить явлением интерференции: носителям моносиллабических языков сложно воспринимать и произносить многосложные русские слова.

2. Семантические характеристики имени собственного

2.1. Выбор нового имени определяется семантикой этимона русского имени, ср.: «*Софья*. Это хорошее имя. Оно обозначает ‘умная, мудрая’»; «Мне нравится имя *Надежда*, оно имеет хорошее значение. Я надеюсь на хорошую жизнь»; «Мое имя *Любовь*. Потому что, я думаю, любовь — это хорошо»; «*Роза* — как цветок».

2.2. Выбор нового имени обусловлен семантической близостью его этимона этимону китайскому имени, ср. в одной из анкет: «Сейчас в России меня зовут *Евгений*. Мое русское имя я сам выбирал, потому что китайское и русское имя имеют одинаковое значение» (имя студента *Лян Чжао*, что в переводе с китайского означает ‘храбрый, отважный’, в языковом сознании студента понятия «храбрый», «отважный» и «благородный» семантически сближены).

3. Лингвокультурная идентификация

Самономинация определяется связью с именем собственным конкретного человека как феноменом русской культуры, ср.: «Мое имя *Катя*. Это хорошее имя. Екатерина основала Екатеринбург».

4. Коммуникативно-ситуативная обусловленность вторичной самономинации

Выбор имени определяется спецификой учебной ситуации: самономинация по имени учителя русского языка; присвоение имени, наиболее частотного в учебниках русского языка как иностранного (*Анна, Антон*).

5. Общее позитивное восприятие имени

Нередко студенты не могут отчетливо обозначить причину выбора, отмечая общее положительное впечатление от имени собственного, ср.: «Мое имя *Аврора*. Я думаю, что оно симпатичное»; «Я выбрала имя *Анна*. Потому что это милое имя».

Выбранное студентом имя не всегда имеет официальную форму. *Саша* предпочитается *Александру, Рита — Маргарите*. Гипокористики часто не воспринимаются китайскими студентами как варианты официального имени, что становится лингводидактической проблемой обучения иностранцев [см. об этом: Супрун, 2017].

Показательно, что любой способ самономинации, лежащий в основе искусственного выбора вторичного русскоязычного имени

китайскими студентами, сопряжен с позитивным восприятием данной единицы русского языка на всех уровнях — фонетическом, семантическом, асоциативном, уровне положительного коммуникативного опыта, позитивного восприятия отдельных феноменов русской культуры и т. д.

Супрун В. И. Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты русской ономастики // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст. Тяньцзинь, 2017. С. 164–171.

DOI 10.31168/7996-2700-3.40

Т. Н. Дмитриева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
profdmitan@yandex.ru

К истории и этимологии мансийских топонимов: озеро *Ваткатур* и смежные объекты

Памяти Габора Б. Секея посвящается

Озеро *Ваткатур* (манс. сев. *В̄атка т̄ур*) находится на севере Свердловской области, в междуречье Лозьвы и Пельыма, в районе верхнего течения обеих рек, на территории традиционного проживания манси, где преобладает топонимия мансийского происхождения. Это самое крупное озеро в данной местности: его наибольшая длина (с юго-запада на северо-восток) — 2,5 км, ширина (с северо-запада на юго-восток) — 2 км; название фиксируется на современных картах.

Сопоставление современных топонимических данных, сведений письменных источников и исторических карт позволяет еще раз обратить внимание на историю функционирования и этимологию названий данного озера и смежных с ним объектов.

1. На рукописных картах Антала Регули середины XIX в., являющихся уникальным источником полевых сведений о топонимии Северного Урала [см.: Секей, 2012; Дмитриева, 2015б; 2017], озеро названо

Kvätyl turr [Reguli, 1844a; 1844c], а также *Kvatyl turr* oder [или] *Vatyä turr* [Reguli, 1844b].

Левый приток Лозьвы, который берет начало неподалеку от указанного озера, к юго-юго-востоку от него, Регули обозначает как *Kvätyl* [Reguli, 1844a]. На основе записи Регули Г. Секей восстанавливает западномансийскую форму гидронима с номенклатурным термином «река»: **Квэтьл(-Е)* ‘Средняя (река)’ [Секей, 2012, 25] — в финно-угорской транскрипции для пельымского, как и для среднелозьвинского диалекта, должно быть **kwätl-(jā)* — при *kwätl* ‘середина, средний’, *jā* ‘река’ [MuK, 140, 243].

На современных картах это р. *Комля* [Карта 1994; Карта 2004; Атлас 2010, 24–25; и др.]; в материалах [ТЭ] (1960-е — начало 1970-х гг.) — рус. *Комля*, манс. сев. (в.-лозьв.) *Комилья (Комиль)* ‘Средняя река’ (манс. сев. *kwotël ~ kwotl [kotl]* ‘середина, средний’, *jā* ‘река’ [MuK, 140, 243]) [см.: Матвеев, 2011, 101]. Обращают на себя внимание полевые фиксации как с номенклатурным термином, так и без него.

При всей прозрачности компонентов гидронима **kwätl (jā) = Комилья* его мотивация может быть различной. Во-первых, он может указывать на место начала реки на водоразделе Пелыма и Лозьвы, — значит, ‘Средняя река’ может быть и ‘Рекой середины’. Однако эта река впадает в Лозьву почти посередине между устьями рек Большая Манья (левый приток р. Лозьва) и Северная Тошемка (правый приток р. Лозьва), тогда она буквально «средняя». Кроме того, нельзя не учитывать наличие соседнего объекта — озера *Kvätyl turr (*Квэтьл-Тур)* [Секей, 2012, 25].

Название озера *Kvätyl turr* записано Регули [Reguli, 1844a; 1844b; 1844c] в западномансийском варианте: пелым. **kwätl tür (kwätl* ‘середина, средний’ (см. выше), *tür* ‘озеро’ [MuK, 243, 683]). Г. Секей восстанавливает **Квэтьл(-Е)-Тур (= *kwätl (jā) tür. — Т. Д.)*, т. е. ‘Озеро (у) Средней (реки)’ [Секей, 2012, 25], предполагая первичность речного гидронима. Однако если учесть географическое положение озера на водоразделе Лозьвы и Пелыма, а также его размеры, можно толковать **kwätl tür* как ‘Озеро середины’ или ‘Среднее озеро’, и даже название реки *kwätl* возводить к **kwätl (tür) jā* ‘Река Среднего (озера)’. При явной взаимосвязи названий озера и реки все же нельзя точно определить, какое из них первично.

2. В качестве параллельного названия для того же озера Регули приводит вариант *Vatyä turr* [Reguli, 1844b]. Его современное название

Ваткатур = манс. сев. *Вātка тūr*. Из озера вытекает речка, ныне известная как *Ваткатурахт*, правый приток р. Ахтасымполум (манс. сев. *Вātка тūr āхт* ‘Протока (из) озера *Вātка тūr*’) [Атлас 2010, 18; Матвеев, 2011, 94, 95], у Регули это речка *ait*, или *Toraut* [Reguli, 1844a], или *Turäch* [Reguli, 1845].

В названии *Вātка тūr* детерминант *тūr* имеет значение ‘озеро’, а атрибутивный компонент *вātка* остается неясным [Матвеев, 2011, 94–95].

Форма *Vatüä turr*, зафиксированная Регули, дает возможность, хотя и под вопросом, соотносить атрибутив (*wātü) с манс. сев. *wāti* ‘близкий’ [МуК, 722]. То есть это могло быть ‘Близкое озеро’, но близкое к чему? Возможно, к мансийским поселениям — юртам. Одно из поселений, *Panka paul* ‘Поселение (манси по имени) Панка’, отмечается Регули на северном берегу озера, справа от истока речки, вытекающей из озера [Reguli, 1844a; 1844c; см.: Секей, 2012, 35]. В других источниках данное название впоследствии не встречалось, но на современных картах на восточном берегу озера и фактически там же, где у Регули, до сих пор отмечены безымянные избы.

Еще одно поселение — *Aikapī paul* ‘Поселение (манси по имени) Айкапи’. Согласно Регули, оно находится к северу от озера [Reguli, 1844b], на левом [Reguli, 1844a; 1844c] или на правом [Reguli, 1845] берегу той же речки. Примерно на том же месте до начала 2000-х гг. существовала мансийская деревня Суеватпауль (манс. сев. *Сүй вāt пāвыл* ‘Поселение у бора’) [Матвеев, 2011, 119], известная по источникам с начала XX в. и первоначально располагавшаяся на 5 км севернее [см.: Дмитриева, 2015а, 5–6; Карта 1994; Карта 2004; Карта 2010; Атлас 2010, 6, 18].

Подводя итог, отметим, что одно из названий озера Ваткатур, зафиксированных Регули в XIX в., — **kwät’l tūr*, ныне неизвестное, было создано пелымскими, т. е. западными, манси (их диалектов уже не существует), а второе — *wātü tūr (возможно, из **wāt’i tūr*), сохранившееся до наших дней в адаптированном виде (адаптация требует дополнительного выяснения), может иметь северномансийское, верхнелозьвинское происхождение.

Атлас 2010 — Свердловская область. Атлас. Масштаб 1 : 100000. Т. 1 : Север области. Екатеринбург ; М., 2010.

Дмитриева Т. Н. Топонимическая картина окрестностей мансийского поселка Суеватпауль (полевые материалы 1969–1971 гг. и данные карт) // Культура и быт уральских манси : сб. ст. / сост. С. Н. Кучевасова. Екатеринбург, 2015а. С. 5–20.

Дмитриева Т. Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах Антала Регули 1844–1845 гг. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015б. С. 96–99.

Дмитриева Т. Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах Антала Регули и этимологизация мансийских топонимов // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 35–52.

Карта 1994 — Свердловская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1 : 500 000 / сост. и подгот. к изд. Уральским аэрогеодезическим предприятием в 1994 г. М., 1995 (2000).

Карта 2004 — Свердловская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1 : 500 000 / сост. и подгот. к изд. ФГУП «Уралаэрогеодезия» в 1994 г. ; испр. в 2004 г. Екатеринбург, 2006.

Карта 2010 — Общегеографическая карта. Масштаб 1 : 500 000 // Свердловская область. Атлас. Екатеринбург, 2010. С. 11.

Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимии Северного Урала. Екатеринбург, 2011.

Секей Г. Топонимия верхнего течения р. Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro. 1. 1844) // Вопр. ономастики. 2012. № 2 (13). С. 18–42.

ТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург).

MuK — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Budapest, 1986.

Reguly A. Karte Nro I. Das gebiet der oberen Lozva. Vsevolodskoi. 1844. Jan., MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844a.

Reguly A. Karte Nro II. Karte des Flussgebietes der nördl. Sossva. Nach Alexei Kasimovs Nachrichten. Vsevolodskoi. 1844 Januar., MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844b.

Reguly A. Karte Nro III. Manysi oder Wogulen. Das Flussgebiet der Tavda und Konda mit einheimischen und russischen Namen. In Pelim 1844, im Mai, MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1844c.

Reguly A. Karte Nro IV. Quellengebiet der nördl. Sossva, des Pelim und der Tapsija. Zusammengestellt in Beresov, MTAK Kézirattár, M. Nyelvtud. 2drét 4. r., 5. sz. Budapest, 1845.

Л. П. Дронова

Томский государственный университет
Томск, Россия
lpdronova@mail.ru

Проблема словообразовательно-генетических отношений др.-рус. *тъска* ‘тоска, печаль’

Этимологические источники чаще достаточно уверенно (а иногда с оговоркой «возможно») связывают историю словообразовательно-этимологических отношений др.-рус. *тъска* (рус. *тоска*, укр. *тоскно*, блр. *тоскніць*) и его соответствий в западнославянских языках (чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тоскливый, заунывный’, ст.-польск. *teskny* ‘то же’ и др.) с производными корня *тъщ-* (*тъščь < **тъск-j-*), ср. рус. *моуций*, *тицета*, *тицетный* и др. [Machek, 527; Skok, 3, 446; Фасмер, 4, 488; Черных, 2, 253; и др.]. Развитие значения предполагается следующее: ‘пустой (*prázdný*)’ → ‘напрасный, тщетный (*marný*)’ → ‘удрученный, унылый, печальный, грустный (*skličeny*, *smutný*)’ [ESS, 17, 1008].

Характерная особенность производных праслав. *тъščь, указывающая на глубину его происхождения, — наличие соответствий с той же основой (не только корнем!) и значением в ряде индоевропейских языков (балтийские, индоиранские, ср. лит. *tùščias* ‘пустой, холостой, бесплодный’, *tušteti* ‘пустеть’, *tukšs* ‘пустой, полый’, лат. *tesca* (< *tuesqua) ‘пустыня, степь’, авест. *taoš-* (**touseio-*) ‘пустой, быть пустым’, афг. *māsh* ‘пустой, полый’, др.-инд. *tucch(y)á* ‘пустой, ничтожный, суетный’, хинди *туччха* ‘пустой, полый, никчемный’) [Фасмер, 4, 90–91]. Возникает первый вопрос: как же образованы восточно- и западнославянские лексемы с корнем *тъск-*, связанные с выражением понятия «тоска, печаль», если известно, что праслав. *тъščь и его балто-индоиранские соответствия восходят к основе с палатальным *-k’-* (< и.-е. **tus-sk’-ió-* [Черных, 2, 254–255; ESS, 17, 1008])? Региональная словообразовательная инновация? Но в результате чего возник вариант основы с непалатальным, не отмеченный в других языках?

Второй вопрос касается семантики др.-рус. *тъска* и предполагаемых однокорневых образований с корнем *тъск-* и *тъщ-*. Дело в том, что если западнославянские соответствия др.-рус. *тъска* связаны только

с понятием «тоска», то в древнерусских текстах наряду со значением ‘горе, печаль’ (XIII в.) у этого слова отмечены также значения ‘теснение, притеснение’ (XI–XV вв.), в более поздних текстах — ‘болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия (типа стенокардии)’ (XVI–XVII вв.), ‘тошнота, отвращение’ (XVII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 68]. Учитывая такую разнородность значений в древнерусском, словарь П. Я. Черных предполагает как старшее значение ‘давление, теснота’, из которого развилось значение ‘ощущение беспомощности, волнение’. Но при этом словообразовательно-этимологически др.-рус. *тъска* в этом словаре соотносится с праслав. *тъдъсь ‘пустой, тщетный’ и нет объяснения условий возникновения связи понятий «пустота» и «давление, теснота» [Черных, 2, 253].

Грамматически отличающееся др.-рус. *тъскъ* (*тоскъ*) также зафиксировано в значении ‘натиск, стремление, поспешность’ (XV в.). Производный глагол *тоснутися* имел значение ‘спешить, торопиться’ (XII–XIII, XV вв.), ‘стараться’ (XII в.), ‘стремиться к чему-л.’ (XV в.). Производные с корнем *тиц-* (*тъц-*) имеют то же соотношение значений: *тицати* ‘принуждать, побуждать, торопить’ (XI в.), *тицатися* ‘торопиться, спешить’ (XI в.), ‘стремиться’ (XI в.), *тицанный* ‘поспешный, торопливый’ (XV в.), ‘усердный’ (XII в.), ‘желанный, вожденный’ (XII в.), *тицивый* ‘пустой, малодушный’ (XI в.) и *тицивый* ‘быстрый, стремительный’ (XIII–XV вв.), ‘усердный’ (XII в.) [СРЯ XI–XVII, 30, 240–241]. Смешение значений ‘спешить, торопить, стремиться’ и ‘усердный, старательный’ отмечается и в старославянском у производных корня *тъц-* [ESS, 17, 1007]. В этом случае вероятно влияние старославянского на древнерусский, но в старославянском нет «встречи» со значением ‘тоска, печаль; тосковать’!

Каким образом соотносятся все эти значения предполагаемых однокорневых образований? Если понятие «тоска» можно истолковать как «ощущение душевной пустоты» (значения ‘тоска, печаль’ — ‘пустой’), то как соотнести значения ‘тоска, печаль’ и ‘спешить, торопиться’, ‘стараться’, ‘тщательный»? Как развивалась семантика в этом словообразовательно-этимологическом гнезде, при том что значение ‘пустой, напрасный’ практически энантиосемично значению ‘тщательный, старательный’?

Возможно, разгадку подсказывают чеш. *tíseň* ‘нужда, недостаток’ и ‘подавленность, тоска’ (*pada na mne tíseň*), словац. *tes(k)ny* ‘тесный,

плотный, близкий’, *tiesnit* ‘теснить’, ‘тяготить, удручать’ и *tiesen* ‘тоска, подавленность’, ‘нужда’, производные от *tēs(k)n-* ‘тесный’, и с.-х. *teskoba (tjeskoba)* ‘теснота’ и ‘тоска, печаль’, *teskoban* ‘тесный’ и ‘тоскливый, печальный’, образованные от *tijesan (tēsan)* ‘тесный, узкий’ [Reizak, 2001, 659; Skok, 3, 473–474]. Основания для такого семантического перехода не вызывают вопросов, поскольку очевидна связь понятий «теснить» и «угнетать, мучить, давить», ср. ст.-слав. *тѣснѣ (тѣскънѣ)* ‘тесный, узкий’ и ‘гнетущий, тягостный’, *тѣснѣти* ‘теснить, угнетать, мучить’, *тѣскъ* ‘пресс (виноградарский)’ или рус. *притеснять, стеснить* (кого-л.) [ССЯ, 4, 556–557]. Вариативность *тѣсн-/тѣскън-* неслучайна, это следствие исходного праслав. **tēsknъ*, родственного **tiskati* [Фасмер, 4, 51; Reizak, 2001, 659; Machek, 1957, 527; Skok, 3, 473–474; Bańkowski, 2, 174].

Таким образом, как можно определить генетические связи слав. **tъska* ‘тоска, печаль’, известного в восточно- и западнославянских языках? Возможно два объяснения: 1) контаминация *teskn-* ‘тоскливый’ и *tēskn-* ‘тесный’ в ареале чешского и словацкого (сербохорватский?) с дальнейшим распространением в устной речи такого осмысления тоски в восточнославянский ареал (т. е. первичность формы **tъsk-* из праслав. **tъšč-*); 2) ареальные восточно- и западнославянские образования с корнем *тъск-/tesk-* ‘тоска, печаль’ не имеют генетической связи с праслав. **tъšč-*, своим происхождением обязаны осмыслению чувства тоски как ощущения внутренней сдавленности, сжатия (ср. с.-х. *teskoba*, производное от *tēsan* ‘тесный, узкий’, и с.-х. *tašt* ‘пустой, тщетный, суетный’, производное от праслав. **tъšč-*).

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репринт. СПб., 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–3. Warszawa, 2000.

ESS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. I. Janyšková. Praha, 1989–. Č. 1–.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Reizak J. Český etymologický slovník. Praha, 2001.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb, 1971–1974.

DOI 10.31168/7996-2700-3.42

Т. Р. Душенкова

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Ижевск, Россия

dushenkovatr@mail.ru

К семантике выражения *шыр голык*, или Почему *мышь голая*?

В удмуртском языке есть интересное выражение, используемое в южных диалектах Удмуртии, где население исторически тесно контактировало с тюркскими народами. Это выражение *шыр голык*, представляющее собой некую загадку, поскольку, на первый взгляд, буквально оно переводится на русский язык как «мышь голая»¹.

Возможно, в данном случае мы имеем дело с таким явлением, как языковая игра. Дело в том, что лексема *шыр* в удмуртском языке представлена несколькими омонимами. Первое слово в их ряду, самое понятное и известное, — зоологический термин *шыр* ‘мышь; мышиный’ (*шыргу*, *шыр гутё*, *шыр кар*, *шыр мудэм* ‘мышиная нора’; фразеологизм *шыр быж* обозначает тонкие свисающие волосы у человека, перетянутые сзади на голове резинкой, бантом или заколкой, букв. «мышиный хвост»). Второй омоним является ветеринарным термином, который обозначает инфекционную болезнь лошадей, проявляющуюся как воспаление слизистой оболочки носа и глотки: *шыр* ‘мыт’ (например, *валэз шыр кутэм*²

¹ Мои детские воспоминания связаны с такой зрительной картинкой: мама поднимает резиновый коврик у крыльца, а под ним целый выводок голых мышат (без единого волоска!). С тех пор выражение *шыр голык* всегда ассоциировалось у меня с голыми мышами.

² Т. Борисов [1991, 354] приводит другой пример: *вал шыр луэ* <лошадь заболевает мытом>, букв. «лошадь становится мытом(?)».

‘лошадь заболела мытом’, букв. «мыт поймал лошадь»³). Третий омоним — анатомический термин, обозначающий бицепс, двуглавую мышцу.

Некоторые из этих омонимов деэтимологизировались и носителями языка отдельно не употребляются, сохраняясь лишь в устойчивых выражениях. В их числе и интересующее нас выражение *шыр гольык* ‘совсем голый, нагишом’. Если учесть также *дыльды шыр кошкон* ‘слюнотечение’, *дыльды шыр кошкыны* ‘течь (о слюнях)’, то можно предполагать и наличие четвертого омонима, семантика которого связана с выделением слюны.

Большое количество омонимов в языке, как правило, говорит о заимствовании лексем, в связи с чем рассмотрим возможные этимологии указанных слов.

В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев возводят коми-зыр. и удм. *шыр* ‘мышь’ к общеперм. *šúr ‘мышь’, приводя в качестве соответствий мокш. *шеерь*, эрз. *чеерь*, фин. *hiiri*, вепс. *hīr*, венг. *egér*, манс. *täŋkər, täŋər*, хант. *jöŋkər* и относя слово к доперм. *šijere > *sire* ‘мышь’ [КЭСКЯ, 326]. Омонимы этого слова в словаре В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева не представлены.

Сведений об этимологии второго омонима, обозначающего название болезни, нами не найдено.

Наречие *шыр* в словосочетании *шыр гольык* ‘совсем голый, нагишом’ И. В. Тараканов считает заимствованием из тат. *шыр* ‘совсем, совершенно, очень’ [Тараканов, 1993, 151]. Таким образом, выражение *шыр гольык* ‘совсем голый’ никакого отношения к мышце не имеет. Вероятно, *шыр гольык* обозначает не что иное, как ‘голый-голый’, т. е. ‘совсем голый’. Путаница же происходит потому, что в удмуртском языке у слова *шыр* имеются омонимы.

Последний омоним *шыр*, который связан с выделением слюны, Т. Борисов рассматривает как междометие, «выражающее течение жидкостей, звук свистульки» [Борисов, 1991, 354].

---

³ Здесь также прослеживается игра слов: выражение можно перевести и как «мышь поймала лошадь». Отметим еще один интересный момент, обозначенный в примере *валэз шыр кутэм* «мыт поймал лошадь». Для мифологического сознания наших предков характерно представление болезни в виде некоего духа / живого существа, который наносит вред, а больной оказывается в его власти.

Борисов Т. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991.

КЭСЛЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.

DOI 10.31168/7996-2700-3.43

Габор Дьёни

Университет им. Лоранда Этвеша

Будапешт, Венгрия

dominus2006@yandex.ru

Имя, народ, история

«Башкирская проблематика» имеет давние традиции в венгерской историографии. Суть вопроса заключается в том, можно ли найти венгерские следы на территории Башкирии, т. е. свидетельства о некогда живших там венграх.

Предполагаемые «венгерские следы» в Башкирии были исследованы с разных сторон. Наряду с историей (сообщения европейских монахов и венгерских хронистов с XIII в. о Башкирии как древней родине мадьяр), археологией (отождествление нескольких археологических культур на территории современного Башкортостана с протомадьярами), фольклором (известие об уральских можарах в башкирском фольклоре) видное место в «башкирском вопросе» занимает языковедение. Это связано, во-первых, с исследованием возможных языковых контактов между мадьярами и башкирами, а во-вторых — с выявлением возможной угорской (прото)мадьярской топонимии на территории современного Башкортостана. Если на первый вопрос ответ отрицателен (следы прямых контактов между венгерскими и башкирскими языками найти не удалось), то решение «топонимического» вопроса не так уж однозначно.

Дискуссия об угорском (даже мадьярском) топонимическом пласте и в конечном счете о венгерском присутствии в Приуралье также имеет давнее прошлое. Уже в XVIII в. Г. Ф. Миллер и другие исследователи

обратили внимание на угорскую топонимию Приуралья. В «классической» башкирской топонимической традиции (Д. Г. Киекбаев, А. А. Камалов, Ф. Г. Хисамитдинова, репрезентативный «Словарь топонимов Республики Башкортостан») и в уральской ономастической школе А. К. Матвеева допускали присутствие венгерских топонимических следов в Приуралье.

Однако венгерская тюркология пошла по другой линии. С конца XIX — начала XX в. благодаря работам Д. Месароша стало преобладать мнение о том, что никаких башкирско-венгерских контактов не было. Этот отрицательный, критический подход до настоящего времени определяет характер венгерских исследований (А. Рон-Таш, И. Вашари) — несмотря на то, что были ученые (Д. Немет, Л. Рашони), которые все же допускали наличие на территории Башкирии каких-то венгерских следов, особенно в связи с венгерскими племенными названиями (например, *дьярмат* — *юрматы*). Их тезисы остались спорными и не разделяются всеми исследователями.

Причины этого отрицательного подхода, на мой взгляд, кроются в особенностях венгерской историографии — в том, что, во-первых, всякие необоснованные «тюркизмы» подозрительны, несут подтекст национализма (ввиду того, что у венгерских националистов популярен тезис, будто венгры — это тюрки); во-вторых, разные фантастические этимологии уже неоднократно вызвали раздражение научного сообщества. Я не лингвист, свои собственные этимологии предлагать не могу, а лишь отмечаю, что в работах «отрицателей» мы не видим ссылок на труды вышеупомянутых исследователей (А. К. Матвеева, А. А. Камалова и др.), а те этимологии, которые предлагаются, не всегда безупречны семантически — например, возведение оронима *Magaš* к иранскому слову со значением ‘комар’ (вместо (прото)мадьярского ‘высокий’).

Независимо от главного течения венгерской историографии, этот отрицательный подход наблюдается также в некоторых работах башкирских историографов.

На мой взгляд, в башкиро-мадьярской проблематике в методологическом смысле до сих пор определяющим является мнение академика Б. А. Серебrenникова, согласно которому венгры массово не участвовали в этногенезе башкир, в башкирском языке нет заимствованных из венгерского слов, башкиры не могли прийти в Приуралье раньше болгар.

М. А. Еремина

Уральский государственный университет путей сообщения
Екатеринбург, Россия
marina_makridina@mail.ru

Опыт создания идеографического словаря лексики труда

Идеографический словарь русской лексики труда является результатом нашей работы в области систематизации социальных номинаций на логико-понятийной основе. Материал, который фиксируется в словаре, включает в себя лексемы, фразеологизмы, неидиоматические составные наименования, принадлежащие разным подсистемам языка: литературному языку, просторечию, жаргону и диалекту. В словарь были также включены иллюстрируемые историзмами идеограммы, утратившие актуальность на данный момент. Такая неизбирательность была обусловлена необходимостью полной выборки лексического материала с целью детальной разработки идеографической сетки.

Объектом описания стали вербальные воплощения семантической сферы «Неинституциональные трудовые отношения». Проблема отбора материала решалась с опорой на установку, согласно которой к неинституциональному типу относятся социальные отношения, возникшие вне деятельности каких-либо государственных учреждений и форм государственной политики трудовой занятости населения. Соответственно, за пределами словаря оказались лексемы, обозначающие разные аспекты профессиональной деятельности, а также государственные структуры и нормативные положения, регулирующие рынок труда.

В ряде случаев разделение двух типов трудовых отношений осуществлялось в рамках одной идеограммы. Так, идеограмма «человек, опережающий других в работе», представленная синонимическим рядом *выбойщик* ‘человек передовой на некоторых работах’, *выдвижонец*, *выдвижонка* ‘передовой работник’, *передовийка* ‘работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница’, *передовик* ‘тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших результатов’, *стахановец*, *стахановка* ‘передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения обычных норм выработки’,

ударник ‘передовой работник социалистического производства в СССР с середины 1920-х до конца 1950-х гг.’, с одной стороны, отражает естественное стремление людей к состязанию в какой-либо совместной деятельности (*выбойщик, выдвижонец, передови́йка*), с другой стороны, связана с существовавшим в советское время соревнованием по производительности труда между отдельными рабочими (*передовик, стахановец, ударник*). Важным свойством, определяющим искомое типологическое различие, явилась принадлежность слова к лексике диалектной, отражающей традиционный уклад, или литературной, номинирующей деятельность государственных институтов.

Далее семантическое множество структурировалось по сегментам, которые связаны с определенным предметом трудовых отношений: 1) организация труда, 2) эффективность труда, 3) наем / увольнение работников, 4) отношения в трудовом коллективе, 5) оплата труда. Закрепление идеограммы за тем или иным сегментом носит условный характер, поскольку один и тот же момент трудовой деятельности может быть рассмотрен с разных сторон. В качестве примера можно привести идеограмму «заниматься какой-либо работой сверх основной для побочного заработка», которая в разговорной речи реализуется с помощью глагола *халтурить*. Если рассматривать семантическую структуру данного глагола, то появление переносного значения ‘небрежно, недобросовестно работать’ свидетельствует о существовании в пресуппозиции отрицательной оценки дополнительной работы по признаку эффективности. Но судя по контекстам из «Национального корпуса русского языка», в современной речи на первый план выходит информация о том, где и кем подрабатывает человек. Поскольку первое наблюдение говорит лишь о семантическом потенциале, а второе связано с реальными фактами актуального словоупотребления, идеограмма была отнесена к сегменту «Организация труда», в котором она органично сочетается с идеограммами «поручить дополнительную работу», «проработать дольше положенного времени», «тот, кто работает в нерабочее время».

Для ориентации в лексико-семантическом материале для каждого сегмента была разработана идеографическая сетка, состоящая из выявленных идеограмм. Смысловые отношения между идеограммами в сетках определяются логическими («род — вид», «процесс — фаза процесса») и словообразовательными связями лексем. Например,

идеограмма «усердно и увлеченно работать» (*налаживать*) логически связана с идеограммой «начать хорошо и с охотой работать, втягиваться в работу» (*затягаться*), а деривационно — с лексемами с общим значением ‘работать хорошо, усердно, старательно’ (*наложно*).

Репрезентанты идеограмм в словаре сопровождаются словарной статьей, которая включает в себя заголовочное слово, толкование, примеры употребления, пометы, ссылки на источники. Мы сохраняем дефиниции слов, которые были представлены в первоначальных словарных источниках, с целью демонстрации значений, зафиксированных в определенный исторический период.

DOI 10.31168/7996-2700-3.45

И. В. Ефименко

Институт украинского языка НАН Украины
Киев, Украина
i.yefimenko@mail.ru

Названия плавательных средств в славянских языках (фрагмент историко-этимологического словаря)

Названия плавательных средств в славянских языках имеют давнюю историю, а такой вид хозяйственной деятельности, как судостроение, был издревле известен славянам, что отразилось в богатстве терминологии этой сферы материальной культуры. Однако, несмотря на давний интерес к обозначенной группе лексики, она до сих пор комплексно не описана.

Отобранный фактический материал, прежде всего диалектный, составляют исконные славянские образования, анализ которых позволяет проследить возникновение и функционирование ряда названий плавсредств на разных славянских территориях.

Баты́га, рус. диал. (приамур.) ‘лодка, выдолбленная из ствола дерева’, **баты́ръ** ‘то же’ [СРГП, 20] — суффиксальные дериваты от *бат*, ср. приамур. *бат* ‘лодка, выдолбленная из ствола дерева’ [Там же], в других говорах ‘лодка, обычно небольших размеров, выдолбленная

из целого ствола дерева; однодеревка' [СРНГ, 2, 139]. Последнее могло быть перенесено из хозяйственной терминологии, ср. рус. диал. *бат* 'корыто или колода, из которых поят скот' [Там же] < праслав. *batъ ~ *batati 'бить' [ЭССЯ, 1, 164]. Названия обоих предметов материальной культуры (лодки и корыта) объединяет способ изготовления: оба выдолблены из ствола дерева или из бревна — ср. сведения о том, что *батом* называли «толстое выдолбленное бревно, представлявшее длинную, но узкую лодку с цилиндрическим дном и очень валкую» [СРНГ, 2, 139].

Добра, рус. диал. (помор., арх.) 'небольшая плоскодонная лодка с широкой кормой' [СРНГ, 8, 130], белом. 'большая лодка с плоской кормой, используемая при ловле кошельковым неводом' [Мызников, 2010, 91], *доры* 'мн. маленькие деревянные подсобные гребные рыбацкие лодки для обслуживания крючковых и сетевых орудий прибрежного лова' [Жилинский, 1957, 17], *дóрка* 'небольшая гребная лодка для обслуживания рыболовных орудий' [Клыков, 1968, 29] < праслав. *dorъ ~ *dbrati 'драть' [ЭССЯ, 5, 79–80]. Полагаем, что название плавсредства связано с технологией его изготовления, например обшивкой каркаса тонкими деревянными дощечками — *дорами*, ср. рус. диал. *дора* 'кровельная дранка' [СРНГ, 8, 127].

Калáбуха, укр. диал. (н.-поднепр.) 'большая лодка — дуб' [Ліпкевич, 1993, 130], рус. диал. (дон.) 'большая лодка' [СРНГ, 12, 333] < праслав. *kolbuchа — суффиксальное производное от *kolbъ 'нечто округлое, шарообразное' [Козлова, 1991, 129]. Название плавсредства, очевидно, связано с его формой.

Лупина, польск. 'небольшая лодка, малое судно', *lupinka* 'маленькая лодка, суденышко' [Doroszewski, 4, 335–336] < польск. *lupina* 'кожура, шелуха, скорлупа' [SS, 4, 142] < праслав. *lupine 'то, что содрано' ~ *lupiti [ЭССЯ, 16, 182]. Этот судостроительный термин возник, вероятно, в результате метонимического переноса от названия одноименного материала, использовавшегося при изготовлении плавсредства (например, для обшивки каркаса), ср. рус. диал. *лупа* 'дранка' [СРНГ, 17, 197].

Потóпчина, укр. 'паром' [ЕСУМ, 4, 542] — производное с суффиксом *-ин(а)* от глагола **потопчити(ся)*, ср. укр. диал. *топчитися* 'топаться' [ЕСУМ, 5, 601], или от существительного *потопка, ср. рус. диал. *потóпки* 'мн. деревянный настил на дне лодки' [СРНГ, 30, 295]. Обе вероятные основы рассматриваемого термина соотносимы

с праслав. **potopъtati* (< **topъtati*) ‘топтать’ со следующей семантической эволюцией: ‘топтать’ → ‘то, по чему топчутся’ → ‘настил (из бревен, досок)’ → ‘паром’. Ср. рус. диал. *потопчины* ‘мн. настил из бревен, досок и т. п. по топкому месту; толстая доска, по которой перемещают груженные тачки’ [Там же, 296].

Puchówka, польск. ‘лодка, предназначенная для не очень глубокой воды, сбита из нескольких досок; плоскодонная, узкая и длинная, приводимая в движение с помощью специального весла’ [Doroszewski, 7, 756] — суффиксальный дериват от глагола *puchać* ‘толкать’ [SJP, 5, 448] < праслав. **pixati*. Название плавсредства связано со способом его передвижения по воде.

Тегляча, с.-х. ‘букирное судно’ [Толстой, 1957, 935] — суффиксальное производное от основы причастия на *-l-* (ср. рус. *тяглый*) < праслав. **teglъjъ* ~ **tegti* ‘тянуть’. Название плавсредства указывает на его функцию — тягу других судов или плавучих сооружений.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982–2012.

Жилинский А. А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957.

Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.

Козлова Р. М. Славянские континуанты и.-е. **(s)kel-* ‘гнуть, сгибать; крутить’ // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1991. S. 127–140.

Линкевич І. Г. Рибальська лексика в українських говірках Нижньої Наддніпряни : дис. ... канд. філол. наук / Запорізький ун-т. Запоріжжя, 1993.

Мызников С. А. Русские говоры Беломорья : материалы для словаря. СПб., 2010.

СРГП — Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1957.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32) ; А. Ф. Журавлева (вып. 33–39) ; Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Doroszewski — *Słownik języka polskiego* / pod red. W. Doroszewskiego. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.

SJP — *Słownik języka polskiego* / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. T. 1–8. Warszawa, 1904–1927.

SS — *Słownik staropolski* / pod red. S. Urbańczyka. T. 1–11. Warszawa, 1953–2002.

М. В. Жуйкова

Волынский государственный университет им. Леси Украинки
Луцк, Украина
mzhujkova@ukr.net

Глагольная омонимия в диахронном аспекте

Вопрос о семантическом аспекте омонимии, несмотря на значительную литературу, а также на опыт практического воплощения в словарях, при ближайшем рассмотрении оказывается далеким от окончательного решения. Проблемы возникают прежде всего из-за неопределенности дефиниций, которые основаны на таких нестрогих понятиях, как «внутренняя несвязанность значений» (Л. Новиков), «отсутствие ассоциативных связей» (Д. Шмелев). Наиболее сложной группой являются семантические омонимы, возникшие в результате распада полисемии. При решении вопроса об их статусе, как правило, акцент ставится на актуальном состоянии языкового сознания, тогда как диахронный подход, учитывая совокупность языковых и внеязыковых факторов, может прояснить реальные пути образования омонимии.

Обратимся к двум случаям омонимии в русском языке: глаголам *выгореть* и *нагреть*.

Предикат *выгореть* представлен двумя омонимами: ‘полностью сгореть, быть уничтоженным огнем’ и ‘успешно завершиться’. Нетривиальность второго значения определяется тем, что его семантика соотносится с успехом (*дело выгорело*). Появление положительной оценки противоречит тому факту, что в концептуальной картине мира сгорание оценивается негативно, как и любое уничтожение собственности или ценности. Содержательная парадоксальность этого глагола стимулирует поиски экстралингвального контекста, в котором происходило формирование нового значения. Этот контекст, как нам удалось установить, относился к сфере винокурения [см. подробнее: Жуйкова, 2018]. Поскольку продажа «хлебного вина» давала большие доходы в казну государства, возникла необходимость в контроле за качеством. Для проверки на крепость использовался несложный прием под названием *отжиг*: поджигали строго определенный объем жидкости.

Положительный результат достигался в том случае, когда процент сгоревшего спирта был относительно высоким. В русском языке до конца XVIII в. существовало особое значение глагола *выгореть*, денотатом которого была ситуация выжигания спирта из «хлебного вина», причем к дескриптивным признакам присоединилась оценка, мотивированная прагматикой ситуации. Таким образом, в развитии глагола *выгореть* произошло несколько процессов: выделение особого значения и его семантическое обогащение прагматическим компонентом; реструктуризация его сем и, наконец, смена именного окружения и выделение предиката в отдельную лексему. В словаре омонимов О. С. Ахмановой эта пара глаголов трактуется как проявление «разной степени членимости основы» (у первого слова выделяется приставка, а у второго — нет) [см.: Ахманова, 1974, 41]. Однако привлечение внеязыкового материала дает основания рассматривать этот случай как распад реально существовавшей полисемии.

Глагол *нагреть*, кроме общеизвестного значения ‘сделать теплым или горячим’, имеет просторечное значение ‘обмануть (о финансовых делах)’, см. толкование переносного *нагревать* в «Словаре современного русского литературного языка»: ‘обманом вводить в убыток; одурачивать’. Как ни странно, все словари русского языка объединяют два значения в одной лексеме, тогда как они являются типичными омонимами. Второе слово, прежде чем стать омонимом первого, прошло сложный путь языкового развития, существенно отличающийся от истории рассмотренного выше, так как два омонима *нагреть* никогда не были лексико-семантическими вариантами одной лексемы. Значение ‘обмануть’ появилось в результате редукции идиомы *нагреть карман (кому)*, которая в словаре М. Михельсона «Русская мысль и речь» толкуется так: ‘нажиться (неправедно) на чужой счет’. Эта идиома как семантически, так и образно связана с фраземами *залезать в карман*, *запускать руку в карман*, однако оказывается более выразительной за счет гиперболы (вор так часто запускает руку в чужой карман, что тот нагревается) [см. подробнее: Жуйкова, 2009]. Образный предикат, возникший в результате редукции фраземы, сохраняет все ее семантические признаки, поэтому в случае формального совпадения с глаголом образуется особая омонимическая пара, которая не может трактоваться как конечный результат развития полисемии. Пары таких омонимов непоследовательно подаются в словаре О. С. Ахмановой [1974] (есть

напороть ногу на сук и напороть ерунды; заваривать чай и заваривать кутерьму / кашу; отсутствуют глаголы говорения нести, молоть).

Таким образом, при исследовании омонимии, которая традиционно рассматривается как сложившийся итог языкового развития, важно учитывать, во-первых, языковую информацию, которая выходит за временные рамки синхронного состояния языка, и, во-вторых, массив экстралингвальных данных, относящихся к среде, в которой происходило развитие языка. Такой интенсивный подход дает возможность углубиться в отдельное явление и рассмотреть его с разных сторон, что часто приводит к нестандартным результатам.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974.

Жуйкова М. Роль внутрішньої форми ідіоми та її образної основи в мовнокультурній реконструкції // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. 2009. Т. 22 (61). № 4 (2). Филология. С. 101–108.

Жуйкова М. Асистемна семантична деривація: походження оцінного предиката *вигоріти* // Східнослов'янські мови в їх історичному розвитку : зб. наук. праць, присвяч. 70-річчю від дня народження проф. П. І. Білоусенка / відп. ред. Р. О. Христіанінова. Запоріжжя, 2018. С. 44–53.

DOI 10.31168/7996-2700-3.47

Е. В. Захарова

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
katja.zaharova@mail.ru

Типы традиционных людиковских поселений по данным ойконимии*

Особенностью ойконимической системы Карелии, в которую входят и названия поселений карелов-людиков, является функционирование в двух разноязычных форматах: на официальном уровне на русском языке, неофициально — на одном из прибалтийско-финских языков

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

© Захарова Е. В., 2019

(карельском или вепсском): например, рус. *Порожек* / люд. *Koskenkylä*, рус. *Половина* / люд. *Pošte*.

Анализ наименований традиционных сельских поселений людиковского ареала позволил выявить набор основных номинативных моделей, свойственных разным поселенческим типам.

1. Отантропонимные названия. В этой группе выделяется несколько пластов: ойконимы, в основе которых фиксируются нехристианские прибалтийско-финские имена (д. *Прякки* ~ *Прякку* / *Präkkä* ~ *Präkke* ~ *Präkänkylä* — ср. приоб.-фин. *Präkkä*, некалендарное имя); названия, образованные от карельских вариантов христианских имен (д. *Декнаволок* / *D'eku(n')niem(i)* — ср. карел. *D'ekki*, *D'ekku*, *Jekki*, *Jekku* < рус. *Ефим*, *Ефимий* [Nissilä, 1967, 24–25]); названия, в официальной и народной формах которых выступает календарное имя — соответственно в русском и прибалтийско-финском вариантах: д. *Андреев Наволок* / *Ondrein 'n'iem*.

Ойконимы такого типа маркируют основную разновидность северных деревень — однодворное / малодворное поселение, в названии которого закрепилось имя или прозвище первопоселенца. Как правило, они фиксируются в составе гнезд или кустов поселений.

2. Названия, в основе которых содержатся термины с семантикой ‘поселение’, выступающие как самостоятельно, так и в роли детерминантов сложных ойконимов. В них выделяются термины прибалтийско-финского происхождения *kylä*, *hier(u)* ‘деревня’, *kond(u)* ‘земельный участок; однодворная деревня с участком земли’ [LMS, 150]: д. *Средняя Пряжа* / *Kes'kylä*, д. *Сурьуба* / *Suurlaht* ~ *Suurlahtenkylä*; д. *Владимирская* / *Kond* ~ *Kondunkylä*, д. *Кондопога* / *Kompohd* (*Kondpohd). Используются также адаптированные в карельской языковой среде русские термины *d'eren* ‘деревня’, *s'ola* ‘село’: д. *Васильевская* / *S'ola* ~ *S'oland'eren* ~ *S'olankylä* ~ *S'olanhieru*; *hutor* ‘хутор’: д. *Курганов Хутор* / *Hutor*.

На различные в социально-экономическом плане типы поселений указывают и следующие термины: *погост* ‘деревня, где находилась церковь с кладбищем’ [СРГК, 4, 613] (д. *Погостская* ~ *Мунозерский погост* / *Mun'd'ärvem pagast*); *слобода* ‘крестьянское поселение, созданное землевладельцем на льготных условиях на пустующей земле’ [Воронин, 1935, 40] (д. *Слобода* / *Sloboda*); *усадище* ‘господский дом на селе со всеми ухоями, садом, огородом и пр.’ [Даль, 4, 524] (д. *Усадище* /

Usadišš); *пустошь* ‘невозделанная или заброшенная земля; пустошь’ [СРГК, 5, 356], в ойконимии обычно ‘поселение на месте запустевшей деревни’ [Муллонен, 2018] (д. *Пустоша* / *Pustoš*); *новинка* ‘пашня, очищенная от леса’ [СРГК, 4, 29] (д. *Еркоева Новинка*).

Кроме того, в ойконимической системе карелов-людигов в ряд ойконимных показателей перешли в ряде случаев детерминанты *-mägi*, *-šelg* ‘возвышенность, холм, гор(к)а’, выступающие в ойконимах сложной структуры, например д. *Курганова Сельга* / *Kurhananšelg*. Будучи последовательно и многократно представленными в названиях отдельных поселений, особенно образующих поселенческое гнездо, они переосмыслились из ландшафтных терминов в ойконимные.

3. Оттопонимные, или вторичные, ойконимы. Это названия, образованные от наименований природных объектов, при которых возникли поселения. Данная номинативная модель продуктивна в приложении к кустам / гнездам поселений, одиночным деревням, хуторам и выселкам: д. *Шуя* / *Šuoju* ~ *Šuojunkylä* ~ *Šuojunpogosta*; д. *Святнаволок* / *Pyhän'iet* ~ *Pyhän'ietenkylä*.

4. Названия, содержащие указание на расположение мало-дворной деревни внутри куста / гнезда поселения. К этому типу относятся наименования, в составе которых фиксируются термины *agd* ‘конец’ (д. *Южный Конец* / *Suviagd*); *čirpu* ‘угол’ (д. *Шуйская Чуна* / *Šuojun Čirpu*); *kesk* ‘середина, средний’ (д. *Средняя Пряжа* / *Kes'kylä*). К этой же группе относятся ойконимы, в которых содержится указание на сторону света или относительное местоположение: *suvi* ‘лето, юг’ (д. *Пялозеро Южное* / *Suvikylä*); *pohd* ‘север’ (д. *Северный Конец* / *Pohd'ain'e kylä* ~ *Pohd'agd*); *liide* ‘восток’ (д. *Восточная* / *Liidekylä*); *luodeh* ‘запад’ (д. *Западная* / *Luodehkylä*); *ylä* ‘верхний’ (д. *Кузьминская* / *Ylägjä*); *ala* ‘нижний’ (д. *Нижние Виданы* / *Alaižagja*).

Анализ ойконимического материала показывает, что разные типы поселений характеризуются определенным набором разновременных номинативных моделей. Ареально-типологическая методика исследования в приложении к ойконимическому материалу позволит в дальнейшем реконструировать схему освоения исследуемой территории и этапы формирования традиционных поселений гнездового типа.

Воронин Н. Н. К истории сельских поселений феодальной Руси: погост, слобода, село, деревня. Л., 1935.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882.

Муллонен И. И. Материалы к «Словарю топонимов Карелии» // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. URL: <http://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=1049>.

СПГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–2005.

LMS — *Lyydiläismurteiden sanakirja / toim. J. Kujola.* Helsinki, 1944.

Nissilä V. Die Dorfnamen des alten ludischen Gebiets. Helsinki, 1967.

DOI 10.31168/7996-2700-3.48

Ю. В. Зверева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
zv.ul@mail.ru

Микротопонимы пермского происхождения на территории Красновишерского и Юрлинского районов Пермского края*

В работе рассматриваются микротопонимы Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района и Усть-Зулинского поселения Юрлинского района Пермского края.

Территория Верх-Язьвинского поселения интересна тем, что является местом компактного проживания коми-язьвинцев — одного из коренных народов Пермского края. Большинство финно-угроведов считает коми-язьвинский язык диалектом коми-пермяцкого языка [см.: Лыткин, 1961; Баталова, 2002; и др.]. Изучение быта и культуры коми-язьвинцев началось еще в XIX в., в XX–XXI вв. оно продолжились. В трудах современных исследователей рассматриваются этнографические особенности народа [Чагин, 2012; Голева, 2014] и его

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00555 «Мир и человек в зеркале имен собственных (на материале ономастики Пермского края)».

© Зверева Ю. В., 2019

язык [Лобанова, Пономарева, 1997; Пономарева, 2005]. Изучению гидронимии современного коми-язьвинского ареала посвящены работы Л. С. Смолиной [1984] и А. Г. Мусанова [2008].

Усть-Зулинское сельское поселение находится на востоке Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа. Хотя район входит в округ, его население в основном является русским (более 95 %), и лишь около 3 % жителей считают себя коми-пермяками. Как отмечают историки и антропологи, в формировании населения района принимали участие русские переселенцы из разных регионов России, а также коми-пермяки [Власова, 1984; Черных, 2010]. Существуют этнографические и краеведческие работы, посвященные истории и культуре русских-юрлинцев [Власова, 1995; Бахматов, 1999]; в 2006 г. вышел «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», в котором отражены диалектные особенности речи русских, проживающих на этой территории. Специальных исследований, в которых рассматривается топонимия региона, пока нет.

Материалом данного исследования являются микротопонимы, зафиксированные диалектологическими экспедициями Пермского государственного университета в 2017–2018 гг., а также названия, зафиксированные в работах Г. Н. Чагина [2004; 2016].

В микротопонимии Верх-Язьвинского сельского поселения отмечается около 10 % собственно коми-язьвинских названий, остальные топонимы имеют русское происхождение или являются онимидами, образованными от коми основ с помощью русских словообразовательных средств.

Значительное число коми-язьвинских названий содержит в своем составе корни *об-/аб-/яб-/иб-/ыб-* ‘поле’ (*Выроб, Кирилоб, Ладорьяб, Сюиб* и др.), *шер-/шор-* ‘ручей’ (*Гаркашер, Диняшор, Изьяшер*), *воль-* ‘участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни’ (*Вильволь, Карволь, Руфаволь*). В микротопонимах, называющих поля, встречаются христианские имена (*Кирилл, Кирьян*), русские фамилии (*Крысин, Фомин* — ср. поле *Крисиноб*, поле *Фоминоб*) и прозвища (*Долган* — ср. поле *Долганоб*).

Некоторые микротопонимы свидетельствуют о сходстве коми-язьвинского диалекта с удмуртским языком. Так, названия *Квимсэрэг-кокул* (*квим* ‘три’, *сэрэг* ‘угол, край’, *кокул* ‘подножие’) и *Квимсэрэг* включают корень *сэрэг*, известный в удмуртском языке. Названия с этим компонентом встречаются в микротопонимии Удмуртии [Кириллова, 2002].

Топонимия Верх-Язьвинского поселения испытала большое влияние русской топонимической системы. Об этом свидетельствуют параллельные русские и коми-язьвинские варианты названий (*Гуртоб* и *Домашнее*, *Кирияноб* и *Кирияново поле*), образование русских топонимов от коми-язьвинских (*Заизъяшер*, *Керасово поле*, *Межовый Жукишер*, *Повъям*), наличие в составе топонимов русских слов (*Костыльоз*, *Коськулига*, *Подутрёноб*).

В микротопонимии Юрлинского района названий пермского происхождения немного: они составляют менее 1 % общего числа. Чаще всего они образованы путем метонимического переноса от гидронимов, о чем свидетельствуют входящие в их состав компоненты *ва-* ‘вода’, *шер-/чер-* ‘ручей’, *ты-* ‘озеро’: пок. *Кузьва*, ур. *Мичашер*, лог *Лопычер*, пок. *Лопашер*, *Инты*. Местные жители чаще всего не определяют эти названия как коми-пермяцкие: «А Лопычер почему называли? На пермяцкое не похоже. Потом за рекой Лопашер. У нас названия-то кировские, потому что здесь кировчане поселились» (Усть-Зула).

У приведенных географических объектов встречаются русские варианты названий, например, лог *Лобычер* называют также *Первый Ложок*. В целом микротопонимия данной местности является преимущественно русской, что связано с историей заселения Юрлинского района, а также с компактным проживанием здесь русского населения. Сохранившиеся коми-пермяцкие названия, как правило, первоначально называли водные объекты.

Баталова Р. М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии : межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 2002. С. 131–139.

Бахматов А. А. Память: Историко-документальная хроника Юрлинского района. Кудымкар, 1999.

Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Полевые исследования института этнографии 1980–1981 / отв. ред. С. И. Вайнштейн. М., 1984. С. 3–11.

Власова И. В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край. Вып. 7. Кудымкар, 1995. С. 58–65.

Голева Т. Г. Коми-язьвинцы // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие : словарь-справочник / под ред. А. В. Черных и др. СПб., 2014. С. 236–241.

Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002.

Лобанова А. С., Пономарева Л. Г. О некоторых особенностях языка коми-язвинцев в сравнении с родственными диалектами коми-пермяцкого языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития : материалы междунар. науч. конф. Глазов, 1997. Ч. 1. С. 38–41.

Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М. ; Л., 1961.

Мусанов А. Г. Гидронимия Средней Язьвы // *Onomastica Uralica* 7. Debrecen ; Helsinki, 2008. P. 37–50.

Пономарева Л. Г. О некоторых особенностях в области консонантизма языка язвинских коми // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. 2005. № 1. С. 45–62.

Смолина Л. С. К этимологическому изучению коми-язвинских субстратных топонимов // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. Вып. 3. С. 119–124.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004.

Чагин Г. Н. Коми-язвинцы Пермского края. Пермь, 2012.

Чагин Г. Н. Билингвизм коми-язвинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язьва // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 12. С. 13–24.

Черных А. В. Русские-юрлинцы // Народы Пермского края: истоки, становление, развитие : науч.-попул. энцикл. / науч. ред. А. В. Черных. Пермь, 2010. С. 113–114.

DOI 10.31168/7996-2700-3.49

А. В. Иваненко

Институт украинского языка НАН Украины

Киев, Украина

alex.ivanenko@mail.ru

Славянская теонимия: Святovit

Божество западных славян Святovit известно из германских хроник XII в. как *Zvantevith* [Helmoldus, 1969, 107] и *Svantovitus*, *Svantovithus* [Saxo, 1839, 826, 837, 839].

Согласно Гельмольду из Босау, «среди множества славянских божеств главным является Святovit, бог земли райской, так как он — самый убедительный в ответах». Сам же теоним выводится хронистом из имени Св. Вита [Гельмольд, 2011, 213, 279].

Внешний облик и образ Святovита. Саксон изображает божество как стоящую в полный рост фигуру в тунике ниже

© Иваненко А. В., 2019

колен и намного выше человеческой, с четырьмя торчащими из туловища головами. В правой руке божества — рог, который жрец в осенний праздник сбора урожая наполнял медовым напитком, а через год по количеству получившейся медовухи делал предсказания об урожае. В вытянутой в сторону левой руке бог держал натянутый лук. Рядом с изображениями уздечки и седла виднелись огромный меч и богато украшенные ножны [Саксон, 2, 212–213].

Полагаем, Святovit — славянская форма адаптации смешанного образа Аполлона-Марса, возникшая в результате контактов славян с греко-латинским миром, о чем находим свидетельства у Гельмольда [2011, 155].

Описанию Святovита у Саксона наиболее соответствует греческий Аполлон, вполне пригодный на роль «бога земли райской», который, согласно одному из мифов, проводил зимние месяцы в теплой Гиперборее. Он же вместе с италийским Марсом имеет почти все символы, упомянутые хронистом. Оба — божества света и солнца; теплого времени года — весны, лета, осени; плодородия и войны. Оба имеют дар предсказания. Им посвящены осенние празднества сбора урожая [Roscher, 1873, 20–75]. Также один из символов Марса — копьё¹ [Roscher, 2, 2388].

Обрядность. В связи со Святovитом Саксон описывает следующий «плодородный» обряд, проводившийся после сбора урожая и, возможно, озимого сева: пирог круглой формы, сделанный почти в рост человека с использованием меда, приносился в дар божеству. Жрец, поставив его между собой и людьми, спрашивал, виден ли он им. Тем, кому он из-за пирога был виден, жрец желал, чтобы на следующий год они не смогли бы его разглядеть. Гадание было связано с предсказанием обильности урожая на будущий год [Саксон, 2, 213–214].

Аналогичные «плодородные» обряды с похожими диалогами отмечены на Украине (совершались 31 декабря, на *Щедрий (Багатый) вечер*) и в Герцеговине — на Рождество [Потебня, 1865, 46–47; Срезневский, 1846, 77–78]. Тот факт, что отмеченный у Саксона обряд проводился осенью, позволяет предполагать, что зимние урожайные святочные обряды восточных и южных славян также первоначально были осенними.

---

¹ Кроме того, особую роль играл белый конь, на котором Святovit якобы вел войну с врагами рюгенцев. С помощью этого коня и трех разложенных на земле копий предсказывался исход планируемой войны [Саксон, 2, 215].

Такое смещение описанных празднеств с осени (равноденствие выпадало на 4–5 октября по ст. ст. и 21–22 сентября по н. ст.) на зиму (Рождество или зимний солнцеворот) вполне закономерно. Зимние торжества, связанные с поворотом солнца на весну и его мистическим возрождением, предполагали определенные надежды селянина на то, что наступающий новый астрономический год будет урожайным.

Отраженная в этих обрядах идея плодородия и обилия урожая способствует и новому пониманию исходного значения украинского геортонима *Свят-вечір* ‘Сочельник, канун Рождества’: в этом случае речь шла не о празднике вообще, а о вечере богатом, изобильном и т. д., когда готовится *багата кутя* — 12 постных блюд. Сказанное подтверждает «богатую» = «изобильную», «сытную» и т. д. этимологию слов *свято*, *святки*. Тот же факт, что праслав. **svęto* лежит не только в основе названия праздника урожая — *святок*, но и обозначает праздник как таковой (например, у поляков), позволяет говорить о важности урожайных обрядов в жизни древних славян: обильный урожай давал селянину надежду на относительно сытое существование в осенне-зимний период.

Происхождение теонима. Полагаем, теоним *Святовит* — достаточно позднее образование, возникшее под влиянием производных на *-ov-ivъ(jь)* и восходящее к субстантиву **svętvъ*, **svęto* или адъективу **svętvъ(jь)* со значением обилия, плодородия, жизненной силы ~ и.-е. **k^uen-to-*. Согласно В. Н. Топорову, «элемент **k^uen-to-* (: **k^uei-to-* и т. п.), использовавшийся для обозначения святости, обозначал возрастание (набухание) не только физической массы, но и некоей внутренней плодоносящей силы, духовной силы, духовной энергии и связанной с нею и о ней оповещающей внешней формы ее — световой и цветовой» [Топоров, 2010, 38].

Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / ред.-сост. И. А. Настенко. М., 2011.

Потебня А. А. О мифическом значении некоторых поверий и обрядов. М., 1865.

Саксон Грамматик. Деяния данов : в 2 т. (16 кн.). Т. 1 : Кн. 1–10 / пер. с лат. и коммент. А. С. Досаева ; под ред. И. А. Настенко. М., 2017.

Срезневский И. И. Святотопища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846.

Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М., 2010. Т. 2.

Helmoldus — Helmoldi presbyteri “Chronica Slavorum” ex recensione I. Hannoverae, 1969.

Roscher W. H. Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer T. 1 : Apollon und Mars. Leipzig, 1873.

Roscher W. H. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. 1–7. Hildeshelm, 1884–1893 (1965).

Saxo — Saxonis Grammatici Historia Danica / recensuit et commentariis illustravit Dr. petrus Erasmus Müller. Partis prioris, textum et breviores complectentis. Vol. 2. Havniae, 1839.

DOI 10.31168/7996-2700-3.50

Е. Э. Иванова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
paklina.len@yandex.ru

Фамилия Демидов на карте Урала

Топонимы с основой *Демид-* (*Демидова, Демидовка, Демидовское* и т. п.) могут быть образованы как от имени *Демид*, так и от фамилии *Демидов*. Самые известные Демидовы на Урале — династия заводчиков, основателем которой был Никита Демидович Антуфьев (1656–1725). *Демидович, Демидов* — изначально отчество (‘сын Демида’), которое в дальнейшем стало использоваться как фамилия.

Казалось, что на Урале, где так много связано с Демидовыми, должно быть много названий в их честь. Однако на территориях, ранее принадлежавших Демидовым, практически нет топонимов с основой *Демид-*. Такие названия встречаются южнее и севернее «Демидовской империи», но они не имеют отношения к династии промышленников. На севере Свердловской области есть *Демидово* — поле, болото и озеро. В Пермском крае есть две деревни *Демидово* — в Косинском и Сивинском районах, д. *Демидова* (Зула) в Юрлинском районе (известно, что в ней жил Демид Кондратьев сын Чубаков), д. *Демидята* в Березовском районе (патронимическая форма топонима указывает на то, что здесь жили потомки Демида / Демидова). В Челябинской области рядом расположены г. *Демидова*, оз. *Демидово* и р. *Демидовка*, названные по фамилии местного жителя, который имел там сенокосные угодья [Шувалов, 1999, 136].

Одна из причин, по которой Демидовы не использовали при наименовании заводов, поселений при них, земельных угодий свою фамилию, очевидна: все вокруг было их, «демидовское», поэтому не имело смысла наименование одного или нескольких объектов по своей фамилии. Эту тенденцию можно наблюдать, анализируя списки населенных пунктов в вотчинах Демидовых в Центральной России. В деле о разделе братьев Демидовых перечисляются вотчины Акинфия Демидова в 1745–1757 гг. (в том числе села, деревни, починки). Согласно этому документу, в Нижегородском уезде А. Демидову принадлежало 24 селения, в Царевосанчурском — 89, в Ярославском — 9, в Арзамасском — 8, в Унженском — 65, Романовском — 4, Тульском и Елецком — 8, Казанском — 6. Ни один из населенных пунктов не назван по фамилии *Демидов*. В Симбирском уезде Демидову принадлежала одна деревня, и она называлась *Демидовка* [Кафенгауз, 1949, 497–498].

Ожидалось появление «демидовских» названий на границах владений промышленников (например, Демидовых и Строгановых). Известно, что территориальные споры были в те времена частым явлением. Однако такие названия единичны и встречаются только на старых картах, например: д. *Волюнкина (Демидова)* на р. Старая Утка отмечена на карте 1742 г. [ГАСО, ф. 9, оп. 15, д. 48] (сегодня это деревня *Волюны*); на плане раздела земель между Шайтанским и Уткинским (Новоуткинским) заводами, составленном между 1758 и 1778 гг., значатся *Шайтанской Прокопья Демидова завод* и *Уткинской завод графа Ягужинского* [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 850].

Топонимов с основой *Демид-*, образованных от имени *Демид* или связанных с другими *Демидовыми*, на территории «Демидовской империи» тоже практически нет. Само имя *Демид* и фамилия *Демидов* не были распространены во владениях Демидовых, что подтверждают многочисленные списки заводских рабочих. По данным переписи 1721 г. Невьянских железных заводов (Невьянского, Быньговского, Шуралинского, Верхнетагильского), где указаны все жители заводских поселений (включая детей), ни разу не встречаются ни имя *Демид*, ни фамилия *Демидов* [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1394]. Заводские рабочие ненавидели жестоких хозяев (что нашло отражение в фольклоре) и не хотели аналогий с фамилией *Демидов*, поэтому мальчиков не называли именем *Демид*. Вероятно, поступающие на заводы крестьяне и рабочие не записывались под фамилией *Демидов*, даже если таковую

имели раньше. Традиция менять фамилии приписным рабочим на демидовских заводах хорошо известна, так как многие из них были беглыми.

На протяжении всего существования империи заводчиков фамилия Демидовых вызывала у народа неприятие. В советское время их воспринимали прежде всего как эксплуататоров трудового народа. И только в конце XX в., когда страна вернулась к рыночной экономике, о них заговорили как о талантливых предпринимателях, благотворителях и меценатах. На рубеже XX–XXI вв. фамилия *Демидов* стала активно использоваться при номинации новых объектов. Недалеко от Екатеринбурга есть коттеджный поселок «*Демидовский*», под Нижним Тагилом — база отдыха «*Демидовская Усадьба*», на Южном Урале (на оз. Аракуль) — база отдыха «*Демидовская заимка*», в Каменск-Уральске — *Демидовский* завод, во многих городах — *Демидовские* улицы, в Екатеринбурге — *Демидовский* квартал. Мемориальный ботанический сад *Демидова* в Соликамске — первый в России частный сад, созданный в 1731 г. Григорием Демидовым. В саду ежегодно проводится *Демидовский фестиваль* «*DEMIDOV FLORA FESTIVAL*».

Фамилия *Демидов* активно используется на Урале при наименовании организаций и учреждений: *Демидовский фонд*, *Демидовский институт*, *Демидовский колледж*, *Демидовская больница*, «*Демидовская*» автошкола, деловой дом «*Демидов*», кондитерская фабрика «*Демидовская забава*», фирменный пассажирский поезд «*Демидовский экспресс*», центр недвижимости «*Демидовский дом*», юридическое агентство «*Демидовъ и партнеры*», многочисленные отели, кафе, рестораны имеют в своем названии фамилию *Демидов*.

Сегодня фамилия *Демидов* является уральским брендом. Последний (по времени) пример, доказывающий это: аэропорт Екатеринбурга «Кольцово» по результатам народного голосования в рамках конкурса «*Великие имена России*» получил «второе имя» в честь Акинфия Демидова.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург).

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории Уральской металлургии. Т. 1. М. ; Л., 1949.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области : топоним. словарь. Ч. 1. 3-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1999.

Н. В. Кабинина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
nadia.nvlad2010@yandex.ru

К этимологии рус. диал. *сэндуха**

В докладе рассматривается вопрос о происхождении северного русского диалектизма *сэндуха*. В говорах восточносибирского села Русское Устье это слово означает ‘тундра; природа’ [Чикачев, 1990, 160], в других зонах Северной России для него фиксируются значения ‘пустое место’, ‘открытый воздух’, ‘пространство вне дома’, ‘ночлег под открытым небом’ [СРНГ, 37, 163; КСГРС].

За этими обобщенными сведениями стоит сложная лексикографическая история слова, начавшаяся в 1810 г. с его фиксации в русских говорах Камчатки, откуда далее *сендуха* «продвигалась» на запад: в первой трети XX в. слово было зафиксировано в архаичных русско-устыинских говорах, а также в верхнепинежских и сольвычегодских говорах Русского Севера [СРНГ, 37, 163; КСГРС].

Вероятно, этот парадоксальный лексикографический путь «с востока на запад» стал одной из причин того, что диалектизм не попал в словарь М. Фасмера — даже с характерной пометой «темное слово», а А. Е. Аникин первоначально искал его истоки в языках народов Сибири [см.: Аникин, 1997, 511]. Позднее, с учетом севернорусских данных, он отклонил сибирский источник, однако этимология слова осталась под вопросом.

Общая лингвогеографическая картина, окончательно выяснившаяся только во второй половине XX в., не оставляет сомнений в том, что «материнским» ареалом для *сендуха* является Верхнее Пинежье.

На этой территории диалектизм многократно фиксируется в контекстах одного типа, причем исключительно как синтаксически связанное слово: «Ночевали на сендухе», «Спал на сендухе», «Ночевал на сендухе — под открытым небом, безо всего, значит», «На сендухе ночевал, без избы, у костра» [КСГРС] и т. п. Это, во-первых, позволяет

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

восстановить для слова прототипические значения ‘открытое место’, ‘пространство вне дома’, ‘воздух’, ‘небо’, ‘природа’, что в целом можно назвать семантикой открытого природного пространства. Во-вторых, синтаксическая связанность слова ведет к предположению о том, что этимологом русского диалектизма является не прямая, а косвенная форма субстратного слова с указанной семантикой.

В качестве этимона мы предлагаем др.-приб.-фин. **sää/nneh* с основой косвенных падежей **sää/nthe-*, где приб.-фин. *sää*, так же как его ближайший синоним *ilma*, имеет синкретичное значение ‘погода / воздух / небо’, а *-nneh* является реликтовым прибалтийско-финским именным суффиксом.

Поскольку семантика обоих компонентов **sää/nneh* выявляется только на основе реконструкции, приведем необходимые аргументирующие данные. Первая их часть, касающаяся вероятной древней семантики приб.-фин. *ilma* и *sää*, иллюстрируется в табл. 1¹.

Таблица 1

**Семантические соответствия приб.-фин. *ilma* и *sää*
в финно-угорских языках**

Приб.-фин. <i>ilma</i>	Приб.-фин. <i>sää</i>
‘воздух’ (фин., карел., люд., ижор.)	‘воздух’ (венг., коми-зыр.)
‘погода’ (фин., карел., люд., ижор., вод., эст., лив., саам., манс., хант.)	‘погода’ (фин., карел., люд., вепс., ижор., саам.)
‘небо’ (карел., ижор., саам., удм.)	‘небо’ (венг.)
‘буря, шторм’ (фин., саам.)	‘буря, шторм’ (фин., вепс., ижор., вод., саам.)
‘все видимое’, ‘все, что снаружи’, ‘мир, свет’ (карел., люд., ижор., эст., лив., саам., хант.)	—
‘Бог’ (коми-зыр.)	—
‘сторона горизонта’ (фин.)	—
—	‘ветер’ (карел., саам.)
—	‘гроза’ (карел.)
—	‘дым’ (диал. коми-зыр.)

¹ Таблица составлена по данным этимологических словарей финно-угорских языков [SKES, 1, 104; 4, 1177; SSA, 1, 224; 3, 244; КЭСКЯ, 268; KKLS, 549; UEW, 435].

Как можно видеть по составу языков, в которых имеются соответствия прибалт.-фин. *ilma* и *sää*, оба слова являются очень древними. Полного изоморфизма семантики между гнездами не наблюдается, однако по данным таблицы вполне очевидна устойчивая связь примарных значений ‘воздух’ — ‘погода’ — ‘небо’, раскрывающая древнее синкретичное финно-угорское видение «наружного», надземного природного пространства.

В чем же заключалась функция суффиксального компонента *-nne(h)*? В современных прибалтийско-финских языках это мертвый суффикс, сохранившийся в крайне ограниченной группе финских (в виде *-nne*) и карельских слов, единично — ижорских и вепсских. Авторы [ОФУЯ, 65] квалифицируют его как «суффикс неясного происхождения» и не поясняют его семантику, хотя она хорошо прослеживается по сохранившимся примерам. В нижеследующей табл. 2 представлена их часть.

Таблица 2

Прибалтийско-финские лексемы с суффиксом *-nne(h)*

Лексемы с суффиксом <i>-nne(h)</i>	Производящие слова
фин. <i>aro/nne</i> ‘сырая земля’	< <i>aro</i> ‘сырой прибрежный луг, лощина; сухая земля с бедной растительностью; сухая равнинная земля, степь’ [SSA, 3, 83]
фин. <i>harja/nne</i> ‘горный хребет’	< <i>harja</i> ‘гребень’ [ОФУЯ, 65]
фин. <i>lotma/nne</i> ‘ложбина, долина’	< <i>lotma</i> ‘то же’ [SSA, 2, 95]
фин. <i>luoma/nne</i> ‘ручей с крутыми берегами; ложбина, пологий берег’	< <i>luoma</i> ‘ручей с крутыми берегами’ [SSA, 2, 107]
фин. <i>oja/nne</i> ‘сырая ложбина; (высохшее) русло ручья; ручей’, карел. <i>oja/nneh</i> ‘сырая ложбина; ручей’, люд. <i>oja/ndeh</i> ‘ложбина, канава’, вепс. <i>oja/ndeh</i> ‘старое русло реки’	< <i>oja</i> ‘прорытая в земле колея; ручей’ < <i>oja</i> ‘канава; ручей’ (карел., люд., вепс.) [SSA, 2, 262]
фин. <i>selä/nne</i> ‘кряж, хребет’, карел. <i>selä/nneh</i> ‘то же’	< <i>selkä</i> ‘спина’ [SSA, 3, 167]
фин. диал. <i>tieranne</i> ‘невыгоревшее место на подсеке’	< <i>tiera</i> ‘то же’ [SKES, 5, 1284]
фин. <i>tilanne</i> ‘место, пространство’	< <i>tila</i> ‘место; состояние; дом, участок’ [SSA, 3, 294–295]

По данным таблицы видно, что, кроме архаичности, которая явно выражается в редкости суффикса *-nne(h)*, он обладает еще одной характерной чертой: во всех без исключения случаях он служит для образования географических терминов. При этом суффикс проявляет семантику «уподобления», образуя географические термины с общим значением «место, похожее на что-либо, подобное чему-либо». В качестве аналогии можно привести русский суффикс *-ин(a)*, который в составе ряда диалектных географических терминов также имеет «уподобительное» значение (*болотина, озерина, ручьевина* и т. п.).

С опорой на все приведенные факты мы предполагаем, что приб.-фин. *sää*, когда-то обозначавшее не только погоду, но и небо, воздух, все надземное пространство, имело диалектный дериват **säänneh* (косв. **sää/ntehe-*). Этот дериват должен был являться «земным» географическим термином, имеющим значение ‘место, подобное небу’, т. е. ‘открытое, широкое, пустое, чистое пространство’.

То, что русский диалектизм фонетически ближе именно к основе косвенных форм, не должно удивлять — в живой речи формы косвенных падежей по сравнению с начальной формой гораздо более частотны. *Сендуха*, скорее всего, было усвоено русскими именно из конструкций с косвенными формами лексемы **säänneh* — об этом говорит уже упоминавшаяся выше устойчивая синтаксическая связанность русского слова (*ночевать / спать на сендухе*). Конечному оформлению приб.-фин. **säänneh* : **sääntehe-* в виде *сендуха*, безусловно, способствовала русская адаптация: с морфологической стороны можно предполагать влияние суффикса *-ух(a)*, а с семантической стороны — сближение с исконно русскими словами *дух, воздух*.

В качестве языка-источника можно предполагать либо карельский язык, до сих пор сохранивший древний интервокальный *h*, либо какое-то неизвестное ныне прибалтийско-финское наречие, в котором этот звук тоже не был утрачен. В связи с последним нельзя обойти вниманием тот факт, что Верхнее Пинежье является зоной плотной концентрации этнотопонимических и иных свидетельств былого проживания «чуди».

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

ОФУЯ — *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редюк К.* Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapiin sanakirja. O. 1–2. Helsinki, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae; XV).

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Budapest, 1986–1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.52

Ю. А. Качалкова*, М. Э. Рут**

*Уральский государственный экономический университет

**Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

*kachalova.iulija@yandex.ru

**moerut@yandex.ru

Урбанонимическое реформирование: «за» и «против»*

Названия объектов городского пространства несут в себе ярко выраженную социально-идеологическую нагрузку, поэтому наречение и переименование улиц, площадей и т. п. вызывает наибольшее количество споров. Для одного из мегаполисов России — города

---

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

© Качалкова Ю. А., Рут М. Э., 2019

Екатеринбурга — задача именованя таких объектов является весьма проблемной.

Один из аспектов проблемы — переименование объектов, связанное с социально-идеологической «экологией» городского пространства: по мнению многих представителей общественности, назрела проблема избавления от названий в честь наиболее одиозных для современности деятелей советской эпохи. Заинтересованными сторонами в этом процессе оказываются три макросубъекта: физический (жители города и общество в целом), юридический (топонимическая комиссия при городской администрации) и активизировавшийся в последние 10–15 лет клерикальный (городское духовенство). В сфере интересов всех трех субъектов находится урбанонимическая реформа — переименование уже существующих объектов, названия которых по идеологическим причинам перестали удовлетворять одного или всех субъектов.

Опыт такого переименования в городе есть: в эпоху перестройки с карты города исчезли имена А. А. Жданова, Ф. И. Голощекина, П. З. Ермакова, И. П. Каляева и др. Однако в XXI в. каждое переименование становится все более дискуссионным и вызывает весьма противоречивые оценки.

Одним из путей решения возникающих проблем может стать опрос городского населения. Отметим, что в Екатеринбурге такой опрос обязательно проводится среди жителей той или иной улицы при ее переименовании, однако на его результаты нередко оказывают решающее влияние моменты, не связанные с оценкой собственно урбанонима: для жителей расположенных на улице домов — нежелание менять паспорт в связи с изменением прописки, для работников фирм и предприятий — сложности со сменой юридического адреса. Конечно, обсуждение переименований ведется в социальных сетях, однако там оно проходит стихийно и плохо поддается статистическому учету. В докладе обсуждаются результаты проведенного среди студентов пилотного опроса по проблемам переименования улиц Екатеринбурга. Обращение именно к студенческой аудитории вызвано следующими причинами: во-первых, предполагалось, что молодые люди легче, чем старшее поколение, реагируют на те или иные изменения; во-вторых, среди студентов немало иногородних, поэтому они не связаны привычкой к старым названиям. В опросе участвовали студенты первого

курса экономических специальностей Уральского экономического университета и филологического факультета Уральского федерального университета. Участникам было предложено ответить на четыре вопроса, связанных с проблемой переименования улиц города.

1. *Нуждаются ли в переименовании следующие улицы* (предложен ряд названий, мотивированных именами деятелей советского периода, по отношению к которым представителями общественности уже не ставился вопрос о необходимости переименования)?

Ответы продемонстрировали практически полное отсутствие идеологического компонента в оценках — респонденты рассматривали урбанонимы как звуковые комплексы, и негативные ассоциации возникали у них на основании чисто формальных сближений (так, «лидером гонки» на переименование стала ул. *Воровского*, название которой ассоциируется с *вор*, *воровской*).

2. *Какие улицы Екатеринбурга вы бы переименовали и почему?*

В данном случае ожидалось ответы, связанные с «идеологическими» названиями, однако результаты выявили неприятие респондентами прежде всего названий, связанных с рабочими профессиями: к переименованию предложены ул. *Альпинистов*, *Бетонщиков*, *Стрелочников*, *Цветоводов*, *Рыбаков*, *Торфорезов*, *Смазчиков*, *Рабкоров*, *Крупносортчиков*, *Каменотесов*. Идеологический мотив вновь оказался непопулярным (отмечено два названия: ул. *Декабристов* — «потому что они организовали восстание»; *50 лет Октября* — без комментариев).

3. *Предложите новые названия для следующих улиц* (вновь был предложен список «идеологических» названий); *аргументируйте свой выбор*.

Выполняя это задание, респонденты часто настаивали на отсутствии необходимости переименовывать объекты, однако половина из них все же предлагала те или иные варианты переименований. Так, для ул. *Вайнера* были предложены названия *Пешеходная*, *Торговая*, *Успенская* (дореволюционное название улицы), *Счастливая*, *Екатерининская*; для ряда улиц предлагались имена деятелей культуры (ул. *Табакова*, *Этуша*, *Рязанова*, *Гурченко*, *Миядзаки* и др.); замены

идеологического характера (ул. *Александра I*, *Николая II*, *Путина*, *Матвиенко*) немногочисленны.

4. *Считаете ли вы необходимым возврат к историческим (прежним) названиям для следующих улиц* (респондентам была предложена таблица, в которой для каждой улицы было приведено дореволюционное название)?

Положительные реакции для каждого объекта не превышали половины всех полученных ответов. Наибольшее количество голосов «за» получили урбанонимы *Главный* (пр. *Ленина*) и *Вознесенский* пр. (ул. *Карла Либкнехта*), *Вознесенская* пл. (*Комсомольская* пл.).

Анализ результатов проведенного опроса позволяет заключить, что для молодого поколения необходимость владения существующей системой номинации объектов городского пространства важнее, чем исходная мотивация используемых урбанонимов. Показателен в этом смысле ответ корейского студента, который с неизбежными сложностями усвоил систему ориентации в городе и по этой причине на все вопросы ответил резко отрицательно («ничего не надо менять, я только все запомнил»).

Среди респондентов весьма незначителен процент желающих заменить старое идеологическое название на новое, противоположное по направленности. При выполнении задания на создание новых названий улиц студенты либо выбирали названия, связанные с реальными свойствами объектов, либо шли по пути посвящений известным личностям из мира науки и искусства. Восстановление исторических названий также не вызвало у молодежи особого энтузиазма.

Все сказанное заставляет с особой осторожностью относиться к идее переименований вообще: каждое измененное название — серьезная брешь в сложившейся урбанонимической системе.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
kacza@yandex.ru

Эротика в языке народной культуры: эвфемистические названия половых органов (по материалам архангельских говоров)

В народной традиции все, что связано с «телесным низом», имеет прямые названия, но может подвергаться эвфемизации. В докладе будут рассмотрены обозначения мужских и женских гениталий (преимущественно метафорические), а также направления метафоризации. Материал взят из богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря» и из собственных полевых записей, в том числе из фольклорных текстов: частушек, пословиц, поговорок, загадок («с картинками») («Вдоль по роже — рот, во лбу борода-то растёт»; «Банька кожаная, дверца волосяная, один моется, двое колотятся»). Эротические загадки часто получают «невинную» отгадку: «В мамину мохнатину запихали голыша» <меховая рукавица и пальцы, рука>. Есть загадки, где народная анатомия (в том числе половые органы) уподобляется природному ландшафту: «Лес, поляна, горб, яма, грудь, живот — там царица живет»; «Лес, поляна, бугор, яма, грудь, живот, а там макариха живет» (где *лес* — волосы, *поляна* — лоб, *горб* или *бугор* — нос, *яма* — рот, *царица* или *макариха* — женский половой орган).

Для обозначения женских гениталий в картотеке «Архангельского областного словаря» выявлено около 170 слов и словосочетаний (включая фонемные и словообразовательные варианты, вместе с прямыми названиями и местоимениями), и примерно столько же для мужских, тогда как направлений метафоризации чуть больше двух десятков. Подавляющее большинство лексем представляет собой эвфемистические замены. Некоторые слова одновременно могут иметь несколько мотиваций и входить в разные метафорические ряды.

Непристойное слово может вовсе опускаться — и тогда на его месте появляется многозначительная пауза; оно может заменяться местоимением и местоименным наречием (*она, моя, твоя, самая, всё,*

куда, туда; он, это, эво), существительным, практически не имеющим значения (*место, штучка, естество, существо, член*); может указывать на принадлежность (*женское, женено, женское место, женственность; мужское, мужство, мужское хозяйство / достоинство, мужской паспорт*); указывать на расположение на теле, т. е. на телесное пространство (*перёд, передок, низ, низкое место, испод, в серёдке, нутро, задница, после пупа, пониже пупенца, повыше колена, меж ногах, в шерсти; конец, конечок, кончик, серёдыш*); на характер расположения, «рельеф» (*дыра, дырка, прорешка, промежность, щель, щёлка, щелина, яма*); на размер (*с долонь место, т. е. величиной с ладонь — о женском органе; боле сковородника, до колена — о мужском*); на внешний вид: покрытость волосами (*лохматина, мохнатина, мохнатка, мохнушка, мохнатый сундучок, чёрная мохнатая, хохол, хохолок, борода, усы*). Названия могут быть связаны с функцией: мочеиспускания (*пикушка, писка, писька; пипка, пипочка, писуля, писун*); деторождения (*род, роды; матка; женилка*); указывать на нетронутость девственной плевы (*целина, цело, целка, целочка*) или, наоборот, на искушенность девушки или женщины (*рваная дырка, целая тарелка*); на цвет (*черневинка, чёрная курица, чёрное сено, чёрный соболь, чернобурка, чёрная лыжница, чернильница*); на отношение говорящего (*сраментина, срам, срамное место, грешник*). Очень широко при метафоризации используется зоологический код (*кура, курица, курочка, курушка, кутька, кутюшка, кутяха, куропатка, куропаточка, ласка, ластушка, куна, кунка, кунька, куница, куночка, соболь, чернобурка, мышь, камбала — о женском органе; петух, петушок, петонька, курица, куричошка, кутька, кутюшка, воробок, чипка — о мужском*); предметный код (*чемодан, чебодан, сундучок, мошина, мошинуца, мешок, тарелка, ракушка, ракуха, чернильница, золотники, ворота, гараж, банька, лыжница, приданое — и палка, батожок, кол, полено, колотушка, кила, килка, игрушка, погремушка*). В предметном коде для мужского органа выделяются названия инструментов и орудий (*долото, рогатина, удочка, пест, пестик, перо, кожаный нож*), оружия (*дуло, пистолет, мушкет, кобура, пистон, батарея*); «новаторским» можно считать «автомобильный» код (*машина, машинка, мотор*). Выделяется пищевой код (*пирог, пирожок, мясо, сырое / живое мясо, колбаса*); растительный код (*сено, шакша — и огурец, хрен, корень, корешок, сучок, мягкое*

дерево, шишка, шишечка, шишонка); антропоморфный код (*барыня, матушка, сестра, кума, царица* — и *батюшко, товарищ*), при этом в рамках антропоморфного кода особо следует выделить использование имен (*Миронья, Макариха*). Зафиксирован изоморфизм внутри телесного кода, т. е. использование собственно соматизмов (*зубы, зубушки, борода, усы, хохол, хохолок; плоть, мясо, волосанка, плешь, голова*). Появляются квазислова (*мана, мымра, куралейка* — и *чирка, чичирочка, хундырёчек*), глоссолалии (*шайда-майда, шанта-панта, хая-вая, кунька-мунька* — и *кундрик-мундрик, хундерь-мундерь*). Некоторые эвфемизмы используются для обозначения как женского, так и мужского полового органа (*место, курица, кутька, кутюшка, мошня, мясо, плоть, член, штучка, борода* и некоторые другие).

Думается, что выявленные направления метафоризации настолько устойчивы, что их можно проследить не только на русском и общеславянском материале, но и в других языках.

DOI 10.31168/7996-2700-3.54

К. А. Климова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
kaklimova@gmail.com

Мифологическая лексика традиционной культуры Дарнашских сел (Ном Серрес, Греция) в этнолингвистическом аспекте

Основные материалы для доклада были собраны в 2015–2018 гг. в ходе экспедиции группы студентов и преподавателей МГУ в Грецию, в Дарнашские села (*Δαρνακοχώρια*): Эммануил-Папас (*Εμμανουήλ Παπάς*), Агио-Пневма (*Άγιο Πνεύμα*), Пентаполи (*Πεντάπολη*), Хрисо (*Χρυσό*) и Нео-Сули (*Νέο Σούλι*). В ходе экспедиций был собран богатый материал по этнолингвистической программе МДАБЯ, составленной А. А. Плотниковой [1996], в том числе мифологическая лексика и многочисленные тексты сказочной прозы.

© Климова К. А., 2019

В Дарнашских селах проживает преимущественно греческое население, что отличает их от многих других соседних сел региона, исторически богато заселенного разнородными этническими группами (болгары, вlahи). Дарнашские легенды о возникновении сел повествуют об исконно греческом происхождении местных жителей — дарнаков [Климова, 2017]. В этих легендах фигурируют древние герои, с которыми связывают этимологию имени «дарнакас». Так, по одной из версий, предком дарнаков был сам персидский царь Дарий, который основал в этом месте первую деревню, оставив воинов персидской армии на поселение. По другой, название произошло от Дарийского царства, якобы существовавшего в раннюю эллинистическую эпоху, или от названия народа дерронов, проживавших в древности на этой территории [Οδηγός Λαογραφίας, 2006, 184]. Версия славянской этимологии не принимается греческими исследователями, поскольку за ней сразу усматривают попытку болгар представить и весь дарнашский говор, и само население славянскими [Παλακυριάκος, 1996, 107]. Наиболее распространена версия происхождения самоназвания дарнаков от греч. диал. δάρη ‘сейчас’ [Там же, 108].

Дарнашский говор относится к македонской группе северных диалектов новогреческого языка, имеющей ряд фонологических, лексических и синтаксических отличительных черт (северный вокализм с редукцией и выпадением безударных гласных, несоблюдение закона трисиллабии, использование винительного падежа вместо родительного для обозначения косвенного объекта) [подробнее см.: Σπιντιου, 1995]. На уровне лексики наблюдается большое число заимствований из южнославянских языков [см.: Чёха, 2017].

Тщательное обследование всех пяти Дарнашских сел позволило составить диалектный словарь мифологической лексики и этнолингвистические карты по лексемам со значением ‘нереида’ (Καλότρες, Διάβες, Τυμλανούδια, Νεράιδες), ‘дух, привидение’ (νησκόματα, στοιχειά), ‘змей-хранитель клада’ (τόπακας), ‘персонифицированный ночной кошмар’ (μόρα, морεάβα), ‘вампир, ходячий покойник’ (βрукόλακας, *βόμπυρας) и ‘демон непогоды, грозовой тучи’ (λάμια), которые будут представлены в докладе.

Ситуация с распределением диалектной лексики представляется чрезвычайно интересной, поскольку для обозначения мифологических персонажей с практически идентичными характеристиками

в Дарнашских селах используются совершенно разные лексемы (например, Καλότκες, Διάβες, Τυμπανούδια, Νεράιδες), при этом изоглоссы проходят четко по границам населенных пунктов.

В условиях компактного проживания всего местного населения (расстояния между селами составляют 3–6 км), тесного общения между жителями (браки между представителями всех пяти сел, организация совместных праздников и общественных работ) существует поразительное разнообразие диалектных лексем для определения одного общего явления в сфере мифологической лексики, которые широко используются в одном селе и почти неизвестны в соседнем.

На наш взгляд, такое специфическое распределение диалектной мифологической лексики в рамках одного микрорегиона может быть объяснено особенностями самой народной демонологии. Это закрытая система, не дающая тем для повседневных обыденных разговоров, в ходе которых мог происходить обмен диалектной лексикой, обслуживающей другие, более открытые сферы жизнедеятельности и культуры человека, такие как свадьба или календарная обрядность.

Климова К. А. Нарративы о происхождении Дарнашских сел в представлении местного греческого населения // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14 : тез. и материалы (Москва, 18–20 апреля 2017 г.) / отв. ред. М. М. Макарцев. М., 2017. С. 161–163.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

Чёха О. В. Славянизмы в обрядовой терминологии Дарнашских сел // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14 : тез. и материалы (Москва, 18–20 апреля 2017 г.) / отв. ред. М. М. Макарцев. М., 2017. С. 113–114.

Σπιντιου Ζ. Δαρνάκικο γλωσσάρι. Σέρρες, 1995.

Οδηγός λαογραφίας 2006 — Μανωλόπουλος Ε., Βράτσιου Τ., Ομηριάδης Α. Οδηγός λαογραφίας δήμου Εμμανουήλ Πατά. Σέρρες, 2006.

Παπακυριάκος Κ. Η Κοινότητα του Αγίου Πνεύματος Σερρών // Σερραϊκά χρονικά. Τ. 12. Αθήνα, 1996.

М. М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
Ярославль, Россия
mmkondratenko@gmail.com

Антропонимы в традиционной духовной культуре Баварии

Семантика имен собственных является постоянным источником вопросов для лексиколога. Некоторые из проблем, существующих в этой области исследований, были обозначены М. Э. Рут [2001, 60]. Одна из них — это отсутствие ярко выраженного сигнификата. Его отнесенность лишь к определенному разряду онома ставит задачу классификации подобных разрядов.

Вхождение онимов в различные семантические сферы можно охарактеризовать с помощью традиционного термина *полисемия*. С этой точки зрения анализ семантики имени собственного возможен только с учетом всех зафиксированных значений опорной лексемы и ее дериватов. Продуктивным в этом отношении выглядит метод рассмотрения слова в рамках семантико-деривационного комплекса [Березович, 2014, 14]. Можно приблизиться к решению обозначенной ранее проблемы, если обнаружить «закономерности развертывания исходного этимологического значения <...> в сеть засвидетельствованных значений, установлению их связей и поиску импульсов семантической деривации и семантических доминант, организующих всю совокупность реальных значений в иерархически структурированное целое» [Толстая, 2008, 176].

Большой интерес представляет изучение категориальной отнесенности лексических и «символических» значений имен собственных в рамках традиционной народной культуры. В этих целях были выбраны антропонимы некоторых южнонемецких говоров Баварии, а именно средневосточнофранконских и среднебаварских. Источником материала послужили в первую очередь данные картотек диалектных атласов и словарей Баварии.

Одной из сложностей анализа семантики антропонимов является зависимость их значения от сочетаемости с другими разрядами слов, в том числе с этнонимами. Так, в средневосточнофранконских говорах, распространенных в северной части Баварии, словосочетание *Bayerischer Hiesel* «баварский Хизель» (*Хизель* — уменьшительная форма от *Mammias*) используется в значениях ‘вымышленное ужасное существо, которым, в частности, пугают детей’ и ‘франкомец, который носит традиционную одежду баварцев’ (при этом под баварцем подразумевается не любой житель Баварии, а только тот, кто принадлежит к этнографической группе, давшей название этой федеральной земле; немецкая орфография различает эти значения, соответственно *bairisch* и *bairisch*) [Archiv] (здесь и далее используются данные картотеки «Восточнофранконского словаря» — «Ostfränkisches Wörterbuch»). В основе этого наименования лежит народное предание о жившем в Баварии в XVIII в. и ставшем народным героем разбойнике Маттиасе Клостермайере (*Matthias Klostermayr*). То же имя в составе композита *Plattenhiesel* (*Platte(n)* — ‘макушка, лысина’) обозначает любого лысого мужчину, а другая уменьшительная форма от *Mattias* — *Matz* — в лексеме *Heringmatz* «селедочный Матц» — продавца селедки.

Большим спектром значений отличается другое распространенное немецкое имя — *Heinrich* (*Хайнрих* / *Генрих*), включая его уменьшительные формы *Heinz*, *Heiner*, *Heini*. Данный антропоним используется в разных семантических сферах. К ним относятся:

- неодобрительная характеристика мужчин по особенностям внешности или поведения: *Heini* ‘пейоративное наименование любого мужчины, а также плохо ведущего себя молодого футбольного болельщика’, *Brillenheini* «Хайни в очках» ‘очкарик (с любым именем)’, *Glatzenheiner* (*Glatze* ‘лысина’) и *Plattenheiner* ‘лысый мужчина’;

- обозначения животных: *Heinz* ‘кот’, *Hasenheinz* «заячий Хайнц» ‘кролик-самец’;

- народная мифология: *Heinzelmännchen* «Хайнцель-человечек» ‘домашний дух’ (почему выбран именно этот антропоним, с точки зрения Ф. Клюге, неясно [Kluge, 2002, 403]);

- реалии хозяйственной деятельности: *Heinz* ‘поставленный сноп’ и ‘сооружение для сушки сена’; *blauer Heinrich* «синий / голубой Генрих» и *himmelblauer Heinrich* «небесно-голубой Генрих» ‘обезжиренное (снятое) молоко’;

▪ народная фитонимия: *Rotziger Heinz* «жирный Хайнц» ‘растение *Chenopodium bonus-henricus* / марь цельнолистная / марь доброго Генриха’.

Общим для всех указанных выше значений, как можно предположить, является семантический компонент, связанный с образной презентацией маскулинности в южнонемецких говорах.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 59–64.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften, „Ostrfränkisches Wörterbuch“ (Erlangen).

Kluge F. Ethymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. Berlin ; New York, 2002.

DOI 10.31168/7996-2700-3.56

Е. Е. Королёва

Даугавпилсский университет

Даугавпилс, Латвия

jelena.korolova@du.lv

Праздник в культуре староверов Латгалии: традиции и инновации

Праздники, почитаемые староверами, основаны на христианском календаре. Семейные и государственные праздники вошли в их быт с приходом советской власти и празднуются по желанию и возможности, не так активно, как христианские, которые являются средством самоидентификации. Дистанцируясь от представителей других конфессий, староверы употребляют при названии праздника определители-идентификаторы: *наше Рождество, русское Рождество, староверское*

Рождество — латышское Рождество, католическое Рождество, государственное Рождество.

Христианские праздники у староверов характеризуются строгим соблюдением поста, молитвой, стремлением к духовному очищению, освобождению от работы, обязательным посещением моленной, зажженной лампадкой: «В моленную не сходил, лампадку не запалил — и праздника нет» (Калишево); «Праздник — это время для работы души» (Даугавпилс).

Церковное название праздников, их история, содержание, даты и порядок следования хорошо известны староверам старшего поколения. Необходимые знания о праздниках представлены в церковных календарях, журналах, а также в книге, изданной Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной [Праздничные дни]. Эта книга и церковный календарь есть в каждом староверском доме. Однако народная традиция привносит местные особенности в названия праздников, расставляет собственные акценты в их значимости и мотивировке.

Христианские праздники делятся на *господские* и *богородицкие*. Выделение в православии Пасхи как праздника праздников имеет следствием особое почитание воскресного дня: «Воскресенье выше нас» (Пизани); «Писан по-божьему: больше Воскресенья праздника нет» (Круки); «За Воскресенье нет прощенья» (Даугавпилс). Это позволяет особо выделить воскресный день в ряду других праздников: *праздники господские, воскресные, богородицкие* (Дубна). Эта традиция присуща православию, но местные староверы сохраняют ее в неизменности, в материковых говорах православных она не так четко соблюдается.

Следуя логике выделения более значимого и менее значимого праздника, выделяют *Большую Паску* и *Малую Паску* ‘вторая неделя Пасхи’, когда празднуется Отдание Пасхи. Рождество Богородицы в народе называют *Малой Богородицей*, а Успение Богородицы — *Большой Богородицей*.

Иногда этот принцип мотивации не действует последовательно. Например, если запрет на работу на второй день праздника действует только до обеда, такие праздники называются *средними праздниками*.

К сожалению, некоторые праздники исчезают из православного календаря староверов. Например, *Девятник* ‘девятый день после Пасхи’ сейчас не отмечается, а раньше «в Девятник ездили в Прейль,

в Преи́ли большу́щий-большу́щий праздник — дождём не смочить, ско́ло наро́ду!» (Ти́ша).

Существует большое количество запретов, предписаний, оберегов, которые являются компонентом народной традиции, связанной с мифологической трактовкой времени, хотя и действуют в период христианских праздников: «Знал, что Иванов день, так коня караулил» (Малта); «Когда Иван, корову могут испортить бабки-ворожбиты — де́ды такие ко́лчучие были, под поро́г и на подо́конник заставля́л па́пка класть — оберега́ет» (Пантели́шки).

В праздник *Усекновения главы Иоанна Предтечи* запрещается резать ножом, особенно капусту и хлеб, так как они имеют круглую форму: «Я сегодня и картошку ногтем чистил, ножик в руки не брал» (Юдовка).

В целом в функционировании хрононимов наблюдаются процессы, описанные этнолингвистами и фольклористами на материале практически всех русских говоров (О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова, А. Б. Мороз, И. А. Подюков, С. М. Толстая). Например, народная этимология церковного хрононима отражается в названии: *Сдви́женье* («гады сдвигаются»), *Встрече́нье* («зима с летом встречаются»). Наблюдается персонцентричность хрононима: *Богороди́ца* — любой из четырех праздников в честь Пресвятой Богородицы. При этом часто диалектные особенности проникают в церковные хрононимы: *Или́я* — *Иля́я*; *Никола́* — *Микола́*; *Пахо́мий* — *Пахо́м*; *Петр* — *Петро́*. Хрононим может употребляться в форме диминутива, столь популярной в разговорном дискурсе: *Ма́рьюшка* («Пойдём на Марьюшку») ‘всенощная служба в пятое воскресенье Великого поста’ — посвящается преподобной Марии Египетской («Моё любимое — Марьино стояние, оно всегда бывает в среду на пятой неделе поста, оно приравняется к покаянию» — Юдовка).

Персонцентричность приводит к персонификации праздника и даже его демонизации: *Борис коней загрыз*, где *Борис* — ‘праздник в честь перенесения мощей благоверных князей Бориса и Глеба’. Празднуется 15 мая по н. ст., в это время всегда отмечается похолодание и отсутствие корма для скота: «Борис утягивает за угол коней, нечем докормить, и поле пахать надо, и конь сдох» (Зуи).

Демонизация праздника приводит к употреблению лекси́мы *праздник* в разговорном дискурсе молодых староверов в том же

контексте, что *бес, чёрт*: «Какого праздника сопрано стоит слева?» (Даугавпилс).

Как видим, бытовое поведение и многие запреты и предписания имеют христианскую мотивацию. Например, принято заканчивать все полевые работы до Покрова. Время перед Покровом рассматривается как благоприятное, счастливое, удачное. *Покров* позволит защитить собранный урожай от вредителей и погодных аномалий: «Православные люди верой ощущают простёртый над собой покров Царицы небесной — защиту и избавление от всякой нужды и печали» [Праздничные дни, 20–21].

Жизнь местных староверов тесно связана с церковными праздниками, которые обнаруживают хорошую сохранность и пронизывают всю культуру староверов и их повседневную жизнь. Реалии современной жизни накладывают отпечаток на праздничную культуру староверов, что-то упрощая в ней (например, в местных газетах печатается график проведения троицких служб на деревенских староверческих кладбищах), что-то изменяя (например, с христославцами расплачиваются деньгами, а не угощением), что-то отменяя (например, традиция, согласно которой принято было на Троицу раздавать нищим, которых много собиралось на кладбище, крашенные в зеленый или синий цвет яйца и угощать их пирогами, утратилась). Однако эти изменения в целом не затрагивают устоев праздничной культуры староверов Латгалии.

Праздничные дни в Древлеправославной Поморской Церкви. Рига, 2011.

С. Ю. Королёва

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия
petel@yandex.ru

Фольклорные антропонимы и устная родословная в преданиях о силачах Пера и Мизе (традиция русско-коми-пермяцкого пограничья)*

Богатыри / силачи Пёра и Мизя — герои фольклорных преданий, популярных у коми-пермяков и южных коми. Традиция зафиксирована во всех шести районах Коми-Пермяцкого округа (включая Юрлинский — с русским населением), смежном Усть-Куломском районе Республики Коми, Красновишерском районе Пермского края — у язывинских пермяков и русских [КПП]. В XIX в. Пера был известен русскому населению современного Чердынского района и даже в заводском поселке Сылва современного Шалинского района Свердловской области [Берх, 1821, 118–119; Кругляшова, 1974, 101–102, 108–109]. Всего с конца XVIII по начало XXI в. записано более 150 вариантов преданий, большая их часть опубликована.

В числе вопросов, которые рассмотрены недостаточно или не поднимались совсем, — происхождение и варьирование имен героев, а также фольклорная родословная силачей в ее отношении к историческим документам (данным писцовых и переписных книг, ревизских сказок и т. п.).

Основной очаг бытования традиции локализован в Гайнском районе: братья считаются уроженцами д. Верх-Лупья, располагавшейся неподалеку от границы с современной Республикой Коми. Устная традиция объявляет Перу коми-пермяком, иногда отмечается его умение говорить на коми, в нескольких текстах он назван зыряниним, а также *чуденином*, силачом *из чуди* и т. п. Родственные отношения героев тоже варьируют: чаще всего это два брата, реже — дядя и племянник,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-012-00750А «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания».

крестный и крестник; Мизя может быть старше или младше, но всегда уступает Пере в силе. Особый ареал составляет русский Юрлинский район, где бытует сюжет о борьбе героя с графом Строгановым за местные земли: здесь у силача нет брата, а сам он считается русским крестьянином из д. Пож.

Брат Перы иногда безымянный, в единичных случаях его зовут Степан, Иван, но чаще всего — Мизя. Имя предположительно связывается со словом *мизько* / *низько* ‘младший сын в семье’, известным в среднесысольских говорах коми языка [Кривошекова-Гантман, 2006, 219]. По другой версии, некалендарное имя или прозвище *Мизя* / *Мизь* может быть русским и происходит из *мизя* ‘близорукий человек’ [Полякова, 2005, 238]. Согласно преданиям, потомки силача стали носить фамилию *Мизёвы*: «Старые-то люди из мизёвщины сильные и крепкие были. Просто говорят, это мизёвщина на всех Мизёвых» [КПП, 44]. Аналогичные рассказы известны и у коми [Лыткин, 1994, 70], но фамилия здесь приобретает форму *Мизевы*.

Более вариативно имя главного героя цикла. Кроме распространенного *Пера*, иногда встречается *Перя* и *Перу*, а в вариантах из Красновишерского района — *Пеля*; известно объединение двух персонажей в одного: *Пера Мизёв* [Ожегова, 1971, 70]. Носители традиции объясняют, что имя *Пера* произошло от *Перфилий*: «Его звали Перфилий, а пермяки звали его Перой» [КПП, 48]. В кудымкарских и особенно русских юрлинских записях популярна другая форма этого имени — *Пёрша*; в единичных записях герой назван *Пёршин* [Ожегова, 1971, 93–94], *Перша Пикулев* [Там же, 95], *Василий Долгих по прозвищу Перша* [КПП, 57]. В современном Шалинском районе, в русской горнозаводской среде, герой имел прозвище *Пермяк* [Кругляшова, 1974, 108–109] — созвучный первоначальному имени этноним в качестве антропонима мог сигнализировать об иноэтничном происхождении. Как бывает в преданиях о первых / ранних поселенцах и силачах, имя героя считается производящим для различных топонимов: *Ператы* ‘озеро Перы’, д. *Першина*, г. *Перь* [Ожегова, 1971, 72, 97, 108; КПП, 52, 59].

Высказывалось мнение, что имя *Пера* не связано с христианским *Порфирий* и что его сближение с разговорной формой *Перфилий* и диал. *Перша* произошло позднее [Кривошекова-Гантман, 2006, 219]. В устной речи коми-пермяков встречаются, однако, имена мифологизированных первопоселенцев *Бора* (из *Борис*) и *Мока* (из *Мокий* / *Мокей*; ср. также

язьв. *Ива-об* ‘поле Ивана’). Эти языковые факты позволяют с осторожностью предполагать, что антропоним *Пера* все же мог быть образован от имени *Перша* / *Перфилий* на коми-пермяцкой почве.

Плодотворным оказывается обращение к документам, содержащим списки жителей д. Верх-Лупья — родины легендарных силачей. *Деревня Верх Лупье на реке на Верхолупье* впервые встречается в писцовой книге Пермь Великой 1579 г., составленной при жизни Ивана Грозного (с помощью ему устная традиция связывает воинский подвиг *Перы*). В ней записаны *Левка Сидоров*, *Перша Сидоров*, *Ивка Сидоров* [ПКПМ, л. 40 об.], т. е. среди самых ранних достоверно известных жителей Верх-Лупья был крестьянин по имени *Перша*. Имени или прозвища *Мизя* там не обнаруживается, но его появление реконструируется по следующим переписям. В писцовой книге 1623–1624 гг. появляется *Осташко Сидоров сын Демидов* с сыном *Остахейком*, который в переписной книге 1647 г. записан уже как *Стахейко Остафьев сын Мизев*. Это первая фиксация фамилии или так называемого прозвищного отчества *Мизев* (которая могла развиться из неофициального имени или прозвища отца [Полякова, 2010, 54]). Таким образом, можно говорить, что антропонимы фольклорных силачей не полностью вымышленные, а принадлежат крестьянам из числа первых насельников, осваивавших эту территорию в конце XVI — первой трети XVII в.

В фольклорной традиции известна и родословная лупьинских героев. Самый ранний вариант записал гайнский священник Н. Попов в 1848 г.: «В д. Верх-Лупье <...> живет одно семейство, <...> по фамилии Мизевы, известное своей необыкновенною силою. У них был отец *Семен* <...>. Дед его *Калина* жил 112 лет. У Калины отец был *Антипа*, у Антипы братья по прозвищу *Пера* и *Мизя*» [цит. по: ФК, 302–303]. В ревизской сказке Гайнской волости Чердынского уезда 1834 г. среди жителей д. Верх-Лупья действительно обнаруживается *Семен Калинин Мизев*; в III Чердынской ревизии 1762 г. есть *Антипа Стахиев сын Мизев* с сыном *Калиной*; в I Чердынской ревизии 1719–1722 гг. находим *Ставия Никифорова сына Мизева* с тремя сыновьями: *Антипой*, *Василием* и *Семеном* (место двух последних в устной традиции занимают легендарные силачи *Пера* и *Мизя*). Документы 1707 и 1678 гг. показывают, что эта родовая линия предположительно восходит к самому первому *Мизеву*. Фамилия распространяется, но фольклорная традиция по какой-то причине мифологизирует поколения одной семьи.

Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

Кривошекова-Гантман А. С. Собственные имена в преданиях коми-пермяков // Кривошекова-Гантман А. С. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2 : Ономастика. Пермь, 2006. С. 217–220.

КПП — Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре / сост. Д. И. Гусев. Кудымкар, 1956.

Кружляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Лыткин В. И. Илля Вась. Мый медся дона да мусса / лӧсьӧдіс Г. И. Торлопов. Сыктывкар, 1994.

Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь, 1971.

ККПМ — Писцовая книга Перми Великой 1579 г., составленная И. Яхонтовым. Список 1877 г. (Рукопись) // Рос. гос. б-ка. Ф. 256. № 308. Л. 1–46.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.

Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв. Пермь, 2010.

ФК — Фольклор народа коми. Т. 1 : Предания и сказки. Архангельск, 1938.

DOI 10.31168/7996-2700-3.58

Ю. С. Костылев

Уральский государственный медицинский университет

Екатеринбург, Россия

jurij-kostylev@yandex.ru

Топонимы иноязычного происхождения на карте острова Врангеля

Проблемы освоения острова Врангеля заключались не только в объективных трудностях географического и климатического характера, но и в вопросе о государственной принадлежности этой территории. Описанием острова занимались зарубежные и советские экспедиции, что нашло отражение в топонимической системе острова Врангеля. На карте острова можно видеть как русскоязычные, так и иноязычные по происхождению топонимы. Иноязычные топонимы можно разделить на две основные группы: 1) наименования, данные

английскими, канадскими и американскими экспедициями; 2) наименования, данные советскими экспедициями. Топонимы первой группы преимущественно англоязычные, второй — эскимосские. Первая группа топонимов создавалась во второй половине XIX — начале XX в. Основная часть топонимов второй группы (как и русскоязычная топонимия) появилась в период 1926–1940 гг.

Общее количество топонимов острова Врангеля, извлеченных из топонимических справочников [ТМСА; ТССВ], мемуарной литературы [Минеев, 1936; Ушаков, 1990] и картографических материалов, составляет около 150 единиц. Часть топонимов образует микросистемы с одним и тем же опорным словом (*Большой Дрем-Хед*, г., *Малый Дрем-Хед*, г., *Дрем-Хед*, лаг. и т. п.). Такие топонимические системы возникали, очевидно, вследствие метонимического переноса, поэтому их можно рассматривать как одну номинативную единицу. Кроме того, *Томаса*, г. и *Фомы*, мыс, как указывают справочники, названы в честь матроса экспедиции Т. Лонга и представляют собой такую же микросистему, несмотря на то что формально мы имеем дело с разными опорными словами.

Количество иноязычных по происхождению топонимов — 37. Из этого соотношения видно, что топонимическая система острова Врангеля является преимущественно русскоязычной, что логично, поскольку регулярное освоение территории происходило в советское время под руководством русскоязычных начальников экспедиций, зимовок, топографических партий. Из общего количества иноязычных топонимов 24 наименования относятся к первой группе и 14 — ко второй. Во вторую группу мы не включаем отапельлятивные топонимы, образованные от хорошо освоенных русским языком иноязычных слов (*Драги*, бух.; *Пролетарский*, мыс). Кроме того, следует иметь в виду, что часть топонимов, включенных во вторую группу, — это наименования, образованные от собственных имен, освоенных русской культурой (*Вульфсона*, лаг.; *Ставрополь*, мыс). Они имеют некий промежуточный статус между русскоязычными и иноязычными по происхождению топонимами. Таких топонимов в рассмотренном материале всего четыре.

В первой группе 11 топонимов имеют отантропонимическое происхождение (*Занес*, мыс; *Томаса*, г.; *Бруч*, коса). Шесть топонимов образованы от названий кораблей (*Роджерс*, бух.; *Корвин*, мыс;

Нанук, р. и т. п.). Топоним *Нанук* восходит к названию корабля (< эским. ‘белый медведь’), так что это единственный топоним первой группы не англоязычного происхождения. Два топонима имеют ситуативное происхождение (*Скелетон*, о-в — по найденному на нем скелету кита; *Флоренс*, мыс — из-за множества цветов на нем во время его открытия). Отобъектно мотивированы, по-видимому, два топонима: *Пиллар*, мыс (англ. ‘столб’) и, вероятно, *Дрем-Хед*, г., лаг. (англ. ‘голова шпиля’). Следует полагать, что оба эти топонима характеризуют форму объекта. Оттопонимическое происхождение имеют два топонима: *Гавайи*, лаг., мыс, выс. (в честь Гавайских островов, на которых базировался корабль экспедиции) и, вероятно, *Атертон*, г., р. (в честь американского города).

Во второй группе шесть топонимов имеют отантропонимическое происхождение и образованы от имен участников первых советских экспедиций (*Нанауна*, лаг.; *Инкали*, г.; *Кмо*, оз. и т. п.). Три наименования были даны в честь кораблей, при помощи которых происходило освоение острова (*Литке*, мыс; *Ставрополь*, мыс; *Вайгач*, лаг.). Отобъектно мотивированы, в том числе путем метафорического переноса значения апеллятива, всего четыре топонима: *Насхок*, р. (эским. ‘голова’); *Люляк*, р. (эским. ‘праща’); *Перкаткун*, р. (чукот. ‘гребень’); *Умкилир*, неофициальное название острова Врангеля (чукот. ‘Остров белых медведей’).

Кроме очевидных мемориальных целей при наименовании объектов в честь участников экспедиций, использование чукотских и эскимосских топонимов, вероятно, должно было обозначить присутствие на острове представителей коренных народностей региона. Такая картина могла создавать впечатление давнего освоения острова представителями советских народностей и тем самым снимать вопросы о государственной принадлежности острова Врангеля. Однако такой подход реализовывался крайне непоследовательно. При этом объекты, названия которых были даны иностранными экспедициями, не переименовывались, что говорит об отсутствии явно выраженной установки на использование топонимической системы в политических и идеологических целях.

В мотивационном аспекте общий подход к наименованию объектов традиционен — подавляющее большинство топонимов как первой, так и второй групп представляют собой отадресатно мотивированные мемориальные топонимы, призванные отразить роль участников экспедиций

и зимовок в освоении острова. Малое количество отобъектно мотивированных топонимов (всего шесть единиц) косвенно указывает на то, что топонимическая система, основывающаяся на иноязычных по происхождению названиях, во многом искусственна и демонстрирует малую освоенность территории на момент номинации. При этом сравнительно большое количество русских по происхождению топонимов отобъектно мотивировано, что говорит о регулярном хозяйственном освоении острова в основном силами русскоязычных номинаторов.

Минеев А. И. Пять лет на острове Врангеля. Л., 1936.

ТМСА — *Попов С. В., Троицкий В. А.* Топонимика морей советской Арктики. Л., 1972.

ТССВ — *Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.

Ушаков Г. А. Остров метелей. По нехоженой земле. Л., 1990.

DOI 10.31168/7996-2700-3.59

И. С. Кошкин

Латвийский университет

Рига, Латвия

igors.koskins@lu.lv

Балто-славянские языковые связи и этимология некоторых слов латышского языка

В изучении лексических балто-славянских связей можно выделить три аспекта: реконструкция общей балто-славянской лексики; установление лексико-семантических параллелей, которые во многом отражают общие закономерности семантической эволюции слов; изучение балто-славянских языковых контактов, результатом которых являются древнейшие славизмы балтийских языков. Все три названных аспекта так или иначе связаны с этимологической и семантической реконструкцией лексики латышского языка.

При этимологизации некоторых слов латышского языка прежде всего возникает необходимость разграничения исконного

и заимствованного. Проблема связана с тем, что к так называемым балто-славянским корням формально могут возводиться как заимствования, так и параллельные лексические единицы, принадлежащие к исконной балтийской лексике. Например, в приводимых ниже парах первое слово трактуется как заимствование, а второе — как исконное слово: латыш. *gads* ‘год’ (< др.-рус. *годъ*) — *gadīties* ‘случаться, происходить’, *gadījums* ‘случай’; латыш. диал. *rēdīt* ‘приводить в порядок; расставлять; ругать; оборудовать; платить (долги)’ (< др.-рус. (*no*) *рядити*) ‘установить (плату, обусловленную договором); соблюсти (договор, соглашение)’ — латыш. *rinda* ‘ряд’.

Отражением трудностей в разграничении заимствованных и исконных лексем является неоднозначная интерпретация некоторых славизмов в этимологической литературе. Так, с точки зрения традиционной этимологии латыш. *gads* ‘год’ считается «культурным» заимствованием [Mīlenbahs, Endzelīns, 1, 581]. X. Станг рассматривает это слово в ряду общих балто-славяно-германских соответствий [Stang, 1972, 23–24], а автор этимологического словаря латышского языка К. Карулис приводит для латыш. *gads* и альтернативную исконную этимологию [Karulis, 1, 277].

Адекватное решение проблемы должно опираться на использование «фактора слова»: речь должна идти в большей степени о реконструкции слова (лексемы), а не морфемы как рефлекса общего балто-славянского корня. В этом плане необходимо учитывать конкретную историю вхождения заимствованного слова в контактирующий язык и то значение, которое оно имело в период языкового контактирования.

Этимолого-семантический анализ упомянутого выше латыш. диал. *rēdīt* ‘приводить в порядок; расставлять; ругать; оборудовать; платить (долги); установить’ [Mīlenbahs, Endzelīns, 3, 517] в сопоставлении с исконным латыш. *rinda* ‘ряд’ [Karulis, 2, 123] убедительно говорит в пользу заимствования, принадлежащего к группе административно-правовых и социальных терминов. Слова этой тематической группы активно заимствовались в процессе социально-политических контактов древних латышей и восточных славян, а также при последующем влиянии русского языка на диалекты латышского. Коррелятивные значения отмечены в текстах деловой письменности северно-западного ареала древнерусского языка, в том числе в псковских говорах: ср. др.-рус. *порядити* ‘привести что-л. в норму, в порядок; установить

(плату, обусловленную договором); соблюсти (договор, соглашение)’, *порядитися* ‘договориться, заключить договор; подрядиться’ [СлРЯ XI–XVII, 17, 146–147], пск. ‘заниматься чем-л., делать; становиться; рассуждать, толковать о чем-л., ком-л.; наниматься на работу куда-л.; заботиться’ [КПОС].

Этимологически более загадочным представляется другое славянское заимствование — латыш. *gads* ‘год’ (в сопоставлении с латыш. *gadīties* ‘случаться, происходить’). Если не рассматривать это слово в ряду общих балто-славяно-германских лексических соответствий (см. выше), а считать его заимствованным словом, то необходимо обосновать мотивацию вхождения этого заимствования в латышский язык.

В словаре Р. Траутмана отмечено общепольское обозначение понятия ‘время, год’: **meta-* ‘время, год’ [Trautmann, 1970, 183], ср. др.-прус. *mettan* ‘год’, лит. *mėtas, mėtai* ‘время, год’, латыш. *mets* ‘промежуток времени’ (например, в слове *laikmets* ‘эпоха’). Латыш. *gads* в специализированном значении ‘время, срок; праздник’ могло быть заимствовано в ходе культурно-христианского влияния древнерусского языка на латышский язык в доливонский период. В славянском ареале отмечены такие семантические рефлексы праслав. *godь, как ‘праздник’, ‘церковный, престольный праздник’, ‘рождественский праздник’, ‘время после рождества’ и т. п. [ЭССЯ, 6, 191–192; Machek, 1971, 173]; ср. также значения слова *годь* в старославянском языке: ‘(благоприятное, назначенное) время’, ‘год’, ‘праздник’ [СтС, 173]. Таким образом, культурно-христианское влияние было одним из важных факторов вхождения в латышский язык многочисленных заимствований из древнерусского языка.

КПОС — картотека Псковского областного словаря с историческими данными (хранится в Санкт-Петербургском государственном университете).

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

СтС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М., 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 1.–2. sējumi. Rīga, 1992.

- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Milenbals K., Endzelīns J.* Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 1.–4. sējumi. Rīga, 1923–1932.
- Stang Chr. S.* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo ; Bergen ; Tromsø, 1972.
- Trautmann R.* Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Unveränderter Nachdruck der. 1. Auflage von 1923. Göttingen, 1970.

DOI 10.31168/7996-2700-3.60

Любор Кралик

Институт языкознания им. Людовита Штура САН
Братислава, Словакия
lubor.kralik@juls.savba.sk

Этимологическая наука в Словакии: современное состояние, задачи, перспективы*

В Словакии, в отличие от других славянских стран, этимологическая наука имеет пока скромную традицию. Это обусловлено целым рядом причин, в числе которых фактическое отсутствие в Словакии вплоть до XX в. научных учреждений, исследующих национальный язык, связанная с этим недостаточность словарной обработки лексики, состояние диахронического языкознания в стране и т. п.

При всем этом интерес к вопросам этимологии проявляли уже филологи XIX в.: в конце столетия была предпринята первая попытка составления словацкого этимологического словаря, сохранившегося в рукописи [Palkovič, 1971].

Из-за отсутствия соответствующих доступных изданий в Словакии традиционно использовались этимологические словари чешского языка. Особого внимания среди них заслуживает словарь В. Махека, первое издание которого носит название «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» [Machek, 1957].

---

*Текст написан при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования, науки, исследовательской деятельности и спорта Словацкой Республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект № 2/0103/19).

© Кралик Л., 2019

Его выход в свет стал импульсом для проекта самостоятельного этимологического словаря словацкого языка, над которым в конце 1950-х — начале 1960-х гг. начал работать словацкий индоевропеист Ш. Ондруш (1924–2011), профессор братиславского Университета им. Коменского.

Ш. Ондруш, по его утверждению, намеревался составить не только «Словацкий этимологический словарь» («Slovenský etymologický slovník»; вероятно, в трех томах, по образцу словаря М. Фасмера), но и его научно-популярную версию в виде однотомного «Краткого словацкого этимологического словаря» («Príručný slovenský etymologický slovník») [Ondruš, 1984, 331–332]. К сожалению, эти планы не осуществились.

Во второй половине 1990-х гг. этимологические исследования были официально включены в программу научной деятельности Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук в Братиславе [см. об этом: Valentová, Králik, 2013, 379–381]. Наиболее важным результатом этимологической работы института можно считать «Краткий этимологический словарь словацкого языка» [Králik, 2015]. Это научно-популярное пособие, в котором объясняется происхождение около десяти тысяч слов современного словацкого литературного языка.

Как писал О. Н. Трубачев [2004, 25], «появление этимологического словаря — это лишь начало настоящего этимологического исследования лексики данного языка». Тем самым, следуя внутренней логике науки, можно ожидать, что указанное научно-популярное издание служит только «увертурой» для составления «сознательно научного (*deliberately erudite*)» этимологического словаря (о соответствующей дихотомии см. [Malkiel, 1976, 79]). В таком словаре должна быть охвачена и проанализирована не только лексика современного словацкого литературного языка, но и его историческая и диалектная лексика. Этимологизацию этих пластов следует считать важнейшей задачей словацкой лингвистики, хотя, к сожалению, адекватное выполнение этой задачи пока превосходит имеющиеся возможности.

Своего рода компромиссом в этой ситуации стал проект электронной этимологической базы данных по словацкой лексике. В докладе будет представлена информация об основных принципах ее составления, а также об отличиях этимологической базы данных от этимологического словаря.

Проблемы, связанные с этимологизацией словацкой лексики, будут практически проиллюстрированы на избранных примерах: *advent* литер. ‘четырехнедельный пост перед Рождеством у католиков и протестантов’, диал. ‘светящиеся испарения над болотистыми местами’; диал. *alenka* ‘божья коровка’; диал. *ancipeter* ‘олицетворение зла, черт, дьявол (в проклятиях и ругательствах)’, *ancimon* ‘то же’; *apríl* литер. ‘апрель’, диал. ‘неразумный, сумасшедший человек’ и др.

Трубачев О. Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово — История — Культура. Т. 1. М., 2004. С. 25–35.

Králik E. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Malkiel Y. Etymological Dictionaries. A Tentative Typology. Chicago ; London, 1976.

Ondruš Š. Slovenský etymologický slovník // Obsah a forma v slovnej zásobe : materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny. (Smolenice 1.–4. marca 1983.) / red. J. Kačala. Bratislava, 1984. S. 321–332.

Palkovič K. Slovenský etymologický slovník Rudolfa Skotnického // Slovenská reč. 1971. № 5. S. 312–316.

Valentová I., Králik E. Vedecká činnosť a výstupy oddelenia dejín slovenčiny, onomastiky a etymológie JÚLŠ SAV // Slovenská reč. 2013. № 6. S. 368–381.

DOI 10.31168/7996-2700-3.61

Н. А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет

Тула, Россия

neli.krasovskaya@yandex.ru

Проявление региональных и этнолингвистических особенностей в русскоязычных социальных сетях

Социальные сети сегодня — это новая коммуникативная реальность, которую активно изучают социологи, педагоги, лингвисты и др. Отмечается, что общение в социальных сетях происходит в письменном

© Красовская Н. А., 2019

виде, однако оно настолько своеобразно, что стоит на грани между устной и письменной формами речи. Об этом пишут многие исследователи [см., например: Ефремов; Матусевич, 2016; Мешкова, 2012 и др.]. Если следовать тезису о том, что общение в социальных сетях — это одна из разновидностей письменно-устной формы речи, то она может иметь региональные маркеры. И в этом смысле наши наблюдения за речью в социальных сетях позволяют сделать некоторые выводы.

Нами рассматривались такие проявления коммуникации в социальных сетях, как публичное общение участников той или иной группы и различного рода объявления, демотиваторы и т. д. Основным материалом был отобран из самой популярной молодежной социальной сети «ВКонтакте». Региональными речевыми регистрами, или маркерами, в рамках коммуникации в социальных сетях, по нашему мнению, становятся нижеследующие.

1. Проявление региональных (диалектных) фактов. Это могут быть фонетические варианты (в случае фонетического письма), лексические, грамматические. Так, например, нами были отмечены такие случаи: «Мои соседи постоянно шумят, то сверлят, то орут, то гремят чем-то. Сил нет. Я им постоянно гаварю чтоб не шумели в обед тк ребенок спит...» (Подслушано Самара. 27 сентября 2018 г. в 18:50). В данном случае наблюдается факт фонетического письма, которое отражает полное аканье. Такое нерефлексируемое проявление в речи региональных особенностей свидетельствует о сохранности определенных диалектных черт.

2. Обсуждение региональных (диалектных) фактов — рефлексированное отношение к языковым особенностям. В этом случае человек реагирует на то, что встречается с проявлением региональных (диалектных) особенностей, чаще всего в чужой речи: «Че на Тулу наезжать, в каждом городе есть свои убогие словечки. Я от жителей Башкортостана, причем от молодых, постоянно слышала: “я полОжила деньги на телефон” или “мне еёшняя мать звонила” — это вообще жесь))» (Подслушано в Туле. 14 августа 2018 г. в 19:09); «Колдобины, дед бумбум, лайн, жамки» (Тула. 8 февраля 2019 г. в 23:19 — необходимо было назвать «тульские словечки»). Подобные факты свидетельствуют о том, что участники коммуникации сами могут не быть носителями тех или иных региональных (диалектных) языковых черт, но имеют о них представление, в ряде случаев наивное.

3. Обсуждение топонимических явлений. Это также, на наш взгляд, своеобразная языковая рефлексия. Здесь можно выделить две разновидности. Во-первых, обсуждение топонимов и связанных с ними особенностей употребления и т. д.: «Важнее то, почему Мясново называют “Мясного”» (Подслушано в Туле. 9 февраля 2019 г. в 22:10); «Михаил, не позорь магадан, пишется Мясново!» (Подслушано в Туле. 8 февраля 2019 г. в 21:19). Во-вторых, это сообщение тех или иных топонимических легенд и т. п.: «Далее гончарное дело росло и процветало и мастеров переселили за Упу, создав им там что-то вроде трудового гетто или “прерий”. Это место и есть Большие и Малые Гончары...» (Подслушано в Туле. 12 февраля 2019 г. в 5:36).

Все приведенные выше факты можно отнести к проявлениям региональных лингвистических особенностей в социальных сетях.

Сложнее говорить об этнических маркерах в русскоязычных социальных сетях. Если мы не будем касаться фактов нарушения межэтнической толерантности (т. е. грубых высказываний в адрес того или иного этноса), то проявления этнического своеобразия можно видеть в следующем.

1. Обращение к этнически значимым топонимам — обсуждение их возникновения, употребления. «Жутко бесит когда пишут — я в казане, или мое др в казане и тд и тп. Блин, как можно такое писать?! Так и хочется написать — “как ты туда поместилась? Туда же даже твоя тупая головушка не вместились бы!” Запомните, если вы имеете ввиду город, то пишете в КазанИ, а если вы имеете ввиду казан, то надо писать в казане, всем спасибо. Анон плиз» (Подслушано Казань. 24 августа 2014 г. в 19:03).

2. Языковая рефлексия по поводу степени владения русским или национальным языком. <Рустам С.:> «я серьезно муштин я ишу втарую палавинька сваево...» — <Евгений Ж.:> «Думаю что лучше писать пост на родном языке. С русскоязычной девушкой Рустаму придется туго)» (Подслушано в Астане. 9 февраля 2019 г. в 18:53).

3. Наличие элементов двуязычия, которые также можно наблюдать в русскоязычных социальных сетях. <Петр Я.:> «Еййй денья. Жалко, чэчэк кебек кызлар, Эти-эни туганнарына, Алла ходай туземлек бирсен!!! Царство им небесное» (Подслушано Казань. 15 февраля 2019 г. в 21:15).

Таким образом, современная сетевая коммуникация — это определенная форма письменно-устной речи, которая имеет ряд региональных

и этнических особенностей. Помимо этого, коммуникация в социальных сетях свидетельствует о проявлении интереса к региональным (диалектным) явлениям (хотя заметим, что чаще всего региональные языковые факты оцениваются отрицательно).

Ефремов В. А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novyh-formah-naivnoy-lingvistiki-v-epohu-interneta>.

Матусевич А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук / Вят. гос. ун-т. Киров, 2016.

Мешкова Л. Н. Текстинг как явление современной культуры // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитар. науки. 2012. № 27. С. 49–53.

DOI 10.31168/7996-2700-3.62

А. Г. Кречмер

Венский университет
Вена, Австрия
anna.kretschmer@univie.ac.at

Мир русского человека эпохи первых Романовых (на материале деловой письменности и частной переписки)

Существование Православной Славии как гомогенного в своей письменной культуре и христианской ее составляющей ареала, стабильного во времени и пространстве, в настоящее время серьезно не оспаривается. Однако определенные сегменты ее культуры и мировосприятия, как в рамках ареала в целом, так и в отдельных его регионах и фазах развития, пока недостаточно изучены. Адекватная реконструкция жизненной парадигмы этого ареала возможна лишь на основании анализа сохранившегося текстового корпуса. Здесь мы представляем некоторые результаты наших исследований на русском материале. Это маргинальные жанры деловой письменности (сказки, описи, челобитные и под.) и частная переписка XVII–XVIII вв.

Наш корпус показывает абсолютную доминанту микромира — семьи, даже рода, — и выживание как центральную жизненную задачу

© Кречмер А. Г., 2019

русского человека. Он не осознает себя частью государства, державообразующего социума — но очень четко осознает состав и границы «своего» общества, своей социальной группы — все, происходящее за ее пределами, интересует его лишь постольку, поскольку может задевать границы его собственного микромира. Интересно, что русское общество в этом отношении не показывает социально детерминированного расслоения — установка на микромир является общей практически для всех слоев общества. Этот человек полностью занят выживанием — и как можно более выгодным для себя и своей семьи. Его не занимают события российской истории, в эпицентре которых он находится, — как в бунташном XVII в., так и в бурное и переломное Петровское время. Он занят обустройством не России, а своего мирка, поддержанием связей, деловых и родственных. Но и семейные связи интересны для него в первую очередь как гарант выживания внутри «своей» группы. Это показывает ракурс, в каком предстает перед нами семья (особенно это заметно в частном письме) — на первом плане здесь именно система связей, заданных родственными отношениями (их значимость предстает аксиоматичной в шкале ценностей того времени), а не любовь, симпатии и вообще эмотивная сторона отношений. Это особенно заметно в переписке родителей и детей, супругов. То же можно сказать и относительно дружеских отношений — дружба не выходит, как правило, за рамки приятельствования, которое, в свою очередь, поддерживается (и открыто) взятками и «подарками», а проверяется требованиями протектирования и предоставления разного рода преимуществ, например в судебных разбирательствах. Ни правда, ни тем более истина, напротив, не являются сами по себе значимыми величинами в шкале ценностей русского человека. Он не считает себя гражданином, не верит и не доверяет государству — а государство, в свою очередь, не считается с ним, не верит и не доверяет ему. Это хорошо показывают данные челобитных, распрсных речей, сказок и под.

Даже такая основополагающая для старой Православной Славии величина, как христианская вера, православие, в частной, приватной жизни русского человека представлена исключительно во «внешних» рамках его мира, именно как его рамочная конструкция, на уровне обрядности и фатализма (причем не совсем понятно, не на уровне ли обрядности находится и фатализм — проскальзывающий преимущественно в формулярных и шаблонных конструкциях).

Ю. А. Кривошапова*, Л. А. Феоктистова**

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

*insekt@yandex.ru

**l.a.feoktistova@urfu.ru

Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в русских народных говорах*

В докладе на материале преимущественно костромских говоров рассматривается модель прецедентной номинации с личным именем и образованным от местного ойконима прилагательным — адъектономимом: костр. *как Дуня касимовская* (< д. *Касимово*) ‘о нелепо одетой женщине’, *как Федя парюгский* (< д. *Малый Парюг*) ‘о сумасшедшем человеке’ и др. Факты подобного рода уже привлекали к себе внимание исследователей [см.: Родионова, 2005; Березович, 2012], но анализировались наряду с другими отыменными единицами (апеллятивными дериватами отдельного личного имени либо устойчивыми сочетаниями нарицательного существительного и адъектонома). Наша цель — охарактеризовать сравнительные обороты и входящие в них личное имя и адъектономим с разных точек зрения (структура, семантика, прагматика, лингвогеографическая информативность) и попытаться таким образом выявить их языковое своеобразие.

Системному сбору и словарной фиксации таких единиц, вероятно, препятствует их ограниченный «срок эксплуатации», что связано с малым радиусом действия модели: как временным (реальный носитель имени, прецедент, о котором говорится в составе конструкции, быстро забывается), так и территориальным (такие словосочетания используются в основном односельчанами, знакомыми с этим носителем). В полевых материалах Топонимической экспедиции Уральского университета (территория Русского Севера и Костромской области) содержится большее по сравнению со многими другими диалектными источниками число записей таких номинаций (см. табл. 1).

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

© Кривошапова Ю. А., Феоктистова Л. А., 2019

**Сравнительные конструкции с личными именами
и адъектонимами по данным различных диалектных словарей
и картотек ТЭ УрФУ**

Территория (область РФ)	Число фиксаций	Территория (область РФ)	Число фиксаций
Архангельская	1	Ярославская	1
Вологодская	6	Нижегородская	1
Костромская	15	Пермская	2
Новгородская	1	Иркутская	1

Больше всего фиксаций — на востоке вологодско-костромского пограничья — территории бывшей Вохомской волости Никольского уезда (ныне Вохомский, Павинский и Октябрьский р-ны Костромской обл., а также Никольский р-н Вологодской обл., см. табл. 2). Это может быть обусловлено не только прицельным сбором подобного языкового материала, который практиковался во время работы в этой зоне, но и самой культурно-языковой локальной традицией. Факторов традиции несколько, один из них, возможно, — привычный для этой территории кустовой тип заселения, когда социум состоял из значительно изолированных друг от друга групп деревень и в каждой группе возникал свой микросоциум, который мог сформировать «питательную среду» для возникновения подобной прецедентной модели номинации.

**Сравнительные конструкции с личными именами
и адъектонимами на территории Костромской области
и Никольского района Вологодской области**

Район	Число фиксаций	Район	Число фиксаций
Буйский	2	Пыщугский	—
Солигаличский	—	Павинский	1
Парфеньевский	2	Вохомский	7
Кадыйский	—	Октябрьский	2
Макарьевский	1	Никольский	4
Шарьинский	—		

Устойчивые выражения этого типа довольно вариативны по своему составу. Обязательным компонентом является только антропоним, остальные же компоненты — сравнительный союз (*как* или *что*) и глагольный предикат — факультативны («Что *нарядился*, как Анистья климовская?!»; «Анистья климовская *идёт*»); может быть опущено и находящееся в постпозиции к личному имени оттопонимическое прилагательное. Личное имя и адъектоним допустимо рассматривать как элементы сложного антропонима, ср. частотные сочетания личного имени с индивидуальным прозвищем: (*Паши*) *Поникишонский*: «На Поникишонке Паша жил». Не исключено, однако, и то, что оттопонимическое прилагательное присоединяется к личному имени уже в составе сравнительной конструкции.

Личное имя в составе сравнительного оборота приобретает функцию номинации-характеристики, обозначая референта имени как «эталонного» носителя каких-либо отрицательно оцениваемых свойств или форм поведения. В сочетании с оттопонимическим прилагательным оно реализует тот же семантико-деривационный потенциал, что и без него. Об этом свидетельствует совпадение перечня идеограмм и наличие ряда общих семантических черт для тех и других деантропонимов: доминанта негативного (преобладание отрицательной характеристики человека по какому-либо параметру), полисемия и/или диффузность значения, а также экспрессивность [подробнее см.: Родионова, 2005; Кривошапова, Феоктистова, 2018]. Функция адъектонима в составе антропонимической формулы — территориальная «привязка» имени и его носителя, что не исключает наличия у прилагательного коннотаций, которые «наследуются» им от производящего топонима (ср., например, *Саша с Уралмаша* ‘о недалекой, простоватой девушке’).

В составе сравнительной конструкции прецедентное личное имя и адъектоним поддерживают статус друг друга в качестве ономастических единиц, что препятствует их дальнейшей деонимизации. Употребление в составе атрибутивных конструкций апеллятивных производных от личных имен, не связанных с местными «прототипами» (ср. влг. (Кирил.) *папíло фíлинской* ‘о бестолковом, беспутном человеке’ (< д. *Филино*) и *папíло* ‘о бестолковом, беспутном человеке’, *папíлиха* ‘о глупой, бестолковой женщине’ [пример из: Березович, 2012, 42]), а также прилагательных, которые образованы от квазитопонимов (ср. костр. (Шар.) *Иён заболотский* ‘о придурковатом человеке’

и *заболотский* < *за болотом*), напротив, ведет к частичной онимизации данных компонентов.

Березович Е. Л. Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 25–52.

Кривоцапова Ю. А., Феоктистова Л. А. Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в костромских говорах // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 30–42.

Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.

DOI 10.31168/7996-2700-3.64

А. М. Кузнецов

Даугавпилсский университет
Даугавпилс, Латвия
anatolijs.kuznecovs@du.lv

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА *латыш*

Этноним *латыш*, пожалуй, является единственным из употребляемых ныне в русском языке названий народов, позволяющим различать этническую и государственную принадлежность человека. Существуют наименования *латыш* и *латвиец*, соответственно, *латышский* — ‘относящийся к этносу *латыши*’, а *латвийский* — ‘относящийся к государству *Латвия*’, ср. *литовский* — ‘относящийся к этносу *литовцы* и к государству *Литва*’. В связи с этим возникает вопрос о происхождении слова *латыш*.

Этноним *лотыш* впервые зафиксирован в антропонимическом употреблении в записи писца новгородской рукописи «Симоново Евангелие» (или «Симоновское евангелие»), 1270 г. На л. 167г читаем: «писахъ же книги| сия азъ гюрги ѿнь попо|въ глемаго *лотыша* съ го|родища» <Писал же эти книги я, Георгий, сын попа, называемого Лотышом, из Городища (под Новгородом. — А. К.)> [Столярова, 2000, 123]. Иногда эту рукопись называли «Евангелием Лотыша», что

© Кузнецов А. М., 2019

неверно, поскольку *Лотышом* прозывали не самого писца, а его отца. Согласно комментарию Л. В. Столяровой [2000, 124], «что означает антропоним “Лотыш” — неясно». Он может указывать на этническую принадлежность, но может также обозначать выходца из Латгалии, необязательно латыша.

Хотя указанная запись известна в науке с XIX в., при анализе балтских этнонимов она почему-то не учитывается. Приводятся этнонимы и этнопонимы *Lettos qui proprie dicuntur Lethigalli* «латышей, которые собственно называются латгалами» (X. 3), *Letthi vel Letgalli* «латыши или латгалы» (X. 3), *Henricus de Lettis* «Генрик латыш» (XVI. 3) в «Хронике» Генриха Латвийского XIII в.; *Lothwa seu Lothihola* в «Descriptio Sarmatiarum» Матяя (1456–1523); *Сѣтьгола* (вместо *Лѣтьгола*) в Лаврентьевской летописи (л. 2); *въ Лотыголоу* (1200 г.), *Лотыголоу* (1228 г.) в Новгородской первой летописи старшего извода [Breibdaks, 2007, 540–541]. Отметим также, что рассматриваемый этноним не встречается в качестве антропонима в новгородских берестяных грамотах [Зализняк, 2004, 204].

Трудно признать в этнониме *лотышь* (совр. *латыш*) русский гипокористический суффикс *ыш-*, известный, например, в словах *выкормыш*, *детеныш*, *найденыш*. В современной латвийской прессе было высказано мнение, что *латыш* — заимствование из нем. *Lettisch*, но это противоречит древней известности слова в русском языке.

Остается признать слово заимствованным непосредственно из языка древних латгальцев-латышей. Этнонимы обычно используются в форме мн. ч., и от формы *lotīti* множественное число получало основу на *-š-* (< **-tj-*): *lotīši*, откуда др.-рус. *лотыши* (в русском языке суффикс *-ī(j)-* получил форму *-ичь*, ср. *кривичи*). От формы мн. ч. далее производится форма ед. ч. *лотышь*.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

Breibdaks A. Ievads baltu valodniecība. 1. daļa // Breibdaks A. Darbu izlase. 1. sējums. Rīga, 2007. S. 483–566.

Д. В. Кузьмин

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
kusmiccu@hotmail.com

Некалендарные и календарные имена в составе ойконимов Олонецкой Карелии*

После принятия христианства в 1227 г. традиционный состав личных имен карелов существенно обновился. Это связано с тем, что по мере распространения христианской веры дохристианские личные имена стали постепенно выходить из употребления, а их место заняли имена христианские. Однако данный процесс растянулся на несколько столетий, свидетельством чему является, например, грамота новгородского архиепископа Феодосия 1548 г., где он отмечает, что в Водской пятине, частью которого был Корельский уезд, местные арбуи (знахари) «нарицают младенцов свойскими именами» [ПШОК, 68]. И даже несколько десятилетий спустя в среде карельского населения на территории современной Карелии и Приладожья документы нередко отражают как прибалтийско-финские, так и русские мирские дохристианские имена. Так, в Лопских погостах в 1597 г. фиксируются *Новичко Федоров*, *Первушка Осипов*, *Поздячко Самсонов* [ИК, 1, 192, 224, 230], в Корельском уезде в 1618–1631 гг. — *Кабрис Иванов*, *Либеро Мульяков*, *Первуша Смуйконен*, *Рудак Болдоринен*, *Шестак Кондияйнен* [Там же, 305, 339, 352, 363, 496].

Целый ряд дохристианских личных имен прослеживается в ойконимии Корельского уезда, ср. в 1637 г. д. *Ihaalan Äya* < имя *Ihala*, *Kaugolan Nemi* < имя *Kaugo*, *Leinäkäälä* < имя *Leinäkkä* [ИК, 2, 83, 135, 413]; в 1618 г. д. *Durakala* [ИК, 1, 326] < имя *Durakka < *Дурак*; в 1631 г. д. *Babila Vu* [Там же, 398] < имя *Babi < *Баба*, ср. рус. диал. *бабоватый* ‘немужественный; женоподобный’.

Не являются исключением и южные части Карелии. Так, Олонецкая равнина всегда была плотно заселенным карелоязычным регионом

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

с большим количеством деревень. В названиях многих из них фиксируются антропонимы, среди которых можно видеть как христианские, так и дохристианские личные имена карельского населения.

В целом группа дохристианских имен достаточно многообразна. Подобно русской антропонимии в прибалтийско-финском онимиконе широко бытовали некалендарные имена, восходящие к «фаунистической» лексике. В Корельском уезде подобные антропонимы фиксируются даже письменными источниками XVII в. В топонимии Олонецкой Карелии они также отмечены неоднократно, ср.: д. *Čondžoilu* (рус. *Ченжойла*) < карел. *čondžoi* ‘блоха’, *Hukkalanagju* (рус. *Хуккала*) < карел. *hukka* ‘волк’, *Häkköil* (рус. *Гяккелицы*) < карел. *häkki* ‘бык’, *Kokkoilu* (рус. *Кокколицы*) < карел. *kokko* ‘орел’, *Kuikku* (рус. *Куйка*) < карел. *kuikka*, *kuikku* ‘гагара’, *Kurgelanniemi (рус. *Гаврилова*) < карел. *kurgi* ‘журавль’, *Kuuhköily* (рус. *Кюхкела*) < карел. *kuuhkoi* ‘(лесной) голубь’, *Lehmoilu* (рус. *Легмой*) < карел. *lehmä* ‘корова’, *Linnunagd'u* < карел. *lindu* ‘птица’, *Oinahal* (рус. *Ойнасово*) < карел. *oinas* ‘баран’, *Varoilu* (рус. *Варилица*) < карел. *varoi* ‘ворона’.

В ойконимии исследуемого региона фиксируются в том числе некоторые широко распространенные антропонимические основы, которые исследователи относят к общеприбалтийско-финским. Среди них, например, *Ihačšu* > *Ihaččal* (рус. *Игатчала*), ср. карел. *iha ‘хороший, любимый’; *Vallo* > *Valloilu* (рус. *Валойла*), ср. карел. *valda*, *valdu* ‘власть, сила; свобода’; *Vil'l'oittu* > *Vil'l'oitul* (рус. *Виллейтула*), ср. карел. *vil'l'a*, фин. *vilja* ‘изобилие; урожай’.

В названиях населенных пунктов представлены также локальные имена, которые нередко трудно отграничить от прозвищных именованных. Ср. ? *Heittoilu* (рус. *Геитойла*) < карел. *heitto* ‘брошенный, оставленный’, *heittolapsi* ‘подкидыш, найденыш’, ср. рус. *Найдён*; *Korval* (рус. *Корвала*) < карел. *korva*, *korvu* ‘ухо’, ср. рус. *Ушак*; *Pikkoilu* (рус. *Пиккойла*) < карел. *pik(k)oi* ‘небольшого роста’, ср. рус. *Малик*, *Малко*, *Малой*; ? *Vanhimal* (рус. *Вонгимала*) < карел. *vanhin* ‘хозяин; глава; начальник’, ср. рус. *Хозяин*, *Голова*.

Известно, что древние карельские личные имена «скрываются» в целом ряде кличек домашних животных [Кузьмин, 2017, 110–114]. В связи с этим можно предположить, что в представленных ниже ойконимах также могли отразиться средневековые карельские антропонимы: *Čomal* (рус. *Чомала*) < карел. *Čoma* от *čoma* ‘красивый, приятный;

дружелюбный’, ср. *Āomikki* — кличка коровы; *Härmi* (рус. *Гярмина Гора*) < карел. *Härmi от *härmi ‘седой’, ср. *Härmi* — кличка лошади или собаки серого окраса; *Lehtoilu (рус. *Лехтойла, Лехтинская*) < карел. *Lehtoi от *lehtoi ‘со светлыми волосами’, ср. *Lehtoi* — кличка овцы с белой шерстью.

Неоднократно фиксируются в документах Карелии русские некалендарные имена, которые нашли отражение и в названиях поселений на карелоязычных территориях, ср.: *Burĉi* (рус. *Бурчина Гора*) < карел. *Burĉi ? < рус. *Бурея*; *Plaĉĉul* (рус. *Платчойла, Плачюгинская*) < карел. *Plaĉĉi* < *Плачуга* ‘плаксивый, слезливый человек’; *Puuttil* (рус. *Путилово*) < карел. *Puutti* < рус. *Путило*; *Šokkoilu* (рус. *Шоккойла*) < карел. *Šokku* < рус. *Щека*; *Šämäkky* (рус. *Шемякова*) < карел. *Šämäkky* < рус. *Шемяка*; *Zubakanhieru* (рус. *Зубаково*) < карел. *Zubakku* < рус. *Зубака*; *Zubottal* (рус. *Зуботала*) < карел. *Zubottu* < рус. *Суббота* ‘родившийся в субботу’; *Tokkaril* (рус. *Токарево*) < карел. *Tokkari* ? < рус. *Токарь*.

После принятия православия в начале XIII в. карелами было усвоено множество новых христианских имен, которые со временем получили значительное количество народных разговорных форм, трансформировавшись в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами карельского языка. Поэтому в составе современных ойконимов Олонецкой Карелии мы видим немало христианских имен, прежде всего мужских, ср.: д. *Aĉĉul* (рус. *Отчула*) < карел. *Aĉĉi* < рус. *Аким*; *Āimoinägi* (рус. *Чимоева Гора*) < карел. *Āimo* < рус. *Семён*; *Āorpi* (рус. *Чонпила*) < карел. *Āorpi* < рус. *Степан*; *Gaulisto* (рус. *Гаврилова*) < карел. *Gauli* < рус. *Гаврил*; *Natoilu* (рус. *Гамойла*) < карел. *Natoi* < рус. *Фома*; *Hoškil* (рус. *Гошкила*) < карел. *Hoški* < рус. *Фёдор*; *Imtal* (рус. *Иммалицы*) < карел. *Imta* < рус. *Иммануил*; *Issoilu* (рус. *Иссойла*) < карел. *Issoi* < рус. *Иван*; *Jukkal* (рус. *Юккалицы*) < карел. *Jukka* < рус. *Иван*; *Kanoilu* (рус. *Канайла*) < карел. *Kanoi* < рус. *Конон*; *Karpi* (рус. *Каппа*) < карел. *Karpi* < рус. *Капитон*; *Krimšoilu* (рус. *Клишиойла*) < карел. *Krimšoi* < рус. *Клементий*; *Kuulistö* (рус. *Кирилово*) < карел. *Kuuli* < рус. *Кирилл*; *Ležonkaniaavu* (рус. *Лежьева Канава*) < карел. *Ležo* < рус. *Елесея*; *Martunhieru* (рус. *Мартыново*) < карел. *Marttu* < рус. *Мартын*; *Mel’ĉul* (рус. *Мельчула*) < карел. *Mel’ĉi* < рус. *Мелентий*; *N’ekkul* (рус. *Неккулица*) < карел. *N’ekku* < рус. *Николай*; *Pan’n’inniemi* (рус. *Паниева Гора*) < карел. *Pan’n’i* < рус. *Панфил*;

Ponkoilu (рус. Понколы) < карел. *Ponkoi* < рус. Понкрат; *Riiškal* (рус. Рышкала) < карел. *Riiška* < рус. Григорий; *T'erkul* (рус. Терккула) < карел. *T'erkku* < рус. Терентий.

ИК — История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 1 / ред. А. И. Копанев, А. Г. Маньков ; Т. 2 / ред. И. А. Чернякова и др. Петрозаводск ; Йоенсуу, 1987–1991.

Кузьмин Д. В. Карельские женские имена // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 105–127.

ПИОК — Письменные известия о карелах / С. И. Кочуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990.

DOI 10.31168/7996-2700-3.66

Л. В. Куркина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия
lyukurkina@rambler.ru

Звукоподражательная и экспрессивная лексика как источник реконструкции распавшихся этимологических гнезд

Предложена попытка реконструкции этимологического тождества редких, разрозненных диалектизмов, обычно определяемых в литературе как неясные или изначально имеющие звукоподражательную или экспрессивную природу. При более внимательном анализе материала с учетом возможных структурных и семантических изменений появляется возможность с некоторой долей вероятности этимологически связать изолированные диалектизмы, сблизившиеся со звукоподражательными образованиями или образованиями других этимологических гнезд. Звукоподражательная или экспрессивная лексика хранит следы архаичных основ, которые могут стать одним из источников реконструкции распавшихся этимологических связей.

Первым в ряду изолированных образований следует назвать гидроним *Толотый* (на Верхнем Дону), приведенный О. Н. Трубачевым в перечне «выразительно региональных» древнерусских, славянских

гидронимов древнего вида, но без опоры в существующей апеллятивной лексике [Трубачев, 1994, 9]. Этот гидроним имеет структуру причастного образования на *-т*, построенного по типу *молотый* — *молоть*, *поротый* — *пороть* и т. д., от основы незасвидетельствованного глагола **telt'i*. Сам глагол утрачен, но образования, связанные с этим глаголом, по причине формальных различий, обусловленных, в частности, чередованием гласных в корне, сблизилась и частично растворилась в составе других гнезд звукоподражательных, частично экспрессивных образований.

След этой глагольной основы сохраняют восточнославянские образования, расширенные экспрессивными формантами *-уж*, *-юц*, *-ск*: ср. укр. диал. *телюжитися* = *теліжитися*, *телющитися* 'тащиться, медленно ехать' [Гринченко, 4, 253], *утелющити* 'всучить, навязать, дать' [Там же, 362] и рус. диал. *утелёскать* 'убежать' [СРНГ, 48, 147], блр. *тэліёшчыці* 'насилу поднять, нести через силу' и др. [ЕСУМ, 5, 541], также укр. *телэхнути* 'сильно стукнуть', рус. *телеши́ть* 'идти торопясь, поспешая, но неуклюже, неповоротливо' [СРНГ, 44, 9]. Частично образования испытывают притяжение со стороны производных от *тело*, ср. рус. диал. *телеши́ть(ся)* 'снимать одежду, раздевать(ся)' [Там же].

В экспрессивно окрашенной лексике можно видеть отражение вариантов основы с разными степенями чередования корневого вокализма. С корневым *-о-* от основы того же глагола отмечены образования с разными расширителями — укр. *толубити* 'толочить' (с пометой «неясно») [ЕСУМ, 5, 594], рус. диал. *толыжный* 'торчащий', *толыснуть* 'сильно ударить' [СРНГ, 44, 220], и т. п. К ним примыкает рус. диал. *перетól* 'ячменная крупа, источенная, ободранная в ступе' [Там же, 26, 242], хотя для этого отглагольного образования не исключена возможность усечения формы *перетол-очь*.

Степень редукции в корне предполагается для некоторых диалектных экспрессивных образований. Шахматов полагал, что укр. **телелхнути* 'сильно стукнуть', *телéвхати* явилось результатом удвоения основы **tɨl-* с гласным в ступени редукции, со слоговым *l* и выпадением начального согласного второй части удвоения, т. е. из **tɨltɨlxati* [Шахматов, 1902, 361, 378].

Основа с удлинением гласного в ступени редукции — в рус. костр. *потиловка* 'маленькая мельница, принадлежавшая одной семье' [СРНГ,

30, 281]. Возможным отражением той же основы являются рус. диал. *тиліскать*, *тиліснуть* ‘бить, колотить, хлестать кого-л.’, ‘сильно дернуть, рвануть’, ‘рвать что-л. в клочья’, ‘красть, воровать’, ‘сильно бежать’ [СРНГ, 44, 124; Фасмер, 4, 57].

Изолированные, рассеянные по диалектам лексемы с общим значением ‘бить, толочь’ (> ‘идти; бежать’) обнаруживают структурную и семантическую близость с продолжениями славянских гнезд, в которых та же исходная основа получает расширители *-m*, *-p*, — **tel-m-/*tol-m-/*tyl-m-* и **tel-p-/*tol-p-* (ср. чеш. *výtlemiti (ústa, rty)* ‘осклабиться’, *tlámat* ‘есть, жевать’, рус. диал. *сүтоломня* ‘толкотня, давка’, польск. *thum* ‘толпа’ и т. д. и рус. диал. *телепать* ‘трясти, болтать, тихо идти’, болг. *тлѧпам* ‘брести’ и т. д.).

В контексте восстанавливаемых отношений могут получить объяснение некоторые этимологически темные слова. Речь идет о реконструируемых для праславянского языка диалектных образованиях, в структуре которых допустимо выделение префикса **pa-*, а именно **patъla / *patъly* ‘космы’ и **patъlati* (ср. с.-х. *pātlati, pātļām* ‘чистить и мять лен’, чеш. *patlati* ‘глупо болтать; халтурить’, *patlati se* ‘возиться (обычно руками) в какой-то грязной полужидкой массе; что-л. кропотливо делать, стараться’, диал. *patlat se* ‘идти с трудом’, *patlat* ‘кропотливо делать что-л.’, рус. диал. *патлѧть* ‘трепать, клочить, косматить, теревить, драть за патлы’, укр. *пѧтлати, -аю* ‘теревить, лохматить’) [ЭССЯ, 41, 237–238]. В силу ограниченных возможностей материала любое из предлагаемых решений имеет право на существование, но при этом оно остается гипотезой, оставляющей вопросы и не исключающей возможности иных подходов к объяснению. Для **patъla / *patъly*, ограниченного восточнославянским ареалом, не лишена оснований версия о заимствовании из балтийских языков (ср. лит. *pākulos* ‘пакля’ ~ *kūlti* ‘бить, молотить’) с последующим нивелированием семантических различий между именем и глаголом. Другую природу имеет глагол **patъlati*. Для него, поставленного в ряд восстанавливаемых отношений, отпадает необходимость в выделении форманта *-l-*, особенно характерного для звукоподражательных и экспрессивных глаголов, и соотносении с семантически отдаленным **patati* (польск. диал. *patac* ‘махать, трепать крыльями’) с очень неясной этимологией. Глаголы на *-ati* **patъlati / *patslati* можно объяснить в рамках этимологического гнезда с основой **tel-* как образование с гласным в степени редукции

от имени с префиксом **ра-*, экспрессивного обозначения человека неухоженного, лохматого, неловкого и т. п.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. Киев, 1907–1909.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Трубачев О. Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1991–1993 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1994. С. 3–23.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996.

Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми // Изв. ОРЯС. 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 303–382.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

DOI 10.31168/7996-2700-3.67

В. С. Кучко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
kuchko@inbox.ru

К семантико-мотивационной реконструкции русских диалектных слов, обозначающих группы людей*

Идеограмма «группа людей» хорошо разработана в русских говорах, причем частотность тех или иных значений в массиве этой лексики показывает, какие именно признаки разных объединений привлекают внимание номинатора: распространены обозначения «группа для

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

© Кучко В. С., 2019

совместной работы» (и связанные с ними семантически, а часто и словообразовательно, наречия «скопом, сообща, всем вместе»: к примеру, сев.-рус. *áревом, артелью, гáмазом*), «ватага детей», «компания гуляк, бродяг», «группа жителей одного конца деревни» и др.

Эта лексика представляется интересной с точки зрения этимологии: многие существующие реконструкции высказываются в литературе с сомнениями; среди обозначений людских множеств высок процент заимствований (например, среди тюркских заимствований — литер. *ватага*, свердл., перм. *уту́г(а)* ‘толпа’ [ЭСРДС, 596], юж.-рус. *ота́ра* ‘сборище людей’, арх. *арьюш* ‘скопление людей, животных’ [Аникин, 1, 268]); много «узких» диалектизмов, т. е. слов, для которых словари фиксируют узкий ареал.

В докладе мы остановимся на нескольких примерах — обозначениях групп людей, требующих групповой мотивационной реконструкции; некоторые из них прокомментируем ниже.

Для смол., пск. *вя́тка* ‘толпа, ватага’, смол. ‘стая волков, собак’, блр. *вя́тка* ‘толпа, стадо, артель’ (сюда же неучтенное нижегор. *вя́тка* ‘компания девушек-подруг одного возраста, вместе проводящих время’) существует этимология (выдвигаемая с сомнениями), согласно которой слово образовано от гипотетической формы **вята* — продолжения праслав. **jata* (**jato, *jaty*) ‘стадо, стая, толпа’ — и возникло в результате добавления протетического *ц-* [см.: Аникин, 9, 261–262; ЭСБМ, 2, 330]. Чтобы эта версия «состоялась», требуется ряд допущений: 1) реконструкция незафиксированного **вята*; 2) предположение о вставке протезы; 3) утверждение, что представленная праславянская основа в протезированном виде на русской почве существует изолированно: в [ЭССЯ, 8, 182] приводится единственная русская форма из картотеки «Словаря русских народных говоров» — пск. *ят* ‘скопление рыбы’.

Между тем возможна иная интерпретация диал. *вя́тка* ‘группа людей’. Традиционно считается, что разное происхождение имеют омонимы *Вятка* ‘приток Камы’, ряз. *вятка* ‘клин земли’ и смол., пск. *вятка* ‘толпа’ [см.: Аникин, 9, 232; 260–262]. В. Л. Васильев в своей новейшей работе, не рассматривая обозначение толпы, связывает название реки (он указывает также на примеры других топонимов на *Вят-*) и обозначение клинообразного участка земли и предлагает считать исходным **větka* ‘ветка дерева; ответвление чего-л.’, имея в виду

наличие ряз. *вѣтка* ‘часть земли, вдавшаяся клином между чужими владениями; клин’, а также древненовгородские и древнепсковские названия речных притоков *Ветка* и *Витка* (всю аргументацию см. в [Васильев, 2016, 23–39]). Предположим для смол., пск., нижегор. *вѣтка* ‘толпа, компания; стая’ это же исходное **vĕtka* и необходимость учитывать рефлексы **ĕ*, выражающиеся чередованием *вят-/вет-/вит-* (см. другие примеры колебаний в основе [Там же, 31]). В нашем случае огласовка *вет-* также фиксируется, ср. брян. *вѣтка* ‘компания из нескольких девушек’; очевидно, сюда же минск. *вѣтка* ‘два работника с тройкой лошадей на лесных промыслах’. Говоря о семантике, отметим, что образ ветки используется для обозначения разного рода сочленений, соединений (так, рус. диал. *ветка* ‘связка чего-л.’ как раз предполагает мотивировку признаком «основа для нанизывания») — в том числе людских, ср. рус. диал. *ветка* ‘поколение’ (это значение фиксируется и в другой огласовке: нижегор. *вятка* ‘компания девушек одного возраста’).

В свердл., ср.-урал. *утур* ‘толпа’ можно предполагать приставочное образование от *турить*, гнездо которого разрабатывает семантику сворачивания, поворота (не разделяя с краснойр. *утур* ‘поворот, изгиб’): среди номинаций групп людей и животных явно просматривается модель ‘нечто свернутое’ → ‘группа’, ср. *куліга* новг. ‘собрание, сборище в смысле подозрительной компании’, тамб., ряз. ‘стая птиц’; р. Урал *свѣрток* ‘косяк рыбы’, арх. *клубок* ‘группа’, смол. *плетень* ‘толпа, гурьба’; ср. также обозначения действий по нахождению в одном месте людей или других объектов в большом количестве — ворон. *куліжиться* ‘толпиться’, влг. *заворотить* ‘появиться в больших количествах’.

Свердл. *халка* ‘компания, группа людей’ можно связывать с диалектными экспрессивами *халка* ‘рот’, *халкать* ‘кричать, шуметь’, в качестве типологического фона ср. свердл. *пасть* ‘группа людей’; гнездо пск. *гвалт* ‘крик’, ‘шумная толпа’, пск. *во весь гвал кричать*, морд. *гвѣлом* ‘сообща’, др.-рус. *гвалтом* ‘толпой’ [Аникин, 10, 148]. Отметим, что для вост.-слав. *орѣва*, *арѣва* ‘сборище’, ‘артель’ и под. допускается наряду с версией о происхождении от **orati* ‘пахать’ предположение об образовании слова от **orati* ‘кричать’ или по крайней мере о вторичном влиянии последнего [Аникин, 1, 253, с литературой].

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

Васильев В. Л. Еще раз о происхождении названий реки Вятка и города Вятка (совр. Киров) // *Вопр. ономастики.* 2016. Т. 13. № 2. С. 23–39.

ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–. Т. 1–.

ЭСРДС — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск, 2000.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

DOI 10.31168/7996-2700-3.68

И. А. Кюршунова

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия
kiam24@mail.ru

Региональный ономастикон донационального периода как источник этнокультурной информации*

Включение ономастического материала в этнокультурную исследовательскую сферу продолжает оставаться актуальным и востребованным знанием. Это обусловлено самой природой имени собственного, являющегося культурным кодом эпохи с уже сложившимися и меняющимися традициями. Анализ донационального ономастикона, представленного в письменных источниках определенного региона, дает возможность взглянуть на вопросы, связанные с этнокультурной составляющей прошлого, с разных точек зрения: «универсальное — специфическое», «свое — чужое», «центр — периферия», «индивид — семья — социум» (их аксиологические установки).

В докладе рассматриваются имена собственные, зафиксированные в делопроизводственных документах Карелии XV–XVII вв. — периферийной, разноэтнической, архаической (даже по меркам изучаемого

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

времени), трансграничной территории. Особое внимание уделено ономастическим единицам, представляющим прямо или косвенно человека: личным (некалендарным и календарным) именам, прозвищам, патронимам, отчествам, фамильным прозваниям, посессивным ойконимам.

Несмотря на то, что центральную позицию для указанного времени занимают личные имена, каждая ономастическая единица по отдельности и в группе является сгустком этнокультурной информации, имеющей свои особенности.

Использование некалендарных личных имен (*Бажен, Ждан, Нечай, Подосенко, Третьяк*) как уходящей части ономастикона — показатель многогранных семейных ценностей (верований, обычаев, связанных с рождением, иерархическим положением членов семьи), определяющих место этой ономастической единицы в мировоззренческой картине прошлого.

Календарные личные имена (в любой форме) представляют иной информационный ресурс, ориентированный на христианские ценности; при этом в мотивационном плане возможно видеть и прежние охранные темы, что еще теснее связывает их в функциональном плане с предыдущей антропонимической группой.

Прозвища (*Базыка, Варач, Гундор, Дероба, Заляка*) продуцируют отношения в социуме. Их несомненная близость к апеллятивной лексике (особенно экспрессивной, практически не представленной в текстах документов донационального периода) ставит эти антропонимические единицы на более высокий уровень в деле выяснения этнокультурной информации, которая определяет важные аспекты внешнего и внутреннего мира человека (прежде всего в рамках региона, хотя сами выдвигаемые социумом требования — следование норме, стремление к идеалу, отношение к труду и пр. — являлись общезначимыми).

В ряде случаев единственными свидетелями ранее существовавших личных имен и прозвищ, а следовательно, и этнокультурной информации, заключенной в них, являются патронимы и посессивные ойконимы. Например, именно в их основах сохранилась бо́льшая часть имен с финно-угорскими маркерами, ср. названия деревень *Кярגיעва селга, Лявкуево, на Кик-озере словоет Лукинская Питкуева, Тиркоев наволок*. Кроме того, эти онимы отмечали принадлежность, отношение человека к семейному социуму, а посессивный ойконим еще и закреплял его за определенной территорией.

Таким образом, региональный ономастический материал донационального периода несет через имя этнокультурную информацию о человеке, его месте в мире, его основных приоритетах в семье и обществе.

DOI 10.31168/7996-2700-3.69

Н. В. Лабунец

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
labunetsn@gmail.com

Топонимия нижнего течения реки Тавды: историко-этимологический ракурс

Топонимия бассейна реки Тавды представляет особый интерес не только в аспекте лингвоэтнического взаимодействия, но и с позиций реконструкции обско-угорского субстрата. Тавдинская топонимия изучена неравномерно: развернутые исследования под руководством А. К. Матвеева были проведены по верхнему и среднему течению учеными УрФУ (УрГУ): начиная с 1960-х гг. — М. Т. Муминовым и Г. В. Глинских, на рубеже XX–XXI вв. — О. В. Смирновым и др. Результатом стали уникальные лексикографические базы, в которых представлен топонимический материал вымершего южного (тавдинского) диалекта мансийского языка.

Несмотря на сложившиеся традиции, изучение географических названий по нижнему течению р. Тавда практически не проводилось, хотя отдельные топонимические наблюдения в ходе полевых диалектологических работ были сделаны еще в 1950-е гг. М. А. Романовой, в 1970-е гг. Т. Н. Дмитриевой, позже — тюркологами Д. Г. Тумашевой и Х. Ч. Алишиной.

Цель настоящей работы — выявить и этимологически прокомментировать обско-угорские элементы в составе гидронимов нижнего течения р. Тавда (Нижнетавдинский район Тюменской обл.). Источником послужили личные записи автора, собранные в 2003–2005 гг. в русских старожильческих поселениях Нижнетавдинского района, а также исторические и историко-картографические материалы XVIII–XIX вв.

Регион относится к сибирским территориям наиболее раннего русского заселения, является зоной легендарных Ермаковых походов 1583 г. В отношении нижнетавдинской гидронимии с учетом историко-археологических и лингвистических данных можно говорить не только о тюркском адстрате, но и об обско-угорском субстрате, а также самодийском субсубстрате, восходящем к X–XII вв. Высказывалось мнение, что здесь (шире — на территории восточной части Среднего Зауралья) могут обнаруживаться также гидронимические реликты, которые будут идентифицироваться не только с древним хантыйским и мансийским, но и с прамадьярским языковым фондом, восходить к реликтам «таких угорских племен, о которых пока ничего не известно» [Матвеев, 2006, 256]. Однако этимологические разыскания затруднены поздней адаптацией не только фонетического, но и семантического характера как на русской, так и на тюркской почве. В пределах этой зоны «есть ряд обстоятельств, позволяющих обратить внимание прежде всего на хантыйские данные» [Там же, 257]. Основываясь на идеях А. К. Матвеева, обратимся к материалу.

В исследовании топонимического субстрата региона особое значение имеют многочисленные названия небольших речных и озерных объектов бассейна нижней Тавды, которые на тюркской почве не интерпретируются: *Ангерь*, *Бичнус*, *Тояр*, *Тыкма*, *Чакмас*, *Чека* и др. Некоторые из них находят соответствия в иртышских, южных (вымерших) диалектах хантыйского языка. А. Алквист, побывавший в 1858–1859 гг. на Иртыше и его притоках, утверждал, что «население на Нижней Конде состоит из остяков, говорящих на том же диалекте, что и остяки на Иртыше» [Алквист, 1999, 135].

Закономерно при интерпретации опираться на соответствующие данные: ср. р. *Паченка* (правый приток р. Тавда) < ирт. (конд.) *pačšiam*, *pačšam* ‘впитавший, вобравший’ (воду из болот?), *pačšà* ‘влажный, мокрый, сырой’ [Raasonen, 1926, 167, 168], т. е. *Паченка* — ‘Река из болот / Болотная река’, что коррелирует с фольк. *pačš àm* ‘вонючий, трупный запах’ [Ibid., 168]. Гидроним можно интерпретировать как ‘Река, текущая из болот и имеющая болотный запах’, что вполне соответствует реалиям нижнетавдинского региона, отличающегося высокой степенью заболоченности. Интересно в связи с этим соотнести летописное сказание о Ермаковом сражении с вогульским князьком *Паченгом* / *Печенгом* на реке *Паченке*. Легенда гласит, что

Ермак «побил вогуличей», а трупами завалил озеро, которое стало называться *Поганым* и источало неприятный запах. Отметим, что ряд историков высказывает сомнения в реальности экспедиции Ермака 1583 г. в низовья Тавды и сражениях с «кучумовичами» *Паченгом* и *Лобутой* (р. *Лабута* — левый приток р. Тавда, ниже р. *Паченка*). Если придерживаться данной версии, можно говорить о гидрониме *Поганое* как русской кальке хантыйского (ирт., конд.) *Паченка* < *pačšam*.

Исследование субстратной гидронимии по нижнему течению р. Тавда требует учета различных факторов, в том числе снятия позднейших «ментальных наслоений», отразившихся как в русских, так и в татарских топонимических легендах, бытующих в регионе.

Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические наблюдения / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск, 1999.

Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006.

Raasonen H. Ostjakisches Wörterbuch. Nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Helsingfors, 1926.

DOI 10.31168/7996-2700-3.70

Ивана Лазич-Коник, Стана Ристич

Институт сербского языка САНИ

Белград, Сербия

ivana.konjik@gmail.com

Концепт «народ» в сербском языке и культуре в свете системных связей*

Концепт «народ» относится к универсальным социальным концептам, базирующимся на понятии ‘общность (людей)’, а в сербском языке и культуре он близок концептам «породица», «дом», «домовина», «друштво», «нација», с которыми он связан сетью семантических отношений, основанных на биологических, общественных, физических, психических и культурных аспектах [Ристић, Лазич-Коник, 2018; Ristić, Lazić-Konjik, 2015; Ристић, 2015]. Содержание и оценка значимости

---

* Работа выполнена в рамках проекта МПНТР РС 178009.

© Лазич-Коник И., Ристич С., 2019

данного понятия выявляются в лексикографических определениях, которые в современных словарях сербского языка практически идентичны, а также в различных парадигматических и синтагматических отношениях, в которые вступает слово *народ*. В докладе мы в самых общих чертах представим результаты реконструкции содержания и значимости понятия «народ» на основе анализа системного языкового материала: слова *народ*, его синонимов, оппозитивов, гиперонимов, согипонимов, семантических и словообразовательных дериватов, а также его определений и устойчивых языковых оборотов с его участием, с акцентом на современном понимании данного концепта.

В современном сербском языке, согласно [РСЈ], слово *народ* имеет три значения, связанных между собой понятием «общность / собрание / множество (людей)» в качестве гиперонима. Первое значение является более общим, оно связано с понятиями этнической, национальной, родовой и под. общности: ‘большая общность людей, образовавшаяся на основании общего происхождения, языка и др.’, согипоним: *нација*¹. Второе значение — ‘основная масса людей, населения; население на более низких уровнях имущественной и общественной иерархии’: *прост народ, радни народ, обичан народ*². Значение, выраженное в первой части определения, является нейтральным, оно производно от главного (этимологического) значения ‘множество’, сохранившегося в современном языке у глагола *народити*, т. е. *народ* — это «то, что народилось» [РЈАЗУ]³. Из второй части определения можно сделать вывод о социальных аспектах данного концепта в плане разделения населения, т. е. здесь подчеркиваются политические, классовые и сословные различия, что подтверждают синонимы / согипонимы: *пук, свет, раја, селаштво*, а также примеры с отрицательной стилистической окраской: *светина, руља, пучина, племс*, находящиеся в оппозиционных отношениях с лексемами *господа, аристократија, буржоазија, богаташи, интелигенција* и т. п.⁴ Третье значение — ‘насе-

¹ В [РСАНУ] сочетания: *европски народи, влашки народ, српски народ, наш народ, војнички народ* и др.

² Ср. прил. к *народ*, в [РСАНУ].

³ В [РСАНУ] приводятся и устаревшие дериваты: *народобогат, народобогатство, народопразан, народосиромашан*.

⁴ Ср. *народска* по отношению к *господска политика, ненародне основе* — это *стране, туђинске основе, народски човек* имплицитно *господски човек* и т. д.

ление, жители' — имеет три подзначения, различающихся по степени обобщенности: *народ овога краја*; *сила народа*, *много народа*; *старији народ*, *православни народ* и др.

Словарные данные показывают, что в современном сербском языке слово *народ* в самом общем значении можно связать с политическим понятием «нација», а посредством данного понятия — и с понятием «држава». Сведения из исторических словарей демонстрируют, что значение 'нација' подтверждается и в более старых источниках, но не в качестве основного в [РЈАЗУ]. Отождествление понятий «народ» и «нација» в современном сербском языке могло быть, кроме прочего, обусловлено и тем, что сербское государство было образовано из одного (сербского) народа, который и до формирования государства имел свои характеристики (происхождение, название, язык и др.).

В концептуализации понятия «народ» важнейшее место имеет значение 'население на более низких уровнях имущественной и общественной иерархии', так как ему обычно приписываются различные ценности и символика. В зависимости от субъективной точки зрения и широкого исторического контекста оно дифференцируется разными способами на основании различных общественных параметров, от чего зависит оценка его значимости. Главная оппозиция связана с политическим аспектом: *обични*, *непривилеговани*, *потчињени* — *утицајни*, *привилеговани*, *владајући*. В меньшей степени характерны оппозиции, базирующиеся на сословных, классовых и экономическим параметрах, что связано с сербским самосознанием, когда на первом плане — нравственные качества, образ жизни и черты человека, и только после них — экономические и другие характеристики [Ристић, Лазић-Коњик, 2016, 45]: *сељаци*, *радници* — *господа*, *аристократија*, *буржоазија* (истор. *племство*, *властела*); *сиротиња* — *богаташи*; *интелигенција*, *образовани*, *елита* — *неинтелигенције*, *необразовани*, *прости*.

Понятие «народ» в целом сопровождается положительной оценкой, одобрением, симпатией, как «мы / наше» по отношению к «они / чужое», хотя имеются и негативные оценки, что показывают отрицательно окрашенные синонимы (см. выше). Политическое профилирование понятия осуществляется в субъективной и общенациональной перспективе, согласно которой *народ* отождествляется с 'народом, которому принадлежит субъект наблюдения', т. е. с 'сербским / нашим народом' [РЈАЗУ], поэтому оценка в соответствии с автостереотипом

может быть и положительной, и отрицательной, сочетая отрицательные представления о системных характеристиках общества / государства с положительными представлениями о людях (нас, сербах) [Ристић, Лазич-Коњик, 2016, 41, 45].

В современном понимании концепта «народ» в сербской культуре, таким образом, преобладают социальные аспекты. Только во вторую очередь концепт дополняется биологическими и физическими характеристиками в смысле ‘общее происхождение’ и ‘множество’, ‘совокупность’. Оттеснение этих двух аспектов в современном языке на периферию, а также их реализация в других сферах, не относящихся к человеку, подтверждается областными значениями, отмеченными в [РСАНУ] (*народ*_{4,5,6}).

Ристић С. Стереотип ДОМОВНА у зајдничкој концептосфери ДОМА и МАЈКЕ // Ристић С. Граматички и когнитивни аспекти лексичког значења. Београд, 2015. С. 219–235.

Ристић С., Лазич-Коњик И. Стереотип о Србима // Срби и српско / ур. Д. Ајдачић. Београд, 2016. С. 19–49.

Ристић С., Лазич-Коњик И. Концепт ПОРОДИЦА у српском језику (на материјалу речника српског језика) // Српски језик: статус, систем, употреба / ур. Ј. Петковић, В. Поломац. Крагујевац, 2018. С. 515–533.

РСАНУ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ. Београд, 1989.

РСЈ — Речник српског језика / ур. М. Николић. Нови-Сад, 2011.

Ristić S., Lazić-Konjik I. Dom w języku serbskim // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 : DOM / red. J. Bartmiński. Lublin, 2015. S. 263–290.

РЈАЗУ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.

Пер. с серб. Светланы Голяк

М. О. Леонтьева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
marileonteva@yandex.ru

Пейоративные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект

В говорах Вологодской и Костромской области обнаруживаются многочисленные пейоративные обозначения органа зрительной перцепции, при этом наиболее активно номинируются вытарашенные глаза. Экспрессивные номинации, реализующие данную идеограмму, выступают в однотипных, регулярно воспроизводимых контекстах: влг. «*Пўлыши* чего выкатила?»), «Чего выпалила *лэндыши-то*?»).

В мотивационном отношении типичными являются лексемы, связанные с глаголами со значением 'глядеть, смотреть': диал. шир. распр. *глядёлки*, *глядёльца*, костр. *зёрьки*. Акцент в данном случае делается на гипертрофированно воспринимаемой функции зрения.

С другой стороны, в основу большого количества лексем может быть положен признак увеличения, выпуклости, который выражается на базе производящих основ разного типа.

Во-первых, выпуклость может быть отражена путем метафоризации на базе слов, обозначающих округлые предметы. Глаза сравниваются с округлыми наростами на дереве (влг. *бáклы* 'вытарашенные глаза' < *баклá* 'нарост на дереве'), с плодами растений (костр. *лўковицы*, ср. литер. *глазные яблоки*). Сопоставление с округлыми предметами встречаем также в прост. *шары* 'глаза', *глаза как блюдаца*. В описанную модель встраивается этимология слова *глаз*, у которого развивается значение 'орган зрения' от первоначального 'небольшой камень, булыжник' [Аникин, 10, 271].

Во-вторых, глаза человека могут сравниваться с глазами некоторых животных, которые воспринимаются как большие или выпуклые. Сравнение с глазами коровы (*как у коровы (глаза)*, *коровьи глаза*) распространены достаточно широко. Интереснее дериваты на основе слова

рак, которое мотивирует влг. *ráčítъ* (*kráčítъ*) ‘тарашить глаза’; от них, в свою очередь, производны влг. *ráčkǫ* и *kráčkǫ* ‘вытарашенные глаза’.

В-третьих, признак выпуклости может передаваться через трансляцию идеи «разбухания», увеличения. Влг., костр. *бўлыши*, костр. *пўлыши* восходят к праслав. **bula* ‘нечто округлое, шишка, нарост’ [Аникин, 5, 122, 123]. Идея увеличения также «прочитывается» в костр. *пўчеги*, ср. *выпучить(ся)*, и костр. *лўпы*, ср. *вылупить(ся)*.

Рассматриваемое Е. Л. Березович костр. *берестяные глаза* ‘глаза бессовестного или наглого человека’ представляет собой случай комплексной мотивации. Из компонента *берестяной* выводятся признаки белого цвета и древесной коры. С одной стороны, акцент делается на белом цвете — устойчивой негативной характеристике глаз, ср. также костр. *бельши* ‘вытарашенные глаза’ < *бельш* ‘белок глаза’. С другой стороны, глазам приписывается «деревянность», они сравниваются с тупым, непроницаемым материалом, передающим идею бесчувственности, ср. еще костр. *лубяные глаза* ‘пустые, не выражающие эмоций глаза’ [Березович, 2016, 71–74].

Помимо «деревянности», глазам приписывается также связь со стеклом (*глаза как блюдца*), с камнем (ср. этимологию слова *глаз*) и с металлом (*глаза по пять рублей*). Таким образом, наблюдается тенденция к сравнению органа зрения с простым, грубым материалом. Сравнение такого рода может быть совмещено с признаком округлой формы.

Некоторые названия вытарашенных глаз требуют этимологической реконструкции. В качестве примера рассмотрим пенз., ср.-урал. *тáль* и вят., киров., перм., нижегор., юж., яросл., костр. *тóль*, которые, возможно, связаны с *талый* и *таять* [Фасмер, 4, 16], но семантическая сторона этой реконструкции пока неясна.

Слова из гнезда с основой *тал-* называют водные участки природного пространства: литер. *проталина*, костр. *тáлица* ‘проталина’, арх., олон. *талó* ‘оттаявшее место’, свердл. *тáль* ‘таялая вода’ и др. Семантика приведенных слов выводит к идее сопоставления глаз с водными источниками. Перенос ‘глаза’ > ‘водные образования’ частотен в народной географической терминологии: ср. арх. *глазовина* ‘лужа на болоте’, польск. диал. *oko* ‘незаросшая, голая часть на водной поверхности’ и др. [Журавлев, 2005, 332–333]. Вода и глаза имеют общие свойства: зеркальное отражение объектов окружающего мира,

связанный с отражением света блеск, прозрачность воды (корреляция со зрением) и, наконец, сам по себе водный состав (глаза воспринимаются как жидкость) [Ясинская, 2015, 49–50]. На наш взгляд, важен также признак «выделимости» водного участка в окружающем пространстве, подобно тому как специфический по своей структуре орган зрения выделяется на кожной поверхности.

Предположительно, мотивирующим для рассматриваемого *тáлы* ‘глаза’ мог послужить диалектный географический термин с корнем *тал-*, обозначающий какое-то водное пространство. Перенос такого рода обеспечивает комплексную мотивацию, которая базируется на целом ряде признаков. Актуализируется не только сравнение с водной гладью (с присущими ей свойствами, которые ассоциируются со свойствами глаз), но также характерные для талых мест (по сравнению с другими водными источниками) специфические признаки. К ним относится, во-первых, признак таяния, который может ассоциироваться со слезами, и, во-вторых, признак холода (источником талых мест являются снег и лед). Е. Л. Березович отмечает значимость этого признака в названиях глаз: «Слова, отсылающие к образам мороза и льда, могут выражать не только “физические” признаки глаз, но и психоэмоциональные и поведенческие характеристики их носителей, ср. ср.-урал. *морóженный* ‘светло-серый (о глазах)’, выражения *ледяной взгляд*, *ледяные глаза*, перм. *глазá заморóжены* ‘о бессовестном, наглom человеке’» [Березович, 2016, 66]. Признак холода, «замороженности» мог сыграть значительную роль для появления номинации *тáлы*, учитывая ее негативную экспрессию.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

Березович Е. Л. *Берестяная рожá и берестяные глаза: Этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам* // Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Т. 1 / Hrsg. А. А. Alekseev. Frankfurt am Main, 2016. S. 57–81.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : дис. ... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. М., 2015.

Карина Лешбер

Институт лингвистики и межкультурных исследований
Берлин, Германия
leschber@institute-lccs.com

Свойства славянских слов с неясной этимологией

В докладе рассматриваются славянские слова с неясной этимологией, а также предлагаются возможные подходы к решению проблемы их этимологизации. Обычно этимологический анализ славянской лексики осуществляется на основе индоевропейского языкового материала. Конечно, часть праславянского словарного состава остается при этом без объяснения — или же для того или иного слова устанавливается связь с корнем, который реконструируется исключительно на основе европейских ветвей индоевропейских языков.

Ряд славянских лексем свидетельствует о существовании дополнительного индоевропейского субстратного слоя в праславянском.

В случае неидентифицируемых субстратных языков, восходящих к периоду европейского неолита, проблема заключается в том, что их влияние, осуществлявшееся на протяжении длительного периода времени, не могло быть засвидетельствовано в письменных источниках.

Таковыми источниками может быть лексический материал афразиатских (семитских), северо-западных кавказских [Schrijver, 2011], северо-восточных кавказских [Balanovsky et al., 2011] или протобаскского [см., например: Vennemann, 2010] языков, а также реликты уже исчезнувших языков европейских охотников-собирателей эпохи мезолита [Iversen, Kroonen, 2017, 519].

Результаты генетических исследований свидетельствуют об отсутствии в Европе однородного неолитического влияния; доказаны по меньшей мере два генетически и хронологически различных перемещения населения [Hervella et al., 2015] периода неолитизации.

Это означает, что древнее европейское население было неоднородным, однако после тщательного анализа обнаруживается наличие идентифицируемых лексических пластов, устанавливаемых исключительно для европейских ветвей индоевропейских языков с явным доиндоевропейским происхождением. Кроме того, эти лексические

пласты подчиняются многим звуковым законам, действующим в индоевропейских языках.

В результате поиска праславянской лексики с вероятным праиндоевропейским происхождением на протяжении последних десятилетий уже сделаны наблюдения, позволившие определить правила, применимые в подобных случаях. Они включают методы исторической, ареальной и контактной лингвистики, например установление характерных ареальных признаков, а также фонетических и семантических особенностей исследуемого лексического материала. Согласно [Salmons, 2015, 104, со ссылкой на: Polomé, 1989, 54–55], среди прочих факторов предлагаются следующие критерии для определения предположительно субстратной лексики:

- проявляется ли она в семантических полях, которые признаются в качестве типичных для субстратной лексики, являются ли эти слова частью базового лексикона?

- можно ли отметить фонологические или морфологические признаки, которые указывают на расхождения с фонологическими или морфологическими признаками лексики с однозначно индоевропейским происхождением?

По мнению, изложенному в [Matasović, 2018, 6], предполагаемые формальные характеристики слов, восходящих к неолитическим языкам Европы, которые не имеют убедительной праиндоевропейской этимологии и не являются ономатопозитическими, должны совпасть с формальными характеристиками, обнаруживаемыми в других словах предположительно субстратного происхождения.

Мы констатируем ограниченные ареалы этих слов в германских, кельтских, (балто-)славянских, а также (в некоторых случаях) в итальянских языках. Другими словами, их распространение ограничено северо-западной ветвью индоевропейских языков.

В [Kuiper, 1995, 64] устанавливаются различия между первичными индоевропейскими словами, которые, как было доказано, существуют во многих ветвях индоевропейских языков (включая иранские и индийские языки — это означает, что они, скорее всего, происходят из праиндоевропейского), и вторичными индоевропейскими словами, которые являются результатом региональных процессов заимствования в европейских группах индоевропейских языков (и поэтому засвидетельствованы только в европейских языках: германских, (балто-)славянских,

кельтских и иногда италийских; вероятно, их происхождение не связано с древнеиндийским и праиндоевропейским). Такая установка убедительно объясняет специфические ареальные черты этих слов.

Характерными структурными элементами таких слов являются:

- фонетическая изменчивость, типичная для субстратных элементов [Hubschmid, 1960, 90];

- так называемый европейский *a* Хэмпса [Hamp, 1990, 297];

- ограничения в фонетике и морфонологии [Schrijver, 1997, 313];

- суффикс одушевленности *g- (для балто-славянских и германских языков) [Hamp, 1983, 175; 1990, 299];

- количественное преобладание наименований в определенных семантических сферах, представленных в [Iversen, Kroonen, 2017], например их концентрация в семантическом поле «флора и фауна».

Р. Матасович [Matasović, 2018, 6] добавляет еще несколько критериев (префиксы, характерные суффиксы [Boutkan, 1998, 124–125]).

На основании общего обзора [Derksen, 2008] можно констатировать, что европейские субстратные слова чаще всего встречаются в следующих семантических сферах: «растения и части растений», «еда», «животные», «ландшафт», «погода», «домашнее хозяйство», «ремесла», «части тела» и др. Большой интерес вызывают лексемы, относящиеся к сфере народных верований, мифологии и вообще традиционной духовной культуры. Их анализу необходимо уделять особое внимание.

Balanovsky O. et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region // Molecular biology and evolution. 2011. № 28 (10). P. 2905–2920.

Boutkan D. On the form of North European substratum words in Germanic // Historische Sprachforschung. 1998. № 111. P. 102–133.

Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden ; Boston, 2008.

Hamp E. P. Animates in -g- // Baltistica. 1983. № 19. P. 175.

Hamp E. P. The pre-Indo-European language of northern (central) Europe // When worlds collide: Indo-Europeans and pre-Indo-Europeans / eds. T. Markey, J. Greppin. Ann Arbor, 1990. P. 291–305.

Hervella M. et al. Ancient DNA from South-East Europe Reveals Different Events during Early and Middle Neolithic Influencing the European Genetic Heritage // PLoS ONE. 2015. № 10 (6): e0128810.

Hubschmid J. Mediterranean Substrate. Bern, 1960.

Iversen R., Kroonen G. Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia // *American Journal of Archaeology*. 2017. Vol. 121. № 4. P. 511–525.

Kuiper F. Gothic *bagms* and Old Icelandic *ylgr* // *NOWELE*. 1995. № 25. P. 63–88.

Matasović R. Language of the Bird Names and the pre-Indo-European Substratum. Manuscript of a lecture, held at the International Colloquium on Loanwords and Substrata in Indo-European languages. Limoges, 2018.

Polomé E. C. Substrate lexicon in Germanic // *NOWELE*. 1989. № 14. P. 53–73.

Salmons J. Language shift and the Indo-Europeanization of Europe // *The Linguistic Roots of Europe* / eds. R. Mailhammer. Copenhagen, 2015. P. 103–125.

Schrijver P. Animal, vegetable and mineral: some Western European substratum words // *Sound law and analogy* / ed. A. M. Lubotsky. Amsterdam ; Atlanta, 1997. P. 293–316.

Schrijver P. La langue hattique et sa pertinence possible pour les contacts linguistiques préhistoriques en Europe occidentale // *Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique* / eds. C. Ruiz Darasse, E. R. Luján. Madrid, 2011. P. 241–255.

Vennemann T. Contact and Prehistory: The Indo-European Northwest // *The Handbook of Language Contact* / ed. R. Hickey. Malden, 2010. P. 380–405.

DOI 10.31168/7996-2700-3.73

А. Ф. Литвина*, Ф. Б. Успенский**

*Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Москва, Россия

fjodor.uspenskiy@gmail.com

Некоторые замечания о функционировании «уменьшительных» имен в допетровское время

История гипокористических форм личного имени, которые нередко называются также *уменьшительными* или *полуименами*, являет собой одну из самых интересных проблем ономастики русского средневековья. Здесь неожиданную значимость приобретает вопрос о терминологии — обозначение *уменьшительное имя* сразу же присваивает ему

уничжительную или ласкательную ауру, которой на деле в домонгольское время подобные формы в большинстве случаев не имели.

Как ни парадоксально, одна из основных функций гипокористических форм имени в допетровской Руси — нейтрализация, снятие противопоставлений. Нейтрализация эта затрагивает самые разные типы имен и самые разные сферы их бытования: христианское / нехристианское, женское / мужское, социальный верх и низ.

1. Для христианских имен самая возможность образования от них гипокористических форм означает их освоение, снятие противопоставления «свой, семейно-родовой, языческий vs. чужой, привносимый церковью извне»). Иными словами, появление христианских полуимен означает, что они наряду с нехристианскими стали активно использоваться в обиходе (не исключено, что именование людей с помощью гипокористических форм христианского имени связано с общей тенденцией, возникавшей на краях христианской ойкумены, — не давать напрямую обыкновенным людям имена наиболее прославленных святых).

В целом же очень показательно, что образование гипокористических форм от календарных и некалендарных имен происходит с помощью одних и тех же грамматических показателей, что порой ведет к буквальной омонимии и слиянию соответствующих производных от христианских и нехристианских антропонимов (*Якун*, *Мирошика*, *Ярец*, а также довольно многочисленные примеры из словаря Н. М. Тупикова, когда потенциальные гипокористические формы христианских имен безоговорочно зачисляются в имена языческие).

2а. Специальная маркированность гендерной принадлежности имени с помощью грамматических показателей весьма характерна для полных форм двухосновных некалендарных имен (*Всеслав*, *Ярополк*). При этом в позднее домонгольское время полные двухосновные имена на *-слав* проявляют тенденцию к образованию пар, где оба элемента снабжены гендерными грамматическими маркерами (*Всеслав* — *Всеслава*, *Ростислав* — *Ростислава*). Подобная грамматическая маркированность совершенно не обязательна для гипокористического производного от двухосновного имени (*Володьша*, *Святоша*).

Для некалендарных имен границу между именем односоставным и гипокористическим образованием провести порой чрезвычайно сложно — отчасти это связано с тем, что и в том и в другом случае

гендерное противопоставление может быть грамматически не выражено (*Попадья, Катавасия, Ратьша, Мстиша, Судила, Ива, Оладья, Осока, Любка, Томила, Малуша, Субботка*).

2б. Гипокористические формы христианских имен часто лишены грамматических показателей гендерной принадлежности, она опознается лишь синтаксически или на основе знания соответствующей полной формы, а иногда и вовсе не поддается определению (*Мишка, Машка, Полашка, Оношка, Даша < Давыд или Дарья?*). Подобную нейтральность русская гипокористика от христианских имен поддерживает на протяжении всего своего существования.

При этом относительно полных форм христианских имен с определенного времени проявляется тенденция к их нарочитому гендерному маркированию (*Исай / Исая, Еремей / Еремия, Софоний / Софония, Малафей / Малахия*). Тенденция эта, впрочем, никогда не бывает последовательной, ср. обратный случай: *Данила / Даниил* и др.

3. Вплоть до XIV в. ни материалы летописей, ни данные берестяных грамот, ни прочие источники не дают основания считать, что противопоставление полных и гипокористических форм имени несет на себе функцию указания на социальную иерархию. Их постоянный поиск — результат некоего исследовательского стереотипа, порожденного опытом работы с памятниками (прежде всего с деловыми документами) второй половины XV — XVII в., где это противопоставление и в самом деле являет собой весьма важный и столь же частотный элемент системы обозначения социального положения человека. Весьма существенно, что в официальных документах вплоть до XVII в. гипокористические формы от некалендарных имен фигурируют практически наравне с гипокористическими формами имен христианских.

4. Сопоставление современной ономастической терминологии, применяемой к гипокористическим формам, и их средневековых обозначений позволяет сделать некоторые наблюдения над эволюцией противопоставления полных и неполных форм имени. Кроме того, оно дает возможность зафиксировать небезопасную для исследовательских построений омонимию. Так, семантическое наполнение слова *прозвище* в современном русском языке и языке средневековья различаются кардинально.

Александр Лома

Белградский университет
Белград, Сербия
loma.aleksandar@gmail.com

Оружие, орудие и смешение приставок

Праславянские слова **orǫžьje* и **orǫdьje* связывает друг с другом, кроме перекликающихся значений, сходство звуковой формы и, по-видимому, внутренней структуры: оба объяснимы как производные с собирательным суффиксом **-ьje* от глагольных корней **rog-* и **rd-* соответственно. Следовательно, в обоих словах начальный **o-* должен иметь приставочный характер, но именно здесь возникает проблема, поскольку в данном фонетическом окружении этот **o-* нельзя прямо возвести к той или иной праславянской приставке.

Упрощение **ob-* > **o-* не имело места перед плавными, поэтому традиционная реконструкция рассматриваемых слов как **obrǫžьje*, **obrǫdьje* невозможна, что подтверждается и полным отсутствием *-b-* в исторически засвидетельствованных формах данных слов, начиная с древнейших старославянских письменных памятников.

На это обстоятельство неоднократно указывали исследователи, а в случае с **orǫdьje* это привело даже к попытке отказа от славянской этимологии в пользу малоубедительной гипотезы о происхождении слова из древневерхненемецкого языка. Учитывая присутствие в обоих корнях носового гласного, мы допускаем, что **o-* в **orǫžьje* и **orǫdьje* — результат ранней регрессивной диссимиляции приставки **ǫ-* < балт.-слав. **an-*, соответствующей в отглагольных существительных превербальному **vь(n)-* < **un*, ср. словообразовательные пары типа **ǫ-тъкъ* : **vь-тъknqti*.

Компонент **rog-* в **orǫžьje* восходит к **rang-* как ступени чередования от **reng-*, ср. лит. *rangà* ‘подготовка’ от *reŋgti(s)* ‘готовить(ся)’ (основный глагол не отражен в славянских языках); бесприставочные формы типа рус. *ружьё*, болг. диал. *рѹжие* ‘оружие’, словен. диал. *rožjè*, укр. *ружїна*, кашуб. *reżnica* поздно зафиксированы и могут объясняться аферезой *o-*, но есть и болг. диал. *рѹжа (се)* ‘готовить(ся)’, а также сложное слово **moto-roga* > словен. *motoróga*, с.-х. *motòpuga*,

структура которого, по-видимому, аналогична синонимичному образованию **moto-vidlo*; для *°roga* ср. лит. *rangyti, -gioti* ‘завивать, извивать’, *raĩgas* ‘завиток’; недавно Л. В. Куркиной к этому ряду причислено и рус. *наружу*, диал. *ружь* ‘внешний вид’. Рус. диал. *обрўга* ‘женская праздничная одежда; головной убор’ имеет близкое соответствие в лит. *ap-rangà* ‘одежда’ от *ap-reĩgti* ‘оде(ва)ть’, тогда как **orq̣žbye* при невозможности возвести **o-* к **ob-* находит ближайшую формально-семантическую параллель в лит. *įranga* ‘вооружение’ от *į-reĩgti* ‘оборудовать’, причем литовская приставка *į-* < **in-* восходит вместе с праслав. **vь(n)-* < **in-* к **o-*, являющемуся редуцированным вариантом приставки **on-* > праслав. **o-*; ср. ст.-слав. *въ орѣжши*, рус. диал. *вружить(ся)* ‘вооружаться’. Форма **orq̣žbye* объясняется диссимиляцией **anrang-* > **arang-*, произошедшей в раннепраславянском до возникновения носовых; допустимо, что наряду с ней продолжал существовать недиссимилированный вариант **orq̣žbye*, предположительно отраженный в памятниках XI в. в ст.-слав. *ѡрѣжьє*, др.-рус. *уружьє*, хотя данные формы можно толковать и по-другому.

Согласно широко принятому и наиболее вероятному толкованию, слово **orq̣dъje* связано чередованием гласных со словом **rēdъ*, причем приставочное **o-* вызывает ту же трудность, что и у слова **orq̣žbye*, которую, как и в последнем случае, можно преодолеть, возводя его к раннепраслав. **an-*, т. е. к **arand-* из **an-rand-*, производного от **un-rend-*, отраженного в ст.-слав. *върѣдѣти*, ср. праслав. **do-, pri-vesti vь rēdъ* ‘привести в порядок’. Возражение, касающееся изолированности *o-* ступени корня *rōd-*, рассмотрено И. П. Петлевой, указавшей на ряд его восточнославянских отражений: рус. диал. *нипорѣда* ‘беспорядочный человек’, *обрудѣть* ‘обшить’, укр. диал. *напорудѣти* ‘научить’ наряду с др.-рус. *нарѣдѣти* ‘то же’ и т. д. Среди них и куйб. *арутка* ‘одежда’, которое И. П. Петлева сближает с более распространенным синонимом *обрѣда*, но с фонетической точки зрения *арутка* следует отождествить с южнославянскими данными: болг. диал. (зап.) *орудка*, *урутка*, серб. диал. (вост.) *орутка*, (вост., центр.) *урутка* ‘инструмент’. Исходить надо, скорее всего, из пары **orq̣dъka / *orq̣dъka*, отражающей диссимилированную и недиссимилированную формы раннепраслав. **arand-* и **an-rand-* соответственно.

На феномен смешения приставок мы уже указывали в связи с праслав. **otsoje* ‘теневая сторона’, которое обычно реконструируется

как **obsoje*, но семантически лучше мотивированная словоформа с *om-* находит подтверждение в древнесербской записи XIII в. *omsoj*. Сомнению подвергается и форма **u-řediti*; по семантическим причинам этот глагол надо подозревать во вторичности по отношению к гораздо хуже засвидетельствованному **vb-řediti*, т. е. скорее считать его результатом позднепраславянской диссимилиации носовых, чем производным с приставкой **u- < *au-*.

Итак, приставки **ob-*, **ot-*, **o-* и **vb(n)-* смешивались друг с другом в результате звукового упрощения и диссимилиации с самого начала письменной традиции; в Супрасльском кодексе наряду с существительным *орѣдиж* находим глагольную словоформу *ѡрѣдовати*, объяснимую прогрессивной диссимилиацией.

DOI 10.31168/7996-2700-3.75

Я. В. Малькова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
yana-malkova@list.ru

Семантические особенности русской диалектной лексики со значением неприятия, отторжения*

Устройство семантического пространства лексики со значением неприятия, отторжения в диалектах отличается рядом особенностей по сравнению с другими языковыми идиомами. Такое положение дел объясняется социокультурной обусловленностью негативного эмоционального отношения, поскольку проявление чувства неприятия во многом оценивается и регламентируется традиционным укладом жизни.

В семантике изучаемых слов отражается присвоение субъекту определенных постоянных черт личности и поведения, которые обуславливают возникновение негативного эмоционального

---

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/4.6 («Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным»), поддержанного Минобрнауки РФ.

© Малькова Я. В., 2019

отношения к различным объектам действительности. Неприязнь и враждебность связываются преимущественно со злобой (арх. *заѣдливой* 'недоброжелательный, злой', *волчаной* 'недружелюбный, злой, неприветливый', влг. *лихой* 'злой, враждебный') как более интенсивным чувством и более постоянным свойством характера человека.

Чувства отвращения, брезгливости часто сопряжены с прихотливостью (арх. *брѣзговать* 'быть брезгливым, привередливым, разборчивым в еде', твер., пск., костр., новг. *мыргать* 'брезговать, быть разборчивым в еде, отказываться от угощения', арх. *бодрунья* 'капризная, брезгливая женщина'). Именно такой семантический комплекс появляется, как правило, когда речь идет о пище, поскольку отказ от еды воспринимается особенно негативно в традиционном социуме. Проявление отвращения связывается с высокомерием и высокомерным поведением (арх. *заковыряться* 'начать задаваться, вести себя высокомерно, брезговать чем-либо', костр. *чванистый* 'брезгливый, высоко ставящий себя (о человеке)'). Брезгливость понимается как презрительное отношение к кому- или чему-либо: костр. *брандовать* 'брезговать, пренебрегать': «Что ты моей едой брандуешь! Что ты мной брандуешь!»; костр. *похармовать* 'побрезговать': «Не побрандуешь деревенской кухни, не похармуешь ли?».

Лексика со значением недоброжелательности контактирует со словами, характеризующими включенность человека в социум, социальное взаимодействие. Неприязненность связывается с неспособностью человека поладить с окружающими людьми (арх. *несогласный* 'несговорчивый, недружелюбный; немирный'), несклонностью к общению (влг. *фуньгастый* 'недоброжелательный, неприветливый', арх. *волчаной* 'недружелюбный, злой, неприветливый'), а также негостеприимством (перм. *сидеть на заперте / на крючке / под бадогами* 'жить за постоянно замкнутой дверью, что является символом негостеприимства, недружелюбия').

Наибольшей продуктивностью при обозначении субъектов враждебных отношений обладают обозначения людей, соперничающих в любви. При этом лексемы, реализующие идеограмму 'соперница в любви', составляют 82 % материала (влг. *перебейка* 'соперница, девушка, отбивающая парней', *подмазюла* 'соперница', влг., новг. *свойня* 'соперница в любви'), в то время как слова со значением 'соперник в любви' — 18 % (влг. *перебейник* 'соперник в любви;

молодой человек, который стремится, возбудив симпатию, любовь к себе, заставить разлюбить другого'). Такое соотношение обусловлено особенностями любовно-матримониальных отношений в традиционном обществе: выбор пары обычно диктуется мужчиной, что заставляет женщину включаться в борьбу, поскольку ее права в любовной сфере значительно ограничены.

При обозначении субъекта и объекта неприязни в большинстве случаев находим лексику с широкой сочетаемостью, однако есть группы слов, указывающие на конкретные человеческие типы и социальные группы. Наиболее пристальному вниманию со стороны языка подвергаются недружные семейные отношения (арх. *семья бессове́тная* 'недружная семья, где происходят разногласия, ссоры', арх. *забодáться* 'о недружном совместном проживании'), члены семьи, которые не склонны поддерживать родственные связи (арх. *несво́чатый* 'о недружелюбном, замкнутом человеке; о человеке, который не поддерживает семейные отношения'), а также нелюбимые члены семьи: это может быть ребенок (арх. *ребёнеценко* 'нелюбимый ребенок', урал. *заб́итко* 'забытый, нелюбимый в семье ребенок'), муж или жених (арх., костр., смол., свердл. *не́люб* 'нелюбимый муж или жених', олон. *студни́чек* 'постылый, немилый человек (о женихе)'), а также нелюбимая жена или невеста (смол. *невда́шенька* 'нерадивая жена; неудачливая, постылая супруга'). Отметим при этом, что практически половину номинаций в данной группе составляют наименования нелюбимых мужчин, что, предположительно, также связывается со спецификой любовного выбора в традиционном социуме.

Эва Масловска

Институт славистики ПАН
Варшава, Польша
ejmaslowska@gmail.com

**Душа в облике птицы:
символический и этнолингвистический аспект**

Образ птицы как отражение образа души аккумулирует представления о жизни и смерти, временности и вечности, что придает его символике космическое измерение. Птица как знак, соединяющий небо и землю, принадлежит сфере сакрального, с которой связаны верования, обряд и миф. Мифологическое «измерение» образа обнаруживается в концепции космического яйца, в то время как сфера верований находит выражение в эсхатологических повествованиях (*Ptasia Droga* ‘Птичий Путь’, по которому души уходят на тот свет; раскаявшиеся души превращаются в птиц; птицы предвещают смерть), а также в ритуалах, устанавливающих контакт с миром мертвых, и религиозных обрядах (пасхальные яйца).

Птичья символика души отражается в языке — в лексике (*dusza odlatuje, śpiewa* «душа улетает, поет», *coś gnieździ się w duszy* «что-то гнездится в душе») и в текстах (особенно в устойчивых текстовых мотивах), а также в ритуале. Принадлежность к этим двум областям формирует многоуровневый смысловой комплекс, в котором человеческое воображение закодировало этические и мировоззренческие ценности. Символическое мышление раскрывает суть понимания мира и способ, которым оно было передано. «Прочтение мира» с помощью символов основывается на обнаружении множественных семантических интерпретаций знака на всех уровнях, где он функционирует.

Пер. с польск. К. В. Осиповой

Л. П. Михайлова

Петрозаводский государственный университет
 Петрозаводск, Россия
 posnm87@bk.ru

К этимологии слов *ку́мбра*, *ку́морь*, *ку́моворот**

В беломорских говорах Русского Севера известно слово *ку́мбра* ‘тихая вода у берега до встречи двух обходных течений около острова’: «Кумору встречаем по Карельскому берегу, в Онежском тоже, в шхерах. На куморе отстоишься хорошо, но только на малом каком судёнышке» [Гемп, 2004, 317]; *ку́мора* ‘спокойная вода от берега до встречного течения около острова’ [СРНГ, 16, 85]. Ср. семантически близкие слова с корнем *кум-*: новг. *кумови́ца* ‘обратное течение реки у берега’ [Маштаков, 1931, 53], новг. *кумови́к* ‘водоворот’ [НОС, 482], новг. *кумови́ца* ‘встречная вода у берега’ (1931), олон. *кумовни́к* ‘водоворот (в реке)’, дон. *ку́мова вода́* ‘встречная вода’ (1929) [СРНГ, 16, 85].

В значении ‘водоворот’ в XIX в. были известны слова арх. *ку́моворот*, *куноворот*, *ку́моворь* и *ку́новорь* [СРНГ, 16, 85]. В статье «*Ку́моворь*» (арх.) под знаком вопроса скрыта «непризнанная» лексема *ку́норовоть* [Опыт, 97], допускается ошибочное написание [Там же]. По сведениям монахов Соловецкого монастыря, водоворот носит название *куно́рвать*: «У Соловецких к востоку не одну куноровать встретишь. Водовороты встречаются в салмах, они не все известны, зовем их кунороватыми» [Гемп, 2004, 317].

Топонимической экспедицией УрФУ зафиксированы близкие по семантике лексемы:

1) ‘место встречи нескольких течений, водоворот’ — *ку́моворь* и *ку́морь* (Арх.: Прим.), *кумова́* / *кумовна́ вода* (Арх.: Плес.), *кумина́ вода* (Влг., Белоз.);

2) ‘омут, глубокая яма в реке или озере’ — *ку́моворь* (Арх.: Прим.; Влг.: Ваш.), *ку́морь* (Арх.: Прим.), *кумови́к* (Арх.: Нянд.; Влг.: Выг.), *ку́моворот* (Влг.: Ваш.), *ку́мовороток* (Арх.: Прим.) [СГРС, 6, 269].

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 г.

В семантике слов с *кум-*, *кумор-* содержатся компоненты ‘встречное течение (возможно, в результате резкого столкновения)’, ‘движение по кривой’, ‘место (периодически повторяющейся) встречи потоков воды’, в которых реализуются признаки «изгиб», «столкновение», «вращение», «точка (место) соединения».

Этимологическое гнездо прибалт.-фин. *kumara* включает фин. *kumara* ‘согнутый, согнувшийся, сгорбленный’ (здесь и далее перевод наш. — Л. М.), *kumartaa*, *kumartua* (также *kymärä*, *kymärtää*, *kymärtyä*) ‘нагибать, наклонять, склонять’, карел. *kumarda-*, *-rdu-*, ливв. *kumarda-*, люд. *kumarduda*, вепс. *kumarta*, вод. *kummartä* ‘нагибать, наклонять, склонять’, эст. *kummardada* ‘согнувшись, сгорбившись, понурившись’ (ср. также эст. *kummer*, *kumer* ‘кривой, искривленный, изогнутый, выпуклый’), лив. *kumard* ‘нагибать, наклонять, склонять’, саам. *kommardelle-* ‘кланяться’, морд. *komams* ‘нагибать, наклонять, склонять’, *kumala-m* ‘сгибать; склонять’, венг. *homorú* ‘вогнутый; выпуклый’ [SKES, 3, 236].

В финно-угорских языках представлено также большое гнездо с корнем *кум(о)-*: фин. (*olla*) *kumossa* ‘(быть) опрокинутым, (лежать) вверх дном, вверх ногами’, *kumota* ‘опрокидывать, перевертывать’, *kumous* ‘переворот’, карел. *kuomallah*, люд. *kumaiduda* ‘идти / пойти вверх ногами’, эст. *kumm* ‘(дугообразный, изогнутый) купол, свод’, вод. *kummolä* ‘вверх дном’; в статье «*Kumo*» приводятся фонетические эквиваленты ливского, саамского, мордовского, зырянского, мансийского, хантыйского языков, содержащие семантический компонент ‘перевернутый, опрокинутый’; *kumo* сравнивается с *kumara* [SKES, 3, 237].

Приведенные материалы дают основания для следующих выводов.

1. Семантика русских диалектизмов и приведенных финно-угорских слов близка.

2. Соотношение прибалт.-фин. *kumara* и рус. *кумора* свидетельствует о передаче прибалтийско-финского *ä* русским *о*, что указывает на ранние этноязыковые контакты [см.: Матвеев, 2001, 134].

3. Сложные лексемы *кумоворот* и *кумовороть* по отношению к *кумороть*, *кунорово(а)ть*, вероятно, являются вторичными — возникшими по аналогии с *водоворот*.

4. Для окончательных выводов требуются расширение базы поиска и более глубокий сопоставительный анализ.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. М. ; Архангельск, 2004.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Маистаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.

НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под общ. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

DOI 10.31168/7996-2700-3.78

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
mokienko40@mail.ru

Проблемы этимологизации фразеологических неологизмов*

Неологизмы являются неотъемлемой частью любого современного языка. Поток их в русском языке в перестроечный и послеперестроечный периоды стал особенно мощным. В этом потоке устойчивые словосочетания (в том числе фразеологизмы) составляют значимую долю — не менее четырех тысяч, ибо именно комбинации слов способны более точно и детализированно характеризовать новые объекты и явления.

Русская академическая неография благодаря проектам Ю. С. Сорокина, Н. З. Котеловой, Т. Н. Буцевой и их последователей с 1960-х гг.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

постоянно отслеживает русскую неологику. Ежегодные издания выпусков «Новые слова и значения» и четыре сводных тома «десятилетников» 1960–1990-х гг. создали надежную базу для объективного исследования лексических и фразеологических неологизмов. Составители этих словарей предложили и практически целесообразное определение термина *неологизм*, сформулированное Н. З. Котеловой: «*Неологизмы* — слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (например, *приватизация*, *черный ящик*, *луноход*) является свойством относительным и историчным» [РЯ, 262–263].

Обилие фразеологических неологизмов в современном русском языке требует их этимологизации. Хотя в целом методика диахронического анализа здесь остается востребованной, диагностика происхождения фразеологических неологизмов требует и особого подхода, который вытекает из специфики состава устойчивых словосочетаний русского языка, попадающих в орбиту актуальной неологики. Это проявляется прежде всего в принципиальном количественном и качественном отличии фразеологизмов-заимствований (в основном калек) от собственно русских, ворвавшихся в литературный язык из разговорной речи, просторечия и жаргона, прежде строго «фильтруемых» языковой нормой и потому не попадавших в нормативные словари.

Уже само разграничение русской фразеологической неологики по оси «чужое — свое» накладывает зримый отпечаток на качественный состав этих двух групп языковых единиц. Среди первых численно преобладают обороты перифрастического типа, характеризующие политические, социальные, научно-технические и другие реалии, отсутствовавшие прежде в России или до сих пор у нас не адаптированные, например *мозговая атака*, *мозговой штурм* ‘об интенсивном коллективном обдумывании, обсуждении какой-л. проблемы как способе поиска и принятия оптимальных решений’ (англ. *brain storming*); *зеленые береты* ‘подразделения сухопутных войск США, специализирующиеся на десантно-диверсионных операциях’ (англ. *green berets*); *звездные войны* ‘выведение в космос ядерного оружия; ведение военных действий с использованием космического пространства’ (англ. *star wars*); *защита от дурака* (*дураков*) ‘автоматическое предохранительное устройство, ограждающее сложную техническую

систему от не предусмотренных программой действий’ (англ. *foolproof*); *мыльная опера* ‘о многосерийной сентиментальной радио- или телепостановке (в США)’ (англ. *soap opera*); *блэк-аут* ‘намеренное умалчивание о чем-л.; отсутствие информации о чем-л. до определенного момента; засекреченность’ (англ. *black-out*); *хай-лайф* ‘образ жизни состоятельной части общества’ (англ. *high life*) и под.

Основная масса такого рода оборотов заимствуется из английского (*resp.* американского варианта) языка, но встречаются и кальки из других языков: испанского — *кастрюльный марш* ‘массовое шествие простых людей (в том числе домохозяек) для выражения протеста против ухудшения жизненных условий (в Чили)’, *эскадроны смерти* ‘об ультраправых военизированных отрядах правых экстремистов в Гондурасе, Сальвадоре и некоторых других государствах, осуществляющих террор против прогрессивных сил’; французского — *в (полном) ажуре* ‘как следует, хорошо, нормально, благополучно’, *впасть / впасть в состояние гаки* ‘ощущать неуверенность, растерянность’; итальянского — *купол власти* ‘высшая властная иерархия палермских мафиози’; китайского — *поднебесная империя* ‘одно из традиционных названий китайского государства’ и др.

Конечно, в состав фразеологических заимствований — калек попадают и идиомы типа англицизмов *потерять лицо* ‘утратить престиж, авторитет’ или *раскачивать лодку* ‘вызывать у кого-л. повышенные чувства, эмоции’, ‘обострять, усложнять какую-л. конфликтную ситуацию’. Но они количественно и качественно оказываются в подавляющем меньшинстве по сравнению с кальками перифрастического типа.

В зону русской фразеологической неологии попадает огромное количество и собственно русских оборотов из ранее не нормированных речевых сфер. Особо активны жаргонизмы, хлынувшие в литературу, публицистику и СМИ в 1980-е гг.: *сбивать бабки* ‘зарабатывать много денег’; *крутить динамо* ‘делать какое-л. выгодное дело на основе обмана, мошенничества, жульничества’; *ложиться / лечь на дно* ‘затаиваться, не обнаруживая, скрывая свои истинные чувства, мысли, намерения’, ‘временно прекращать преступную деятельность, затаиваться’; *башня съехала у кого, чердак поехал у кого* ‘у кого-л. помутился разум’; *с тараканами в голове* ‘о человеке со странностями’; *сушить сухари* ‘готовиться к аресту, предстать перед судом в качестве обвиняемого’; *на дурняка* ‘используя простоту, неискушенность кого-л.’ и под.

Две выделенные группы фразеологической неологии требуют дифференцированного этимологического подхода. Для заимствований желательна не только констатация языкового источника, но и обращение к его истории в языке-доноре. Для русских фразеологических неологизмов необходима углубленная социальная и лингвокультурологическая справка, подкрепляющая собственно лингвистическую интерпретацию.

Примеры предлагаемых подходов будут представлены в докладе.

РЯ — Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

DOI 10.31168/7996-2700-3.79

А. Б. Мороз

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

abmoroz@yandex.ru

***Святке*: биография несуществующего демона**

В русской фольклористике с рубежа XIX–XX вв. распространены сведения о демоне, название или имя которого дается то с прописной, то со строчной буквы: *Святке*. Одно из первых его упоминаний содержится в [Георгиевский, 1902, 61], наиболее поздние упоминания — в [Конкка, 2018]. Представления об этом демоне, известные на Европейском Севере России, преимущественно в Карелии, сформировались, вероятно, не без влияния финно-угорской (карельской) демонологии.

Как можно судить по имени / названию, демон активизируется в святочный период. Он пугает гадающих или нападает на них, а также дает гадающим ответ на вопрос о будущей судьбе [см.: Власова, 1998, 471–472].

В источниках с дореформенной орфографией демоном пишется с конечной буквой *ѣ*, место ударения не определено. Он склоняется по *-о-типу, т. е., например, как *силок*: род. п. *святкѣ*. Авторы публикаций, посвященных данному персонажу, более или менее дословно

воспроизводят фрагмент из статьи А. Георгиевского, иногда дополняя его другими — аналогичными или похожими — контекстами и сопоставляя образ святочного демона с лешим, чертями, дьяволом, которые могут выступать в подобных ролях.

Ни у кого из авторов публикаций, рассматривавших *святке*, не вызвала недоумения странная морфология демонима, совершенно не типичная для русского языка и противоречащая правилам русской грамматики. Единственно возможный вариант окончания *-е* (*-ѣ*) для существительного в им. п. — двойственное число, однако его распространение в русском языке, в том числе в севернорусских говорах, не засвидетельствовано (за исключением окончания твор. п. *-ама*, используемого в мн. ч. вместо *-ами*, и словоформы *муде*, впрочем, тоже не слишком распространенной в этом виде).

Текст, опубликованный А. Георгиевским в «Олонецком сборнике», очевидно, представляет собой не полевую запись, в которой говорит сам информант, а пересказ автора публикации. Мотивы, связанные со *святке*, в этом тексте таковы:

- во время гадания со шкурой демон не может переступить магический круг, нарисованный гадающими;
- *святке* таскает шкуру, на которой сидят гадающие, за хвост, потому что он оказался за пределами магического круга;
- демон надевает валенок на голову гадающей девушки; срывает у других гадающих горшки с голов, думая, что это сами головы.

Еще один мотив приводится в разделе, посвященном *святке*, но без упоминания самого демона: гадающему в поле показался воз с грузом — когда тот подошел к возу, то обнаружил в нем шелк и разбогател.

В полевых материалах, записанных в ряде севернорусских регионов, действительно упоминается демон, активность которого приходится исключительно на период Святков и который в известном смысле участвует в гаданиях, в том числе и описанным выше образом. Обычно его именуют общими терминами — как правило, в мн. ч.: *биси*, *черти*. Среди наименований этого демона встречается и *святкі́*. Диалектные словари, описывающие севернорусские говоры, если и упоминают о демоне с названием, образованным от календарного периода, то только в этой форме мн. ч.

В полевых материалах, имеющих в нашем распоряжении, в том числе в материалах архива Лаборатории фольклористики РГГУ (Арх.:

Вел., Карг., Леш., Нянд., Прим.), наиболее частотны два контекста, в которых упоминается этот демон. Первый — это описываемое А. Георгиевским гадание *на росстани*, когда гадающие, сидя на шкуре, очерчивают вокруг себя линию с помощью кочерги, сковородника или головешки. При этом произносится приговор, содержащий такие слова: «...встань стена каменная от земли до неба, чтобы не пройти, не проехать ни пешему, ни конному, ни святку́ востроголовому». Второй контекст связан с ночью накануне Крещения, когда *святки поезжают*, т. е. уходят. В это время девушкам рекомендуется выставлять на улицу перед домом мутовки — в надежде, что *святки* на них шелка наматывают.

Можно предположить, что рассматриваемая лексема имеет недостаточную парадигму, с отсутствующей формой номинатива ед. ч. Однако в любом случае она не может быть «восстановлена» в том виде, в котором приводится в работах А. Георгиевского и его последователей. Гораздо более закономерными выглядели бы гипотетические формы **святóк* или **святкó*, однако они не зафиксированы. Подобная ситуация объяснима, как представляется, омонимией демони́ма и хрононима — притом что хрононим представляет собой имя *pl. t.*, а одноименные демоны, упоминаемые в большинстве контекстов, также представлены множественно. В гадательном приговоре отражено едва ли не единичное употребление слова в ед. ч. — вполне возможно, что это окказионализм.

Если рассматривать фольклорно-мифологические параллели, то можно предположить, что *святки* тождественны или близки *шуликунам* — на это, в частности, указывают остроголовость и мотание шелка на мутовки, что приписывается и шуликунам. В то же время А. Конкка видит в названии святочного демона параллель с карел. *цонда* ‘домовой’ [Конкка, 2018]. Перенос хрононима на демона, активность которого связана с соответствующим календарным периодом, выглядит вполне логично, тем более что в одном из распространенных контекстов (*святки поезжают*) различие демонов и праздников нейтрализуется. Как можно думать, словоформа *святке* есть не что иное, как искусственный конструкт, созданный А. Георгиевским, которому был необходим номинатив для изложения сюжетов о демоне. Причина «несообразности» этого конструкта пока остается непонятной — вероятно, это некий курьез, раскрыть который было бы возможно при наличии рукописного оригинала заметки.

Что касается написания названия демона с прописной буквы, то оно, видимо, обусловлено влиянием сложившейся еще в «мифологических» сочинениях XVIII в. традиции писать таким образом названия демонов — это объяснимо стремлением поставить леших, домовых и т. п. в один ряд с языческими богами.

Власова М. Н. Русские суеверия : энцикл. словарь. СПб., 1998.

Георгиевский А. Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 53–61.

Конка А. П. Святке — мифологический персонаж зимних Святков на востоке Олонецкой губернии и его карельские параллели // Уникальное и типичное в славянском фольклоре / отв. ред. А. Б. Мороз. М., 2018. В печати.

DOI 10.31168/7996-2700-3.80

И. И. Муллонен*, Е. В. Захарова**

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Петрозаводск, Россия

*mullonen@sampo.ru

**katja.zaharova@mail.ru

Проблемы интеграции прибалтийско-финских топонимов в официальное русское употребление*

Прикладная топонимика призвана решать насущные практические задачи, устанавливающие нормы орфографии, орфоэпии, образования грамматических форм топонимов, имеющих официальное бытование. Вопросы стандартизации стоят особенно актуально в национальных регионах России, где решается задача интеграции национальных топонимов в официальное русское употребление.

В Карелии, благодаря многовековому взаимодействию прибалтийско-финской и русской топонимических систем, сложились многие естественные нормы, образцы адаптации карельской / вепсской топонимии

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

© Муллонен И. И., Захарова Е. В., 2019

в русское языковое пространство [см., например: Муллонен, 2002; Захарова, 2015]. Вместе с тем языковая практика ставит новые задачи, вызванные как меняющимся социокультурным контекстом, так и тем обстоятельством, что адаптация — это процесс, и в этом процессе топоним не статичен. Так, еще пару десятилетий назад название острова *Кижы* и расположенного на нем музея-заповедника произносилось с ударением на второй слог (*Кижй*), по общерусской норме, однако ставка на местную идентичность привела к возвращению на официальный уровень традиционной заонежской нормы *Кижы*. При этом, будучи уже давно интегрированным в русское языковое бытование, топоним склоняется по нормам существительного мн. ч. (*Кижы* : в *Кижях*), в то время как название районного центра *Лохы*, идентичное по структуре, но еще не в полной мере «обкатанное» русским языком, не склоняется (или склоняется окказионально в речи неместного населения).

Традиционная для субстратных топонимов русской Карелии ударность первого слога (г. *Кóндопога*, оз. *Ся́ргозеро*) размыта в северных и западных районах республики (г. *Сортава́ла*, оз. *Ледмо́зеро*). Причиной является массовый приток туда в послевоенное время населения из-за пределов республики, не усвоившего региональную модель, которая сложилась исторически, в ходе постепенного обрусения через этап двуязычия местных карелов и вепсов. Научное сообщество (в нашем случае ономастический центр ИЯЛИ) отслеживает ситуацию и предлагает решение по нормированию и унификации ударения, а также словоизменения с учетом как языковых норм, так и местной традиции.

Значительно сложнее — в плане организационном — решаются проблемы правописания топонимов. Оно регламентируется такой системой, как Государственный каталог географических названий, внесению в который подлежат наименования географических объектов РФ. Работы по созданию и ведению каталога осуществляет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Реестр зарегистрированных по Республике Карелия географических названий включает около 16 000 топонимов — наименований населенных пунктов, объектов гидрографии и орографии. Их анализ наглядно свидетельствует о значительных сложностях орфографического порядка, возникающих при русской передаче таких специфических особенностей прибалтийско-финских топонимов, как геминированные

согласные, долгие гласные, дифтонги, гласные переднего ряда у, ä, ö, сочетание «j + гласный» и др. В передаче названий с такими фонетическими чертами нет последовательности. Например, детерминант *-joki* 'река' в одних случаях передается транскрипцией (*Курки/ёки*), в других — транслитерацией (*Хейня/йюки*); не выдерживается долгота гласных (варианты *-вара* и *-ваара* при исходном *-vaara* 'гора'); карельское у передается как русское ю, у или и (*Юлюламби* ← *Ylälambi* «Верхняя ламба»; *Улеламби* ← *Ylälambi*; *Иляйоки* ← *Yläjoki* «Верхняя река»).

Принципиально важно то, что эта «разноголосица» закреплена официально. В соответствии с Федеральным законом № 152 от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов» именно государственным каталогом определяется написание топонимов во всех официальных ситуациях: в документах, на дорожных указателях, картах, в разного рода справочниках и т. д., а отступление от него считается административным правонарушением. Это усугубляется тем, что, помимо отмеченной непоследовательности, в каталог закрались и явные ошибки.

Наши предварительные подсчеты свидетельствуют о том, что ошибочное написание отмечается примерно в 7–10 % топонимов карельского реестра. Основная часть их связана с передачей специфических прибалтийско-финских особенностей, но есть и обычные описки: руч. *Кайноважоя* учтен как *Кайноваркоя*, а ур. *Харакковаара* «Сорочья гора» превратилось в *Каракговара*. Будучи официально закрепленными, топонимы из списка Росреестра, в том числе и ошибочные, обязательны для употребления. В результате, например, обновление дорожных указателей привело к появлению таких топонимических «новоделов», как р. *Колос* вместо традиционного *Коллас* (из карел. *Kollas*) или р. *Горная* вместо прежнего *Гознея* (из вепс. *Nozn'oja* «Хвощовый ручей»), в соответствии с ошибочным написанием в реестре. При этом все попытки и местных жителей, и научного сообщества внести правку пока не привели к успеху.

Между тем канонический список Росреестра оказывается своего рода «миной замедленного действия», поскольку заложенные в нем ошибки и опечатки воспроизводятся при включении объекта в активное использование. Так случилось с названием старинного приладожского поселения *Кавайно* (ист. *Кавандо*: *kaivando* (gen. *kaivanno-n*) 'выкопанная канава; перекоп'), которое в 2001 г. в связи с восстановлением

статуса населенного пункта было официально изменено на ошибочное *Ковайно* на основании неверной записи в реестре. Развитие туризма активизирует использование гидронимии, и в результате подобные ошибки не только «перекочевывают» на карты и в атласы, но и воспроизводятся в названиях гостевых домов, кемпингов и т. д.

Для исправления ситуации на первом этапе необходимо в сотрудничестве со службой Росреестра внести правку в ошибочные написания, а в дальнейшем по возможности унифицировать каждое написание в случае «разнобоя».

Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья : дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2015.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

DOI 10.31168/7996-2700-3.81

С. А. Мызников

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
myznikovs@rambler.ru

**Славянская лексика
в этимологических словарях финского языка:
опыт критического анализа**

Прибалтийско-финская этимологическая лексикография имеет значительные достижения. К настоящему времени изданы весьма основательные словари: «Suomen kielen etymologinen sanakirja» [SKES] и «Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja» [SSA].

В индексе первого из названных словарей представлены следующие славянские языки: белорусский, болгарский, полабский, польский, русский, серболужицкий, сербохорватский, словенский, старославянский, украинский и чешский. При этом славянские лексемы фигурируют не только в тех случаях, когда они являются заимствованиями, но

и в тех случаях, когда иллюстрируется влияние прибалтийско-финских языков на славянский (чаще всего русский) языковой континуум.

В кругу западнославянских языков шире всего представлены польские материалы — 42 единицы. Однако по отношению к некоторым этимологическим статьям можно говорить о пропуске как польских, так и других славянских данных. В качестве примера приведем ниже-следующую словарную статью:

Фин. *area, apia* ‘унылый, печальный, скорбный, горький’, карел. *abie, apie*, ливв. *abei, abie* ‘горе, печаль, оскорбление’, люд. *abid* ‘печаль, горе, скорбь, оскорбление’, вепс. сев. *abed* ‘досада, неприятность, помеха’, вепс. юж. *abid* ‘огорчение, печаль, досада’ (саам. кольск. *ābbēi*, саам. тер. *ābei* < карел.) < слав., ср. рус. *обида* [SKES, 1, 21].

В этой словарной статье можно привести и более обширные славянские данные, ср. болг. *обида*, блр. *abida*, др.-рус. *обида*, ст.-польск. *obida, obyda*, чеш., словац. *obida*, праслав. **obida* из **ob-videti* [ЕСУМ, 4, 131]. Соответствующая статья в [SSA, 1, 78] отмечает, что слово *area* впервые зафиксировано в 1859 г., широко представлено в современных финских диалектах и частично в литературном языке, куда проникло через посредство текста «Калевалы».

В группе восточнославянских языков наиболее обширны русские данные, которых в [SKES] насчитывается свыше 1 700 единиц. Многие из них являются диалектизмами и приводятся для того, чтобы показать результаты прибалтийско-финского воздействия.

Нередко в финском языке фиксируются результаты влияния таких русских лексем, которые ныне являются устаревшими или диалектными, ср. фин. *massi* ‘кисет, мешочек под огниво, кошелек’ при вод. *massina* ‘кошелек’ из рус. *мошина* [SKES, 2, 337].

В ряде случаев слово прибалтийско-финского происхождения получило широкое распространение в разных языках через русское посредство, однако в [SKES] это не отмечается. Так, укр., блр. *камбала*, чеш. *kambala* заимствованы из рус. *камбала* (известно с начала XVII в.), восходящего, вероятно, к фин. *kampala, kampela, kampelo* ‘камбала’ (ср. также саам. кильд. *kāmbel*, як. *kāmbala* ‘камбала’) [SKES, 1, 154].

В некоторых этимологических статьях прибалтийско-финские данные рассматриваются вне балто-славянского контекста, который вполне возможен. Например, фин. *liivikkä, liivikkö* ‘исхудавший, обессилевший

(олень)’, сопоставляемое с саам. норв. *liväk* ‘измотанный работой олень’, саам. лул. *liväk* ‘тощий человек, животное’ [SKES, 2, 294], не имеет других финно-угорских параллелей, что заставляет предполагать возможность иного этимологического прочтения финского слова. Вероятно, нельзя исключить его связь с балто-славянскими данными, ср. лит. *liebas* ‘хилый, тощий (о лошади)’, др.-чеш. *libivý*, кашуб. *leby* ‘худой’ [Фасмер, 2, 492]. При этом доминирующий балтийский вариант, представленный и с другим вокализмом (лит. *laibas* ‘тонкий, худой’, латыш. *laibas* ‘худой, тонкий, щуплый’), считается эквивалентом славянских слов с корнем *lib-*, а вариант *liebas* ‘на тонких худых ногах (о коне)’ рассматривается как диалектный [SEJP, 332]. Белорусские материалы также соотносятся с балто-славянской почвой: блр. *лыбила* ‘долговязая нескладная женщина’, праслав. *libь, кашуб. *lëbi* ‘чрезмерно высокий’, ст.-польск. *luby* ‘щуплый’, ст.-чеш. *libí* ‘худой’, лит. *liebas* ‘болезненный, худой, с тонкими ногами’ [ЭСБМ, 6, 72]. В северо-западных русских говорах отмечаются сходные лексемы: *ли́бывый*, *либиво́й* ‘тощий, слабый’ (Петрозав., Лод., Олон., Прион.): «Ли́бива скотина была у нас» (Медв.), *лебиво́й* ‘то же’ (Тихв., Новг.) [СРНГ, 17, 40].

В некоторых случаях при явной связи прибалтийско-финских и русских данных они, на наш взгляд неоправданно, рассматриваются в изоляции друг от друга. В качестве примера приведем следующее прибалтийско-финское гнездо: фин. *rusto*, *rustä* ‘хрящ’, карел. сев. *rušto* ‘хрящ’, вепс. *roskain’e*, *rustkän’e* ‘небольшой хрящ’ [SKES, 4, 883], вепс. *rosk* ‘хрящ’ [СВЯ, 480]. Авторы [SKES] сопоставляют слово с карел. *rüšt’ü*, люд. *rüüst*, вод. *rüssü* ‘сустав пальца’, указывая на сходное прибалтийско-финское гнездо *ruosku* ‘хрящ’, которое мотивируется звукоподражательным глаголом *ruoskuä* ‘хрустеть, трещать’ [SKES, 4, 849–850]. Русские материалы в качестве возможного источника не рассматриваются, однако ср. рус. диал. *хрусто́к* ‘сваренный костный хрящ’ (Выт.) [ПЛГО], арх. *хруст*, *хрусто́к* ‘хрящ животного’ [Даль, 4, 566]; ср. также ливв. *rudžu* ‘хруст, скрип’, *rudžišta* ‘хрустеть, скрипеть, пицать’ [СКЯМ, 315–316].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. ; СПб., 1880–1882.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 6 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982–2012.

ПЛГО — полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам).

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯМ — *Макаров Г. Н.* Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–. Т. 1–.

SEJP — *Stawski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. 1–5. Kraków, 1953–1979.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

DOI 10.31168/7996-2700-3.82

В. В. Напольских

Удмуртский государственный университет

Ижевск, Россия

Казанский федеральный университет

Казань, Россия

vovia@udm.ru

Названия соли в уральских языках

Материал и анализ

1.1. Названия соли в финно-волжских языках:

приб.-фин.-морд. *sōla > эрз., мокш. *sal* ~ фин., карел. *suola* (> саам. кильд. *sūll* и др.), лив. *sūol* и др.;

марГ. *sanzal*, марЛ. *šōñžal* < *sol-ćan (где *ćan < алан.: осет. ирон. *sæxx*, дигор. *sænxæ* ‘соль’ < нахск. *cwVn-χV > чеч. *tūxa*).

Приведенные формы фонетически однозначно возводимы к прототипу *sola, который может быть только ранним балтским заимствованием из гипотетически реконструируемого балт. *sōla (в реконструкции

В. Мажюлиса; этимология К. Лиукконена) — *nomen collectivum* ср. р. от **sōl-* ‘соль’, семантически и по словообразованию аналогичный рус. *сóleво. Датируется это заимствование первой половиной — серединой II тыс. до н. э., оно непосредственно связано со становлением скотоводства и земледелия в лесной зоне Восточной Европы и входит в группу терминов, заимствованных в финно-пермские языки из протобалтского источника (наряду со ‘свинья’, ‘овца’, ‘мука’).

1.2.1. Названия соли в пермских языках:

удм. *šilal* (субстантивированная основа глагола *šilani < *sulalni ‘солить’);

коми-зыр. *sov* (в.-сыс. *sol*), коми-язьв. *sul* ‘соль’

< праперм. *sol, которое либо является сепаратным заимствованием и.-е. **sal-*, но конкретный язык-источник остается неясным (предположения об арийском или тохарском источнике встречаются с фонетическими и историческими трудностями), либо заимствовано из финно-волжских языков во второй половине II — начале I тыс. до н. э. и восходит в конечном счете к тому же балт. *sōla.

1.2.2. Названия соли в хантыйских и северномансийских диалектах:

хант. каз. *sōl*, обд. *sāl*; дем., ирт., конд. *sāt*, низ., шерк. *sōtə*; сал. *sōttə*, вах. *sālŋə*, вас. *sālŋa*, тром., юган. *sālŋə*;

манс. сев. *solwəl*.

Заимствованы из перм. *sol до XVII в., при этом манс. сев. *solwəl*, скорее всего, напрямую отражает субстантивированную пермскую глагольную основу **sōl-al-* ‘солить’ (удм. *šilal*), а восточно-хантыйские формы (**sāl-nə-*), возможно, калькируют ее.

2.1. Названия соли в мансийском и селькупском языках:

манс. конд., н.-лозъв. *šāχ*, пелым., ср.-лозъв. *šāχ*, тавд. *čič* ‘соль’ (~ (??) венг. *szik* ‘болото; наземные выходы соды, натрон’ < прауг. *čṣkkz ‘соль; солончак’ [UEW, 839]);

сельк. тым. *šāG*, вас. *šāq*, Чая *sāG*, кет. *sāq* < *šāq.

Это самый интересный случай, связанный, по-видимому, с заимствованием из енисейского источника: ср. кет. *tlʔ*, юг. *člʔ*, котт. *šinčēt* < енис. *čəʔ ‘соль’ (с хорошими сино-кавказскими параллелями: бурят. *ḡáo* ‘пересоленный’ ~ празап.-кавк. *čəʔ / *čəʔ ‘соль; аджика’ ~ пратиб.-бирм.

**t(s)i* / **m-t(s)i* ‘соль; дрожжи, закваска’ < прасин.-кавк. *čäHV). По-видимому, ауслатная гортанная смычка фонетически реализовывалась в енисейских языках близко к [g] (ср. юг. *čAgit* ‘солить’, имбат. *čtīg* ‘соль’ в записях Клапрота и Миллера), что и обеспечило передачу через *kk / *q в заимствованиях. Неясны возможные дальнейшие связи этого слова с маньчж. *saqa* ‘вяленый (мясо, рыба); соль’ ~ удэг. *sʔai* ‘соль’ ~ кор. *sòkòm ‘соль’ < (?) праалт. *sāk ‘о ‘соль’ и с юкаг. *loɣo-nd-* ‘соль’ (в композитах) (< *doqo < *sokz / *šokz).

2.2. Название соли в венгерском языке:

венг. *só* [šō] (Ps 3 Sing. *sava*) < *čay (< *čakz / *čaŋz) или *čaw (< *čawz / *čapz).

Велярный вокализм и твердая аффриката не позволяют напрямую сопоставлять это слово с мансийско-селькупским. В болгарских и аланских заимствованиях аффриката *č* (фонетически [č̣]) языка-источника системно дает венг. *s* [š] (*sajt* ‘сыр’ < алан.: осет. ирон. *сyxт*, дигор. *ciyt* ‘сыр’ (< ар. **tikta-* ‘острый (по вкусу)’), хотя возможно болгарское посредство: ср. чув. *čəGət* ‘сыр’); венг. *sereg* ‘войско’ < тюрк. *čäriḡ* при чув. *šarə* и др.). Поэтому, вероятнее всего, венгерское слово восходит к адыг. *šəwə* (хакуч. *čəwə*), кабард. *šəw* ‘соль’ (< празап.-кавк. *čə / *šə < прасин.-кавк. *čäHV) и принадлежит к плохо изученному пласту кавказских заимствований в венгерском.

3.1. Названия соли в северносамодийских языках:

нен. *ser?*, эн. *si?*, нган. *sər* букв. «белая» — неологизмы, возникшие после знакомства с привозной покупной солью.

3.2. Названия соли в саяно-самодийских языках:

камас., матор. *tus* — тюркизмы (тюрк. *tuz).

Выводы

Названия соли в уральских языках представляют собой заимствования разного времени и из разных источников, связанные с началом развития производящего хозяйства или с распространением товарной соли. До появления этих заимствований специального термина для обозначения соли как продукта или минерала в уральских языках не было. Равным образом не представляется возможным реконструировать

и понятие ‘солёный’. На основе реконструкции имеем два обозначения вкуса в прафинно-угорском:

— **kǝ́cz(-r3/-k3)* ‘кислый, солёный, горький’ (скорее, приятный вкус квашеных и, возможно, копченых или вяленых продуктов) (> праперм. **kuǝ́-* > удм. *kuǝ́jt* ‘солёный’, *kuǝ́jr-maǝ́jr* ‘кислый, солоновато-кислый’, *kuǝ́al* ‘кисло-горький (вкус кислого молока)’, *kuǝ́jt-turǝ́m* ‘щавель кислый’ (букв. «кислая трава») ~ коми-зыр. *vevkuǝ́* ‘конский щавель’ ~ манс. сев. *kwoǝ́rtax̣t-* и др. ‘иметь горький, терпкий, острый, резкий вкус или запах, щипать (глаза или язык, например, о дыме или о перце)’ ~ венг. *kesered-* ‘прогоркнуть’, *keserű* ‘горький, терпкий’);

— **kaǝ́ke(-m3)* ‘испортившийся и неприятный на вкус: прогорклый, заплесневевший, прокисший’ — вкус несъедобного продукта; с дериватами со значением ‘горечь, вонь, дым, гарь; плесень’ (> фин. *katkera*, *katku*, карел. *kaǝ́kera* ‘горький, прогорклый’, фин. *katku* ‘дым’ ~ саам. сев. *guohca* ‘гнилой, тухлый, испорченный’ и др. ~ морд. эрз. *kaǝ́amo*, морд. мокш. *kaǝ́am* ‘дым’ ~ марГ. *kaǝ́ǝ́*, марЛ. *koǝ́o* ‘горький, прогорклый; прокисший’, марГ. *kaǝ́kǝ́*, *koǝ́kǝ́*, *kaǝ́ke* ‘тухлый, гнилой, заплесневевший; скисший (о пиве)’ ~ удм. *keǝ́š* ‘невкусный, неприятный на вкус’ ~ коми-зыр. *koǝ́ǝ́s* ‘гарь, горелый (запах, вкус)’ ~ (?) хант. вах. *kǝ́ǝ́č*, *kǝ́ǝ́čǝ́m*, каз. *ǝ́ǝ́sem* и др. ‘плесень’ ~ манс. сев. *ǝ́ǝ́assi*, *ǝ́ǝ́assi*, пел. *kaǝ́ššǝ́* и др. ‘плесень’).

Можно предположить, что в культуре носителей финно-угорского праязыка главным способом консервации мяса и рыбы могло быть бессолевое квашение-ферментация (типа чукотского *копальхена* или эскимосского *игунака*), и именно вкус полученного в результате такой обработки продукта описывается термином **kǝ́cz(-r3/-k3)*: его нельзя определить в рамках современной европейской кисло-солено-горькой гаммы. Термин **kaǝ́ke* мог обозначать испорченный, негодный в пищу *копальхен*. Позднее, с освоением производящих форм хозяйства и распространением соли, этот способ заготовки пищи был у большинства финно-угорских народов забыт, а соответствующие термины развились в различных новых значениях.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1986–1991.

Станислава Небжеговска-Бартминьска

Университет им. Марии Кюри-Склодовской

Люблин, Польша

stanislawa.niebrzegowska-bartminska@poczta.umcs.lublin.pl

**Крестьянский этос труда
в системе связанных с ним ценностей**

В этнолингвистических исследованиях рефлексия над ценностями, их иерархией и взаимоотношениями является центральным элементом описания языковой картины мира. Реконструкция мира ценностей может быть осуществлена тремя различными, но дополняющими друг друга способами: а) путем изучения аксиологически наполненных жанров (сонник, пожелание, гороскоп); б) путем анкетных исследований, направленных на составление списка ценностей; в) путем семантического анализа ключевых для исследуемой культуры понятий. Первый подход предполагает поиск внутренней цели (интенции) жанра и высшей идеи, вписанной в текст. Второй подход апеллирует к знаниям носителей данной культуры и/или авторитету исследователя («эксперта») и его знакомству с определенной лингвокультурой. Третий подход основан на представлении о том, что понятия связаны системой взаимозависимостей, которые можно обнаружить путем анализа дефиниций. Последний тип исследований признается наиболее важным: он не только дает список и образ ценностей в выбранном жанре речи, но и демонстрирует систему взаимосвязей между ними, «погружает» отдельные ценности в богатые, поддерживающие и дополняющие друг друга культурно-языковые контексты.

Автор представляет результаты применения указанных исследовательских методов, сопоставляет их и эксплицирует ценности, наиболее близкие носителям народной культуры (земля, мать, дом), а также ценности, из которых складывается крестьянский этос (работа, справедливость, солидарность). Особое внимание уделяется анализу двух ключевых для крестьянской культуры концептов («земля», «работа»), выявляется их функционирование в системе ценностей: жизненных и материально-бытовых, общественно-нравственных и «чувственных», этических и религиозных, а также эстетических. В результате автор

получает систему аксиологических взаимосвязей земли и работы с другими ценностями, такими как жизнь, пища, плодородие, достаток, богатство, трудолюбие, удовлетворение, общественное признание, доверие, взаимодействие, взаимность, справедливость, равенство, солидарность, нравственный порядок, святость, Бог, уважение, достоинство, честь, традиция, музыка, красота — вплоть до родного края, локальной общности, вотчины, дома, матери, этнической родины и родной страны.

Пер. с польск. Е. О. Борисовой

DOI 10.31168/7996-2700-3.84

Александра Невяра

Силезский университет

Катовице, Польша

aleksandra.niewiara@us.edu.pl

Концепции коллективного времени как фактор польской идентичности

Коллективное время — это время, которое сообщество переживает вместе, а также время, которое хранится в коллективной памяти. Научные теории о коллективном времени (или социальном времени) и коллективной памяти возникли в социологических трудах в первой половине XX в. [Tarkowska, 1987; Saryusz-Wolska, Traba, 2014]. В наши дни их влияние распространилось на всю гуманитарную науку, не исключая этнолингвистику.

Этнолингвистические исследования могут описывать фольклорное и религиозное течение времени [Szadura, 2017, 253–297], но могут быть направлены на изучение этнической общности, которая воспринимает себя отдельно от других из-за своего языка, государства, страны, культуры, истории. Таким образом, мы можем говорить о времени поляков, русских, англичан или французов. Мы можем также, основываясь на текстах разных исторических периодов, наблюдать, как коллективное время представлялось в определенный период, и делать выводы о его эволюции. В докладе автор представит результаты анализа польских

мемуаров и дневников XVI–XX вв. [Niewiara, 2009] и польской прессы после Второй мировой войны [Niewiara, *в печати*].

В польских текстах XVI, XVII и XVIII вв. мы обнаруживаем, что польское время (время Речи Посполитой и ее граждан) понимается как линейное и телеологическое. Однако существуют большие различия в трактовке времени на протяжении этих трех веков. В XVI и XVII вв. поляки положительно относятся к ходу своей истории и верят в покровительство Бога. Они думают об истоках сообщества и планируют его будущее. В ежедневных записях, в воспоминаниях о жизни они ищут начало своей общности в каком-то неуказанном старопольском (*staropolskim*) периоде и ссылаются на поколения своих бабушек и дедушек, а будущее ограничивают всего лишь временем внуков.

В XVII в. горизонт польского времени простирается гораздо дальше — как в прошлое, так и в будущее. Авторы дневников сравнивают свое настоящее с временами древних римлян и греков, в которых царила такая же рыцарская смелость и благородство; они верят, что их произведения будут помнить вечно. Такое восприятие времени характерно для периода процветания Речи Посполитой и согласуется с ее политическими амбициями.

В XVIII в., когда государство приходит в упадок, вера поляков в защиту Бога ослабевает. Телеологическое видение истории уже не проникнуто оптимизмом. После 1795 г. настоящее определяется как конец Польши (*finis Poloniae*), ее смерть (*śmierć, zguba*); прошлое — как зло, которое привело к поражению (возникают сравнения с судьбой ветхозаветных евреев, справедливо наказанных Богом за грехи); будущее — как время праправнуков, которые будут презирать ныне живущих. В континууме польского времени обнаруживается разрыв. Лекарством от такого состояния коллективной души становится разговор о жизни поляков как о сне, летаргии (*fatalny letarg*), в которую погрузилось общество.

В XIX в. концепция времени меняется — приходит циклическое видение, благодаря которому можно поверить в возвращение Польши после оборота колеса времени. Как мы знаем из польской литературы, способ справиться со злой судьбой — это вновь довериться Богу и принять телеологическое видение времени, так как цель поляков на земле состоит в том, чтобы повторить жертву Христа и искупить вину народов мира (*Polska Chrystusem narodów*). В обоих случаях будущее бесконечно

далеко, а настоящее не имеет большого значения. Цель человека — пожертвовать своей жизнью ради будущей победы.

В XX в. наблюдается развитие прежних концепций. Остается память о прошлом разрыве в истории (*Polska opuścila w swych dziejach wiek dziewiętnasty* «Польша пропустила в своей истории век девятнадцатый»). Разрывы ощущаются сильнее — время в XX в. представляется фрагментированным и разделенным на четыре сегмента (*II Rzeczpospolita, Polska Rzeczpospolita Ludowa, III Rzeczpospolita, IV Rzeczpospolita*), а история полна белых пятен. Линейные и циклические представления о времени также сохраняются. Циклическое видение — в комментариях о восстаниях против системы коммунистического государства, которые повторяются каждые десять лет (*co dziesięć lat nowe powstanie*), о «польском календаре» с месяцами, написанными с заглавных букв (*Czerwiec* ‘июнь 1956 г.’, *Marzec* ‘март 1968 г.’, *Grudzień* ‘декабрь 1970 г.’, *Sierpień* ‘август 1980 г.’). Линейная концепция времени сильна только в некоторые периоды: после Первой мировой войны, когда Польша восстанавливает независимость, во время Второй мировой войны, когда поляки сражаются против врага, и в последние десятилетия XX в., во время понтификата Иоанна Павла II (*papież Polak*), появления Солидарности, трансформации политической системы. Интересно, что даже в это время в текстах публичного и частного дискурса можно увидеть четкое восприятие настоящего и прошлого — и размытость будущего. Сообщество не знает, какими будут его следующие преобразования.

Концепции времени сообщества отражают его духовное состояние. Они также информируют о действиях сообщества, направленных на обеспечение его устойчивости.

Niewiara A. Kształty polskiej tożsamości. Potoczny dyskurs narodowy w perspektywie etnolingwistycznej (XVI–XX wiek). Katowice, 2009.

Niewiara A. Imagologia — pamięć zbiorowa — dyskurs prasowy. В печати.

Saryusz-Wolska M., Traba R. Modi memorandi. Leksykon kultury pamięci. Warszawa, 2014.

Szadura J. Czas jako kategoria językowo-kulturowa w polszczyźnie. Lublin, 2017.

Tarkowska E. Czas w społeczeństwie. Problemy, tradycje, kierunki badań. Warszawa, 1987.

С. Е. Никитина

Институт языкознания РАН
Москва, Россия
seniki38@mail.ru

О вариантности и многослойности толкования Библии в молоканской культуре

Толкование слов или текстов как процесс и его результат является разновидностью интерпретации — понятия более широкого, однако толкование Библии и интерпретация Библии — понятия почти синонимичные. Оба слова как предикаты имеют одинаковую актантную структуру: источник толкования, субъект толкования, конкретный объект, адресат, средства / инструменты, задачи / цели толкования и его результат. Объем и особенно глубина толкования, безусловно, связанная с его автором — субъектом, могут зависеть от времени и места толкования, а также от других условий реализации названного процесса, включая психологическое состояние толкующего, его пол и возраст, а также тип адресата — «свой» или «чужой» по вере, его пол и возраст и т. д. В зависимости от всех этих условий автор может варьировать свое личное устоявшееся толкование, свой «инвариант».

Толкования имеют огромное множество типов объектов: от одного слова до целой книги Библии, какой, например, явилась «Песнь песней» в толковании молоканского богослова Н. М. Анфимова. Субжанры толкования вмещают и *пере-сказ* библейского текста, и его полное *ино-сказ-ание*; несложную дефиницию термина и хоровую духовную песню. Толкования могут быть индивидуальными и коллективными; к последним относятся, например, фольклорные тексты, толкующие библейские сюжеты и являющиеся реализацией народной герменевтики. Эти тексты, как фольклорные, варианты по определению и составляют к тому же молоканский вариант «народной Библии». В большинстве фольклорных текстов очевидна их многослойность. Так, в молоканскую народную Библию входят и тексты духовных стихов православных, возникшие на основе текстов отцов церкви, например Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном, которые, в свою очередь, являются интерпретацией библейского текста. В молоканских

текстах псалма и духовной песни произошли свои изменения. К тому же эпический стих об Иосифе Прекрасном имеет прозаический пересказ. В результате в устной молоканской культуре существует пять жанровых слоев интерпретации, или толкования, библейского повествования об Иосифе Прекрасном.

Все, о чем говорилось выше, относится к устной культуре молокан, использующих Библию для озвучивания аргументов, коими обычно являются цитаты. Однако молоканские толкования могут быть и письменными. Здесь, как правило, нет вариантов. Современные молоканские журналы, появившиеся в 1990-х гг., печатают многочисленные толкования библейских текстов в виде статей.

Отметим, что у постоянных молокан принято при толковании библейских текстов ссылаться только на Библию, а в ней более всего на послания ап. Павла и тексты Иоанна — Евангелие и Откровение. Могут быть ссылки и на другие книги Библии, где преобладают обращения к текстам пророков — провозвестников Нового Завета.

Рассмотрим толкование фрагмента из Послания Павла к Римлянам (10: 16): «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия». Автор статьи — умелый и знающий проповедник [Фомичев, 2000, 25–30].

Начнем с цитирования статьи: «Итак, в приведенном стихе основой являются три объекта: вера, слышание и слово Божие». Автор объясняет свою методику толкования: «...они <слова-объекты> ценны в отдельности, но особенно замечательны в приведенном сочетании. Будем рассуждать как в отдельности, так и в сочетании» [Фомичев, 2000, 25]. Далее он переходит к анализу каждого слова.

Вера — дар Божий, основа христианской жизни: «Для познания окружающего материального мира Бог дал нам пять органов чувств. Для познания невидимого Бога Он дал нам веру. <...> Органом этого чувства является “внутренний орган” — сердце» [Фомичев, 2000, 26]. В подтверждение этих слов автор дает ссылку на послания ап. Павла (Рим. 10: 9; Евр. 10: 22) и на тексты пророка Иеремии, показывая тем самым связь между ветхо- и новозаветным пониманием роли сердца: «И дам им сердце, чтобы знать меня, что Я — Господь» (Иер. 24: 7).

Второе слово: «Слово *слышание* означает то, что слушание производит эффект <...> То есть: надо слúшать, и слы́шать, и слушаться — последовать услышанному. Слово *слышание* предполагает как минимум двух участников в общении: говорящий и слышащий слово Божие»

[Фомичев, 2000, 27]. При этом говорящий — сам Бог или говорящий от Бога. Автор статьи разделяет слушателей на богослужении на три группы: а) люди, слышащие Бога, которые заранее должны готовить себя к приему духовной пищи; б) люди слушающие, но у них срывает «эффект сквозняка», в) люди, которые присутствуют, но не слушают.

Третье слово — *слово Божие*: «Повлиять на него или изменить его мы не можем <...> В вере, говорении и слышании слова Божия мы принимаем активное участие и, соответственно, можем и должны изменить свое внутреннее состояние» [Фомичев, 2000, 27]. Итак, слово Божие неизменно, человек же, услышавший и усвоивший его, меняется; поэтому, говорит автор, ап. Павел желает: «Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякой премудростью» (Кол. 3: 16).

Заканчивая статью, автор опять обращается от своих размышлений о говорящем и слышащем к Библии: «Блаженны слышащие слово Бога и соблюдающие его» (Лк. 11: 28); «Говори <Господи>, ибо слышит раб Твой» (1 Цар. 3: 10) [Фомичев, 2000, 30].

В тексте А. П. Фомичева присутствует двуслойность толкования, им же осознанная: сначала истолковать каждое слово, а затем фразу целиком. Кроме того, имеется два слоя цитат из Библии: сначала цитаты из Нового Завета, затем ветхозаветные. Следует отметить, что весь текст А. П. Фомичева многократно утверждает молоканскую веру, а через нее и молоканскую культуру как культуру слуховую, в которой слышимое важнее видимого, а внутреннее важнее внешнего.

Фомичев А. П. «Итак, вера от слышания, а слышание от слова Божия» // Добрый домостроитель благодати. 2000. № 14. С. 25–30.

Симонас Норейкис

Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия
s.noreikis@gmail.com

Финно-угорские топонимы Литвы и Латвии

В защищенной автором магистерской диссертации было описано более 30 литовских гидронимов, которые ранее считались фактами финно-угорского субстрата. Их присутствие на территории Литвы основывалось на точке зрения, согласно которой носители ямочно-гребенчатой культуры, обнаруживаемой в Литве, были финно-уграми. Финно-угорские этимологии избранных гидронимов обосновывались схожестью их звучания с современными финно-угорскими апеллятивами или топонимами (например, лит. *Suoja* ~ фин. *Suojärvi*). Этот метод следует признать некорректным, поскольку во время предполагаемых контактов балтов и финно-угров на территории нынешней Литвы рассматриваемые гидронимы звучали совершенно иначе. Целью магистерской работы была проверка правильности предполагаемых финно-угорских этимологий гидронимов Литвы, проводимая на основе современных методов исследования субстратной топонимии.

Для достижения этой цели предпринимались следующие шаги:

- 1) историко-фонетическая реконструкция сопоставляемых литовского гидронима и финно-угорского апеллятива / топонима;
- 2) проверка этимологии финно-угорского слова, от которого предполагается происхождение литовского гидронима;
- 3) семантико-типологический анализ, т. е. выяснение того, формируются ли гидронимы на основе предлагаемого апеллятива в финно-угорских языках;
- 4) выяснение географического положения объекта, название которого считается финно-угорским.

В большинстве случаев первого шага было вполне достаточно, чтобы подвергнуть сомнению финно-угорскую этимологию того или иного литовского гидронима.

Если историко-фонетические аргументы оказывались недостаточными, предпринимались дальнейшие шаги. В таких случаях

финно-угорскую этимологию опровергал, например, тот факт, что апеллатив, с которым сравнивается литовский гидроним, является в финно-угорских языках поздним заимствованием. В других случаях оказывалось, что предполагаемый апеллатив не используется для образования гидронимов в финно-угорских языках. В некоторых случаях сомнения в финно-угорской этимологии гидронима связаны с географическими характеристиками соответствующего объекта.

С помощью описанной методики были проверены все предполагаемые финно-угорские гидронимы Литвы. Для значительного ряда названий финно-угорскую этимологию удалось либо однозначно опровергнуть, либо высказать обоснованные сомнения. В конечном итоге выяснилось, что утверждение о финно-угорском происхождении невозможно ни для одного гидронима. В некоторых случаях удалось представить веские аргументы в пользу балтийской этимологии.

Таким образом, возможно, на территории Литвы финно-угорского субстрата нет вообще.

Что касается Латвии, то там имеются финно-угорские топонимы, этимологии которых вполне надежно обоснованы, в том числе тем историческим обстоятельством, что на территории современной Латвии до недавнего времени жили носители ливского языка. Здесь оставили свой след также переселенцы из Эстонии (Латгалия, XVII в.) и представители народа воль, переселенные крестоносцами в окрестности города Бауска в XV в.

Многовековые контакты между латышами и прибалтийскими финнами существенно повлияли на словарный запас, фонетику и грамматику латышского языка и оставили след в топонимии Латвии. Тем не менее и на этой территории финно-угорские топонимы нуждаются в более тщательном анализе и уточнении языковых истоков.

К. В. Осипова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
zwierze@yandex.ru

Названия блюд из мяса на Русском Севере: этнолингвистический аспект*

В докладе рассмотрены диалектные наименования мясных продуктов и блюд из мяса, распространенных на Русском Севере. Исследование основывается на материале лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ и картотеки «Словаря говоров Русского Севера», а также данных словарей, охватывающих территорию Архангельской, Вологодской и севера Костромской области. В ходе этнолингвистического анализа получают семантико-мотивационную интерпретацию диалектные названия блюд из мяса, характеризуется роль мясной пищи в традиционном рационе, определяются регламентации, связанные с употреблением мяса, а также выявляются его ритуальные функции.

В рационе крестьян Русского Севера мясо и блюда из него были скорее исключением, нежели повседневной пищей. Блюда из мяса регулярно ели зажиточные крестьяне в скоромные дни, а в бедных семьях мясо употребляли в праздники осенне-зимнего периода, когда принято было резать скотину: «Богатые почитай весь год мясо едят, а у нужных и без его обходятся». Мясным блюдом обязательно угощали на помочах, поскольку «за артельным столом крестьяне едят так, как дома позволяют себе только в большие праздники».

Большую часть заготовленного мяса крестьяне продавали или сдавали государству (*мясна́логи* в советский период), оставляя на собственные нужды преимущественно субпродукты. Из субпродуктов в пищу шли печень, кишки, легкое, однако не ели, считая нечистыми, «срамных мест, больших и широких кишок» (Вел.), горло, желчный пузырь (Гряз.). Мясо, в частности говядина, считалось лакомством. Мясо сохраняли впрок, засаливая и высушивая (арх. *вети́аное мясо*,

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

влг. *кокóрка*, влг. *солени́на*, а также арх. (Шенк.) *артіль* ‘все мясное, кроме птицы и баранины, запасаемое впрок в сушеном виде’). Иногда готовили полуфабрикат из смеси высушенного мяса, хлеба, лука, картофеля, который брали с собой, например на охоту (арх. *су́ра*, *мури́ровка*).

Основными блюдами из мяса был густой суп (арх., влг. *щи*), пироги с мясом (влг. *мясник*), каши с салом и субпродуктами (влг. *са́льник*), холодец (арх. *дрожáчка*, влг. *жу́лей*, арх., влг. *студень*, влг. *холóдное*), картофель с мясом, томленные в печи, которые ели, макая хлеб (влг. *маку́шка*), жаркое (арх. *жа́рница*, влг. *пряжёное мясо*). После забоя скотины готовили блюда из субпродуктов — рубца (влг. *утрóбища*, арх. *переперуха*), легкого (арх. *легкое наливное*), кишечника (костр. *кишóчница*, влг. *начинки*, *черёвник*, влг., костр. *са́льник*). Нутряное сало ели, обильно сдабривая им овсяную кашу: «В овсяную крупу внутренностей накладём да салом нальём, вот и сальник по праздникам делали». Такое блюдо нередко готовили по завершении сельских работ. В Мезенском районе Архангельской области сохранились названия блюд из оленьей крови (*кровяная шаньга*, *айбáрча*).

Обедающие придерживались регламентаций употребления мяса за столом: даже угощая гостей, крестьяне первую порцию супа ели с хлебом (*крóшки*), а затем только с мясом. Мясо выкладывали на деревянное блюдо, где его резали; есть мясо разрешалось лишь после того, как хозяин говорил: «Начинайте таскать» (влг.).

В народном календаре отразились церковные регламентации употребления мяса (ср. арх. *Мясное заговенье* ‘неделя перед Масленицей’, *Мясное воскресенье* ‘воскресенье перед Масленицей’, костр. *Мясная суббота*), а также периоды, когда было принято резать скотину (ср. арх. *Свинарное заговенье*, арх. *Свинобой*), ритуально употреблять в пищу мясо (арх. *Малань-Кишечницы* ‘31 декабря’) или приносить его в церковь (арх. *анастасиевское мясо*). В Вологодской области по случаю зарезанного поросенка устраивали празднество *свежинá*, куда приглашали гостей и угощали блюдом из крови. Хозяину, режущему скотину, желали: *сахар-мясо!* (влг., костр.), *мясо-репа!* (влг.), *соль-мясо!* (костр.), *нож-мясо!* (костр.), *мясная гора!* (влг.).

Будучи редким, но в то же время лакомым и сытным блюдом, мясо было непременной частью свадебного застолья, если оно приходилось на скоромные периоды. Так, после венчания на стол обязательно подавали студень и щи из мяса, а также жареную телятину, пирог

со свиной, баранью лопатку. Специально к свадьбе готовились: костр. *крутильный пирог* ‘круглый пирог с мясом, который после совершения свадебного обряда кручения посылают священнику’, арх. (Шенк.) *кужуй* ‘пирог с мясом’, влг. *честь, чесь* ‘четвертое блюдо за свадебным столом, неразрезанный кусок зажаренного мяса’. С употреблением мяса связана свадебная терминология, ср. арх. *распечать поросёнка* ‘обрядовое действие жениха на свадьбе — разрезать поросенка’, влг. *ездить на барана* ‘ездить в гости к родне невесты (о молодоженах)’, арх. *с жопками ходить* ‘во время свадьбы предлагать гостям косточку с кусочком мяса за троекратный поцелуй в щеку’, влг. *ошурки* ‘застолье после свадьбы в доме жениха, собранное из остатков свадебного угощения и на деньги, полученные как выкуп невесты’.

Обособленную семантико-мотивационную группу составляют названия шкварок, вытопок от сала: арх. *сморчки, шилега, жмурки*, влг. *ошурки, чирогы*. Эти слова являются маркерами отдельных территорий. Шкварки считались лакомством: их добавляли в кашу или ели самостоятельно. Названия шкварок интересны вторичными значениями, в том числе метеорологическими (диал. шир. распр. *сало*, арх. *шелега* ‘мокрый снег; снег и лед, плывущие по реке’) и антропологическими (арх. *шиллага* ‘о непослушном ребенке’, *шиллага* ‘рассеянный человек’).

Богумил Островский

Педагогический университет им. Комиссии народного образования
Польша, Краков
bostr@wp.pl

**Роль этимологии при реализации проекта
«Язык жителей Спиша. Корпус текстов
и диалектных записей»***

Этимология, понимаемая в широком смысле как информация о происхождении слова¹, играет в указанном исследовании второстепенную, неосновную роль. В связи с ограниченными временными рамками проекта, строгим порядком и последовательностью выполнения отдельных, взаимообусловленных задач его создатели и исполнители не планировали сопровождать все лексемы (морфологические формы, дериваты) информацией об их происхождении. Приоритетная задача коллектива этимологов состояла в том, чтобы обратить внимание на уникальность богатой и разнородной лексики Спиша, которая или не задокументирована в словарях общенародного языка, или имеет ограниченный Спишем (а также прилегающими территориями Оравы, Подгаля) ареал. Эта лексическая группа включает в себя как исконные слова, структура и значение которых указывают на сохранение в говоре лексической архаики, так и лексемы иноязычного происхождения, заимствованные жителями Спиша и адаптированные в соответствии с действующими на этой территории фонетическими и словообразовательными закономерностями.

Исследование диалектной лексики, в особенности установление взаимозависимостей и внутренних связей между родственными языками (говорами) приграничных территорий, сталкивается с трудностями интерпретации, обусловленными риском субъективизма. Дополнительные трудности связаны с внеязыковыми причинами, а именно с совместной историей и культурой некогда единого региона,

---

* Грантовый проект под руководством проф. Института польского языка Польской академии наук, д-ра Хелены Грохолы-Шчепанек (1bN 15 0166 83) финансируется Национальной программой развития гуманитаристики в 2015–2019 гг.

¹ Подробнее об использовании этимологии в современных исследовательских проектах см. [Dębowiak et al., 2018].

территория которого сегодня принадлежит двум странам — Польше и Словакии (валашская колонизация, последствием которой стали карпатские и румынские заимствования, до сих пор используемые на всей территории Спиша; период влияния Габсбургов, обогативший лексику региона многочисленными германизмами и мадьяризмами). Следующим важным критерием, который нередко препятствует проведению результативных исследований, является хронологический фактор. В силу невозможности наглядно проследить историю многочисленных лексем (из-за отсутствия письменных памятников), сохранившихся в речи жителей Спиша, трудно однозначно определить, было ли какое-либо словацкое слово посредником в процессе заимствования и фонетической адаптации или — в случае лексем немецкого или венгерского происхождения — заимствование происходило непосредственно. Иногда результативным оказывается наблюдение за развитием значений слов, а также выявление соответствий между семантической модификацией словацких и спишских лексем, часто отличающихся (в определенной степени) от изначального значения заимствованной основы. Но и в этом случае у нас нет полной уверенности, что конкретное изменение не произошло независимо в каждом из сравниваемых языков. Важно еще раз отметить, что попытка определить происхождение слова без установления его хронологии — это лишь индивидуальный выбор автором самого подходящего, по его мнению, сценария адаптации заимствованного слова².

Решение исполнителей проекта о необходимости включать в корпус информацию о происхождении спишских слов было продиктовано прагматическими соображениями. В качестве заглавной единицы в корпусе приводится слово, сведенное к унифицированной форме, которое характеризуется чертами общепольского языка. Во многих случаях воссоздать такую потенциально обобщенную форму³ без ука-

² Поэтому в данном случае следует говорить об этимологизации слова, а не о его этимологии.

³ В диахроническом языкознании используется термин *транспонат* (*transponat*), который В. Смочицкий в «Этимологическом словаре литовского языка» определяет так: «слово, сконструированное на основе литовского материала, которое отличается определенными индоевропейскими словообразовательными особенностями (суффикс, апофония, ударение), однако не находит лексических соответствий в других индоевропейских языках и по этой причине не может интерпретироваться как слово, унаследованное из индоевропейского праязыка. Цель использования этого термина — подчеркнуть хронологическое отличие между инновационными литовскими (балтийскими, балто-славянскими) формами и формами, унаследованными из индоевропейского праязыка».

зания на этимологию слова абсолютно невозможно. Не все попытки объяснить происхождение отдельных слов были завершены и увенчались успехом. Остается надеяться, что такие исследования будут продолжены в будущем.

Ниже представлены примеры схем описания спишских лексических единиц, этимология которых прокомментирована в Спишском корпусе.

Основная форма:

bornia — от праслав. **bor-* — сущ. от *braćь*, «взятие»: *bьrati ‘брать’;

bojtár — словац. *bojtár* ‘пастух’, венг. *bojtár* ‘молодой пастух, пастушок’;

maras — словац. диал. *maras* ‘то же’, нем. *Morast* ‘грязь, болото, трясына’.

Дериваты:

dziewkować — см.: DZIEWKA;

marasisko — см.: MARAS;

domarasić — см.: MARAS;

kierdolek — см.: KIERDEL.

З а и м с т в о в а н и я из неродственных языков (венгерский / румынский / немецкий и т. д.) через посредство словацкого языка (или говоров):

bosiorka — словац. диал. *bosorka* ‘волшебница, ведьма’ < венг. *boszorkány* 1) ‘дух мертвых, призрак’, 2) ‘ведьма, волшебница’;

kocis — словац. диал. *kočiš* ‘погонщик лошадей’ < венг. *kocsis* ‘возничий, кучер, извозчик’, *kocsi* ‘воз’.

С л о в а с н е я с н о й (сомнительной) этимологией:

drenować — вероятно, нем. *drainieren*, из франц. *drainer*.

Dębowiak P., Ostrowski B., Waniakowa J. Informacja o pochodzeniu wyrazów w WSJP PAN // Wielki słownik języka polskiego PAN. Geneza, koncepcja, zasady opracowania / red.: P. Żmigrodzki et al. Kraków, 2018. S. 103–113.

Пер. с польск. К. В. Осиповой

Дорота Пазио-Влазловска

Институт славистики ПАН
 Варшава, Польша
 d.pazio@ispan.waw.pl

Образ современной семьи в российских женских онлайн-журналах

Отобранный материал позволяет констатировать, что семья занимает важное место в иерархии ценностей авторов анализируемых текстов, ср.: «Крепкая семья — самое ценное, что есть в нашей жизни» [<http://www.woman.ru/relations/medley4/article/93685/>]; «Многие из вас согласятся с тем, что семья — это очень важная сфера в жизни человека. Но почему ее значение так велико? В нашей жизни масса всего такого, что кажется ценным, но важность семьи остается неизменной» [<https://jldady.ru/friendship/semya-kak-sistema.html>].

Существенно то, что реконструированный образ не нарушает базового изображения семьи, которое в русском языковом сознании опирается на представления о супружеском союзе, родственных отношениях и совместном проживании [Федорова, *в печати*]. Представления, традиционно связанные с семьей, сохранили свою актуальность: уют и тепло родного очага; спокойствие и уют внутри семьи; любовь, забота и уважение друг к другу; уютные семейные вечера; теплые взаимоотношения; надежность; бескорыстная поддержка в трудных ситуациях.

Однако вышеуказанные ценности не исчерпывают сути понятия, на эту глубоко укоренившуюся в человеческом сознании базу накладываются смыслы, в которых отражаются изменения социального статуса членов семьи (в частности, совмещение семейной жизни с карьерой), а также ее дисфункции, в том числе домашнее насилие.

Во-первых, семье противопоставляется угрожающая ей карьера: «Любой из нас хотелось бы, чтобы жизнь протекала в балансе между карьерными устремлениями и семейным благополучием. Ставить семью на первое место — значит, жертвовать карьерой. Выдвигать карьеру — потерять, а возможно, не обрести семью» [<http://www.woman.ru/psycho/career/article/83366/>].

Следует добавить, что данное противостояние актуально только для женщин, и это непосредственно вытекает из стереотипного восприятия женщины как покровительницы домашнего очага, а мужчины — как того, кто содержит семью: «Традиционно ответственность за уют и комфорт в семье возлагается скорее на нас, женщин» [<http://www.woman.ru/health/woman-health/article/207054/>]; «...мы все так же остаемся хозяйками дома, отвечаем за семейные бюджет и досуг. Мужчина же обычно играет роль “кормильца”» [<https://lady.ru/friendship/semya-kak-sistema.html>].

Традиционное распределение ролей в семье проявляется не только в том, что семья стереотипно воспринимается как сфера реализации жизненных устремлений женщины, но также в том, что женщины стандартно — по мнению авторов анализируемых текстов — считаются менее нацеленными на карьеру, чем мужчины: «До сих пор почему-то мужчине <для> того, чтобы считаться успешным, нужно сделать карьеру, а женщине — выйти замуж и родить» [<http://www.woman.ru/rest/medley8/article/54107/>].

Во-вторых, на традиционный образ настоящей семьи накладывается слой представлений о социально-психологических факторах, опасных для семьи. Ссоры воспринимаются как естественный элемент семейной жизни: «Ссоры происходят практически во всех семьях. <...> К сожалению, ссоры в семье все равно случаются, и от этого никуда не деться» [<http://www.woman.ru/kids/evolution/article/87618/>], — а домашнее насилие — как потенциальная угроза для любой семьи, вне зависимости от ее социального статуса: «Перед вами очень личный рассказ <...> о том, что насилие может случиться в каждой семье, и очень важно вовремя назвать его правильным словом» [https://www.goodhouse.ru/family_and_children/psihologiya/moy-muzh-ne-byl-pohozhna-nasilnika-op-prosto-menya-bil/]; «Просто это может произойти с каждой из нас. С КАЖДОЙ. Жертвой может стать ваша коллега, подруга, сестра или дочь» [https://www.goodhouse.ru/family_and_children/psihologiya/domashnee-nasilie-bet-znachit-begi/?page=5].

Насилие в женских журналах оценивается однозначно отрицательно, женщинам советуют обращаться за помощью, что резко противопоставляется зафиксированному в языке стереотипному образу отношений в семье (*Ревнует — значит любит; Бьет — значит любит; Нельзя выносить сор из избы*): «Обращайте внимание на опасные

признаки и обращайтесь за помощью. <...> Не игнорируйте свои сомнения, доверяйте своим чувствам, отмечайте проявления патологической ревности — это может в буквальном смысле спасти вам жизнь!» [https://www.goodhouse.ru/family_and_children/psihologiya/chto-skryvaet-revnost/].

Из сказанного вытекает, что образ семьи, реконструируемый на материале, почерпнутом из женских журналов, свидетельствует о важности концепта. Семья представляется как существенная ценность, но на ее базовое значение накладываются новые смыслы, в которых высвечиваются социальные и психологические установки ее функционирования. К стержневому значению концепта прибавляются дополняющие его составляющие, в которых отражается современная действительность со всеми ее противоречиями.

Федорова Л. Л. Штрихи к портрету «семьи» в русском языковом сознании. В печати.

DOI 10.31168/7996-2700-3.90

С. В. Панченко

Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, Россия
panch@e1.ru

Лексика хантыйского происхождения с ассоциативными значениями в русских письменных источниках 1870–1930 гг.

Источниками данного исследования послужили 289 русских печатных работ 1870–1930 гг., описывающих разные районы проживания «остяков» (хантов) в бассейне р. Обь. Встречающиеся в этих текстах лексемы хантыйского происхождения неоднородны по степени освоенности в русском языке и делятся на слова-вкрапления (390), окказиональные заимствования (34) и заимствования (77). Из общего

словарного массива хантыйских слов были выбраны лексемы с ассоциативными значениями¹.

Задачами исследования стали, во-первых, анализ номинативных и семантических особенностей слов данной группы; во-вторых — выявление специфики русской передачи хантыйских слов; в-третьих — поиск новой информации, дополняющей данные этимологического словаря хантыйского языка В. Штейница [Steinitz]. Ниже представлены полученные результаты.

1. Большинство анализируемых лексем — двух- и трехсловные образования, представленные в русских графических вариантах, правильно или неправильно передающих членение слова на компоненты. Например, в одном из текстов, где описывается хантыйский музыкальный инструмент, читаем: «Лебедь, по Остяцки *нарыстаюх хотон* <...> имеет 8 струн медных» (Березовский у.) [Шавров, 1871, 4]. Ср. низ. *nerəs-*, шерк., каз. *narəs-*, обд. *nārəs-* ‘играть на (любом) музыкальном инструменте’² > прич. наст. вр. с суфф. *-ta (-ti)* + низ., обд., шерк. *juχ*, каз., сын. *jūχ* ‘дерево’ + низ., шерк., каз., сын., обд. *χōtəχ* ‘лебедь’; букв. «играющее дерево — лебедь».

2. Понимание семантики лексем при этимологическом анализе затруднено изменениями, возникшими при русской графической передаче хантыйских звуков, — ср., например, *пиде-вонзель* ‘водяника’ (Березово) [Скалозубов, 1913, 28] < бер. *piti* ‘черный’, *ūn* ‘большой’, *set* ‘глаз’, букв. «черный большой глаз».

3. Все рассматриваемые лексемы однозначны. Образно названы некоторые природные реалии и бытовые предметы. Типы метафорического переноса:

▪ по форме: «Кедровый орех *нагыр сем*» (Самарово) [Лопарев, 1997, 241] — ср. ирг. *пахэр* ‘кедровая шишка’, *set* ‘глаз’; букв. «кедровой шишки глаз»;

▪ по цвету: «Карась; по остяцки — *най-хул*» (Нижняя Обь) [Варпаховский, 1902, 167] — ср. каз., сын. *naj*, обд. *nāj* ‘огонь’; каз. *χйл*, сын. *χйл*, обд. *χил* ‘карась’; букв. «огненная рыба».

¹ Ассоциация — ‘связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое’ [Ожегов, Шведова, 1999, 30].

² Здесь и далее хантыйские лексемы приводятся по [Steinitz].

▪ по расположению в пространстве: «тыдывеш черный яр» (Назым) [Дунин-Горкавич, 1910, 217] — ср. низ., шерк. *p̄ytə*, каз., сын. *p̄iti*, бер. *pita, piti* ‘черный’, низ., шерк. *wəʃ*, каз. *wəʃ*, бер. *veʃ* ‘лицо’; букв. «черное лицо».

▪ по функции: «...продолговатый мешочек (*лестан хот*) для оселка» (с. Обдорское) [Руденко, 1914, 46] — ср. обд. *lestān* ‘оселок, точильный брусок’, обд. *χat* ‘дом’, каз., сын. *χot* ‘то же’; букв. «дом оселка».

При метонимических переносах очевидна ассоциация по реальной смежности объектов. Например, метонимически обусловленная полисемия в языке-источнике проявлена в группе сложных лексем с компонентом *юх* ‘дерево’ в трех общих значениях: 1) ‘растение’, 2) ‘материал’, 3) ‘приспособление из дерева (например, палка, стропило, вежа)’. Приведем также пример синекдохи: «Остяки знают ее [белугу-дельфина] под именем *вузенгь-потлангь*, т. е. “с дырой на плече”» (Нижняя Обь) [Финш, Брэм, 1882, 551] — ср. каз. *w̄isəŋ p̄ötlan̄*, обд. *w̄isəŋ p̄ätlan̄* ‘белуга, дельфин’; букв. «дырявый затылок».

Семантика ассоциативных компонентов сложных слов нередко связана с человеком (‘глаз’, ‘горло’, ‘лицо’, ‘спина’; ‘мужчина’, ‘женщина’; ‘огонь’, ‘дом’), есть лексемы из сферы фауны.

4. Обычно авторы текстов не понимают и не поясняют внутреннюю форму слов при их переводе. Русская передача слов-вкраплений вариантна: 1) используется одно литературное общеупотребительное слово, которое обобщает значение хантыйской лексемы и не передает признаки реалии при номинации или ассоциацию; 2) опускается дополнительный компонент значения, выраженный в какой-либо части сложного слова, при сохранении смысловой доминанты; 3) при переводе передаются и значение, и внутренняя форма многокомпонентной лексемы.

5. Данные русских источников дополняют диалектную карту словаря хантыйского языка В. Штейница, а также фиксируют новые слова: либо в соседнем диалекте (по сравнению с указанным в словаре), либо в другом, территориально отдаленном диалекте. Очевидна ценность выявленных хантыйских лексем в лингвистическом, этнографическом, культурологическом и контактологическом аспектах.

Варпаховский Н. А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. 2 : Рыбы бассейна р. Оби. СПб., 1902.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Т. 2. Тобольск, 1910.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2001.

Руденко С. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. 1914. Т. 2. С. 35–56.

Скалозубов Н. Л. Ботанический словарь. Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1913. Вып. 21. Ч. 2. С. 1–87.

Фини О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.

Шафров В. Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Чтения в Императорской истории и древностей при Моск. ун-те. 1871. Кн. 2. Ч. 5. С. 1–21.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. L. 1–13. Berlin, 1966–1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.91

О. А. Пашина

Государственный институт искусствознания
Москва, Россия
opash@sias.ru

Терминология пения в русских народных говорах

Обзор словарей народных говоров, а также фундаментальных публикаций по этнографии и фольклору различных регионов выявил удивительное многообразие глаголов, которые используются народными исполнителями для обозначения пения, по преимуществу громкого. Цель доклада — постараться понять основания, на которых базируется выбор глаголов, употребляемых в значении ‘громко петь’. За рамками этого сообщения останутся термины, которыми описывается специфика интонирования протяжных песен и речитативных жанров фольклора.

Первая группа глаголов со значением ‘петь’ включает производные от существительных *песня*, *кант* (партесный песенный жанр, распространенный в России во второй половине XVII — XVIII в.), *прибаска*

(припевка, частушка): *запеснять, запеснячивать* [Рудиченко, 2004, 335], *закантáвывывать*: «Как пойдёт, бывало, закантавыывать» [Востриков, 2000, 51], *прибасывать* [Рудиченко, 2004, 358].

Вторую группу составляет весьма широкий круг глаголов, имеющих исходное значение ‘кричать’ — *крычать*: «Как крыкне яна песни!» [НТКПО, 1, 558]; *крычать ва ўсю галаву* [СМЭС, 1, 22]; *кры́кать*: «Девки зарю крикали» [Востриков, 2000, 50]; *орать*: «Ребята песни оруть, поють» [Даль, 2, 690]; *гаркать*: «А мы, девки, выстроимся наперёд, песни как гаркнем!» [СМЭС, 3, 10]; *возгаркивать*: «Охотнички песенки возгаркивали» [Малеча, 1, 38]; *гейнуть*: «Тады хорам как станем на сумёт, как гейнем эту песню!» [НТКПО, 2, 356]; *вопить*: «Вот так и вопишь, кричишь гулка <колядки>» [НТКПО, 1, 607]; *хавкать*: «Утром рано, и в шесть часов придем, под окошком хáвваем — гулом все закричим» (про христославление на Рождество) [ДКСБ, 171]; *зепать*: «Зепашь-зепашь — это поёшь-поёшь, да надоедат, когда-то отдохнуть надо» [Афанасьева-Медведева, 18, 59].

Некоторые из таких глаголов «крика», используемых для обозначения громкого пения, мотивированы представлениями о широко раскрытом рте. К ним относятся *зевáть, подзевáть, зазевáнить* (ср. *разевать рот*): «Девки песни начали зевать» [Востриков, 2000, 49]; «А то набузгатыя и подзеват (песни)» [Там же, 50]; «Густой чай наварит и песни как зазеванит!» [Афанасьева-Медведева, 14, 174]; *зинуть* (ср. *разинуть рот*): «Как запоём-запоём — у-у-у! Зинем-зинем, аж вздыха не хватат» [Афанасьева-Медведева, 7, 180].

В этом смысле показательно, что о тихом пении народные исполнители говорят: *петь в полпротика* [Щуров, 1987, 76].

Громкое пение, требующее большого дыхания, может обозначаться и глаголами со значением ‘выпускать ртом сильную струю воздуха’ — *дутъ песни*: «Мы вот с ей, когда где-нибудь сидим, это гулянка, ли как ли. Или так ли прядут, вместе сопрёмся. И дум (песни)» [Афанасьева-Медведева, 13, 191], *задувáть*: «Было дело — гармониста посадят на доску (на качели. — О. П.) и задувают песни» [Востриков, 2000, 51].

Третью группу образуют глаголы, которые обычно применяются для обозначения игры на музыкальных инструментах, но могут использоваться и как синонимы глагола *петь*, — *играть, взыграть*: «Как едем, как взыграем хорам, так бывала, женщины аж плачуть» [НТКПО, 2, 346]; *гудеть* (ср. *гусельки гудут*): «Разбиваешь вот таким

вилкам навоз, и песни гудят деўки» [ППЗ, 273]; *возгудать* (ср.: «Некому въ гусли играть, / Во звончатыя возгудать» [Киреевский, 1, 21]): «Я пьяная-то возгудаю. А сегодня трезвая, дак не попеть» [Востриков, 2000, 49]; *вызванивать* (ср. *вызванивать на колоколах*): «Работать — нет, только песни вызванивать!» [Малеча, 1, 79]; *трубить*: «Трубит, поёт хорошо, высокий голос» [СРНГ, 45, 146].

В четвертую группу входят глаголы, связанные с передачей звуков живой и неживой природы, иногда со звукоподражанием, — *реветь*, *взреветь*: «Соберёмся да заревём писни» [Востриков, 2000, 50], «...там песню споём ли, взревём ли» [Афанасьева-Медведева, 7, 198]; *рывать* [СМЭС, 1, 241]; *рыкать*: «Так деўки рыкнут тут: “Дай вам Восподи Дристуныюшку нажать!”» [ДКСБ, 173]; *урчать*: «Песни урчат на голоса» [Браз, 1988, 172]; *курчать*: «Як куры, курчать бабы масленые песни» [МАГ]; *замурлычить*: «Алёша за ним поехал на коне и замурлычил песню» [Малеча, 2, 60]; *зудеть* (ср. *комар зудит*): «Гребёмся руками опять обратно и песенки зудим» [Афанасьева-Медведева, 7, 320].

В некоторых случаях употребление подобных глаголов по отношению к пению носит, как кажется, оценочный характер.

Ряд глаголов, используемых в значении ‘петь’, имеет семантику, связанную с круговым движением, что, вероятно, может объясняться многократным повторением мелострофы в песне. Например, *заверетенивать*, *заверетенивать*: «Из Катараца был Квашнин Степан Фёдорович. Здоровый, дородный. Вот мы с ним сидим за верстаком, как заверетеним. Вот я этой песне и научился» [Востриков, 2000, 50], *завихоривать*: «Ох и завихоривали песни, соберёмся с пряхом-то (прялками. — О. П.)» [Там же].

Безостановочность пения может выражаться глаголами *валить*, *наваливать*: «Прибаски одна на одну валишь» [Рудиченко, 2004, 358]; «Все девки пляшут, наваливают скоморошину» [Енговатова, 1995, 140].

Наконец, громкое пение может передаваться глаголами, которые в соответствующих диалектах имеют значение ‘бить’, ‘ударять’, что, скорее всего, связано с воздействием на человека силы звука. Например, *давать*, *здать*, *задавать песняка*: «Собирались гамызом (компанией. — О. П.) да песняка давали» [Востриков, 2000, 51], «Как задаст песняка — дак ой! — все за ём!» [Афанасьева-Медведева, 14, 123]; *песняка лупить*: «Ночь песняка лупить!» [МАГ]; *вдарить песни*: «“Давайте, девки, вдарим песни!” — вот уже и запеваем» [Пашина,

2006, 157]; *ломы́ать песни*: «Айда-ка, как она свысока ломысат песни» [Востриков, 2000, 51]; *пласта́ть песни*: «Оба пластали песни назапуски» [Там же].

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов байкальской Сибири. Иркутск, 2007–. Т. 1–.

Браз С. Л. Серафима Черанева и ее подруги // Русские песенницы наших дней / ред., сост. В. С. Виноградов. М., 1988. С. 121–172.

Востриков О. В. Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980.

ДКСБ — Духовная культура Северного Белозерья : этнодиалектный словарь / отв. ред. И. А. Морозов. М., 1997.

Енговатова М. А. Музыкальные «переговоры» в контексте ритуальной культуры Закамья // Голос и ритуал : материалы конф. (май 1995 г.) / редкол. : Е. А. Дорохова, Н. И. Жуланова, О. А. Пашина. М., 1995. С. 139–147.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия : в 2 вып. / под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. Вып. 1 : Песни обрядовые. М., 1911–1929.

МАГ — материалы экспедиции РАМ им. Гнесиных в Клетнянский район Брянской обл. 1998 г. (архив Музыкально-этнографического центра им. Е. В. Гиппиуса РАМ им. Гнесиных, Москва).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург, 2002–2003.

НТКПО — Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра : в 2 т. / науч. ред. А. М. Мехнецов. Псков, 2002.

Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. СПб., 2006.

ППЗ — Песни Псковской земли. Вып. 1 : Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / сост. А. Мехнецов. Л., 1989.

Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д, 2004.

СМЭС — Смоленский музыкально-этнографический сборник : в 3 т. / отв. ред. О. А. Пашина. М., 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987.

А. Е. Петросян

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
 Институт древних рукописей Матенадаран
 Ереван, Республика Армения
 alpehist@gmail.com

Соссюровская анаграмма в древнеармянском эпосе «Випасанк»

Древнеармянский эпос «Випасанк» («Сказители») известен из книги историка V в. Мовсеса Хоренаци [1990, 1.30, 2.50–61]. В эпосе повествуется о царях и событиях, произошедших в Армении в эпоху династий Ервандидов и Арташесидов (VI–I вв. до н. э.), с вкраплениями некоторых событий начала эпохи Аршакидов (I в. н. э.). Во второй части эпоса рассказывается о деяниях царей Арташеса и Артавазда: Арташес на войне побеждает аланское войско, похищает аланскую царевну Сатеник (Сатиник) и женится на ней. После Арташеса царит его сын Артавазд. Из-за проклятия отца он обречен на вечную жизнь в пещере горы Арарат, откуда стремится освободиться и разрушить мир. В одном отрывке эпоса сказители пели:

Tenč'ayr Sat'inik tikiñ tenč'ans
 Zartaxur xawart ew ztic' xawarci
 I barjic'n Argawanay.

[Хоренаци, 1990, 1.30]

Первая и третья строки означают соответственно: «мечтала мечты госпожа Сатеник» и «из подушки Аргавана». Вторая строка текста загадочна, но смысл всего текста сводится к тому, что царица пылала страстью к Аргавану [Хоренаци, 1990, 45, 231, прим. 170]. В условном переводе Г. Саркисяна: «Томилась царица Сатеник страстным желанием по вечноной траве и росткам побегов из подушки Аргавана».

Аргаван — князь, патриарх рода вишапазунов («драконидов, драконородных»), потомков дракона Аждахака, которых царь Тигран Ервандян несколько столетий назад поселил в районе горы Арарат. А об Артавазде рассказывали, что «дракониды выкрали младенца Артавазда и заменили его дэвом» [Хоренаци, 1990, 2.61]. Дэвы в этом контексте

тождественны вишапам-драконам, и Артавазд сам в конце эпоса выступает как вишاپ [Абебян, 1, 147–148]. Вся логика эпоса подсказывает, что в архаичной версии эпоса Артавазд был сыном Аргавана.

Фердинанд де Соссюр, изучая специфику индоевропейского поэтического языка, заметил, что в нем действовал принцип, согласно которому в тексте повторами звуков и звукосочетаний передавалось имя бога или героя, о котором говорится в тексте. Этот принцип он считал одним из самых важных в поэзии на индоевропейских языках [Starobinski, 1971, 35–39, 59–60, 126–127; Соссюр, 1977, 639–645; Иванов, 1999, 617–627]. Вот несколько примеров. В строке Гомера ὄρσας ἀργαλέων ἀνέμων ἀμέγαρτον ἀυτιήν записано имя Ἀγαμέμνων (*Агамемнон*); в сатурническом стихе на могиле Сципиона бородатого *Taurasia Cisauna Samnio cepit* — *Scipio* (Сципион), а в авестийской строке *vīspā tā pərəsq̄s yaθā ašāt hacā gəm* — *Vištāspa* (*Вшумаспа*).

В первой строке приведенного отрывка упоминается Сатеник, а в третьей — Аргаван. Но все же весь отрывок создан по принципу анаграммы (анаграмма может быть совмещена с прямым упоминанием имени героя). Так, звукосочетания *ten*, *ik* в первой строчке *tenč'ayr Sat'inik tikin tenč'ans* наряду с открытым упоминанием героини представляют анаграмму имени *Сатеник*, а во второй и третьей строках повторения *ar* и *awa* наряду с именем *Аргаван* в третьей строке можно принять как анаграмму его имени. Во второй строке по два раза повторяются звукосочетания *art* и *awa*. Очевидно, в словах *zartaxur xawart ew ztic' xawarci* можно найти анаграмму имени *Artawazd* — *art-awa-zt*. Значит, во второй строке анаграммным (тайным) способом записано имя плода тайной любви Сатеник и Аргавана — *Артавазд*.

Абебян М. Х. Труды : в 8 т. Ереван, 1966–1985 (на арм. яз.).

Иванов Вяч. Вс. Теория анаграмм в индоевропейском стихе // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1999. С. 617–627.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Хоренаци М. История Армении / пер. с древнеарм. Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1990.

Starobinski J. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris, 1971.

А. А. Плотникова

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
annaplotn@mail.ru

Слово и дело как способы магического воздействия на окружающий мир (Пчина на юге Сербии)

Рассматривается народная этимология некоторых традиционных названий южнославянских праздников. Наименования отдельных дней и праздников интерпретируются как побуждающие человека к определенным магическим действиям, для обозначения которых используются глаголы, обнаруживающие звуковые переклички с обозначениями календарных дат. При этом вербальная формула (заклинание) может отсутствовать, поскольку мотивация к тому или иному действию заключена уже в названии дня, в который оно совершается. В подобных случаях человек исходит из наименования праздника как руководства к действию, якобы благотворно влияющего на успешную жизнь, урожай и пр., ср. анализ Н. И. и С. М. Толстыми ситуаций, когда народная этимология порождает и ритуал, и устойчивые вербальные формулы [Толстой, Толстая, 1995, 260]. В докладе анализируются два примера народной этимологии наименований праздничных дней: южнославянского зимнего праздника св. Варвары (серб. *Варвара* → *варити*) и сербского летнего дня св. Вита (серб. *Видовдан* → *видети*). В качестве исходных текстов послужили записи, сделанные в 1998 г. на самом юге Сербии, в регионе Пчина на границе с Македонией.

1. В ответ на вопрос, какие обрядовые действия совершаются в день св. Варвары (4.XII/17.XII), был записан следующий текст: «*На Варвару се жито вари. Од свакојако врсте се измеша жито, било кукуруз, пченица, ама све и од гра, од леблебију, све се стави да би преко лето имало да се роди од све врсте жито. То је за тој вџрвара се каже*» <На Варвару варят зерно. Зерна каждого вида перемешиваются: кукуруза ли, пшеница ли, просто всё: и горох, и чечевица, — всё кладут, чтобы в течение лета уродилось зерно каждого вида. Вот почему говорят «варвара» (о приготовленном блюде)> (с. Ябланица). Здесь речь

идет о приготовлении обрядовой каши, названной по наименованию самого праздника, как бы определяющему действия людей в этот день. Блюдо является сакральным, о чем свидетельствует его магическое использование впоследствии, — на вопрос, принято ли оставлять часть сваренного зерна в каких-либо целях, следовал ответ: «Па оставља се за, деца се чував за обичај. Од варвару. Од свокојаке врсте, за лед су чувале. За пролив оставив, да се исуши, остављале» <Так оставляют по обычаю, когда за детьми ухаживают. От «варвары». Каждого вида (зерно), от града сохраняли. От поноса оставляют, чтобы высохлось, оставляли> (с. Ябланица). Как следует из текста, приготовленную в день праздника ритуальную кашу, состоящую из зерен разного вида, выращиваемых в хозяйстве, не только использовали в пищу, но и оставляли в медицинских целях, а также как оберег от града (чтобы град не побил те виды растений, зерна которых хранились в доме).

Приведенные тексты в сходных вариантах характерны для Восточной и Юго-Восточной Сербии. При этом само название праздника служит основой дериватов, называющих не только обрядовое блюдо, но и ряд иных обрядовых действий и реалий в этот день. Например, на самом востоке Сербии, в архаической области Горни Висок, *вървара* — сваренная в этот день каша, ритуальное блюдо из самых разных семян и зерен (фасоли, гороха, кукурузы и т. д.), а также обычай обхода маленькими девочками домов для сбора зерен для этой каши, кроме того — и сами эти зерна, когда их уже собрали в корзинки, откуда диалектное выражение *мешано као вървара* ‘перемешано, как «варвара»’ (с. Еловица, Брлог, Дойкинцы, Височка Ржана, 1998). В этом регионе каждая участница обхода, называемая *върварка*, просит по два-три зерна от каждого дома; в случае, если у хозяйки нет дочери, которая бы отправилась по домам за зернами, женщина сама берет для своей каши *вървара* понемногу зерен из корзины пришедшей к ней девочки-«варварки». Таким образом, предписание, «расшифрованное» из имени праздника, обрастает множеством новых ритуальных парадигм, реализуемых в этот день.

2. День св. Вита (15.VI/28.VI) на Пчине, как и повсеместно в Сербии, отмечен действиями, связанными с серб. *видети*: необходимо выносить из дома и проветривать у всех *на виду* (при всем белом свете) вещи, например постельные принадлежности. Кроме того, следует больше работать, браться за разнообразные дела, чтобы

всем было *видно*, что хозяин или хозяйка работающие, или чтобы сам св. *Вида / Видо увидел* и оценил то, как люди уважают труд. Бытует и представление, что этот день нельзя назвать праздником в полном смысле слова, поскольку предписывается что-либо делать по хозяйству: «Овај Видовдан, съг што је бија, изнасава се ствари, работи се нешто, преде се, копа се. *Да види Вида*. Вика, и тој се сеје просо на Видовдан, и тада. То је за тој, прошли пут кад смо биле овеј жене доле у реку све изнеле ствари, вика, *да види Видовдан* је био тој. <...> Видовдан то неје празник, *Видовдан да видив*, радим, де, месим леб. И ствари, и све живо се изнесе, да, да копаш башту, било што да рабџиш, то је на Видовдан» <Этот Видовдан, сейчас который был, мы выносим вещи, делаем что-нибудь, прядем, копаем. Чтобы видел Вида. Говорят, что сеют просо на Видовдан. Поэтому в прошлый раз, когда мы, женщины, были у реки, мы все вещи вынесли, говорят, чтобы Видовдан это видел. <...> Видовдан не праздник, Видовдан — чтобы видел, как я работаю, хлеб замешиваю. И вещи, и всё на свете выносят, и копаешь огород, хоть какую работу делаешь, это на Видовдан> (с. Ябланица).

В диалектных текстах-объяснениях предписания совершать какие-либо ритуальные действия закрепляются многократными повторами одного и того же корня (*вар-*, *вид-*).

Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Доклады советской делегации / отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1988. С. 250–264.

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
annamp@yandex.ru

Метафтонимия собственных имен в русском языке

Синтез метафоры и метонимии, называемый метафтонимией, рассматривается как стилистическое явление, употребляемое для создания образности. Осознание того факта, что «метафора часто возникает как следствие метонимии» [Падучева, 2004, 194], служит основанием для интерпретаций данного процесса как способа непрямой номинации [Goossens, 1990].

Приводимое в ряде англоязычных работ по когнитивной семантике высказывание *The ham sandwich left without paying* «Бутерброд с ветчиной ушел, не заплатив» [см., например: Markman, 1999] иллюстрирует тот факт, что традиционный метонимический перенос с предмета на человека при смещении фокуса внимания может рассматриваться как метафорический. В приведенном примере официант называет клиента, не заплатившего за обед, *бутербродом с ветчиной* на основании его сходства со сравниваемым объектом по внешнему виду, толщине и, возможно, каким-то иным признакам.

Метафора скрывает в себе метонимию; в свою очередь, метонимия способствует разумной лаконичности выражения при усилении экспрессивности создаваемого метафорой образа, например: «Москва никогда не спит. Москва всегда ест. Москва жует, проглатывает, вытирает жирные губы, Москва выпивает и закусывает, хрустит хрящами победительно» (А. Рубанов). В этом контексте метафора персонификации совмещается с метонимией: традиционный метонимический перенос «город → жители города» лежит в основе метафоры мегаполиса как живого существа, наделенного признаком хищности.

А. Н. Баранов пишет: «Традиционно считается, что в контекстах типа *Москва потребовала..., Вашингтон отказался...* реализуется метонимический перенос по смежности характеристик. В приведенных примерах представлена “смежность” по местонахождению: “правительство → город, в котором находится правительство”. Однако

некоторая модификация примеров указанного типа дает примеры, как минимум, не стопроцентно метонимические: *Москва прихорашивается к празднику весны; Вашингтон встречает вас музеями и помпезными государственными зданиями*. Эти контексты более правильно описывать как персонификацию, поскольку речь идет не о правительстве — “смежность” по свойствам исчезает: Москва осмысляется как прихорашивающаяся женщина, а Вашингтон — как встречающий вас мужчина» [Баранов, 2017, 5].

Имена руководителей государств, регионов, директоров предприятий в метонимическом употреблении называют возглавляемые ими органы власти, политические и экономические структуры. Метафоризация в контекстах с этими именами обусловлена скорее социальными, чем языковыми факторами: известный человек интересен обществу не как частное лицо, а как носитель идеологии, представитель интересов группы лиц. Поэтому разделение имени с конкретной референтной отнесенностью и вторичных номинаций (метонимических и метафорических словоупотреблений) становится сложно решаемой задачей. Например, имя *Сталин*, дважды употребленное в рамках одного фрагмента, в первом случае включено в метафорический контекст, а в конце приводимого фрагмента служит как обозначение вполне конкретного носителя имени, на что указывает эмотивный глагол *волновался*: «Решалась судьба спасенных Советской Армией евреев, над которыми в десятую годовщину народной сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения. <...> Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки. Сталин волновался» (В. Гроссман). В другом контексте — *Путин строит дороги и мосты* — акциональный предикат физического действия в обобщенно-фактическом значении несовершенного вида безотносительно к его ограниченности или неограниченности пределом указывает на метафтонимическое употребление, когда метонимия становится спусковым механизмом метафоры.

Основанием для разграничения метафоры, метонимии, конкретно-референтного употребления собственного имени и метафтонимического совмещения значений может стать семантический тип предиката и его грамматические характеристики, к которым в первую очередь относится частное видовое значение глагола. Такое разграничение принципиально важно для судебной лингвистической экспертизы, так

как установление референтной отнесенности конфликтного высказывания является ключевым этапом исследования.

Баранов А. Н. Персонификация и контексты со снятой метафоризацией // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Минск, 10–11 мая 2017 г.) / отв. ред. Л. М. Лещева. Минск, 2017. С. 4–5.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1 (3). P. 323–342.

Markman A. B. Knowledge Representation. New Jersey, 1999.

DOI 10.31168/7996-2700-3.95

Шимон Погвизд

Институт славистики ПАН

Краков, Польша

szymon.pogwizd17@gmail.com

Польско-восточнословацкие семантические соответствия в развитии континуантов лексем праславянского происхождения

Лингвисты, занимающиеся историей словацкого языка, неоднократно обращали внимание на присутствие в восточнословацких говорах элементов, свойственных лехитской подгруппе западнославянских языков. Эти сходства существуют на уровнях фонетики, словообразования и лексики, что отличает упомянутую группу от остальных диалектов словацкого языка (западнословацкого и среднесловацкого). Происхождение восточнословацкого диалекта было предметом оживленных научных споров в течение многих лет. Многочисленные фонетические и лексические совпадения в восточнословацких говорах и в польском языке способствовали возникновению гипотез о польском происхождении этих говоров или о присутствии польского субстрата на территории Восточной Словакии (такого мнения придерживались, например, С. Б. Бернштейн, С. Чамбел, З. Штибер [Krajčovič, 1974, 13–27]). Другие слависты решительно сопротивлялись этой гипотезе, считая, что восточнословацкие говоры на самом деле словацкого

происхождения, а польские языковые признаки возникли под влиянием частых языковых контактов с поляками (в том числе и с жителями польских поселений на названной территории) и имеют относительно поздний характер (такого мнения был, например, выдающийся словацкий языковед Ян Станислав [Stanislav, 1935]).

В настоящем докладе будут рассмотрены примеры польско-восточнословацких семантических параллелей в лексике, являющейся праславянским наследством. Семантика восточнословацких примеров совпадает со значениями в польском языке, но отличается от говоров на остальной территории Словакии.

Один из примеров — восточнословацкий глагол *rusac* (*kamene*) ‘бросать, метать (о камнях)’. В словацком литературном языке для выражения этого действия употребляется слово *hádzat'*, преобладающее также в западнословацком и среднесловацком диалектах. Слово *rusac* фиксируется в западной части восточнословацких диалектов (в спишских и шаришских говорах). В иных словацких говорах зафиксированы также другие глаголы в этом значении: например, в восточной части восточнословацких диалектов употребляется термин *metat'* (ужские, сотацкие и земплинские говоры) [ASJ, 4, 20]. Семантика вост.-словац. *rusac* тождественна значению польск. *rzucać* ‘бросать, метать’. При этом общесловац. *rusac'* можно перевести как ‘разрушать, ломать, сносить’, и в таком же значении оно выступает в остальных наречиях. Однако стоит отметить, что в «Историческом словаре словацкого языка» фиксируется также значение ‘бросать, метать’, сохранившееся до сих пор только в говорах Спиша и Шариша [HSSJ, 5, 187]. Слово является континуантом праслав. **rutiti / *r'utiti* < и.-е. **reu-* ‘копать, рыть’ [Boryś, 2005, 536; Králik, 2015, 516]. Семантику, схожую с общесловацкой, находим как в чеш. *zřítiti se* ‘свалиться, обрушиться’, так и в южнославянских языках, ср. болг. диал. *рутя* ‘разрушать, сносить’. Среди восточнославянских соответствий можно назвать др.-рус. *рутитися* ‘броситься (на кого-то)’ [СлРЯ XI–XVII, 22, 261], рус. диал. *рутить* ‘лить, ронять (слезы)’ [СРНГ, 35, 274].

Другим примером семантической параллели в восточнословацком диалекте и польском языке служит дериват упомянутого выше глагола — вост.-словац. *porútit'* ‘выкинуть, родить мертвое животное’. Аналогичное значение мы находим у польск. диал. *porzucić* ‘выкинуть (о животных)’ (названное значение широко распространено в польских

говорах — великопольских, мазовецких, а также в кашубском языке) [SGM, 2, 37]. Такая семантика ограничена западной частью восточно-словацких диалектов. В литературном словацком языке употребляется глагол *vyvrhnúť*.

Следующим примером семантического сходства являются континуанты праслав. *kuriti — вост.-словац. *kurić še* ‘о дыме из трубы: распространяться’ и польск. диал. *kurzyć się* ‘дымиться’ [Szewczyk, 2014, 312]. В других словацких диалектах это значение передается глаголами *kadit’ sa* и *dymit’ sa*. Общесловац. *kúriť sa* вне восточнословацких диалектов обладает другой семантикой.

Примеры польско-восточнословацких семантических параллелей представляют собой интересный объект диахронических исследований. Их анализ может помочь выяснить характер и хронологию польско-восточнословацких языковых связей.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ASJ — Atlas slovenského jazyka / red. A. Habrovštiak. T. 1–4. Bratislava, 1968–1984.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka / red. M. Majtán. T. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Bratislava, 1974.

Kralík L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

SGM — Słownik gwar małopolskich / red. J. Wronicz. T. 1–2. Kraków, 2018.

Stanislav J. Pôvod východoslovenských nárečí. Bratislava, 1935.

Szewczyk Z. Słownik gwary Lachów Sądeckich. Podegrodzie, 2014.

И. А. Подюков

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
podjukov@yandex.ru

Словарь похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья как источник сведений о региональных особенностях традиции*

По мнению исследователей, традиционный похоронный обряд русских разных регионов России в целом однороден, лишен ярко выраженных локальных вариантов [Русский Север, 661], а связанный с ним лексикон (прежде всего в силу табуированности многих представленных в нем понятий) отличается «относительной бедностью вербального оснащения» [Толстая, 2008, 441]. Консерватизм обрядности, напрямую связанной с человеческой экзистенцией и высокими эмоциональными потрясениями, свидетельствует о том, что изменение отношения человека к смерти заметно лишь в исторической ретроспективе. Универсальные архаичные представления о смерти сохраняются и в позднее время, несмотря на христианское влияние, социально-культурные изменения в обществе и разрушение сакральной культуры как таковой.

На разных территориях отмечаются прямые соответствия лексики и фразеологии обрядов, связанных со смертью. Так, выражение *пора на веники* 'о близости смерти' известно как ярославское и пермское [СРНГ, 4, 114]; название *тайная (тихая, потайная) милостьня* 'раскладывание под окнами, на крыльцах соседей даров в память об умершем' известно у старообрядцев Прикамья, в русской речи Дальнего Востока, в русских старообрядческих селах Турции, Румынии, Болгарии, Грузии [Тульцева, 2002]; название пелены и льняного пояса для пеленания умершего *свивальник* (от *свивать* 'повивать, пеленать') отмечено у забайкальских и пермских староверов.

В то же время языковые факты позволяют увидеть неравномерность изменения отдельных сторон обрядности, особенности ее

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья».

регионального развития. Наиболее заметна локальная специфика номинаций, основанных на развертывании обрядового символизма. Так, выражения *в березку* (*в березку*) *пора* ‘о крайне старом человеке’, *на выходе в березку* ‘о готовящемся умирать’, *до березки* ‘до смерти’ основаны на образе березы, известном маркере сакрального локуса (параллелизм «смерть — береза» устойчив в разных культурах, в частности отмечен в английской символике народных баллад и шекспировских текстов [Макулина, 1987, 106]). Эти же ассоциации мотивируют архангельское выражение *на березку забираться* ‘умирать’ [АОС, 15, 91].

К трансформации обрядов и, соответственно, изменению терминосистемы могут приводить социальные процессы. Пермское название женщины, которая принимает исповедание и причащает умирающего святой «иорданской» водой, *прощальница* отмечено у часовенных староверов (г. Верещагино); обычно это функция мужчины-наставника. Обряд в нынешних условиях (если наставник далеко или его нет совсем) может выполнять хорошо знающая веру женщина из близкой умершему среды. Исчезновение института *читальщиц* и замена похоронных причитаний на тексты, восходящие к книжной традиции, мотивирует появление глагола *стихарить* (Юрла) ‘петь духовные стихи в обряде сороковин (проводов души)’.

В локальной традиции может получить особую продуктивность тот или иной способ образования обрядовых терминов. Так, разнообразны в пермских говорах наименования обрядовых реалий, созданные переходом прилагательных в разряд существительных (часто в форме ср. р., которая обеспечивает элемент обобщенности): *встречное*, *хлебное* ‘подавание первому встретившемуся похоронной процессии’, *поминаное* ‘поминальное блюдо’, *проходное* ‘повязка с церковными молитвами, которую кладут умершему в гроб’, *смёртное* ‘приготовленная для погребения срядя’, *полотенешное* ‘ткань, на которой несут гроб’ (ср. в свадебном обряде *вставальное*, *вышибальное*, *подножное*, в строительном — *коньковое* ‘угощение при завершении строительства дома’). Определенное своеобразие локальной обрядовой терминосистеме придают редкие заимствования из языков народов, с которыми контактировали русские. Таково название поминальной каши-кутьи *уразница* (Кунгурский район Пермского края). Слово восходит не к слав. *ураз* ‘увече, рана’, а к тюркскому названию мусульманского поста *ураза* (его держат в том числе и за умершего близкого родственника).

Несмотря на современную формализацию и редукцию обрядов похоронно-поминального круга, в них еще достаточно ощутимы архаические элементы сакральности. Пространственная закреплённость данного вида народной культуры, как и неравномерность ее развития и разрушения, проявляется в словаре, отличающемся региональными особенностями.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.

Макулина Л. Т. Национально-культурный символизм в лексико-семантическом аспекте // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987. С. 103–110.

Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX веков / отв. ред. И. В. Власова. М., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Тульцева Л. А. Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: этнографические исследования и материалы / отв. ред. О. В. Кириченко, Х. В. Поплавская. М., 2002. С. 90–100.

DOI 10.31168/7996-2700-3.97

С. А. Попов

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
spo@bk.ru

О лексикографическом обеспечении региональных ономастических исследований

В последнее время в российском обществе наблюдается повышенный интерес к фактам местной истории и культуры. Во многих субъектах Российской Федерации значительно увеличилось количество краеведческих исследований. Не только ученые, но и местные жители стали активнее обращаться к изучению региональных ономастических

© Попов С. А., 2019

реалий. На это указывают, в частности, многочисленные публикации лингвокраеведческих материалов на страницах районных и областных газет, тематические теле- и радиoprogramмы.

Однако разрозненные публикации, особенно вышедшие небольшими тиражами, легко могут затеряться среди научных статей и монографий и не попасть на стол исследователя местной «старины глубокой», отразившейся в ономастическом пространстве региона.

Таким образом, сегодня в ряде субъектов Российской Федерации назрела острая необходимость в региональных ономастических словарях: антропонимических, ойконимических, гидронимических, микротопонимических, поскольку «в настоящее время возрастает роль словарей не только в духовной жизни общества, в осмыслении культурного наследия человечества, но и в деловом общении социума, когда лексикографические источники становятся необходимыми для работы органов власти и управления, образовательных и социокультурных учреждений» [Ильин, Сидорова, 2014, 8].

Лексикографическое обеспечение региональных ономастических исследований в Воронежской области осуществляется в основном в отношении топонимии. Топонимические процессы, происходившие на территории Воронежского края, в разное время исследовались историками, географами, лингвистами, фольклористами, журналистами. Как отмечает В. И. Супрун, «первые региональные топонимические словари созданы географами и любителями-краеведами. В них обычно отсутствует лингвистическая характеристика описываемого объекта» [Супрун, 2018, 266]. Первая лексикографическая публикация по воронежской топонимии, подготовленная историком В. П. Загоровским, увидела свет в 1966 г. [Загоровский, 1966], в 1973 г. автор издал еще один историко-топонимический труд [Загоровский, 1973]. В указанных работах содержатся сведения по истории возникновения и заселения населенных пунктов, о народах, проживавших на территории Воронежской губернии. Лингвистическое толкование топонимов не являлось целью данных исследований, поэтому объектом их стала не вся масса ойконимов региона, а лишь те из них, этимология которых наиболее прозрачна.

Журналист и краевед В. А. Прохоров в 1973 г. опубликовал историко-топонимический словарь Воронежской области, содержащий 1 200 ойконимов [Прохоров, 1973]. Автор привел этимологии известных

ему названий, его как журналиста больше интересовали достопримечательности населенного пункта — исторические хроники, известные люди, уроженцы этих мест, — нежели языковая сущность ойконима. Не все имеющиеся на карте Воронежской области названия попали на страницы издания.

В 2003 г. краевед П. А. Попов опубликовал словарь названий улиц г. Воронежа [Попов, 2003]. Профессор ВГУ Г. Ф. Ковалев в 2007 и 2017 гг. издал словари микротопонимов региона, содержащие более 20 000 словарных статей [Ковалев, 2007; 2017].

В 2018 г. опубликована книга «Топонимия Воронежского края» [Попов и др., 2018], состоящая из двух разделов: «Словарь названий населенных пунктов Воронежской области» (содержит 1 731 словарную статью — по количеству официально существующих населенных пунктов региона) и «Воронежские топонимические предания».

Таким образом, лексикографическое обеспечение региональных ономастических исследований свидетельствует о высокой степени лингвокраеведческой изученности региона.

Загоровский В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж, 1966.

Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973.

Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Теоретические основы построения словаря-справочника региональной топонимики // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 «Языкознание». 2014. № 3 (22). С. 7–16.

Ковалев Г. Ф. Микротопонимия Воронежской области : словарь. Воронеж, 2007.

Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области : в 2 т. Воронеж, 2017.

Попов П. А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003.

Попов С. А., Пухова Т. Ф., Грибоедова Е. А. Топонимия Воронежского края. Воронеж, 2018.

Прохоров В. А. Вся Воронежская земля : историко-топоним. словарь. Воронеж, 1973.

Супрун В. И. Сколько экстралингвистики может быть в топонимическом словаре? Взгляд географа, историка и лингвиста // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 февраля 2018 г.) / отв. ред. Н. Г. Брагина, А. Г. Жукова. М., 2018. С. 266–268.

Драгана Попович*, Душанка Мирич**

Университет в Нови-Саде
Нови-Сад, Сербия

*dragana.popovic@ff.uns.ac.rs

**miricdus@yahoo.com

Семантика сербских слов, означающих проявления воли

Воля является одним из самых сложных понятий в философии и психологии, которые сходятся в толковании ее как способности человека к сознательному принятию решений и сознательному действию. Сложность понятия отражена и в многозначности самого слова *воля* как в сербском, так и в других славянских языках. Как указывается в этимологической литературе, серб. (с-х.) *воља* связано с рус. *воля* ‘способность осуществить свои желания, достигнуть намеченной цели’, ‘желание’, ‘требование’, ‘приказание’; ‘свобода’, укр. *воля*, блр. *воля*, словен. *volja*, чеш. *vůle*, словац. *vôľa*, польск. *wola* и др.; общеслав. **volja*; индоевропейский корень **uel-* : **uol-* ‘хотеть’, ‘желать’ [Черных, 1, 164–165]. Исходя из определений, которые дают толковые словари современного сербского языка, семантика *воли* включает все перечисленные значения, за исключением значения ‘свобода’, при этом реализуются они в разных коммуникативных контекстах.

Воля проявляется в таких свойствах человеческой личности, как целеустремленность, настойчивость, решительность, упорство, выдержка, самостоятельность. Все эти свойства помогают человеку преодолевать не только внутренние, но и внешние препятствия в виде чужой воли. Под чужой волей здесь подразумевается как воля непосредственного участника коммуникации, так и система правил и предписаний в социуме. Столкновение с чужой волей иногда ставит человека перед выбором: подчиниться или проявить собственную волю, т. е. воспротивиться, рискуя таким образом быть отрицательно воспринятым другими. Соппротивление чужой воле в сербском языке выражается в словах, называющих поведение, свойство и способ действия. Исходя из этого, «проявление собственной воли» здесь будет рассматриваться как полевая структура, включающая существительные *упорност*, *тврдоглавост*, *својевољност*, *самовоља*, *пркос*, *инат*,

јогунство, бандоглаво́ст, задрто́ст, загрижено́ст, недоказано́ст и прилагательные *упора́н, тврдогла́в, својевоља́н, самовоља́н, пркоса́н, јогуна́ст, бандогла́в, задрт, загрижен, недоказан*.

Приведенные типы поведения / свойства объединяет то, что они, как правило, получают отрицательную оценку и в словарях толкуются с помощью слов *упорно́ст* (рус. *упорство, настойчиво́сть*) и *тврдоглаво́ст* (рус. *упря́мство*), которые не являются полными синонимами. Нашей целью является определение причин различных оценок и уточнение соотношения между словами, означающими разные типы поведения.

В данном ряду *упорно́ст* занимает особое место, поскольку получает и положительную, и отрицательную оценку. В семантике слова выделяются компоненты ‘последовательность’, ‘настойчивость’, ‘непрерывность’, что само по себе не говорит об отрицательности свойства. Положительная оценка возникает в случаях, когда преодоление внутренних препятствий субъекта представляет собой цель проявления воли: *Захваљујући својој упорности, завршио је факултет* «Благодаря своему упорству он окончил факультет». «Положительная» *упорно́ст* имеет место в контексте положительных признаков: *стрпљив и упора́н* «терпеливый и упорный», *доследан и упора́н* «последовательный и упорный», *врло упора́н и вредан* «очень упорный и прилежный». Отрицательная оценка дается в тех случаях, когда воля субъекта противопоставляется чужим ожиданиям или воле: *Због те упорности мати му се већ једном подругнула* «Мать один раз уже насмеялась над его упорством». Смысловый компонент ‘последовательность’ объединяет *упорно́ст* и *тврдоглаво́ст*, которая не оценивается положительно, поскольку воля субъекта проявляется как более твердое сопротивление чужой воле, причем цель сопротивления не является очевидной и/или оправданной в глазах наблюдателя. По оценке и по признакам ‘последовательность’ и ‘настойчивость’ к ним присоединяются *својеглаво́ст, самовоља́, својевољно́ст, бандоглаво́ст, задрто́ст, загрижено́ст, недоказано́ст, пркос* и *инат*, тогда как *јогунство* выделяется непредсказуемостью поведения и признаком ‘непоследовательность’, который связывает его с отдельным микрополем *ћудљиво́ст, хировито́ст, каприцио́зност, мушичаво́ст*. Проявление собственной воли, выраженное в словах *својеглаво́ст, самовоља́, својевољно́ст*, характеризуется индивидуальностью

поступков и принятия решений субъектом, пренебрежением правилами и предписаниями, их нарушением. *Својевољност* может оцениваться положительно, когда значение синонимично *добровольности*, т. е. когда чужая воля принимается.

В ряду *тврдоглавост*, *бандоглавост*, *задртост*, *загриженост* наблюдается разная степень силы сопротивления, возрастающая от свойства *тврдоглавост* к свойствам *бандоглавост*, *задртост* и *загриженост* (ср. рус. *упертость*, *крепкоголовость*). Оценка в таких случаях резко отрицательна, причина проявления воли видится неоправданной и неразумной. *Недоказаност* как свойство находится в стороне от этой группы, поскольку соответствующее поведение может иметь окказиональный характер.

Свойства *пркос* и *инат*, не имеющие однозначных эквивалентов в русском языке, также маркированы признаками ‘последовательность’ и ‘настойчивость’, к которым добавляется ‘вызов’: с точки зрения наблюдателя цель сопротивления непонятна, неразумна, субъект делает все наперекор, назло. Сопротивление видится как самоцель и оценивается резко отрицательно, что показано и сочетаемостью со словами, обозначающими негативные свойства: бунтарство (*бунт* и *пркос*), месть (*освета* и *пркос*), ярость (*бес* и *инат*), иррациональность (*иррационални инат*), несчастье, зло (*пркос као несрећа* и *зло*), неукротимость, гордыня (*пркос* и *неукротивост до охолости*). Положительная оценка дается реже, в первую очередь свойству *пркос*, а проявляется она в сочетаниях с такими свойствами, как нравственность (*пркос* и *висок морал*), оправданное сопротивление (*природан вид отпора — пркос*), потребность самоутверждения (*инат* и *потреба за доказивањем и такмичењем*), боевой и оппозиционный дух (*инат, тај борбени* и *опозициони дух*). Основанием для такой оценки служит компонент ‘последовательность’, к которому можно присоединить и компонент ‘выдержка’, проявляющийся в ситуациях преодоления трудностей: *Наши младалачки пркос тада нису могли сломити пендреци, претње или страх* «Наше юношеское упрямство тогда не могли сломить ни полицейские дубинки, ни угрозы, ни страх» (= мы не сдались); *Публика је била против нас, али је то створило инат код играча* (= команда выстояла и выиграла).

Признаки последовательности и выдержки, содержащиеся в семантике «волевых» слов, указывают, что в изучение проблемы следовало бы включить оценку цели или причины данного проявления со стороны

субъекта воли. Это могло бы дать более объективную картину ценностной системы у сербов, как в случае со свойствами *пркос* и *инат*, входящими в стереотип национального характера.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999.

DOI 10.31168/7996-2700-3.99

С. П. Праведников

Курский государственный университет
Курск, Россия
sprprav618@mail.ru

Ономастическое пространство курской сказки

Приступая к анализу ономастического поля курского фольклора, сосредоточим свое внимание прежде всего на топонимической составляющей этого пространства, сузив само пространство за счет жанровой дифференциации. На первый план выходят русские народные сказки, записанные в Курском регионе в разное время. На сегодняшний день завершается большая работа по формированию корпуса курских эпических текстов. Большим подспорьем для всестороннего анализа фольклорных произведений являются лексикографические комплексы, методику разработки которых успешно осваивают курские ученые. Так, увидели свет «Балладные песни Курской губернии» и «Юмористические и сатирические песни Курской губернии». Каждый комплекс состоит из четырех частей: фольклорного мегатекста, алфавитно-частотного словника, частотного словаря и конкорданса [Бобунова, 2019]. Сейчас на очереди лексикографический комплекс народных сказок, записанных в 1863 г. в Тимском уезде Курской губернии [Белкин, 1863].

Топонимическая лексика, входящая в сказочный гипертекст определенной местности, зачастую является ярким свидетельством территориального своеобразия. Топонимы, фиксируемые фольклорными памятниками, обладают потенциальной способностью быть указателями региональной принадлежности того или иного текста. В силу разных

© Праведников С. П., 2019

обстоятельств этот потенциал реализуется далеко не всегда. По свидетельству Ю. А. Новикова, такой жанр русского фольклора, как былина, характеризуется чрезвычайным обилием топонимов [Новиков, 2004], что нашло отражение и в северной сказке [Праведников, 2010, 200]. Курская сказка весьма осторожно использует топонимическую лексику. Приведем несколько характерных ситуаций, где это можно увидеть.

В курских сказках, вошедших в сборник А. Н. Афанасьева [1984–1985], находим топоним *Крым-град*, который не встречается ни в каких других текстах: «Пошел муж во *Крым-град* зелья купить, жене зельем живот лечить!» (№ 445). Отмечены и оттопонимические прилагательные, например *новгородский*: «Леший откликнулся, скинулся молодцом, *новгородским* купцом, прибежал и подарочек принес» (№ 97).

В сказках, записанных Ф. Белкиным [1863], функционирует существительное *Русь*, причем возможно сочетание *Русь-кость*, т. е. *русская кость*, к топонимии отношения не имеющее: «Прилятаить двенадцати головый змей и говорить чтой-то *Русь-кость* пахня? Она яму говорить: ты по *Руси* лятал и руссаго воздуху набралси» (№ 8). Географический объект может быть назван приблизительно, описательно, с использованием прилагательного, образованного от топонима: «Она приходит к мужу и рассказала ему про это, и говорит: <...> пойдем, Афанасьюшко, вы путь вы дорогу, вы иныя селы, в *турецкия земли*» (№ 11).

В активном использовании географических названий можно увидеть стремление придать как можно бóльшую правдоподобность повествованию. По этой же причине рассказчики обычно называют точное место, где происходило действие, описываемое ими в сказках-бывальщинах или легендах; причем это место не обязательно должно быть связано с теперешним местожительством сказочника или с хорошо известными слушателям населенными пунктами или объектами микро-топонимики, хотя чаще бывает именно так.

Во многих бытовых (и не только бытовых) сказках просматривается желание указать место действия.

Детализация пространства способствует не только погружению слушателей в сказочный мир, но и приданию большей значимости самому сказочнику, удовлетворению его стремления казаться человеком бывалым, много знающим. Чаще всего такая информация передается в искаженном виде и для искушенного слушателя выглядит неправдоподобной.

Некоторая путаница в географических названиях не смущает сказителя, она, пожалуй, выступает как необходимое условие сказочного повествования; рассказчик легко оперирует топонимами, сводя в одну разную реки, называя страну *городом* и т. п.

Таким образом, топонимическая лексика наряду с диалектными и фольклорными словами наиболее тесно связана с фактором пространственной распределенности и вследствие этого является прямым доказательством территориальной маркированности сказочного мегатекста.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. М., 1984–1985.
Белкин Ф. Сказки, записанные в Тимском уезде // Тр. Курск. губ. стат. ком. Курск, 1863. Вып. 1. С. 518–542.

Бобунова М. А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов. Песни Курской губернии. Курск, 2019.

Новиков Ю. А. Местный колорит в былинах олонечских сказителей // Кижский вестн. 2004. Вып. 9. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/322.html>.

Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии. Курск, 2010.

DOI 10.31168/7996-2700-3.100

И. С. Просвирнина, Мэнцзянь Цзя

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
prosvirniny@mail.ru

Оппозиция «трудный — простой» в русских и китайских толковых словарях

Предмет исследования — развитие значений лексем *трудный* и *простой* (в рамках изучения оппозиций со значением меры), формирование современных антонимических пар (комплексов) и сопоставление этих элементов языковой картины мира в русской и китайской лингвокультурах.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *труд* (среди прочих толкований) — ‘все, что требует усилий, старания и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все,

что утомляет», соответственно, *трудный* — ‘тяжкий, удручающий’; а также ‘мудреный, недостижимый; удрученный, отягченный’ [Даль, 4, 436–437]. По материалам русских толковых словарей [БТСРЯ; Волин, Ушаков; Дмитриев; Ожегов] *трудный* имеет от трех до пяти значений. В целом словари разделяют и противопоставляют в различных дефинициях со-значения: ‘требующий труда (усилий)’ — исходное значение лексемы *трудный*; ‘тяжелый, затрудняющий’ (обычно о неприятной ситуации); ‘доставляющий трудности’ (обычно о человеке / ребенке, его свойствах).

В этимологическом словаре китайского языка «Происхождение китайских иероглифов» [说文解字, (东汉)许慎编] «трудный» 难 (нань) объясняется с помощью описания частей иероглифа, создающих образную основу: «птица, которая была поймана»; первоначально «трудный» — ‘зажатый, затрудненный, ограниченный в свободе передвижения (птицы)’. По материалам китайских словарей [现代汉语词典; 汉语大词典] 难 (нань) — это прежде всего прилагательное, которое обозначает трудности субъекта как в физическом передвижении, так и в интеллектуальном освоении, а также и в душевном состоянии: 难句 ‘трудная фраза, трудное для понимания место в тексте’, 难过 ‘тяжело на душе’. Эти значения объединены семантикой несвободы, стеснения и противопоставлены второму значению прилагательного — ‘неприятный, грубый, некультурный, причиняющий трудности, мучительный, тягостный’, где субъект речи подвергается воздействию другого субъекта.

В качестве глагола лексема 难 (нань) обозначает ‘считать трудным, затрудняться; чувствовать затруднения’, ‘относиться с опаской, бояться’. Развитие значения от ‘быть стесненным’ до ‘бояться’ хорошо иллюстрируется русским переводом прецедентного изречения о чюньци (одно из ключевых понятий традиционной китайской культуры, условно по-английски: ‘джентльмен’; условно по-русски: ‘благородный, порядочный человек’): «Чюньци — почтителен, но не боится (= ‘не затрудняется в отношениях с властью’); спокоен, но не успокоился; скромн, но не льстит; снисходителен, но не потворствует; умен, но не расхлябан в учебе; прямодушен, но не действует наобум».

Информацию о развитии значения лексемы *простой* находим в словаре В. И. Даля [3, 512–514]. Многие из дериватов и их значений не активны или отсутствуют в современном русском языке, однако демонстрируют модели развития семантики и разнообразие

дифференциальных сем. Для В. И. Даля первое (исходное, основное) значение слова *простой* — ‘пустой, порожний’ (о посуде, о кошельке, любом вместилище). Далее, судя по контекстам и комментариям, семантика развивается до ‘опустевший, освобожденный, свободный’ (место / амбар, время) и ‘незанятый’ (человек). Так, русская поговорка *Шей да пори, не будет простой поры* раскрывает первое значение: ‘если все время исправлять плохо сделанное, то и свободного времени не будет’. Однако оно наименее сохранно в современном русском языке. Активными остаются значения ‘прямой’, ‘обыкновенный, не сложный’, ‘без украшений, без затей’, ‘нетрудный’, ‘нехитрый, неумный’, ‘не аристократичный’, ‘живущий по христианскому завету’.

В контекстах из Евангелия от Матфея *простой* приводится в положительном значении — ‘прямой, честный, вольный’ (соответствующий заповедям Христовым). С другой стороны, в народных контекстах *простой* сближается с *глупый* по модели *пустая посудина — пустая голова*. Эта модель есть и в китайском языке, где аналог *пустой головы* — «живот без туши» («живот» здесь — ‘вместилище, посудина’, которая наполняется знаниями, а знания записаны тушью).

В семантике глагола *простить* исходная сема ‘пустой’ проявляется в значениях ‘освободить, опустошить, опростать, отпустить кому-л. провинность, снять обязательство, освободить от кары, от взыскания; примириться сердцем, не питая вражды за обиду’.

В упомянутых выше китайских словарях этимологическое значение «простой» 易 (и) толкуется как «солнце и луна сменяют друг друга», где верхняя часть иероглифа 易 (и) — «солнце», нижняя — «луна», общее значение — ‘менять, меняться’. Значение ‘простой’ осмысляется как ‘сущностный, очевидный’. Смена дня и ночи — суть вещей, аксиома философии.

В современном китайском языке прилагательное со значением меры трудности 易 (и) имеет значение ‘простой’ применительно как к абстрактным понятиям («простой вопрос»), так и к реальным предметам («простое, простецкое жилье»). Значение ‘спокойный, общительный’ (о любом человеке и о демократичном правителе) также не требует пояснения для носителя русского языка. А вот глагольная семантика ‘пренебрегать; игнорировать; смотреть свысока; третировать; небрежно обращаться’ для русских неочевидна и нуждается в пояснении модели переноса и анализе контекста, например 人之易其言也, 无责耳矣 «Если

люди (слишком) просто относятся к своим речам (= пренебрегают ими), то это только потому, что они не несут ответственности (за них)».

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Волин Б. М., Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

Дмитриев — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Дмитриева. М., 2003.

Ожегов — Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М., 2011.

汉语大词典 [Большой словарь китайского языка]. Пекин, 1997.

现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. Пекин, 2012.

说文解字 [Происхождение китайских иероглифов]. Шанхай, 1988.

DOI 10.31168/7996-2700-3.101

А. Л. Пустяков

Хельсинкский университет

Хельсинки, Финляндия

esmenek@gmail.com

О русских личных именах волжских марийцев в XVII в.

В докладе на основе данных переписной книги Галицкой дороги 1678 г. рассматриваются личные имена волжских марийцев, заимствованные из русского языка. Как известно по данным памятников деловой письменности, в XVII в. антропонимикон некрещеных луговых марийцев был представлен преимущественно именами, заимствованными из тюркских языков [см., например: Pustyakov, 2018, 180–183]. Распространение русских христианских имен у марийцев обычно связывается с началом массовой христианизации народа, приходящимся на XVIII в. Однако антропонимикон волжских марийцев демонстрирует довольно сильное влияние русских имен уже в XVII в.

Переписная книга Галицкой дороги представляет особый интерес для изучения имен марийцев, так как является одним из наиболее подробных памятников деловой письменности по данной территории. Галицкая дорога в ее границах соотносится с современной территорией Волжского, восточной половиной Звениговского, южной и западной

частями Моркинского и небольшой южной частью Советского районов Республики Марий Эл. На территории Татарстана к Галицкой дороге относится незначительная область к северо-западу от Казани. В работе нами использованы данные документа по марийским волостям, прилегающим к границе Республики Татарстан, включая марийскую деревню Ковали на ее территории.

На основе данных переписной книги нами выявлены заимствованные из русского языка имена, а также определена степень их распространенности среди марийского населения исследуемой территории.

Марийское население заимствовало главным образом широко распространенные в то время христианские имена. В документе зафиксированы преимущественно модификаты календарных личных имен. Так, в проанализированных к настоящему времени материалах находим пять разных вариантов имени *Иван*: *Ванька*, *Ивашко*, *Иванко*, *Иванайко*, *Иваничко*. Наиболее распространенными у волжских марийцев являются имена *Васька* (*Васка*), *Иван* в разных вариантах, *Мишка*, *Гришка*, *Микитка*. Приведем также примеры других русских имен, зафиксированных у волжских марийцев: *Алешка*, *Андрюшко* / *Ондрюшка*, *Афонка*, *Бориско*, *Данилко*, *Емелька*, *Костенка*, *Макарко*, *Максимко*, *Микифорко*, *Пашка*, *Петрунка* (*Петрунька*, *Петрушка*), *Пронка*, *Родионко*, *Родка*, *Савка*, *Селиванко*, *Семенейко*, *Сенька*, *Сидорко*, *Стенька*, *Тимошка*, *Тишка*, *Федка* и др. При этом, судя по данным переписной книги, по шести волостям принявших христианство марийцев только двое. Остальные носители русских имен не являются крещеными. Наличие у некрещеных марийцев имен, заимствованных из русского языка, является свидетельством того, что календарные христианские имена проникли в среду марийцев до принятия ими христианства в результате лингвокультурных контактов с русским населением края. Особо примечательно, что у марийцев встречаются также русские некалендарные имена: *Замятня*, *Третьячко*, *Тренка* (< *Тренька* < ? *Третьяк* [Тупиков, 1903, 398] или народная форма от *Терентий* [Суперанская, 2010, 315]).

Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имен. М., 2010.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Pustyakov A. On the personal names of the Mari in the southwest of the Republic of Mari El in the 17th century // *Onomastica Uralica* 13 / ed. by M. Sliz and J. B. Walkowiak. Debrecen ; Helsinki, 2018. P. 175–187.

Р. В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет
Ярославль, Россия
rvrazumov@list.ru

Дескриптивные названия и проблема локализации объекта в русской урбанонимии XVII–XXI вв.

Системы урбанонимов русских городов прошли долгий путь развития. В процессе формирования неоднократно менялись принципы их создания, подходы к наименованию объектов. Цель нашей публикации — исследование того, как эволюционировали способы локализации объекта в урбанонимическом пространстве городов Ярославской области (фиксации на картах и в исторических документах XVII–XXI вв).

Дескриптивные названия, описывающие объект с точки зрения его особенностей, появились уже на ранних этапах формирования систем урбанонимов — в конце XVII — начале XVIII в. В этот период они выступали в качестве средства ориентации жителя в пространстве. Наиболее удобными ориентирами были монастыри и храмы, хорошо заметные из любой точки города, поэтому среди урбанонимов преобладали этекклезионимные наименования (*Всехсвятская улица*, Ростов, Ярославль; *Большая и Малая Рождественские улицы*, Ярославль). Еще одним удобным ориентиром являлись водные объекты (*Волжская набережная / улица*, Романов, Рыбинск, Углич, Ярославль). Единичными были урбанонимы, указывавшие на транспортные направления (*Мологская улица*, Рыбинск; *Большая Московская улица*, Ярославль), на особенности объекта в связи с деятельностью человека (*Постоялая улица*, Рыбинск; *Дворянская улица*, Ярославль), на отличительные особенности самого объекта (*Широкая улица*, Мышкин).

В течение XIX в. постепенно начинают накапливаться проблемы в локализации городских объектов: у одного и того же объекта иногда одновременно существовали параллельные названия (*Малая Романовская улица / Кучерской переулок*, Ярославль); они могли меняться, приспосабливаясь под требования горожан (*Холоповская улица* → *Румянцевская улица*, Рыбинск); в разных районах большого города возникали одинаковые онимы (*Покровские улицы*, Рыбинск). Это привело

не только к созданию первых меморативных названий, но и к появлению новых моделей дескриптивных урбанонимов. В течение XIX в. в городах стало увеличиваться количество названий, образованных от фамилий горожан, чьи дома или фабрики располагались на данных улицах (*Демидовский переулок*, *Полушкин переулок*, Ярославль); появились урбанонимы, указывающие на расположение улицы относительно элементов планировочной структуры города (*Загородная улица*, Мышкин; *Средний переулок*, Молога), на объекты растительности (*Лесной переулок*, Молога; *Луговая улица*, Данилов), формы рельефа (*Нагорная улица*, Мышкин). В этот период расширяется и выбор антропогенных ориентиров. Урбанонимы стали указывать на расположение торговых объектов (*Торговая площадь*, Пошехонье), промышленных производств (*Заводской переулок*, *Кузнецкий переулок*, Молога), транспортных объектов (*Конюшенная улица*, Углич).

Постоянное расширение городской черты, непрекращающееся освоение новых территорий определило развитие русской урбанонимии в XX в. В советскую эпоху появились новые модели урбанонимов, произошло перераспределение частотности использования существовавших до революции онимических моделей. В этот период резко выросло количество названий, указывающих на расположение промышленных предприятий (*Автозаводская улица*, Ярославль; *Кожевенная улица*, Рыбинск) и объектов транспортной инфраструктуры (*Паровозная улица*, Рыбинск; *Железнодорожная улица*, Ярославль). С помощью урбанонимии стали указывать на учреждения социальной инфраструктуры (*Институтская улица*, Ярославль; *Школьная улица*, Рыбинск, Ярославль). Начали создаваться урбанонимы, описывающие расположение объекта относительно сторон света (*Западная улица*, Рыбинск; *Северная улица*, Ярославль), особенности застройки улицы (*Прямая улица*, Ярославль; *Угловая улица*, Рыбинск), функциональное использование объекта (*Окружная улица*, Рыбинск, Ярославль). Новым явлением стало указание в названии улицы на село, поселок или деревню, когда-либо располагавшиеся на этом месте (*Веретьевская улица* < с. *Веретье*, Рыбинск; *Волгостроевская улица* < пос. *Ярволгострой*, Ярославль). По-прежнему создавались названия, указывающие на транспортные направления (*Каменниковская улица* < пос. *Каменники*, Рыбинск). Общая особенность дескриптивных названий XX в. — постепенная утрата ими своих идентификационных возможностей. Подобные

урбанонимы по-прежнему успешно локализуют объект в городской черте, однако определить его точное местоположение человеку, плохо с ним знакомому, практически невозможно. Особенно это проблематично в больших городах, в которых топонимы типа *Школьная улица* и *Заводская улица* являются малоинформативными, поскольку подобных объектов в населенном пункте может быть несколько.

DOI 10.31168/7996-2700-3.103

Мачей Рак

Ягеллонский университет
Краков, Польша
maciej.rak@uj.edu.pl

К вопросу о культурах — диалектных, общепольских, славянских

Культура — это этнолингвистическая единица, ключевое слово; его план выражения представлен одной лексемой, а план содержания настолько богат и специфичен, что благодаря культурам можно понять особенности данной национальной, этнической или региональной общности. Через культуры сообщество определяет свою идентичность; из-за частой непереводимости представляющие их лексемы этноцентричны (нередко они входят в автостереотип); они являются словами, транслирующими коллективную память.

Культуры обычно функционируют как компоненты фразеологизированных высказываний и появляются в клишированных текстах фольклора, народной поэзии, региональной литературы и в саморефлективных высказываниях. Чаще всего они выражаются существительным, которое может быть связано с универсальной и оригинальной чертой человеческого мышления — видеть мир в категории вещей [см.: Rak, 2015a, 13; 2015b; 2017].

Как известно, этнолингвистика в Польше сосредоточилась на описании языковой картины мира, языкового стереотипа и культурного символа [Bartmiński, 2005], закрепленных в основном в народном материале. Концепция культуры, разработанная в книге «Kultury

podhalańskie» [Rak, 2015a], также касается зависимости между диалектом (точнее, двумя его уровнями — лексическим и текстовым) и народной культурой и, несомненно, попадает в сферу этнолингвистических исследований. Имеем ли мы дело с народной, национальной или сравнительной этнолингвистикой? Материал, подвергаемый анализу, конечно, позволяет отнести монографию к области народной этнолингвистики, но специфика культурем означает, что следует также говорить о сравнительной этнолингвистике. На самом деле отправной точкой является специфика мышления гуралей, в результате чего в работе можно обнаружить элементы этносоциологии, этнопсихологии и этнофилософии.

Целью этнолингвистических словарей является реконструкция традиционного образа мира и человека. В свою очередь, цель изучения славянских культурем должна заключаться в том, чтобы указать, что нас идентифицирует и, в конечном счете, отличает от других жителей Европы (не славян). Несомненно, этот подход также выявит различия между *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*.

Bartmiński J. Folklorystyka, etnonauka, etnolingwistyka — sytuacja w Polsce // *Literatura Ludowa*. 2005. T. 49. № 6. S. 5–13.

Rak M. *Kulturemy podhalańskie*. Kraków, 2015a. (Biblioteka LingVariów. T. 19).

Rak M. Co to jest kulturem? // *LingVaria* — 10. 2015b. Z. 2 (20). S. 305–316.

Rak M. *Kulturemy* — nowa perspektywa badań etnolingwistycznych // *Tekst i dyskurs* — Text und diskurs. 2017. № 10. S. 217–227.

Тимо Рантакаулио

Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия
timo.rantakaulio@helsinki.fi

Топонимические ареалы к востоку и западу от границ, установленных Ореховецким и Тявзинским мирными договорами

В работе рассматриваются топонимические ареалы, образованные в древней Карелии границами, установленными двумя мирными договорами — Ореховецким, заключенным Новгородом и Швецией в 1323 г., и Тявзинским, заключенным Россией и Швецией в 1595 г.

Конфликт 1293–1323 гг. между Швецией и Новгородом, завершившийся Ореховецким миром, возник в результате противостояния интересов двух новых, уже христианских, европейских государств при завоевании земель языческих племенных образований сумь, емь, корела и др. к северу от Финского залива. Сначала Новгород побеждал в борьбе за влияние, но впоследствии Швеция оказалась сильнее, что отражается и в топонимии региона.

Древняя граница интересов и отчасти расселения западных и восточных групп, которые в конце железного века в основном уже были прибалтийско-финскими племенами, проходила с юго-востока на северо-запад современной Финляндии, примерно от устья реки Кюми на Финском заливе до устья одной из рек на Ботническом заливе, где граница со временем постепенно сдвигалась в сторону все более северных рек.

Существует много географических терминов, общих для всей прибалтийско-финской общности, а тем более для северной группы этих языков. Однако государственные границы, утвержденные Ореховецким и Тявзинским мирными договорами, здесь породили новые и изменили старые топонимические ареалы.

В качестве первой группы можно выделить славянские заимствования, усвоенные еще в древнекарельскую эпоху, но имеющие разную форму выражения на новгородской и шведской стороне: ср. *opotta* ~

opatto ‘большой огороженный земельный надел; группа огороженных полей; выгон’ и др.

Следующие группы формируют термины, свойственные только одной из сторон: *vaara* ‘гора’ и др. в Кореле, на шведской стороне — корень *rV(V)nV-* в названиях труднопроходимых мест и др.

Расширение Шведского государства на восток в средние века наглядно иллюстрируется ареалами собственно финского термина *-rahka* ‘моховое болото’ в стратегических точках на древних границах или к востоку от них.

Полоса между границами характеризуется, например, группой названий капищ и священных рощ *hiismäk, hiisvuor*’ с группой коррелятивных названий *hiis(i)vuara* по восточную сторону границы.

Приведенные нами примеры позволяют судить:

1) о существовании разных диалектов еще в составе древнекарельской языковой общности и их развитии до современных форм прибалтийско-финских языков и диалектов;

2) о контактах с новгородскими славянами и их влиянии на духовную культуру и хозяйственную деятельность в Карелии;

3) о выделении средневековой Карелы как самобытной этнокультурной общности в составе Великого Новгорода, а потом в составе Московской Руси;

4) о становлении шведской государственности в Выборгской Карелии и дальнейшем развитии Западной Карелии в составе Финляндии;

5) о заселении края и становлении материальной и духовной культуры на территории между границами Ореховецкого и Тявзинского мирных договоров.

Т. П. Романова

Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С. П. Королева
Самара, Россия
romanovatr@mail.ru

Ивентоним как особый тип рекламного имени

Современная наука отмечает прогресс в развитии периферийных разрядов ономастической лексики, выполняющих рекламную функцию. К числу таких разрядов относятся собственные имена массовых мероприятий и специальных событий — фестивалей, выставок, марафонов, конкурсов, ярмарок, различных акций и презентаций: *международная экспедиция «Жигулевская кругосветка на собачьих упряжках Volga Quest»*; *экстремальный марафон «Хрящевка Challenge»*. Состав этого разряда онимов постоянно пополняется и быстро эволюционирует.

Собственные имена массовых мероприятий традиционно рассматриваются в составе геортонимов, которые определяются как собственные имена праздников, памятных дат, торжеств, фестивалей: *День Победы, или Праздник Победы (9 Мая)*, *«Москва—80»* (фестиваль) [Подольская, 1988, 48].

Календарный праздник — это потенциальная возможность события, связанная с определенным моментом времени (Рождество, Новый год), которая может быть реализована во множестве конкретных специальных событий. Например, в связи с праздником Новый год — 2019 в Самаре было организовано более 260 мероприятий: *фикси-шоу «Разбуди Деда Мороза»*, *киноелка «Приключения в МорозКино»*, *новогодняя ночь «Между нами тает LED»*, *экскурсия «Новогодняя планета Хаски»* и др.

Таким образом, собственные имена календарных праздников (народных, религиозных, этнических, государственных, международных) и специально созданных событий принципиально отличаются. Исследователи отмечают разный узуальный статус этих имен [Врублевская, 2004, 129]. Два разных типа онимов целесообразно рассматривать отдельно и обозначать разными терминами: *геортоним* — имя календарного праздника, *эвентоним / ивентоним* — имя специального события.

Термин *эвентоним* (от лат. *eventus* ‘событие, случай’ и греч. ἔβουα, ἔβουα ‘имя’) предложил П. Н. Донец для обозначения собственных имен событий (в широком смысле) [Dones, 2002, 36–38]. Этот термин используют зарубежные лингвисты, например Э. Хоффманн в исследовании собственных имен политических событий [Хоффманн, 2008, 92–93].

В составе эвентонимов выделяется группа рекламных собственных имен специально организованных событий, *ивентов* (англ. *event*), по отношению к которым лучше использовать вариант термина *ивентоним*, чтобы обеспечить прочную связь с типом обозначаемого объекта.

Ивентонимы отличает прагматическая направленность и рекламная функция, которую они реализуют за счет информативных, аттрактивных и суггестивных компонентов, экспрессивности и эмоциональности стилистической окраски: *Межрегиональный фестиваль набережных «ВолгаФест»*, *Летний фестиваль ветра, парусов и свободы «Жигулевское море. Лето—018»*.

Ивентонимы, в отличие от имен календарных праздников, относятся к числу искусственных образований и целенаправленно создаются для презентации концепции продвигаемого события. Они имеют прозрачную внутреннюю форму и представляют собой развернутые конструкции, которые носят описательный характер (*VII Международный фестиваль национальных кукольных театров*) либо включают объемный терминологический компонент, подробно описывающий тип мероприятия, его статус, место и время проведения: *V Губернский фестиваль самодельного творчества «Рожденные в сердце России»*.

Ивентонимы, как правило, не входят в состав узуальных номинаций. Они являются недолговечными речевыми конструктами, созданными для продвижения конкретного события, за исключением имен регулярно повторяющихся специальных событий: *25-й экологический марафон «Самарская Лука»*, *Гастрономический фестиваль «Жигулевская вишня—2018»*. Номинации серийных мероприятий приближаются к эргонимам, за ними стоит постоянно действующий специальный институт.

Яркой особенностью ивентонимов является связь с языком рекламы. Они реализуют свои функции благодаря поддерживающим контекстам презентации мероприятия (логотип, креолизованный рекламный текст, событийная ситуация). На практике могут использоваться вариативные формы названия: *Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина*, *45-й Фестиваль авторской*

песни им. Валерия Грушина, Грушинский фестиваль. Согласно правилам русской орфографии, индивидуализирующий компонент должен выделяться кавычками, которые могут отсутствовать: *Фестиваль активного отдыха Жигулевское море. Зима—2017*. Границы этого разряда онимы размыты, поскольку контексты не всегда содержат признаки проприального статуса рассматриваемых наименований.

Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике : дис. ... д-ра филол. наук / Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2017.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Хоффманн Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации // *Вопр. ономастики*. 2008. № 5. С. 90–104.

Dones P. N. Zum Begriff des Eventonyms // *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS*. 2002. P. 35–41.

DOI 10.31168/7996-2700-3.106

И. И. Русинова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Пермь, Россия
irusinova@mail.ru

Ойкать, ахатъ и охатъ: семантика причинения магического вреда (по данным русских диалектных словарей и мифологических текстов)

Вредоносное магическое влияние на человека, хозяйство и скот, по представлениям носителей традиционной крестьянской культуры, может осуществляться по-разному. Основными видами такого воздействия у славян являются порча и сглаз. По данным словаря «Славянские древности», вредоносный результат порчи «достигается с помощью разных форм контактной магии, сглаз осуществляется исключительно нематериальными способами воздействия и не обязательно злонамеренно» [Левкиевская, 2009, 597].

В докладе рассмотрена семантика глагольной лексики междометного происхождения, в которой реализуется идея сглаза через похвалу.

В современном обществе (причем не только традиционном) существуют коммуникативные правила, нарушение которых может привести к сглазу. Одно из таких правил — запрет на похвалу, особенно маленьких детей и молодняка скотины. Считается, что особой вредоносностью обладает похвала, выраженная излишне эмоционально и сопровождаемая восклицаниями *ой, ах, ох*, ср.: «Дочь у меня маленькая ещё была. У нас тоже вот родственница. А говорят, ребёнка ведь с ходу нельзя хвалить. Она зашла, пошла на автобус и бегом-бегом-бегом: “*Ох, ах!*” — и ушла. Она <т. е. дочь> у меня разревелась, разревелась, ничего не помогает» (с. Усть-Зула Юрлинского района¹) [ФА ПГНИУ]; «У меня первый сын рос, он до ц’его глазу боялся, он у меня такой полный мальчишка, хороший. Пришла соседка: “*Ой, Славик, какой ты большой, хороший!*” <...> Вот я сутки не могла ниц’его с ним сделать» (д. Евсино Юсьвинского района) [Знатки, 158]. При этом наиболее строгий запрет налагается на междометие *ой*, сопровождающее похвалу: «Вот “*ой*” — самое противное слово. Скажут: “*Ой, какой у вас ребёночек хороший!*”, глядь — а ребёнок уж заболел» (с. Романово Ильинского района) [ФА ПГНИУ]; «“*Ой*” говорить не положено, лучше скажи “*Ох!*”» (Верещагинский район) [Христофорова, 2010, 322].

Междометия *ой, ох* и *ах* послужили деривационной базой глаголов, обозначающих восклицание для выражения неожиданной радости, удивления, испуга и т. п. Однако в русских мифологических текстах о сглазе семантика этих глаголов иная. Сема говорения дополняется другой — семой причинения магического вреда. Следовательно, глаголы *ойкать, ахать, охать* можно истолковать следующим образом: ‘произносить сопровождающие похвалу восклицания «ой», «ах», «ох», тем самым (обычно произвольно) причиняя вред кому-, чему-л.’: «Нельзя *ойкать*, чтоб не изурочить» (пос. Юго-Камский Пермского района); «Козу изурочили: “Коза да коза”. Чё *охать* да *ахать*! Вот и испортили!» (с. Ермия Чернушинского района) [ФА ПГНИУ].

На основе данных глаголов возникают другие, образованные по модели «*о-/об-* + отмеждометный глагол», которые выражают идею причинения магического вреда более отчетливо, например глагол *обойкать*: «Не ойкай над ребёнком. Говорить “ой” нельзя. <Почему?> Ну почему-то нам всегда так говорили. *Обойкивать* не надо»

¹ Здесь и далее: населенные пункты относятся к Пермскому краю.

(Т. Н. Туктамышева, Пермь; запись предоставлена Ю. В. Зверевой). Надо сказать, что данная модель, в которой принимают участие глаголы речи, в русских говорах довольно активна. По данным [СРНГ, 22, 332–333; 23, 87, 102], это *оговорить*, *озевать*, *озыкать*, *озычать* и др., имеющие значение ‘сглазить’. В пермских мифологических текстах есть глагол *окаркать* с тем же значением. Как правило, глаголы образованы от слов, обозначающих громкие, резкие звуки. В соответствии с данной моделью могут возникать единицы, корни которых называют и другие способы причинения магического вреда: *одумать*, *обсмеять*, *обхохотать* (д. Евсино Юсьвинского района) [Знатки, 158], *обзарить*, *обизорить* [СРНГ, 22, 52, 62].

Проанализировав данные диалектных словарей и тексты русских мифологических рассказов, мы пришли к следующему выводу: глагольная лексика, выражающая в русской языковой традиции идею сглаза словом, часто содержит семы, указывающие на чрезмерную силу эмоций. Уже сама похвала является отходом от нормативного коммуникативного поведения, а похвала, выраженная эмоционально, тем более. Вообще действия, сопровождаемые сильными чувствами, эмоциями, в традиционном обществе не приветствуются. Стоит вспомнить в связи с этим проклятия, «посылания» ребенка к лешему и т. п. В таких текстах выражается не только идея причинения вреда объекту злопожелания, но и повышенная экспрессия. Точно так же традицией ограничивается длительное выражение вдовой скорби, тоски по умершему мужу, сопровождаемой сильными чувствами, слезами, и т. п.

Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2013.

Левкиевская Е. Е. Сглаз // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 597.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ФА ПГНИУ — фольклорный архив Перм. гос. нац. исслед. ун-та (Пермь).

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.

М. Э. Рут

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
moerut@yandex.ru

Об ономастике и диалектной лексикографии (из опыта работы над дополнениями к «Словарю говоров Русского Севера»)*

Для лексикографов-диалектологов всегда стоит вопрос о целесообразности включения в диалектный словарь ономастических данных: индивидуальных и коллективных прозвищ, хрононимов, астрономов, топонимов. Аргументом «за» является отражение в региональной ономастике диалектных слов, часть из которых сохранилась только в составе данного онима. Аргументом «против» служит развитие собственно ономастической лексикографии, где имена собственные должны занять свое место и получить все необходимые комментарии.

В разные периоды существования диалектной лексикографии и для разных классов собственных имен вопрос решался по-разному: составители дореволюционных словарей тяготели к включению собственных имен в словарные статьи, словари советского периода, как правило, от них отказывались. Прозвища включаются в диалектные словари чаще, чем топонимы. Достаточно часто в словарях присутствуют хрононимы, однако, скорее всего, потому, что их статус как имен собственных не является общепризнанным. Астрономы фиксируются достаточно редко, но это объясняется раритетностью самого материала в современных русских говорах.

Вопрос о включении собственных имен стоял в свое время и перед составителями «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС]. Вступительная статья к первому тому словаря обходит этот вопрос молчанием, однако в корпусе этого тома имена собственные отсутствуют, хотя местные топонимы, личные имена, оттопонимические прилагательные, входящие в состав устойчивых выражений, представлены достаточно широко.

---

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00385 «Словарь говоров Русского Севера: дополнительные материалы».

© Рут М. Э., 2019

В последующих томах отмечается достаточно последовательное включение хрононимов. Этому нарушению заданного принципа есть ряд объяснений: во-первых, методики полевого сбора диалектной лексики Топонимической экспедиции Уральского университета в последние десятилетия приобрели ярко выраженную этнолингвистическую направленность, и сведения о знаменательных датах народного календаря естественно вписываются в общий контекст собирательских бесед; во-вторых, народные хрононимы часто представляют собой местную переработку общеизвестного хрононима, отражают фонетические и словообразовательные черты местного диалекта; наконец, в говорах нередки факты апеллятивизации хрононимов, возникновение отхрононимических образований различной семантики.

Работая над томом дополнений к словарю, составители находятся в ситуации принятия решения: включать или не включать хрононимы. С одной стороны, вышел полный словарь хрононимов [РНК], где исчерпывающе представлены материалы полевых сборов на территории Русского Севера. С другой стороны, в основной корпус на А–М многие хрононимы уже включены, они есть и в черновых материалах дополнений (полевые сборы последних двух десятилетий), в том числе с географией, ранее не отраженной.

Докладчик надеется на обсуждение вопроса, какое из двух предложенных решений стоит выбрать.

РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингв. словарь / под ред. Е. Л. Березович. М., 2015.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

И. А. Седакова

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
irina.a.sedakova@gmail.com

Нетрадиционные ценности и их традиционные корреляты (2): карьера, самореализация, лидерство*

Разделение ценностей на «традиционные» и «нетрадиционные» в данном докладе предложено не нами и даже не исследователями-гуманитариями, а заявлено в общей теме для грантов на сайте европейского Фонда ERA.net в 2017 г. В рамках полученного от этого фонда гранта ученые российско-болгарско-словацкой группы пытаются провести по возможности более четкую линию между двумя обозначенными категориями, условно говоря — между ценностями «новыми» и «старыми». Разграничение, как нам кажется, может идти по нескольким параметрам [Седакова, *в печати*].

Первое и основное различие лежит в области формальной, т. е. собственно терминологии: слова *ценности*, *ценный* мы вряд ли услышим в современном значении ('важный, значимый') в экспедициях в традиционной сельской среде. Скорее, они будут соотноситься с чем-то, что имеет стоимость, материальное выражение. Это приложимо и к русскому, и к болгарскому языкам, где используется корень *цен-* в одном и том же значении. Рус. *ценности*, болг. *цености* в патриархальной культуре будут соотноситься скорее с материальной стороной и обозначать то, что имеет «стоимость» (семейное кольцо, нивы, скот)¹. Таким образом, когда мы говорим о *традиционных ценностях*, сам термин следует считать искусственным, он не используется в подобной функции носителями культуры, а потому мы принимаем его как рабочий, сугубо в исследовательских целях. Обнаружение,

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED-SW).

¹ Материально ценный объект может приобретать и духовную ценность — как родовая память, знак конфессиональной принадлежности (четки, иконы, Библия и пр.).

составление списка и изучение ценностей в традиционной картине мира будут происходить через анализ слов, фольклорных и этнографических контекстов, которые высвечивают значимые, важные координаты в жизни человека.

В «новом» мире, городском и подверженном сильному западному влиянию, слово *ценности* встречается именно в этом — терминологическом — значении и соотносится с определенным набором важных для индивидуума или общества понятий. Причем они артикулируются и даже декларируются: *мои ценности, ценности компании, ценностные ориентиры общества* и т. д.

Бросаются в глаза и другие различия между «традиционными» и «нетрадиционными» ценностями, например происхождение слов, их обозначающих. Так, «нетрадиционные» декларируемые ценности зачастую — но не всегда — являются относительно новыми заимствованиями, тогда как «традиционные» чаще всего описываются общеславянской лексикой.

Кроме того, заметны и различия в иерархии и составе «традиционных» и «нетрадиционных» ценностных понятий. Здесь же мы сделаем важную оговорку, что многие «традиционные» ценности, несмотря на динамику оценки, не отмирают: семья, труд, здоровье, красота и пр. по-прежнему входят в базовый список ценностей общества. Однако их наполнение и прагматика значительно меняются.

В докладе мы подробнее остановимся на кардинальной, очень явной, казалось бы, смене аксиологических парадигм — процессе устаревания и ухода «новых» ценностей (нередко частичного, как это было с языческой парадигмой культуры при принятии христианства, в недавнее время — с изменением социалистической идеологии²). Противопоставляются ли «новые» и «старые» ценности, вытесняют ли они друг друга и всегда ли актуализация новых ценностей связана с новым терминологическим аппаратом?

Представляется, что у «нетрадиционных» ценностей нередко есть «традиционное» соответствие (или пара, выражающаяся синонимом, возможно, не совсем точным). Так, например, обстоит дело с ценностными концептами «талант», «успех», «удача» [Седакова, *в печати*].

---

² См., например, о «советских» и «постперестроечных» ценностях в монографии Е. Л. Безручич [2014, 423–436].

Но бывают и иные случаи — термин в традиционном словаре отсутствует, а ближайшие корреляты следует искать в ассоциативном ряду, привлекая целое семантико-аксиологическое поле. Для примера в докладе мы рассмотрим современные концепты «карьера», «лидерство», «самореализация» в русском и болгарском языках. Эта лексика относительно новая, заимствованная, она не обнаруживается в аутентичном традиционном лексиконе и фольклорно-этнографическом контексте, а потому здесь надо исследовать весь комплекс значений и затем уже сравнивать аксиологическое наполнение концептов применительно к патриархальной и современной картине мира. Корреляты обнаружить можно, но различия будут весьма значительны — как в плане формы и содержания, так и в плане прагматики и аксиологического дискурса.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Седакова И. А. Есть ли у нетрадиционных ценностей традиционные корреляты (1): *талант, успех и удача*. В печати.

DOI 10.31168/7996-2700-3.109

О. В. Семенова

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

semenova@454.ru

Ономастикон сказок Ф. Н. Свиньина*

Актуальность выбранной темы обусловлена нечастым обращением исследователей к изучению имен собственных, представленных в фольклорных текстах. Между тем функционирование в произведениях устного народного творчества различных индивидуализирующих артефактов, среди которых наиболее частотны имена героев и названия мест, требует особого внимания: через анализ фольклорных онимов разрешаются вопросы не только ономастические, но и этнокультурные,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

© Семенова О. В., 2019

несущие знание о духовных и материальных предпочтениях народа, особенностях социума.

Не менее актуально включение в подобные исследования региональных фольклорных текстов, в эстетическом содержании которых переплетаются универсальные и специфические векторы видения мира. В заявленном докладе будет представлен анализ имен собственных, зафиксированных в сказках беломорского сказителя конца XIX — начала XX в. Ф. Н. Свиньина, которые стали доступны для научного сообщества и широкого читателя лишь в 2016 г. [Свиньин].

Большая часть текстов, записанных от Ф. Н. Свиньина, — волшебнo-фантастические сказки (70 %), изобилующие именами собственными, среди них — антропонимические единицы (около 60 на 1 130 употреблений), топонимы (9 на 14 употреблений), зоонимы (2 на 15 употреблений) и др. Все имена собственные паспортизированы в базе данных, являющейся своеобразным электронным ономастиконem, включающим различные информационные поля: текстовые, содержащие сюжетно-ролевые функции имени собственного (представляется бытование имени в пространстве текста; определяется роль персонажа, объекта и прочих индивидуальных реалий; дается характеристика персонажа — возраст, внешность, интеллект, характер, поведение, социальный статус, профессия, национальность); ономастические (определяется разряд онима, способ номинации субъекта / объекта, структурные особенности именования, мотив номинации и пр.); экстралингвистические (выявляются преемственность и уникальность отдельных персонажей, а следовательно, и их имен; представляются различные этнокультурные, социальные параметры бытования имени в русском фольклоре вообще, связи имени с устной и литературной традицией в целом). Такая предварительная работа позволяет быстро вычленить из ономастического массива необходимые для анализа разноаспектные материалы. Например, описать состав антропонимикона, в котором, помимо частотных мужских и женских имен (*Иван, Василий, Алексей, Александр, Яков, Андрей, Петр, Федор, Степан, Михаил; Светлана, Мария, Анастасия, Евдокия, Апраксина, Серафима* и пр. — имена даны в порядке убывания частотности), представляющих христианскую традицию, отмечаются также индивидуальные номинации, отсылающие нас к дохристианскому миру (*Горазд, Горыня, Змиулан, Кряжия, Лукопёр, Наплав, Сильфида, Улан, Усыня* и др.).

Их внутренняя форма имеет одновременно мифологическое и характеризующее происхождение.

Интересными являются нестандартные по структурным особенностям многокомпонентные употребления (*не мал человек*) или факты, отсылающие к литературной европейской традиции (ср. имя героя поморской сказки *Кадрус*). Отметим также, что диминутивы, столь любимые другими сказочниками, и народно-бытовые варианты усеченного имени в сказках Ф. Н. Свиньина почти не встречаются. Единичные случаи использования уменьшительно-ласкательных суффиксов (*Иванушко, Васинька, Яшка*) характерны лишь для имен отдельных мужских персонажей.

Заметим, что на фоне устойчивости сюжетов, традиционных сказочных формул проявляются индивидуальные особенности сказителя. Традиционные зачины трансформируются в сказках Свиньина («В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, недалеко от морских берегов стояло большое село, а звали его *Сумпосад*» [Свиньин, 163]), на фоне традиционно-сказочных онимов появляются реальные топонимы, номинации людей и т. п.: *Баренцево море, Сумский посад*, председатель колхоза *Балагуров*, колхоз «*Восход*», посудина «*Чайка*» и др.

Интерпретация функционирования сказочных имен, анализ их внутренней формы, способов и мотивов номинации вписывается в историко-литературный контекст эпохи.

Свиньин — Избранные сказки Ф. Н. Свиньина / сост. О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко, подгот. к публ. А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2016.

О. В. Смирнов

независимый исследователь
Екатеринбург, Россия
ovsmirnov@mail.ru

Реконструкция мерянского языка на основе топонимических данных: математико-статистический подход

В докладе представлены предварительные результаты реконструкции вымерших волжско-финских языков (далее ВВФЯ) Центральной России. Обычно в отношении этих языков употребляют термин *мерянский язык*, однако, как показывает материал, он достаточно условен: оперируя им, мы должны иметь в виду, что анализируем пестрые факты, принадлежавшие разным языкам и диалектам.

Сложность работы заключается в том, что большинство субстратных топонимов предположительного мерянского происхождения допускает различные этимологии с опорой на прибалтийско-финские, саамский, марийский, мордовские или даже пермские и угорские языки. Вопрос наибольшей вероятности этимологий решается субъективными эмпирическими предпочтениями их авторов. В связи с возможностью различных этимологических интерпретаций ключевым фактором в решении вопросов реконструкции ВВФЯ является разработка объективных критериев предпочтительности той или иной этимологии. Подобные объективные критерии может дать математика, а именно вычисление математической вероятности случайности или неслучайности совпадений.

В качестве исходной предпосылки для выстраивания математического аппарата взят факт наличия межъязыковой омонимии лексем. Чем короче слово, чем больше допущения вариации звуков, тем выше вероятность нахождения созвучного ему слова (межъязыковая омонимия) в другом языке. Математические расчеты показывают, что на макротерритории — среди нескольких тысяч субстратных основ — вероятность найти случайное соответствие слову из трех-четырех звуков л ю б о г о я з ы к а настолько велика, что делает подобные сравнения бессмысленными.

Для того чтобы снизить вероятность случайных соответствий, необходимо уменьшить массив анализируемых субстратных основ (причем желательно, чтобы они принадлежали одному языку), т. е. ограничить анализируемую территорию м и к р о р е г и о н о м. С этой целью в обширном регионе Центральной России для анализа было выбрано два микрорегиона: юг Ярославской обл. (далее ЮЯО) и Владимирско-Суздальское Ополье (далее ВСО).

Первый микрорегион соотносится с археологическим ареалом летописной мери вокруг озер Неро и Плещеево [Леонтьев, 1996, 29–50]. Второй микрорегион также выделен с опорой на археологические памятники мери по левому берегу Клязьмы между бассейнами рек Колокша и Нерль [Там же, 193–214]. Согласно археологическим данным, поселения мери в ЮЯО и ВСО датируются VI–XI вв. н. э., это были родственные этнические группы, которые находились в тесном общении друг с другом [Там же, 292].

В ЮЯО выделено 420 иноязычных топонимов, в которых отражено 350 топооснов (некоторые из них повторяются), в ВСО найдено 225 топонимов с 200 топоосновами. Главным источником информации послужила картотека из архива А. К. Матвеева. Эти массивы по отдельности методом этнического моделирования сравнивались с корпусами наиболее частотных топооснов прибалтийско-финских, саамского, мордовских и марийского языков (от 60 до 120 топооснов каждого языка). Для каждой топоосновы определена вероятность случайного совпадения с учетом длины основы и допущений о вариациях звуков в свете исторической фонетики сравниваемого языка. На основе этих вероятностей вычислено, сколько топооснов каждого языка найдут совпадения в сравниваемом массиве топонимов, если это не родственные, а «случайные» языки (т. е. в случае межъязыковой омонимии). Так, на массиве в 350 субстратных основ эта величина составляет от 11,5 % до 13 % (по разным языкам — разная в зависимости от длины основ и количества допущений), т. е. примерно каждая восьмая топооснова найдет случайное совпадение на любой сравниваемой территории. На массиве в 200 субстратных основ уровень случайности совпадений — от 6,7 % до 7,8 %. Сравнение по четырем языкам дало статистические величины, отраженные в нижеследующей таблице.

Сравниваемые топоосновы языков-эталонов	Юг Ярославской области (ЮЯО)			Владими́ро-Сузда́льское Ополье (ВСО)		
	Вероятность случайного совпадения основ в сравниваемом массиве	Фактическое количество совпадений основ	Коэффициент неслучайности	Вероятность случайного совпадения основ в сравниваемом массиве	Фактическое количество совпадений основ	Коэффициент неслучайности
Мордовские	11,8 %	45 %	3,8	7,0 %	36 %	5,1
Марийский	13,1 %	41 %	3,1	7,8 %	33 %	4,2
Прибалтийско-финские	11,5 %	34 %	3,0	6,7 %	20 %	2,9
Саамский	11,7 %	32 %	2,7	6,9 %	17 %	2,5

Важно, что исходные эмпирические предпосылки, положенные в основу математических расчетов, едины, а значит, соотношение величин и их распределение репрезентативны и формально объективны.

Выводы из математико-статистического анализа.

1. Наиболее важным показателем является коэффициент неслучайности совпадений, который мы вычисляем путем деления фактически полученных совпадений на количество совпадений, математически ожидаемых при случайной межъязыковой омонимии. Чем выше коэффициент неслучайности, тем более вероятна генетическая близость сравниваемых языков. Одинаковое распределение коэффициента неслучайности по двум разным микрорегионам в порядке убывания (мордовские — марийский — прибалтийско-финские — саамский) объективно свидетельствует в пользу родства топонимии этих двух микрорегионов и о том, что такое распределение закономерно.

2. Выше всего коэффициент неслучайности получается при этническом моделировании мордовских языков (т. е. при сравнении «мерянских» топонимов с наиболее частотными основами живой мордовской топонимии). В связи с этим в отношении микрорегионов летописной мери можно говорить о большей близости субстратных языков этих территорий к мордовским языкам. Это положительно соотносится с данными археологии о том, что мерянский археологический

материал ЮЯО и ВСО ближе всего к муромскому и древнемордовскому [Леонтьев, 1996, 293–294].

3. В микрорегионе Ополя (ВСО) неслучайность совпадений с мордовским и марийским более четко выражена на фоне прибалтийско-финских и саамского языков, чем в микрорегионе ЮЯО. Это может быть связано с большей разнородностью топонимии ЮЯО. Подобный вывод тоже хорошо согласуется с археологическими данными, свидетельствующими о сосуществовании в микрорегионе ЮЯО во второй половине I тыс. н. э. поселений мери с поселениями позднедьяковской культуры, которая формировалась под сильным балтским влиянием [Леонтьев, 1996, 238]. Это значит, что в ЮЯО субстратная топонимия может принадлежать не одному, а по меньшей мере двум ВВФЯ, а также содержать не финно-угорские (балтские) элементы.

Это объясняет некоторые факты. Например, гидронимические форманты *-баж/-бож/-наж*, частотные в ЮЯО, не представлены в ВСО — они тяготеют к западу и территориально соотносятся с «волжско-финской» частью позднедьяковской культуры. В то же время гидронимические форманты *-Вкуша* и *-Vga*, ойконимические форманты *-бол/-бал*, широко представленные в ВСО, «выклиниваются» в западной («позднедьяковской») части ЮЯО. Есть повторяющиеся топоосновы, представленные только в западной части ЮЯО (по правобережью Волги, в районе Углича и Мышкина), часть из них этимологизируется на базе прибалтийско-финских языков, ср. р. *Курба*, р. *Курбица* ~ фин. *korpi* ‘глухой лес’.

Вычисление и объективное, математически выверенное сопоставление вероятности отдельных этимологий — это вопрос последующих этапов работы. В настоящее время при этимологизации топонимов летописной мерянской территории их близость к мордовскому материалу заставляет обратить внимание именно на мордовские языки.

Приведем в связи с этим один пример. Населенные пункты *Большая* и *Малая Брембола* расположены к востоку от оз. Плещеево. Примечательны археологические данные: в 5 км к северо-западу от н. п. *Большая Брембола*, возле н. п. *Городище* находится овраг *Бремболка* с мерянским селищем, а еще чуть севернее — археологический памятник Александра Гора [Леонтьев, 1996, 47]. Последний представлял собой мерянское городище, единственное в округе мерянских селищ вокруг оз. Плещеево, что подчеркивает важность этого места

для мерян. Стечение согласных в начале слова необычно для финно-угорских топонимов и в подобных случаях связано с выпадением редуцированного гласного. Это позволяет обратить внимание на морд. эрз. *пирямс* ‘городить, загородить, окружить’, *пире* ‘огород’ < прафин.-волж. *pire ‘круг; ограничивать’ [UEW, 384]. Освоение топонима русским языком происходило в X в., когда славянские поселения появляются по соседству с мерянскими в районе озер Неро и Плещеево, поэтому финно-волжский *i мог в то время адаптироваться в виде редуцированного древнерусского гласного (ср. возможную адаптацию гласного *i в виде редуцированного в речных гидронимах *Гза* и *Гда* [Матвеев, 2015, 108]), т. е. *Пьрембола > *Брембола*. Компонент *-ем-* в *пьрем является отражением продуктивного в финно-волжских языках суффикса **-m* [ОФУЯ, 345], образующего инфинитивы, причастия и существительные от глаголов, ср. морд. эрз. *пирямю* ‘загораживание, окружение’. Таким образом, название н. п. *Городище* является метонимической калькой по отношению к *Бремболка*. По каким-то причинам название *Брембола* было в дальнейшем перенесено на современные н. п. *Большая* и *Малая Брембола*, которые находятся немного в стороне от н. п. *Городище* и оврага *Бремболка*.

Все сказанное нельзя понимать однозначно в том смысле, что мерянский язык был диалектом мордовского или прамордовского. Приведенные факты пока не дают для этого достаточных оснований. Во-первых, коэффициент неслучайности совпадений с марийским языком тоже достаточно высок, особенно в микрорегионе ВСО, и ряд топонимов здесь этимологизируется исключительно на базе марийского языка. Во-вторых, эмпирические данные показывают, что высокие значения коэффициента неслучайности совпадений на уровне порядка 3 или 4 демонстрирует и сравнение наиболее распространенных топонимических основ таких достаточно далеких друг от друга языков, как, например, мордовский и марийский. «Распутать» сложный узел ВВФЯ, отделить друг от друга наследие разных субстратных языков на мерянской территории должен помочь дальнейший анализ топонимии соседних микрорегионов, на которых, по археологическим данным, в средние века были распространены волжско-финские этнические группы.

Леонтьев А. Е. Археология мери: к предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург, 2015.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / под общ. ред. В. И. Лыткина. М., 1974.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1986–1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.111

О. С. Смирнова

газета «Знамя Победы»
Сухой Лог, Россия
olga19732007@yandex.ru

Региональный именной во времена антропонимического «половодья» 1930-х гг.

Революционные изменения в русской антропонимии 1920–1930-х гг., вызванные отказом от прежней многовековой традиции именования по церковным святым, затронули все регионы России — от европейской части до Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Покажем, как был вовлечен в процесс антропонимического «половодья» женский именной рабочий поселок Сухой Лог, расположенного в 114 км северо-восточнее Свердловска (Екатеринбурга). Чтобы увидеть материал в динамике, к исследованию привлекаются данные именных срезов за три года: 1933, 1935 и 1938 гг. Имена были извлечены из алфавитных книг к записям актов о рождении, которые хранятся в сухоложском загсе.

По данным Сухоложской районинспектуры народно-хозяйственного учета (архивный отдел Администрации Сухого Лога), численность населения в поселке в 1933 г. составляла 7 500 человек, в 1935 г. — 8 268 человек (сведения за 1938 г. отсутствуют).

Количество девочек, родившихся в эту пятилетку, выросло более чем вдвое: от 98 в 1933 г. до 209 в 1935 г. и 211 в 1938 г. В два раза увеличилось и число имен, которые использовались при наречении: в 1933 г. их было 31, в 1935 г. — 55, а в 1938 г. уже 63.

Именник расширился и качественно изменился за счет притока новых антропонимов — таких, которых не было у русских до 1917 г. Больше всего их на периферии именника, в группах единичных имен. Особенно показательны в плане активности именных неологизмов данные 1935 и 1938 гг.

Перечислим имена, которые единожды использовались при наречении новорожденных в 1935 г.: *Автоттеда, Адонаида, Ала, Аля, Антонида, Вера, Галентина, Гульжиген, Зинаида, Зоря, Зоя, Ира, Ирина, Ия, Ленна, Любава, Люция, Магдалина, Мартолина, Миля, Наталья, Нелли, Нида, Ника, Райса, Рида, Рима, Римма, Розина, Руфина, Софья, Татьяна, Шажида, Эла, Юлья*.

Выясняется, что из 35 имен только 12 (34 %) относятся к традиционным календарным. Это *Антонида, Вера, Ирина, Ия, Зинаида, Магдалина, Наталья, Нида, Ника, Римма, Софья, Татьяна* (включенность этих имен в святцы устанавливалась по словарям [Петровский, 2000; Суперанская, 2005], а также по исследованию [Сулова, Суперанская, 1991]). Остальные 23 имени — это неологизмы.

Для сухоложского именника 1930-х гг. характерны те же пути обновления, на которые указывал в свое время В. А. Никонов, освещающая тему послереволюционной перестройки системы имен в Европейской России [Никонов, 1967, 104–105]. Здесь мы видим и приток новых заимствований, и создание собственно неологизмов, и использование в качестве паспортных именовании неофициальных или искаженных форм имен.

Приведем собственно неологизмы, зарегистрированные у родившихся в Сухом Логе в 1930-е гг.:

- 1933 г. — *Ида*;
- 1935 г. — *Автоттеда, Адонаида, Галентина, Ленна, Октябрина, Мартолина*;
- 1938 г. — *Ида, Идия, Маргарина, Нинель*.

Показательно, что состав имен количественно меняется и в целом не повторяется от года к году. Мотивы появления представленных неологизмов не всегда очевидны. Прозрачно по мотивации имя *Нинель*, производное от псевдонима *Ленин*, и *Мартолина*, указывающее на месяц рождения его носительницы (по документам загса, девочка была зарегистрирована 10 марта). К слову, еще один неологизм с аналогичным мотивом — *Октябрина* — встречается в именнике 1935 г. дважды. Помимо идеологической подоплеки, он также имеет привязку

к месяцу появления на свет одной из носительниц (новорожденная была зарегистрирована 13 ноября). Разговорным вариантом имени *Идея* считается неологизм *Идия*, созвучный настроениям времени революционных перемен [Суперанская, 2005, 389].

Другая заметная тенденция нового имянаречения — использование на официальном уровне имен, которые ранее употреблялись только в обиходном общении. В исследуемом материале обращают на себя внимание такие именованья, как *Аля, Ира, Зина, Лида, Маруся, Миля*, зарегистрированные в 1935 г., *Лера* — в 1938 г.

Если на периферии именника отмечаются новшества, то в ядерной его части все достаточно традиционно: в тройке самых употребительных стабильно удерживают позиции календарные имена *Галина, Валентина* и *Нина*, причем не только в 1933 г., но в 1935 и в 1938 гг.

Никонов В. А. Личные имена в современной России // *Вопр. языкознания*. 1967. № 6. С. 102–111.

Петровский Н. А. *Словарь русских личных имен*. М., 2000.

Суперанская А. В. *Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание*. М., 2005.

Суслова А. В., Суперанская А. В. *О русских именах*. Л., 1991.

DOI 10.31168/7996-2700-3.112

А. И. Соболев

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
kroikoi@yandex.ru

Ономастические данные писцовых книг как источник реконструкции языковой ситуации (на примере Юго-Восточного Обонежья)

Решать указанную проблему заставляет отсутствие прямых исторических свидетельств о проживании неславянского населения на территории Юго-Восточного Обонежья (бассейны рек Андомы, Вытегры, озер Муромского и Тудозеро), тогда как прибалтийско-финские черты,

главным образом вепские и карельские, сохранились здесь на всех языковых уровнях.

Проблема актуальна и для других территорий ввиду распространения прибалтийско-финской субстратной топонимии с запада на восток, от Приневья до Примезенья, а с севера на юг — от Пошехонья до Кольского Севера.

При этом письменные исторические источники, во-первых, содержат ранние формы топонимов, что значительно увеличивает достоверность этимологий, а во-вторых, позволяют по косвенным данным реконструировать языковую ситуацию на определенной территории в тот или иной период. Особая ценность данного вида источников заключается в том, что они могут содержать сведения не только об относительной, но и об абсолютной хронологии языковых процессов.

С точки зрения привязки языковых процессов к абсолютной хронологической шкале нас интересуют отантропонимные ойконимы, производные от имен жителей, время проживания которых можно установить, а также топонимы, изменяющиеся в соответствии с особенностями субстратных языков или косвенно свидетельствующие о синхронном существовании иноязычных форм топонимов.

Отвечающие указанным требованиям отантропонимные топонимы Юго-Восточного Обонежья можно разделить на четыре основные группы.

1. Названия пустошей, упоминаемые в 1563 и 1583 гг., содержащие имена жителей из предыдущего «письма» 1496 г. по следующему типу: «д. на Куржаксе ж Олексейков след *Кейчина*» (1563) [ПК, 197], отсюда *Кейчин (*1496, с. Куржекса), восходящее к прозвищу, соотносимому с ижор. *keit'ša* 'прозвище балующейся и скачущей девочки', *keit'saDa* 'шалить, баловаться, резвиться, возиться' [IMS, 151], вод. *keitsata* 'скакать, подпрыгивать', 'шалить' [VKS, 414] (ср. *Кейчюев* (1563, Шуйский погост) [ПК, 122]). Таким же образом реконструируется *Ребуев (*1496, с. Куржекса) < вепс., карел. *Reboi* (антропоним) < вепс., карел. *reboi* 'лиса'.

2. Отантропонимные ойконимы, одинаковые с источником-антропонимом в плане содержания, но различные в плане выражения (разноязычные):

Вашюевская, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1496 г.: «д. на Тагажме: во дв. *Васко* Нестаров да сын его Якимка» [Там же, 10]:

вепс. *Vašoi, карел. *Vuaššoi — формы календарного личного имени *Василий*;

Патроева гора, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1496 г.: «д. на Тагажме: во дв. *Патрекейко* Захаров да его дети, Фофаник да Максимко да Митка» [Там же, 10], ср. вепс., карел. *Patroi* — форма календарного личного имени *Патрикий* (нар. *Патрикей*).

3. Случаи калькирования ойконимов и антропонимов (как синхронного, так и диахронного):

Петроевская, д. (1563, р. Тагажма) [ПК, 209], в 1583 г.: *Петровская* [ПКЗ, 267], ср. карел., вепс. *Pedroi — форма календарного личного имени *Пётр*;

Ребосельга, поляна (Андома), в 1583 г.: «пустошь на *Лисьей горе*» [ПКЗ, 246]: вепс. **Reboisel'g*, где *reboi* 'лиса', **sel'g* 'поросшая лесом гора, сельга', или карел. **Rebosel'gä*, где *rebo* 'лиса', *sel'gä* 'кряж, возвышенность, холм, гора';

Сенка Чимак (1496, с. Марково) [ПК, 12]: карел. *Šimakka — форма календарного личного имени *Симеон* (нар. *Семён*, *Сен(ь)ка*).

4. Отантропонимные наименования починков (их названия зачастую образовывались от имен основателей):

Емкоевская (1563, р. Тагажма), «новоприбылой» починок, возникший после 1496 г.: «во дв. Савка *Омельянов*» [ПК, 210]: вепс. *Jemkoi — форма календарного личного имени *Емилиан* (нар. *Емельян*, *Омельян*).

В свою очередь, о синхронном существовании иноязычной формы топонима косвенно свидетельствует одновременное бытование русских форм *Гакукса / Вакукса речка / Акукса речка* (1563, с. Гакугса) [ПК, 188, 201, 202] < вепс., карел. *Nakus (основа **Nakukse-*) или *Naahkus (основа **Naahkukse-*). В этих формах прибалтийско-финский [h] передавался различными способами или исчезал.

Таким образом, анализ ономастических данных писцовых книг свидетельствует о наличии на территории Юго-Восточного Обонежья в XV–XVI вв. населения, использовавшего прибалтийско-финские (вепсский и карельский) языки.

ПК — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1 : Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930.

ПКЗ — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Т. 3 / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341.

IMS — Inkeröismurteiden sanakirja / toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971 (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XVIII).

VKS — Vadjä keele sxnaraamat / peatoim. V. Hallap. T. 1–7. Tallinn, 1990–2011.

DOI 10.31168/7996-2700-3.113

Петр Сobotка

Университет Николая Коперника

Торунь, Польша

psobotka@umk.pl

Этимология и смысловое развитие севернославянских коннекторов, образованных от местоимений*

Объектом изучения являются севернославянские коннекторы. Под *коннекторами* понимается группа лексем, имеющих соединительную функцию; это союзы, относительные местоимения, некоторые предлоги или частицы и т. д. Коннектор связывает предложение или его часть с тем, что ему предшествует. Термин *севернославянские языки* объединяет западнославянские и восточнославянские языки. Они противопоставлены южнославянским языкам, которые в IX в. были отделены от других групп славянских языков в результате вторжения мадьяр на территорию Среднедунайской низменности, что обусловило самостоятельное языковое развитие двух частей общеславянского ареала. Об этом разделении свидетельствуют различные реализации фонетических процессов, а также результаты грамматикализации, что является наиболее значимым в контексте настоящего исследования.

---

* Научная работа выполнена в рамках гранта Министра науки и высшего образования РП под названием «Национальная программа развития гуманитарных наук» на 2018–2023 гг., номер проекта 11Н 17 0066 85.

© Сobotка П., 2019

Индоевропейские местоимения довольно легко трансформировались в наречия (ср. польск. *nijak*₁), предложные наречия (польск. *bodaj*), союзы (чеш. *totiž*), частицы (словац. *jistotní*), артикли (ср. франц. *le, la* из лат. *ille, illa*; нем. *der, die, das*; болг. *-тъ, -ма, -мо*), словообразовательные (польск. *-owaty*) и флективные морфемы (ср. праслав. **-jь, *-ja, *-je*). Грамматикализация местоимений определяется четырьмя механизмами, которые преобразуют местоимения в другие части речи:

1) семантическая деривация, ср. праи.-е. **h₂jó-* > праслав. **jь*; праслав. **tu* > польск. *tu*, рус. *тут*, ср. польск. *Kogo by tu poźreć...* [НКJP];

2) словосложение, ср. рус. *потом* < **po* + **tomь, no(э)тому* < **po* + **tomu, после* < **po* + **sь* + **lě*. Этот механизм представлен тремя основными типами: «местоимение + местоимение» (ср. праи.-е. **id-tó-* > праслав. **jьst-* > чеш. *na-jisto*); «предлог + местоимение» (ср. чеш. *nadto, přitom*); «местоимение + частица» (ср. чеш. *když, již*);

3) словообразовательная деривация, и особенно суффиксация, например праи.-е. **k^uó-/ *k^uí-* > лат. *qui-d* (ср. праслав. **k-d-*), польск. *g-dzie*, чеш. *vš-ak, jedn-ak* и т. д.;

4) образование параллельных конструкций и редупликация, ср. польск. *toto*, польск. *to a to, tu i tam, ni stąd, ni zowąd*, рус. *так и сяк*.

В докладе рассматривается историческое развитие славянских коннекторов, образованных от предлога и указательного местоимения, например польск. *zatem* ‘следовательно’ от *zatytm* ‘за этим’. Из таких сложений в зависимости от языковых и внеязыковых факторов образуются союзы или частицы (см. табл.).

	Русский	Польский	Чешский
Союз	(как) будто, из-за того что, кроме того что, оттого (что), после того как, потому (что), затем (что(бы)), зато	<i>dlatego, nato-miast, ? przeto, toteż</i>	<i>proto(že), přestože, zatímco, zato</i> (ср. также: <i>anžto, jakožto, ježto, kdežto, kdyžto, přičemž</i>)
Частица		<i>nadto, ponadto, poza tym, przeto, przy tym, zatem</i>	<i>beztoho, kromě toho, nadto, potom, přitom, totiž, zato</i>

Данные коннекторы можно разделить на два основных типа: *de dicto* и *de re*. Первоначально местоимение в коннекторах *de dicto*

играло роль местоимения с референцией к предложению, а в коннекторах *de re* выступало в качестве анафорического местоимения (с референцией к объекту, о котором идет речь), ср. следующие примеры:

▪ чеш. «Slyšeli jste, co jest řečeno dávno starým: Oko za oko a zub za zub. Ale já vám *nadto* praví: Neprotiviti sě zlému»;

▪ ст.-рус. «С тѣхъ угодеи, которые написаны в Двинскихъ писцовыхъ книгахъ, оброчныхъ денегъ взять нѣ на комъ, *потому* Кулисково посаду крестьяне во 149-мъ году разбрелись врознь от збору нашимъ ратнымъ людемъ на жалованье».

Эта дифференциация привела к сегодняшнему различию (хотя и нечеткому) между связывающими частицами и союзами. Связывающие частицы, образованные сложением предлога и местоимения, развивались гораздо более продуктивно в западнославянских языках, чем в восточнославянских. Мы полагаем, что это может быть связано с влиянием латыни на западнославянские языки (а не греческого на восточнославянские) как литургического языка-источника. Древнеславянский материал показывает, что местоименные формы на **to* этимологически образованы от местоимений, имеющих различные функции. По-видимому, это основная причина, по которой из них формируются разные части речи. Функция предлога в этих сложениях также интересна. Он тоже грамматикализуется и в сложении выполняет соединительную роль — связывает объект, о котором говорится в предложении, с содержанием *de re* или одно содержание с другим. Эта связь может «прочитываться» как вертикальная (ср. *сверх того*), горизонтальная (ср. *по + тому, за + тем*), внешняя (ср. *кроме того*), внутренняя (ср. *в том*).

Т. П. Соколова

Московский государственный юридический университет

им. О. Е. Кутафина

Москва, Россия

tsokolova58@mail.ru

Стратегии внутригородской номинации Москвы

Анализ практики внутригородской номинации побуждает ономастологов не только обобщать опыт именования пространственных и коммерческих объектов в разных городах Российской Федерации, но и выстраивать модель городского пространства [Шмелева, 2014], выявлять типологические черты урбанонимов больших и малых населенных пунктов [Разумов, 2018], размышлять «о стратегических подходах к означиванию фрагментов городского пространства» [Голомидова, 2017, 187]. Сбор и обобщение материалов по внутригородской номинации Москвы [Соколова, 2016, 127–190], а также многолетняя работа в Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы позволяют автору выявить специфику стратегий городской номинации столицы.

До 1917 г. формирование топонимии Москвы происходило в основном в русле естественной номинации, наименования «снизу» возникали и утрачивались в результате естественного развития города: после пожаров, сноса старых зданий, перепланировок.

Из ранних стратегий искусственной номинации (волевым решением, «сверху»), которые применяла Московская городская Дума, следует указать устранение одноименности (*Церковных, Банных, Косых, Тупых* переулков) и борьбу с неблагозвучными названиями (например, *Староживодерный переулок* в 1891 г. был переименован во *Владими́ро-Долгоруковскую улицу*).

Основной стратегией номинативной деятельности Моссовета 1918–1922 гг. была борьба с «царскими» названиями, сокращение количества религиозных и частновладельческих названий и увековечение событий и героев революций 1905 и 1917 гг., а также других исторических личностей (с предшествующим обсуждением в специальной

комиссии); в 1930–1940-е гг. ведущим стал курс на индустриализацию (*шоссе Фрезер, Электрический переулок* и пр.). Специфика московской номинации в эти периоды выражалась в количестве подобных, типичных для всего советского пространства, наименований и переименований (например, 28 объектов *имени В. И. Ленина* [Ерофеев, 1985]), а не в особенности стратегий. Далее, с ростом территории города, на первый план выходит номинация по бывшим населенным пунктам, постепенно поглощаемым Москвой, что типично для любого развивающегося мегаполиса.

С 1950-х гг. именно статус столицы СССР стал оказывать большое влияние на московскую городскую номинацию: резиденция главы государства и Правительства СССР (позже РФ), представительства субъектов федерации, дипломатические представительства иностранных государств, Академия наук, головные НИИ по основным направлениям промышленного, сельскохозяйственного, социального, гуманитарного развития, университеты и вузы и пр. способствовали резкому увеличению количества мемориальных названий. В топонимах находила реализацию политика лояльности по отношению к зарубежным коммунистическим партиям и дружественным режимам: сразу после смерти политического лидера следовало постановление об увековечении его имени: улицы *Саляма Адиля* (1963), *Куусинена* (1964), *Сальвадора Альенде* (1973), *Луджи Лонго* (1981) *Улофа Пальме* (1987) и др. Осознавая неизбежность искажения чуждых русскому языку онимов, комиссия нашла некий компромисс: иноязычными именами называть не улицы, а площади, не имеющие нумерации домов, соответственно, менее употребительные в речи: *Хо Ши Мина, Иосифа Броз Тито, Джавахарлала Неру* и др. Что касается сохранения памяти об отечественных политических и военных лидерах, деятелях науки, культуры, то действовал тот же принцип, а количество мемориальных наименований соответствовало концентрации предприятий, учреждений, научных, общественных, культурных, спортивных организаций столицы, в результате формировалась своеобразная неэтичная «очередь» на номинацию.

Отрицательная практика стремительного превращения Москвы в некрополь была учтена при разработке Закона «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы», принятого Московской городской Думой 8 октября 1997 г., согласно

9 статье которого «присвоение улицам имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан России и зарубежных стран может производиться только новым улицам и по истечении не менее десяти лет со дня смерти указанных лиц». Однако «политическая необходимость» привела к внесению дополнения в указанную статью: «за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Российской Федерации и/или Мэром Москвы». Сегодня «рекомендовано» трактуется заинтересованными лицами преимущественно как «согласовано», и указанный десятилетний срок не соблюдается, а меморативная стратегия номинации превалирует (в период с января 2015 г. по сентябрь 2018 г. из 124 названий 109 присвоены в память о политических деятелях, военачальниках, академиках, архитекторах и др.).

Стратегии номинации девелоперов наталкиваются на противодействие со стороны общественных организаций; стратегии Департамента транспорта и Центра организации дорожного движения Москвы не всегда соответствуют ономастическим критериям; органы местного самоуправления Новой Москвы часто не учитывают законодательно закрепленные принципы номинации в старой Москве. Поэтому в резолюции круглого стола «Наименования городских объектов: право, медиа и национальная идентичность», прошедшего 14.11.2018 в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, подчеркивается необходимость разработки новой общей стратегии развития урбанонимии Москвы на основе осуществляемого в Институте Генплана Москвы проекта «Геоинформационная топонимическая база города Москвы».

Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // *Вопр. ономастики.* 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.

Ерофеев И. А. Имя Ленина на карте Москвы // *Вопр. географии.* Сб. 126 : Географические названия в Москве / отв. ред. Е. М. Поспелов. М., 1985. С. 24–32.

Разумов Р. В. Меморативы деятелям культуры в системах урбанонимов Российской Федерации // *Уч. зап. Ярослав. гос. пед. ун-та.* 2018. Т. 25. С. 170–174.

Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М., 2016.

Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен, 2014.

Р. А. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
suleimanova-r@mail.ru

О происхождении некоторых башкирских фамилий

Вопросы, связанные с происхождением башкирских фамилий, обсуждаются давно, однако системных исследований в этой области пока очень мало [Гарипов, Сиразетдинова, 1976; Тупеев, 2008; Сулейманова, 2013].

Значимым в этой ситуации оказывается то, что к настоящему времени есть достаточно много исследований, посвященных фамилиям тюркских народов — родственников башкир. Согласно этим работам, в тюркоязычной среде представители имущих классов начали получать фамилии в XVII в., а в народных массах они получили распространение только в XIX в. Это справедливо и для башкирского народа, что, в частности, подтверждается анализом антропонимов, зафиксированных в сборнике документов [ДМИБН].

В связи с проблемой происхождения башкирских фамилий в докладе мы коснемся этимологии некоторых именовании, засвидетельствованных в указанном документе.

Сырымов. В «Формулярных списках» отмечено четыре именовании с этим компонентом: *зауряд-есаул Абдулвахит Абдрафиков сын Сырымов*, *урядники Багман Юзеев сын Сырымов*, *Сейфульмулюк Шафиев сын Сырымов* и *старшинский писарь Абдулзелиль Абдрафиков сын Сырымов* [ДМИБН, 1, 650–652]. Все они из пятой юрты 10-го кантона (Бирский у.; д. Верхнее Мончарово нынешнего Илишевского района Башкирии). Село Верхнеманчарово было основано башкирами Ельдякской волости Казанской дороги на собственных вотчинных землях, поэтому *Сырымов*, вероятно, связано с личным именем *Сырым* (*Бисубин*): так звали человека, который в 1700 г. вместе с Султанбеком Мятиковым и другими земляками получил царскую грамоту «с прочетом» о подтверждении владельческих прав на вотчинную землю, которой «истари де владели прадеды и деды, и отцы их». Древнетюркское имя

Сырым буквально означает ‘терпеливый, выносливый’; в наши дни этот антропоним чаще всего встречается у казахов.

Бисубин. Этот антропоним является отчеством или родовым прозвищем Сырыма. Он восходит к древнему личному имени *Бейсуба*, состоящему из двух компонентов: *бей* и *суба*.

Второй компонент, вероятно, происходит от субэтнонима. В раздельном письме башкир-минцев к царю Алексею Михайловичу упоминаются «сыновья Чуплековых»: *Идельсуба, Кадырсуба, Минлисубы, Яксуба* [БШ, 223]. Родовое название *суба / субы* выступает в этом ряду объединяющим, показывая общее происхождение именуемых [Кусимова, 1975, 25]. Башкирский род *суби* относится к племени *мин*. По мнению Р. Г. Кузеева, формы с компонентами *суби* и *мин* «могли означать “край (область) минцев”, “удел минцев”, “страна минцев”» [Кузеев, 1974, 309]. Антропонимы с фонетически близким компонентом отмечены в чувашских языческих именах (*Алчуба, Илсува*) [Магницкий, 1905, 26, 43].

БШ — Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

Гарипов Т. М., Сиразетдинова Г. Б. Фамилии башкир в русских документах XVII–XVIII вв. // Ономастика Поволжья. 4 / отв. ред. В. А. Никонов. Саранск, 1976. С. 129–132.

ДМИБН — Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842 гг.): Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы : в 2 кн. / сост. А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа, 2012–2014.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / РТП БФАН СССР. Уфа, 1975.

Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

Сулейманова Р. А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа, 2013.

Тупеев С. Х. Башкирские фамилии. Уфа, 2008.

В. И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
suprun@vsru.ru

**Орнитонимы в славянских антропонимах:
какие названия птиц стали
именами собственными славян**

Мир птиц издревле привлекал внимание человека. Парящие в небесах существа поражали своей загадочной жизнью, вызывали чувства восторга и страха, отражающиеся во многих легендах, обычаях и суевериях, которые закрепились в фольклорных и художественных текстах. Названия птиц стали основой для антропонимов во многих языках мира. Люди выбирали сами или получали от родителей оторнитонимические пожелательные и защитные имена: человек с таким именем будет столь же крепким, успешным, смелым, красивым, как птица. Антропонимизация этих слов основывалась на метафорическом использовании орнитонимов, на их включении во фразеологизмы, на народных традициях, обычаях и суевериях и пр.

Можно предположить, что антропонимическое использование орнитонимов является если не универсалией, то лингвальной фреквенталией. У разных народов «птичьи» имена представлены с разной частотностью употребления, с различным набором популярных орнитонимов, имеются различия в тот или иной период функционирования антропонимикона в конкретной лингвокультуре, однако в целом имена и фамилии, восходящие к наименованиям птиц, встречаются повсеместно: англ. *Nightingale* < *nightingale* 'соловей', *Wren* < *wren* 'королек', *Hawkins* < *hawk* 'ястреб, сокол', *Seagul* < *seagull* 'чайка', *Bird*, *Byrd*, *Byrde* < *bird* 'птица'; франц. *Rossignol*, *Roussigneux* < *rossignol* 'соловей', *Merle*, *Lemerle* < *merle* 'дрозд', *Colomb*, *Colon*, *Colombeau* < *colombe* 'голубь'; нем. *Falck*, *Falke*, *Falcke* < др.-в.-нем. *falc(h)o* 'сокол', *Vogel* < *vogel* 'птица'; латыш. *Balodis* < *balodis* 'голубь', *Vanags* < *vanags* 'ястреб', *Gulbis* < *gulbis* 'лебедь', *Gailis* < *cālis* 'цыпленок'. В Китае в состав антропонимов входят иероглифы 鸡 'курица', 鹊 'сорока', 鹅 'гусь' и др.

Но, пожалуй, самое большое распространение фамилии от названий птиц, восходящие к соответствующим именам и прозвищам, получили у славян. Их частотность у русских так поразила финского слависта В. Р. Кипарского, что он даже предположил, будто у восточных славян был культ птиц. Вступив с ним в полемику, В. А. Никонов говорил о хозяйственной и бытовой роли пернатых в жизни русских, а позже высказал предположение о финно-угорском субстрате подобных антропонимов [Никонов, 1988, 176]. Общеславянский фон не позволяет согласиться с этой идеей.

В русском этносообществе фамилии с орнитонимической основой входят в число частотных: *Соколов* — 7-е место, *Лебедев* — 14-е, *Орлов* — 21-е, *Соловьев* — 28-е, *Воробьев* — 33-е, *Гусев* — 39-е, *Сорокин* — 44-е [Журавлев, 2005, 134–135]. Другие подсчеты, основывающиеся на иной методике, показывают близкую картину фреквентативности этих фамилий: *Соколов* — 4-е место, *Соловьев* — 12-е, *Голубев* — 17-е, *Воробьев* — 20-е, *Орлов* — 27-е, *Гусев* — 33-е, *Куликов* — 38-е, *Сорокин* — 42-е; отмечается широкая представленность этих антропонимов в восточной и центральной части территории проживания русского народа и отсутствие их в двадцатке популярных фамилий на севере и юге [Балановская и др., 2005].

К украинским «птичьим» фамилиям относятся *Боцян*, *Булько* (от названия аиста), *Галаган* ('индюк'), *Гоголь* ('дикая утка'), *Зозуля* ('кукушка'), *Качура* ('утка'), *Перепелица*, *Соловей*, *Горобец* ('воробей'), *Чапля* ('цапля'), *Шнак* ('скворец') и др. [Унбегаун, 1995, 225]. В число популярных польских фамилий входят орнитонимические *Wróbel* (26-е место), *Dudek* (34-е), *Sikora* (39-е), *Wróblewski (-a)* (49-е) [Zawadzki, 2002]. Чешские фамильные антропонимы дают следующую картину возникновения единиц от наименований птиц: *Holub* (46-е место), *Sykora* (50-е), *Slavík* (89-е), *Strnad* (90-е), *Kohout* (101-е), *Čížek* (108-е), *Špáček* (114-е) и др. [Mates, 1998]. Многие серболоужицкие фамилии также восходят к названиям птиц: *Čap*, *Čiž*, *Husor*, *Kačka*, *Kokot*, *Kos*, *Słowik*, *Sokol*, *Sowa*, *Sroka*, *Sykora*, *Woreł*, *Wrobel* и др. [Wenzel, 1987, 82].

В южнославянских этносообществах эта этимологическая модель также представлена широко, хотя и не имеет столь высокой частотности: серб. *Вранић*, *Пауновић*, *Кукџенјас*, *Каркунџа*; болг. *Гълъбов*, *Славейков*, *Свраков*, *Кълвачев* и пр. Бросается в глаза общность данной

модели в славянском антропонимиконе, повторы сходных фамилий в разных лингвокультурах.

Славянские антропонимы орнитонимического происхождения показывают глубинные связи народов с окружающим миром, их стремление запечатлеть в именах свое отношение к вызывающим удивление, восторг и некоторый страх пернатым, определить свое место в пространстве природы. В славянских именах, образованных от наименований птиц, отражается поэтическое восприятие мира, ставшее основой для многих культурных текстов вплоть до наших дней.

Балановская Е. В., Соловьева Д. С., Балановский О. П., Чурносов М. И., Сорокина И. Н., Евсеева И. В., Аболмасов Н. Н., Почешихова Э. А., Серегин Ю. А., Пшеничнов А. С. «Фамильные портреты» пяти русских регионов // Медицинская генетика. 2005. № 1. С. 2–10.

Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий. I // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.

Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. М., 1995.

Mates V. Jména tajemství zbavena. Praha, 1998.

Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. T. 1 : Systematische Darstellung. Bautzen, 1987.

Zawadzki J. M. 1 000 najpopularniejszych nazwisk w Polsce. Warszawa, 2002.

DOI 10.31168/7996-2700-3.117

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
olga.teush@yandex.ru

Северный ландшафт Европейской России в языковых образах

Европейский Север России — территория с разнообразными типами ландшафта. Его освоение русским населением потребовало создания наименований для неизвестных ранее реалий, в том числе номинаций образного характера.

© Теуш О. А., 2019

Среди последних самой частотной оказалась анатомическая метафора: видение пространства через образ человека или животного. Такого же рода восприятие ландшафта характерно для народов, которые населяли Европейский Север России до прихода русского населения: прибалтийских финнов, саамов, коми-зырян. В итоге в севернорусских говорах выявляется целый ряд географических терминов, имеющих в своей основе финно-угорскую анатомическую модель, в том числе калькированных слов.

Наиболее распространенной является модель 'глаз' > 'окно воды в болоте', ср. рус. *глаз, глазина, глазник, глазовина, глазок, глазун* 'окно воды в болоте' (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 6, 187–188] ~ фин. *silmänne* 'родник, ключ; окно в болоте', *silmäke, silmäkkö* 'омут, окно в болоте', *silmäs* 'ключ, родник в болоте' при *silmä* 'глаз' [SKES, 4, 1026], вепс. *süumlähte, silmlähte* 'окно в болоте' при *süum, silm* 'глаз' [СВЯ, 535–536], коми-зыр. *мусин* 'окно на болоте, трясына; родник, ключ' при *син* 'глаз' [ССКЗД, 336].

Модель калькирована с финно-угорского оригинала: в пользу этого говорит как ее исключительно севернорусская география, так и то, что рус. *глаз* получило анатомическое значение достаточно поздно [Фасмер, 1, 409–410; ЭССЯ, 6, 117], а общеслав. *око* подобную модель не реализует ни в русском (за исключением единичных фиксаций), ни в других славянских языках. О калькировании свидетельствует и то, что приведенные выше финно-угорские термины служат источником прямого заимствования: *чильма, чельма* 'окно воды в болоте' [КСГРС] характеризуются прибалтийско-финским вокализмом, но саамским консонантизмом (ср. саам. диал. *čalbme, čalm* 'глаз') [Матвеев, 1978, 54–61]; *сьюмелятка, сьюмлятка* 'окно воды в болоте' (< вепс.).

В качестве реализации той же модели в русском языке можно было бы рассматривать *зénка, зínка* 'окно воды в болоте', 'топкое место на болоте' [КСГРС], если учитывать широко распространенное *зénки* 'глаза'. Однако возможна и иная интерпретация. М. Фасмер указывает на связь русского слова с *зиять, зевать* [Фасмер, 2, 94]: в этом случае географическое значение можно рассматривать как результат параллельного развития. В то же время, учитывая распространение слова (Влг.: К-Г), следует допускать и возможность заимствования из коми-зыр. *син* 'глаз' с дальнейшей аттракцией к рус. *зénки*, ср. *сínки* 'глаза' [СРНГ, 37, 334], которое сопоставляется с тем же коми источником. Неясно,

с антропо- или зоометафорой мы имеем дело, но некоторые лексические факты (фин. *häränsilmä* ‘воронка (водоворота)’, букв. «бычий глаз» [ФРС, 142]) и данные топонимии (*Петуший Глаз*, яма в лесу; *Окуньковые Глазки*, оз. и др.) указывают скорее на зоологические истоки.

Только на Европейском Севере России локализован семантический переход ‘нос’ > ‘мыс’: рус. *нос*, *носок*, *носовина*, *носбырь* ‘мыс, излу-чина реки’ (Арх., Влг.) [КСГРС; СРНГ, 21, 285, 292] ~ фин. *niemennenä*, *niemennokka* ‘оконечность мыса’ [ФРС, 399] при *nenä* ‘нос’, *nokka* ‘клюв; нос’ [ФРС, 398, 403], вепс. *nök*, карел. *nökku* ‘нос, клюв’, ‘мыс’ [СВЯ, 364; Мамонтова, Муллонен, 1991, 65], карел. *niemennenä* ‘оконечность мыса’ при *nenä* ‘нос’ [СКЯ, 225], коми-зыр. *ныр* ‘нос, клюв’, *нырд* ‘излучина реки’ [КРС, 471–472]. Изолированность метафорического термина *нос* в славянском ареале при широком распространении модели в финно-угорских языках позволяет согласиться с предположением Э. М. Мурзаева о том, что «появление в северных областях СССР термина *нос* в значениях ‘мыс’, ‘выступ горы’, видимо, нужно связывать с семантическим заимствованием поморами из финно-угорских языков» [Мурзаев, 1984, 396].

Семантический переход ‘пузо, брюхо’ > ‘топкое место’ представлен единичными фактами, которые локализуются только на территории Европейского Севера России: рус. *пузо* ‘участок пожни, где бьют ключи’ [КСГРС], карел. *l’ehmänpöččö* ‘коровье брюхо’, ‘топкое место, зыбун’ (где *l’ehmä* ‘корова’, *pöččö* ‘брюхо’) [Пунжина СКЯ, 1994, 133], ср. также перм. *пузан* ‘заглохшее озеро, заросшее растительностью, трясина’ [СРНГ, 33, 113].

Данная анатомическая модель позволяет предложить этимологическую интерпретацию для лексемы *бачина* ‘топкое место’ [КСГРС]: ввиду фиксации *бачина* ‘живот человека, животного; брюхо’ [Там же] (< приб.-фин., ср. фин. *vatsa* ‘внутренности, внутренние органы, сердце’, ливв. *vat’t’s’a*, *vat’s’a*, *vatsa* ‘живот, матка, сердце; душа’, люд. *vat’s’* ‘живот, матка’, вепс. *vats* ‘то же’ [SKES, 6, 1677; SSA, 3, 419]) это слово следует рассматривать вне связи с географическим термином *бочаг*, *бачаг*, который сопоставим с саам. диал. *vuáčši* ‘длинное, узкое болото или залив’, *vuoč’čo* ‘болото, которое образуется водой текущего ручья’ [SKES, 6, 1825], *vuoččo* ‘болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье’ [KKLS, 1, 1072], *vuäts* ‘узкая полоса болота’ [Там же, 774], т. е. рассматривать как метафору.

Специфически севернорусской является модель ‘кишка’ > ‘канава, излуцина реки’, ср. рус. *кишка́* ‘извилина, излуцина реки’, ‘глубокая длинная канава’ [СРНГ, 13, 250]. Возможность существования той же модели в финно-угорских языках подтверждает рус. *сью́лья* ‘ручей’ (Арх.) [КСГРС] < коми-зыр. *сюв* (основа *сювй-*) ‘кишка’, в эловых диалектах *сюл* ~ удм. *сюл* при общеперм. **s’ul* ‘кишка’ [КЭСНЯ, 273].

В докладе, кроме анатомических моделей, будут рассмотрены также образные номинации «растительного» характера.

КРС — Коми-русский словарь / ред. В. И. Лыткин. М., 1961.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

КЭСНЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Русск. диал. *чильма* // Этимология русских диалектных слов / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1978. С. 54–61.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Пунжина СКЯ — *Пунжина А. В.* Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ССКЗД — *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. и с доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

ФРС — Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. O. 1–2. Helsinki, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae; XV).

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

М. Н. Толстая

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
mtolstaya@mail.ru

Две церковнославянские формулы в мифологии украинского Закарпатья

1. Первая из формул — известная цитата из 150-го псалма: «Всякое дыхание да хвалит Господа», широко распространенная в Закарпатье и вообще в Карпатском регионе как отгонная формула и оберег при встрече с нечистой силой наряду с другими молитвенными формулами («Помилуй ня Боже», «Мне оца і сина і сьвитого...», «Сьват-сьват-сьват Матьінко Божа» и т. п.). Кроме этого, однако, данная формула имеет и более специализированное употребление, которое можно охарактеризовать как реализацию функции распознавания, «пароля» при контакте с неведомым (чаще всего с ходячим покойником или душой). Это связано с представлениями о «чистых» и «нечистых» душах из загробного мира и так называемых *покутниках* — неприкаянных душах, по разным причинам не находящих успокоения в загробном мире (из-за незавершенных земных дел, грехов и др.) и ищущих помощи от живых (комплекс восточнославянских представлений о *покутниках* подробно рассмотрен в специальной статье: [Виноградова, 2019]). В ответ на «Всякое дыхание да хвалит Господа» «чистая» душа отвечает: «И я хвалю», — и объяснит, в чем она нуждается, а «нечистая» промолчит или огрызнется и исчезнет. О произнесении этой формулы часто говорится «спрашивать», хотя лишь в отдельных случаях к ней прибавляется вопрос типа «А ты хвалишь?» Мини-диалог «Всякое дыхание да хвалит Господа. — И я хвалю» (своего рода пароль и отзыв на него) многократно зафиксирован в этнографической литературе, относящейся к юго-западу Украины; он встречается и в рассказе Ивана Франко «Як русин товкся по тім світі». В нескольких свидетельствах отмечается, что формула должна быть произнесена трижды (или дважды), прежде чем покойник ответит на нее. Фразеологизм *Wszelki duch Pana Boga chwali!* широко известен у поляков, используя для выражения удивления или страха говорящего; известен и ответ на него:

«I ja Go chwaleę». Формула отмечена и в польской мифологии: с ней обращались к душам некрещеных детей, летающим в ветре [Pełka, 1987, 50]; в легенде о поляне *Centyrz* в Западных Бескидах призрак монаха, сбежавшего из монастыря и убитого грабителями, перестал появляться после того, как ответил на эту формулу: «I ja Go chwaleę» (т. е. уже сам этот диалог принес монаху-покутнику избавление).

Можно было бы предположить, что магическое употребление формулы «Всякое дыхание да хвалит Господа» под польским влиянием распространилось на бывших польских землях, однако этому противоречит видимое отсутствие ее следов на основной территории Полесья, в Белоруссии, а также и у гуцулов, а с другой стороны — распространенность ее в Закарпатье. Наконец, впечатляющая параллель обнаруживается у южных славян, где широко отмечают представления о «ходячих покойниках» — «вампирах», которых не принимает земля за их грехи, и они обречены определенное время ходить по земле. В быличке из Славонии, чтобы избавиться от вампира, к нему трижды обратились с «заклинанием» «Свака душа фали Бога, фалиш ли га ти?», и на третий раз он ответил: «Фалим да! Ja као и ви», — после чего объяснил, что за грехи осужден «ходить» на два года [Ђорђевић, 1953, 166].

2. Вторая формула, напротив, известна мне только из полевых записей в Закарпатье, и следов ее в литературе пока не удается найти. В материалах экспедиций Института славяноведения РАН 1990-х гг. из Центрального Закарпатья она встретилась по крайней мере четырежды, в трех селах и трех вариантах: *иді со ділом своїм* (с. Керецки, Свалявский район); *най собі йде своїми суділами* (с. Черный Поток, Иршавский район); *иді ис своїми суділилами* (с. Синевир, Межгорский район) [КА]. Во всех случаях она обращена к мифологическим персонажам и имеет отгонную функцию в ситуациях, которые можно охарактеризовать как прекращение или отказ от общения, с некоторой натяжкой ее можно перевести как «Бог тебе судья». Записанные сюжеты, например, таковы. В быличке из с. Керецки человек, возвращаясь из леса, нашел на тропинке горку орехов и забрал их. Ночью кто-то стал кричать под окном, требуя вернуть орехи. Рано утром он отнес орехи на место, сказав: «На, бери, *та йди со ділом своїм*». В быличке из с. Синевир девушка-двоедушница признается матери, что она «не такой человек, как другие», не может выйти замуж, а должна умереть; мать отвечает ей: «Раз ты *така*, то бог с тобой, иди. *Ис своїми*

суділилами. Какой ты родилась, так иди» (после смерти девушка стала губить молодых парней).

Церковнославянское происхождение этой формулы, как кажется, не вызывает сомнений. Можно предположить, что ее источником является словосочетание «по делом своим» (Откр. 20: 13), которое не могло быть опознано как дат. п. мн. ч. из-за чуждой флексии, а также потому, что предлог *по* в этом диалектном ареале управляет предложным падежом, а не дательным, и потому претерпело разнообразные трансформации. Нужно отметить также, что у слова *дело* в народной культуре Карпат регулярно отмечаются мифологические коннотации, особенно у выражения *мати діло*, встречающегося в гуцульских заговорах и в ряду отгонных формул в закарпатских полевых записях.

Виноградова Л. Н. Особая категория мифологических персонажей: души-«покутники» // Живая старина. 2019. № 2 (102). В печати.

КА — Карпатский архив Института славяноведения РАН (Москва).

Борђевић Т. Р. Вампир и друга бића у нашем народном веровању и предању. Београд, 1953. (Српски етнографски зборник ; књ. 66).

Pelka L. J. Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.

DOI 10.31168/7996-2700-3.119

С. М. Толстая

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
smtolstaya@yandex.ru

К проблеме синонимии в праславянской лексике

Понятие синонимии, как и другие категории лексической семантики, применительно к праславянскому языку нуждается по крайней мере в уточнении, поскольку праславянский лексикон, каким он предстает, например, в «Этимологическом словаре славянских языков», не является лексико-семантической системой в обычном понимании. По мнению создателя этого словаря, академика О. Н. Трубачева, «не нужно ждать от словаря отражения системы языка» [Трубачев,

2004, 445]. Тем не менее, многие исследователи, в том числе и сам О. Н. Трубачев, не раз обращались к проблемам омонимии, многозначности и (в меньшей степени) синонимии праславянской лексики. Действительно, набор значений, приводимый в [ЭССЯ] для каждого слова, отражает системность семантических отношений между словами совсем в другом смысле, чем словарь какого-нибудь современного славянского языка. Разные праславянские слова, выражающие одно и то же понятие, могут быть ареально разграничены, приурочены к разным территориям, и потому они могут не вступать друг с другом в системные отношения (ср., например, названия весны в северных и южных славянских ареалах), или же они могут быть хронологически разведенными и в этом случае тоже способными к взаимодействию лишь однонаправленно (от старших лексем к младшим). И тем не менее, стоящее за каждым праславянским словом семантическое пространство отнюдь не является аморфным, оно пронизано системой внутренних связей и регулярных отношений, развивающих потенции исконной лексической единицы в рамках типологических закономерностей, но и отражающих результаты взаимодействия с другими единицами словаря.

Для славянской лексики пока еще нет словаря синонимов, подобного словарю индоевропейских синонимов К. Бака, хотя такой словарь не только теоретически возможен, но и необходим; более того, из его мысленного образа исходят многие наши представления о праславянской лексике. Необходимость обращаться к этому образу возникает у исследователя всякий раз, когда он, занимаясь тем или иным словом или группой слов (в этимологическом, ареалогическом или семасиологическом аспекте), чувствует потребность узнать, какие другие слова, сочетания слов или конструкции способны выражать ту же мысль, понятие, идею; эти знания составляют необходимый элемент семантической реконструкции. И только на общем фоне этого смыслового поля он может понять принципы его членимости и мотивационные модели номинации, лежащие в основе лексики этого поля. Иначе говоря, он не может упустить ономасиологический план лексикологии. Неслучайно словарь Бака имеет подзаголовок «К истории идей». В сознании каждого исследователя словарь существует одновременно в двух его ракурсах — семасиологическом (от слова к значению) и ономасиологическом (от значения к слову). Для изучения

многозначности, семантического спектра и структуры слова важен первый ракурс; для изучения синонимии и механизмов категоризации понятий — второй. Ономастиологический словарь теоретически может быть как идеографическим, как словарь Бака (в этом случае встает дополнительная проблема классификации и рубрикации), но может быть и алфавитным, тогда один из живых языков (или реконструируемый набор слов) становится языком-посредником. Для практических нужд в качестве дополнения к этимологическому словарю славянских языков (в сущности сочетающему толковый и исторический принцип) необходим хотя бы самый схематичный словарь синонимов (т. е. межъязыковых соответствий) праславянской лексики — наподобие словаря Ф. Копечного, но построенный по обратному принципу и предлагающий формальные соответствия основной праславянской лексики во всех славянских языках. Такой словарь должен был бы учесть не только литературные, но и диалектные слова, репрезентирующие соответствующие реалии и понятия (как это делают этимологические словари славянских языков).

Например, «синонимический» ряд для понятия «любить» и «любовь» должен включать основные лексемы (гнезда) с этим значением: **l'ub-* (рус. *любить, любовь*), **mil-* (польск. *miłość*), **lask-* (чеш. *láska*), **kox-* (польск. *kochać*), **vol-* (с.-х. *волету*) и **vyk-* (болг. *обич* < **ob-vyk-*), а также, во вторую очередь: **dorg-* (болг. *драгувам* 'любить'), **drug-* (рус. диал. *дружник* 'любовник'), **xot'* (рус. *похоть*), **gal-* (болг. *галя* 'любить'), **god-* (с.-х. *годити* 'нравиться', рус. *удобный*), **norv-* (рус. *нравиться*), *(*po*)*dob-* (польск. *podobać się*), **prijat-* (рус. новг. *приятка* 'возлюбленный, возлюбленная'), **žal-* (рус. диал. *жалеть* 'любить').

Синонимический ряд, возглавляемый глаголом *ǰьiskati: **ǰьisk-* (ст.-слав., др.-рус. *искати*, рус. *искать*, с.-х. *искати*, словен. *iskati*), **šuk-* (польск. *szukać*, укр. *шукати*, блр. *шукаць*), **ględ-* (чеш. *hledat*, словац. *hl'adat'*), **trag-* (с.-х. *тражити*), **trs-* (болг. *търся*), **bar-* (болг. *барам*, макед. *бара*), **dьr-* (болг. *диря*, серб. *дирати*), **sok-/sак-* (макед. *сака*, болг. *сакам*, с.-х. *сочити*, укр. *сочити*, блр. *сачыць*, рус. диал. *сачить, сочить*).

Глаголы *dicendi* (основные, имеющие широкий спектр значений): *govoriti, *kazati, *rekti, *тълviti, *povědati / *pověděti, *praviti, *golgolati, *velēti, *besědovati, *сѣbьрати / *сѣbirati, словац. *vrviet'*.

Лексическое поле пищи включает следующие основные группы (гнезда) праславянских имен и глаголов: **ed-* (*еда, есть*), **kъrm-* (*корм, кормить*), **pīt-* (*питать, пицца*), **trav-* (польск. *strawa*), **syt-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (юж.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **živ-* (польск. *pożywienie*, чеш. *živiti*), **sil-* (польск. *posilek*), **krěp-* (польск. *krzepić*).

Синонимический ряд со значением ‘ошибка’, ‘ошибаться’: **blazn-* (ст.-слав. **блaзнѣ, блaзна**), **blęd-* (польск. *bląd*), **grěx-* (юж.-слав. *грешка*), **хуб-* (чеш. *chyba*, укр. *хиба*), **max-* (рус. *промах*, серб. *промаштити*), **myl-* (польск. *omyłka, pomyłka*, чеш., словац. *omyl*), **šib-* (рус. *ошибка, ошибаться*). Одни из этих номинаций могут быть отнесены к общеславянскому лексическому фонду (таковы **grěx-*, **blęd-*, **blazn-*), другие характерны для одной группы языков (как зап.-слав. **myl-*), третьи ограничены рамками одного языка (рус. *ошибка*).

Если далее рассмотреть семантические спектры каждого из перечисленных гнезд, то мы получим представление о том, как членится и концептуализируется соответствующее смысловое пространство лексическими средствами разных славянских языков, какие признаки обозначаемых реальных ситуаций становятся релевантными для языковой номинации и как соотносятся между собой разные единицы общеславянского лексикона (разные члены межславянского синонимического ряда).

Как и в лексической системе одного языка, в общеславянском лексиконе существуют многозначные слова, разные значения которых могут входить в состав разных синонимических рядов. Например, глагол **xorniti* может быть членом синонимического ряда со значением ‘хоронить’ (**xorniti, *xovati, *grebti, *kopati, *klasti, *prętati, *gojiti, *kojiti, *ryti, *valiti*), со значением ‘кормить, содержать’ (**xorniti, *kъrmiti, *xovati, *gojiti, *pasti, *bergti*) и со значением ‘сохранять, беречь’ (**xorniti, *(s)pasti, *prętati, *bergti*).

Еще один аспект проблемы праславянской синонимии связан с явлением семантического параллелизма, когда некоторые лексемы (гнезда) вступают в синонимические отношения не в отдельных значениях, а сразу в нескольких (или даже во всех) своих значениях.

В докладе будут рассмотрены синонимические отношения праславянских глаголов движения, а именно гнезд **běg-*, **tek-*, **pelz-*, **plov-* и др., с целью определения характера и «степени» их синонимичности.

При таком подходе исследование синонимических рядов близкородственных языков смыкается с проблематикой и методикой лексической типологии.

Трубачев О. Н. О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 4 т. Т. 1. М., 2004. С. 441–452.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

DOI 10.31168/7996-2700-3.120

С. А. Толстик

Томский государственный университет
Томск, Россия
stolstik@mail.ru

**Русский национальный образ внешности:
к истории и этимологии
диалектного прилагательного *брыдкий***

Прилагательное *брыдкий* / *бридкий* / *бридкой* / *брыткий* характеризует крайнюю степень отрицательной эстетической оценки — ‘очень некрасивый, безобразный, уродливый’: «Костя такой брыдкий человек, брыдкий, синющник ён, вольница». Представлен данный адъектив вдоль западной границы России (лит., латв., юж., зап., смол.). Круг остальных значений этого слова в русских говорах достаточно широк. По отношению к человеку и животному оно представлено в значении ‘нежный, изнеженный’ (яросл., влг.), а также со значением скорости — ‘быстро делающий; резвый, прыткий’ (яросл., пск., курск., ворон.). В основном же в диалектах прилагательное *брыдкий* характеризует не человека, а предметы, явления. Широко в говорах представлен лексико-семантический вариант, характеризующий режущие предметы, — ‘острый’ (арх., новг., урал., перм., иркут., амур., якут.). По отношению к предметам, явлениям природы также зафиксированы

другие значения, в основном с отрицательной коннотацией: ‘острый для дыхания; дымный, вонючий’ (юж., зап., пск., смол.), ‘резкий, пронзительный (о ветре)’ (пск., твер.), ‘горький, резкий (вкус, запах)’ (смол., брян.) [СРНГ, 3, 179–181, 212–213, 220].

Со значением ‘некрасивый, с отталкивающей внешностью’ дериваты прилагательного *брыдкий* в русских народных говорах не отмечаются, семантика однокорневых диалектных образований с корнем *брыд-/брид-* в основном характеризует острые предметы или неприятные явления, ощущения, действия (‘острота’, ‘горечь’, ‘грязь’, ‘гошнота’, ‘зуд / зудеть’, ‘надоедать’ и др.).

Указанный западный ареал прилагательного *брыдкий*, крайне негативно характеризующего внешность человека, позволяет высказать предположение о его заимствованном характере.

С целью выявить истоки значения ‘некрасивый, уродливый’ обратимся к данным истории русского языка, затем — к инославянскому материалу. В старорусском языке семантика внешности у данного прилагательного и его дериватов отсутствовала, было представлено вкусовое значение ‘горький’ и переносные ‘суровый’, ‘сильный’. В более позднее время в русском литературном языке слово *брыдкий* не зафиксировано. Таким образом, эстетическая оценка внешности представлена в русском языке на данном материале только в диалектах XIX–XX вв.

Обращение к материалу других славянских языков показало, что семантика некрасивой внешности представлена во всех восточнославянских языках (рус. диал., блр., укр., русин.) и в контактном с ними польском. Среди других значений лексики с корнем **brid-* следует выделить ‘острый’, ‘горький’, ‘быстрый’, зафиксированные в славянских языках всех трех групп. Оценочное ‘гадкий’ отмечено в западно-восточнославянском ареале. Остальные значения, характеризующие нечто неприятное, представлены не повсеместно, а в некоторых языках: ‘резкий, едкий’ (рус., ст.-чеш.), ‘край, грань,’ (с.-х.), ‘жжение, зуд’ (рус., с.-х.), ‘тревога, неприятность’ (словен.) и др. В славянских языках зафиксирован и положительный полюс оценки внешности: словен. *bridek* ‘красивый’ (единичный случай на общеславянском материале) [ЭССЯ, 3, 28–29].

Адъектив **bridькъ(ь)* является производным от основы глагола **briti* ‘брить, резать’ (ср. также **bridь(ь)* без суффикса **-k-*) [ЭССЯ,

3, 28–29; Аникин, 4, 216]. Несмотря на то что анализируемое прилагательное является общеславянским в значениях ‘острый’, ‘горький’, ‘быстрый’, значение отрицательной оценки внешности — достаточно позднее и региональное. Оно отмечается в восточнославянско-польском ареале не ранее XVII–XVIII вв., отсутствуя в древнерусском, старорусском, старобелорусском, староукраинском и старопольском языках.

Итак, рус. диал. *брыдкий* в значении ‘гадкий, противный, безобразный’, скорее всего, заимствовано из украинских говоров / русинского языка. А. Баньковский польское прилагательное *brzydki* в значении ‘очень некрасивый, уродливый’ также считает семантическим восточнославянизмом (*rutenizm*) [Bańkowski, 1, 89].

Развитие семантики анализируемого адектива могло идти следующим образом: ‘режущий’ (от **briti*) > ‘острый’ > ‘резкий, неприятный (о вкусе)’ > ‘неприятный, вызывающий (моральное / эстетическое) отвращение’ > ‘некрасивый, безобразный’. Переход от перцептивной семантики к эстетической оценке человека в славянских языках, таким образом, наблюдается в двух ареалах: в восточнославянском и в южном (словен. *bridek* ‘резкий’ > *‘выразительный’ > ‘красивый’).

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–2. Warszawa, 2000.

Петр Томасик

Университет Казимира Великого
Быдгощ, Польша
piotrtrust@poczta.onet.pl

Названия *не-мест* (в соответствии с теорией М. Оже)

Начальный этап разработки проблемы названий *не-мест* был представлен на научной конференции в Симферополе в 2018 г. [см.: Tomasik, 2018].

Целью настоящего исследования является сравнение названий *мест* и *не-мест*. Марк Оже пишет, что термин *не-место* вводится «в противовес социологическому понятию *места*, которое Моссом и целой этнологической традицией соотносилось с культурой, локализованной в пространстве и времени. *Не-места* — это и сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места длительного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты» [Оже, 2017, 18]. Таким образом, *не-место* лишено черт, характерных для *мест* — мест населенных, со своей историей, культурой, мифами и т. п. *Не-места* нежилые, там отсутствует локальная культура, нет этноса. В этом плане *не-места* часто нейтральны, они для всех чужие.

Рассмотрим происхождение названий *не-мест*. Нами были выделены две группы. В первую вошли перенесенные (заимствованные) названия. Эта группа должна представлять особый интерес в плане выбора объектов, названия которых были заимствованы. Можно предполагать, что именно объекты, названия которых стали источниками для обозначений *не-мест*, близки человеку и укоренены в культуре, и перенос их названий способствовал освоению новых объектов, *не-мест*. Вторая группа включает в себя новые названия, неологизмы. Необходимо проанализировать, насколько они похожи на существующие названия мест; возможно, названия *не-мест* «подражают» уже существующим названиям.

Марк Оже обращает внимание на названия знаменитых населенных пунктов, которые видят путешествующие на машине по скоростной дороге. Эти названия — лишь этикетки. Даже не заехав в эти места, не побывав в них, путешественники так или иначе их воспринимают, чувствуют близость чего-то интересного. Ученый замечает, что для жителя Парижа «Алезия, Бастилия или Сольферино являются скорее пространственными ориентирами, нежели историческими событиями» [Оже, 2017, 32]. Поэтому в нашем докладе мы намерены ответить на вопрос: не являются ли названия *не-мест* лишь «пустыми этикетками» без всякого культурного значения? Скорее всего, стоит также проанализировать, как со временем развиваются значения названий *не-мест* (какие они вызывают ассоциации, насколько повторяемы и т. п.).

Следующий этап анализа — это понимание того, отражаются ли черты *не-мест* в их названиях, отличаются ли названия мест от названий *не-мест*. В докладе мы намерены сопоставить опыт лингвистов и исследователей культуры, задуматься над тем, следует ли переносить предложенные Оже категории в ономастику, нужно ли адаптировать их, стоит ли подразделять онимы на группы с учетом этих категорий или достаточно ограничиться уже принятыми в ономастике классами, разделяя топонимы на названия жилых и нежилых объектов, ойконимы и анойконимы¹. Мы надеемся ответить на вопрос, можно ли вообще отнести названия *не-мест* к топонимам.

Необходимо составить список *не-мест*. Интересным в этом плане является вопрос, касающийся классифицирования новых (недавно основанных, к примеру, при заводах) городов или перенесенных населенных пунктов (ср. «перемещение» чешского г. Мост).

Изучение различий (или отсутствия различий) между названиями мест и *не-мест* может дать интересные результаты.

Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с франц. А. Ю. Коннова. М., 2017.

Tomasič P. Названия аэропортов. Вступление в тему // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литературы : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ.

---

¹ Кажется, две последние пары категорий, хотя и касаются разграничения населенных и не-населенных пунктов, не до конца совпадают друг с другом. *Анойконимы* — понятие довольно широкое, в него входят, например, названия рек. Характеристика реки с точки зрения принадлежности к категории места или *не-места* не является, на наш взгляд, однозначной.

Самуэла Томасик

Университет Казимира Великого

Быдгощ, Польша

s.tomasik@yandex.ru

Место названий пандемических заболеваний в ономастической системе

Пандемия — это явление, характеризующееся распространением инфекционного заболевания на большой территории, например всей страны или континента. Обычно пандемией считается болезнь, поражающая значительную часть населения.

Всемирная история показывает, что человечество не раз страдало от пандемических заболеваний. Проблема их названий до сих пор не была достаточно разработана. Целью доклада является определение их места в ономастической системе, их системно-языковой и мотивационный анализ.

Во время первых случаев регистрации заболеваний особое название им, конечно, не присваивается. Оно чаще всего появляется после постановки сотен или тысяч похожих диагнозов, когда болезнью охвачено население большой территории. В этот момент можно говорить о возникновении онимического объекта. При этом новое название распространяется также и на случаи предыдущего этапа — время начала роста заболеваний.

Названия пандемий во многих случаях выполняют информативную функцию. Чаще всего эта информация касается происхождения патогена, вызывающего болезнь, и охваченной им территории. Надо обратить внимание, что, как в случае с традиционными классами имен собственных, название пандемии является вторичным по отношению к именуемому объекту.

Проприальный характер данных единиц, кажется, не вызывает сомнений. Название пандемии позволяет безошибочно определить онимический объект и его характерные черты; оно отсылает к определенному историческому событию, однозначно ассоциируется с определенной территорией, может также непосредственно служить источником информации о соматических симптомах, характерных для данного заболевания. В то же время при анализе единиц такого типа нелегко определить их место в ономастической системе; неясно, следует ли считать их именами собственными исторических событий либо именами собственными болезней.

DOI 10.31168/7996-2700-3.123

Е. С. Узенёва

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
lenuzen@mail.ru

О языке и культуре славян-мусульман Северной Греции: случай Ксанти

В докладе будут представлены предварительные итоги исследования современного состояния языка и традиционной культуры одного из архаических анклавов Балканского полуострова — округа Ксанти, где в горах компактно проживают славяне-мусульмане, помаки (этнические болгары), представляющие собой миноритарную этноязыковую и культурно-конфессиональную группу, существующую в течение длительного времени в иноязычном и инорелигиозном окружении (православные греки).

Автор опирается на собственные полевые материалы, собранные во время двух этнолингвистических экспедиций, осуществленных в 2018 и 2019 гг. совместно с К. А. Климовой, доцентом кафедры новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Всего было обследовано 13 сел, опрошено 35 информантов в возрасте 18–75 лет.

Некоторые ученые (в том числе А. А. Дуличенко [2011]) считают, что у помаков Греции (в греческой традиции *славянофоны*) существует свой литературный микроязык: написаны грамматика и толковый словарь (на основе греческого алфавита), изданы учебники, хрестоматии диалектных текстов (в латинской графике, с греческими толкованиями), в отдельных селах велось факультативное преподавание языка, функционируют СМИ на помакском, переводится литература. Другая точка зрения поддерживает идею существования бесписьменного языка (диалекта, говора). Мы придерживаемся мнения о том, что это южнородопские говоры юго-восточных (рупских) говоров болгарской диалектной зоны.

Сами носители часто приводили факт отсутствия собственной азбуки как аргумент в пользу «несуществования» помакского языка. В сознании информантов их язык (*нашо думенье*) представляет собой смесь турецкого, греческого и «славянского» языков. В регионе имеет место ситуация полиглоссии:

- греческий язык (государственный язык: администрация, СМИ, обучение в средней и высшей школе);
- турецкий язык (язык конфессии и обучения в начальной школе);
- арабский язык (язык Корана);
- помакский говор — язык семейного общения и традиционной культуры, фольклора.

Этот факт поддерживает и наличие множественной, «колеблющейся» идентичности помаков, которые, однако, сохраняют свой язык, традиционный уклад и культуру.

Помаки Греции, живущие в изоляции в инокультурном и иноконфессиональном окружении, утратили под влиянием ислама часть календарных обрядов, характерных для болгар-мусульман в соседних областях Болгарии, но старые, как христианские, так и языческие, верования консервировались в названии месяцев, ср., например, *Големил* ‘январь’, букв. «большой», *Малкошан* ‘февраль’, букв. «маленький», *Марта* ‘март’ (женское имя, так в фольклоре называют сестру 11 братьев-месяцев), *Лошко / Ечко* ‘апрель’, букв. «плохой», *Тодорски* ‘май’ (когда отмечают день св. Федора), *Марински* ‘июль’ (этот месяц включает день памяти св. Марины), *Ягус* ‘август’, *Руен* ‘сентябрь’, *Димитровски* ‘октябрь’ (месяц, когда отмечают день св. Димитрия),

Касъм ‘ноябрь’ и обозначение всей осени¹, *Никулски* ‘декабрь’, связанный с почитанием св. Николая-чудотворца.

Сохранился в селах Ксанти (с. Пахни) и окказиональный зимний ритуал — обход «волчатников» со шкурой убитого волка, которого носили по селу, собирая продукты и деньги для мечети; и мартовские обряды (изготовление украшений-оберегов из разноцветных шерстяных ниток *марта*, *маретница*); и верования, связанные с так называемой мартовской старухой (*Баба Марта*), отправившейся в первые дни месяца в горы пасти овец, замерзшей там и превратившейся в камень (архаичный мотив петрификации). Ср. также обозначения нескольких теплых дней зимой — *Бабине дене*.

Большая часть турцизмов в терминологии народной культуры представлена в похоронной (*меит* ‘покойник’, *кефин* ‘саван’, *табут* ‘гроб’, *дженезе* ‘погребение’, *мезар* ‘могила’, *мезарлък* ‘кладбище’, *девир* ‘обряд прощения долгов умершему’, *кефарет* ‘ритуал поминовения покойного на седьмой день после смерти’, *мевлюд* ‘молитва о покойном’, *дженнет* ‘рай’ и др.) и родинной обрядности (*калъм* ‘хлеб и сладости, которые раздают соседям, когда нарекают имя ребенку’, *сюнет* ‘ритуал обрезания’, *хатъм* ‘обряд посвящения в ислам детей’), а также в народной мифологии (*джинья* ‘злые духи’, *шейтан* ‘дьявол’, *евлия* ‘святой человек, обладающий сверхъестественными способностями’, *еждърхо* ‘летающий змей, дракон’, *бешибир*, *муска*, *хамалил*’, *коранчик* ‘мусульманский оберег’, *зарар* ‘зло, порча’ и др.), что обусловлено влиянием мусульманской религии.

Дуличенко А. А. Основы славянской филологии : в 2 т. Ополе, 2011.

¹ Отметим, что у болгар-мусульман Болгарии праздник *Касъм*, 26.X/8.XI, приходящийся на православный праздник — день св. Димитрия, *Димитровден*, завершал животноводческий цикл, в этот день с пастухами расплачивались за работу.

А. И. Фалилеев

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
a.falileev@gmail.com

Перевод, примечание, этимология: Геральд Камбрийский (1146–1223) как топонимист*

Наблюдения Геральда Камбрийского по поводу валлийской топонимии средневековья, в частности из его «Путешествия по Уэльсу» (*Itinerarium Kambriae*, 1191 г., далее — ИК) и «Описания Уэльса» (*Descriptio Kambriae*, 1194 г., далее — ДК)¹, были удачно собраны Ш. Циммером [Zimmer, 2003] в его исследовании о Геральде как о лингвисте. Однако при их анализе немецкий ученый выделяет только два метода, присущих этому средневековому автору, — перевод и объяснение (без перевода) топонимов. Некоторые из представленных Циммером соображений нуждаются в определенной корректировке (например, о семантике ср.-валл. *caer* в топонимии см. [Falileev, 2019]), и в целом представляется, что топонимическая составляющая лингвистических представлений Геральда может быть пересмотрена. Так, переводы валлийских топонимов на латынь действительно присутствуют в его трудах (например, *quam Kambri Deheubarth i.e. dextralem Walliae partem vocant* — ДК, II), но их следует отличать от тех случаев, когда автор приводит параллельные названия. Двойные географические названия были известны в средневековье, да и сегодняшняя карта Уэльса содержит немало таких примеров, ср., например, *Swansea* и *Abertawe* или *Holyhead* и *Caergybi* [DPNW, 448, 196]. Геральд приводит как латино-валлийские (например, *ecclesia Sancti Avani / Lanavan* — ИК, I, I), так и английско-валлийские (например, *Snaudune / Ereri* — ИК, II, 9) параллельные названия, что достаточно традиционно (ср. у Гальфрида Монмутского: *Porhlud Britannice, Saxonice uero Ludesgata nuncupatur* [HRB, III, 53]), и эти фрагменты нельзя использовать для иллюстрации методологии топонимического анализа автора.

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-18-01624.

¹ Оба текста цитируются по изданию [Dimock, 1863].

Объяснение Геральдом топонимов может охватывать несколько уровней. Так, работая с многими географическими названиями, например с *Kairnarvon* (ИК, II, 6) или *Red Pencarn* (ИК, I, 6), он проводит морфологический анализ и указывает латинские параллели для каждой их части. Разбор топонима *Red Pencarn* позволяет поставить вопрос о диахроническом аспекте топонимических наблюдений Геральда — во время написания текста этого географического названия уже не существовало, о чем специально упоминается. Кроме значимости этого брода для валлийской традиции — а с ним связывалась экспансия Генриха II в Уэльс [см.: Flood, 2016, 52–55] — и самого факта его фиксации, следует обратить внимание на написание валлийского слова ‘брод’ в виде *ret* (ср. *rit*, *rid*, *r(h)yd* или *r(h)yt* в других ранних источниках) также в связи с ойконимом *Kembre* ‘Уэльс’ (ИК, II, 7; ДК, I, 6) (ср. валл. *cymri*, *cymry*, *cemry* в текстах XII–XIII вв.) и его использованием Гальфридом Монмутским (*Kambria* [HRB, II, 23; см.: Crawford, 1982, 155–157; Harris, 2017, 93]). Любопытное диахроническое наблюдение содержит пассаж, в котором автор сообщает о том, что монастырь *Llanhonddu* получил свое название по реке *Honddu* и начальная часть этого названия представляет собой (*l)lan* (*Lan enim locus ecclesiasticus sonat* — ИК, I, 3). Однако Геральд настаивает на том, что первым компонентом названия должно быть *nant* ‘река’, о чем свидетельствует полное его валлийское название *Landewi Nanthotheni*, которое он переводит как *ecclesia David super rivum Hotheni*. Действительно, случаи использования *llan* вместо *nant* известны в средневековых географических названиях Уэльса [см.: Falileyev, 2019], и внимание автора к таким деталям следует отметить. Более того, в принципе его подход к интерпретации (совр.) *Llanthony* (*Llanddewi Nant Hodni*), безусловно, правилен [ср.: DPNW, 281], за исключением того, что *nant* используется тут в значении ‘долина’, т. е. «Церковь Св. Давида в долине Ходни», собственно реки *Honddu* [см.: Там же, 197]. Примечателен и комментарий Геральда к также указанной им форме *Lanthotheni* (совр. *Llanthony*), в которой автор увидел английское искажение первоначального названия, см. ссылки на современные его объяснения в [Zimmer, 2003].

Представляется, что диахронический подход Геральда к топонимии целесообразно рассматривать в контексте аналогичных построений других авторов этого времени, ср., к примеру, рассказ Гальфрида Монмутского о судьбе топонима *Триновантум* [HRB, III, 53; см.: Crawford,

1982, 155] и последующей его передаче [Harris, 2017, 153, 158]. Необходимо также задуматься о полном исследовании истории валлийских топонимических штудий вплоть до начала Нового времени.

Crawford J. D. On the Linguistic Competence of Geoffrey of Monmouth // *Medium Ævum*. 1982. Vol. 51. P. 152–162.

Dimock J. F. *Giraldi Cambrensis Opera*. Vol. 6. London, 1863.

DPNW — *Owen H. W., Morgan R.* *Dictionary of the Place-Names of Wales*. Llandysul, 2007.

Falileyev A. Was it really Caer Cybi? The landing point of two Franciscans from Ireland in North Wales in 1323 // *Anglesey Antiquarian Society Transactions*. 2019. In print.

Flood V. *Prophecy, politics and place in medieval England*. Woodbridge 2016.

Harris S. *The Linguistic Past in Twelfth-Century Britain*. Cambridge, 2017.

HRB — *Geoffrey of Monmouth*. *The history of the kings of Britain*. Woodbridge, 2017.

Zimmer S. *A Medieval Linguist: Gerald de Barri* // *Études Celtiques*. 2003. T. 35. P. 313–350.

DOI 10.31168/7996-2700-3.125

О. Е. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

olga_frolova@list.ru

История СССР сквозь призму антропонимов

Прилагательные, образованные от антропонимов, называющих руководителей страны, отражают особенности стиля правления, место того или иного государственного деятеля в истории, а кроме того, становятся источником вторичной номинации различных объектов.

Мы рассматриваем прилагательные *ленинский*, *сталинский*, *хрущевский*, *брежневский*, *андроповский*, *черненко**вский*, *горбачевский*, образованные от фамилий руководителей СССР, и исходим из того, что атрибутивное словосочетание «*Adj + N*» представляет собой более слитную конструкцию, чем словосочетание «*N + антропоним gen. S*».

Часть таких конструкций уже была предметом анализа [Норман, Плотникова, 2017]. На основании данных «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] авторы выделяли следующие кластеры употреблений: темпоральный, акциональный, компаративный, имущественный, эмоционально-оценочный и номинативный.

Обратившись к [НКРЯ], на стимул-прилагательное мы получили несколько иные показатели, чем авторы указанной статьи: *ленинский* (2 284 док., 5 420 вх., 2,3¹), *сталинский* (1 958 док., 5 958 вх., 3), *хрущевский* (335 док., 682 вх., 2), *брежневский* (274 док., 479 вх., 1,7), *андроповский* (25 док., 35 вх., 1,4), *черненко́вский* (5 док., 5 вх., 1), *горбачевский* (250 док., 428 вх., 1,7). Разумеется, недостаточная полнота представленности в ресурсе материалов СМИ делает статистическую сторону лингвистических наблюдений неокончательной.

Поскольку история СССР и роль его руководителей неоднократно подвергались переосмыслению, с нашей точки зрения, логично не только ориентироваться на суммарные показатели [НКРЯ], но и учитывать соотношение синхронного и ретроспективного характера употреблений. Задавая подкорпуса, временные границы которых соответствуют периодам правления руководителя страны, мы обнаруживаем иную картину употреблений стимулов: *ленинский* (22 док., 65 вх.), *сталинский* (524 док., 1 534 вх.), *хрущевский* (9 док., 15 вх.), *брежневский* (9 док., 10 вх.), *андроповский* (0), *черненко́вский* (0), *горбачевский* (15 док., 37 вх.).

Соотношение синхронного и ретроспективного употреблений позволяет выявить денотативный и коннотативно-оценочный аспекты семантики атрибутивных конструкций. Синхронно для прилагательных выделяются следующие определяемые существительные:

- *ленинский*: *позиция* (3 док., 4 вх.), *пропаганда* (2 док., 2 вх.) *лозунг* (2 док., 2 вх.);
- *сталинский*: *премия* (157 док., 287 вх.), *конституция* (84 док., 188 вх.), *пятилетка* (82 док., 108 вх.), *план* (48 док., 84 вх.), *эпоха* (47 док., 75 вх.);
- *хрущевский*: *оттепель* (2 док., 2 вх.);

---

¹ Здесь и далее первое число обозначает количество текстов, а второе — употреблений. Учет обоих показателей позволяет определить частотность употреблений прилагательного в одном тексте, данные числа приведены после количества вхождений.

- *брежневский*: время (2 док., 2 вх.),
- *горбачевский*: перестройка (4 док., 7 вх.), оттепель (2 док., 2 вх.).

Самую разнообразную сочетаемость показывает поведение прилагательного *сталинский*. На первый план выступает номинативный кластер. По частотности лидируют слова *премия* и *конституция*. Заметим: первая конституция была принята в 1918 г., однако словосочетание *ленинская конституция* в [НКРЯ] не представлено. Для прилагательного *сталинский* денотативная сфера минимальна: существительное *индустриализация* в атрибутивном словосочетании употребляется в 1 док., 1 вх., а *коллективизация* не представлено совсем. Конструкция *сталинская победа* встречается в 3 док., 3 вх., датирована 1930-ми гг. и не относится к периоду Второй мировой войны. Синхронно для прилагательных *хрущевский* и *горбачевский* представлены словосочетания, характеризующие идеологическую доминанту в управлении государством: *оттепель* и *перестройка*. Конструкция *горбачевская оттепель* — семантический перенос и сравнение. У прилагательного *брежневский* синхронно в [НКРЯ] присутствует лишь словосочетание с существительным *время*. Метафора правления как движения отражена в словосочетаниях с существительными *путь* и *курс* только для прилагательных *ленинский*, *сталинский*, *хрущевский*.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Отантропонимические прилагательные русского языка: корпусный подход в изучении одного словообразовательного типа // *Вопр. ономастики*. 2017. № 3. С. 84–96.

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Россия
hisamitdinova@list.ru

Отражение контактов с тюркскими народами в русской мифологической лексике*

Тюрко-русские контакты имеют давнюю историю, об этом имеется большая литература. Вместе с тем следует отметить, что не все вопросы тюрко-русских языковых контактов освещены в достаточной мере. К числу таковых следует отнести вопросы взаимодействия тюрков и русских в области мифологии. Если не считать этимологических разысканий Н. А. Баскакова по русским мифонимам *Боян / Баян, Велес* и *Мокошь*, а также включения нескольких тюркских лексем в мифологические словари русского языка, то этот вопрос фактически остается одним из самых малоизученных как в славистике, так и в тюркологии.

Между тем в мифологической лексике русских Урало-Поволжья и Сибири тюркский пласт занимает солидное место. Первую группу тюркизмов в говорах этого региона образуют мифонимы, заимствованные из мифологической лексики того или иного тюркского языка и полностью совпадающие с этимонами, ср. широко распространенные лексеммы типа *аба, бабай, бакши, сата, шайтан* и др.

Аба. Этот мифоним-тюркизм в значении ‘медведь’ зафиксирован в прииртышских русских говорах. По мнению А. Е. Аникина, является заимствованием из диалектов хакасского языка [Аникин, 2000, 71–72]. Как табуированное название медведя зафиксирован в ряде сибирских, тюркских и башкирском языке в форме *ана* [Хисамитдинова, 2011, 29]. Первичным значением лексеммы *аба / ана* в тюркских языках является значение ‘старший родственник или родственница’; интересно отметить, что оно зафиксировано также в ряде русских говоров Урала и Сибири [СРГБ, 19; Аникин, 2000, 73].

---

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума «Этнокультурное взаимодействие народов Поволжья (по материалам традиционно-бытовой и духовной лексики)».

Бабай. В русских говорах Урала, Приобья лексема зафиксирована в значении ‘фантастическое существо, страшный старик, которым пугают детей’ [СРГБ, 21; Аникин, 2000, 104–105]. В русских старожильческих говорах средней части реки Оби, а также в украинских диалектах отмечено также значение ‘домовой’. Слово широко распространено на территориях проживания русского населения. Русский мифоним *бабай* полностью совпадает по значению с мифонимом языка-реципиента. В частности, в башкирском языке у слова *бабай* также имеются значения ‘домовой’ и ‘бука, которым пугают детей’ [Хисамитдинова, 2011, 45–46].

Бакиша, бакиши, бакса. Лексема зафиксирована в томских говорах русского языка в значении ‘колдун’, ‘религиозный деятель’. В астраханских русских говорах отмечены формы *бакиша*, *бакса* ‘шаман’. В. И. Даль также приводит этот термин как обозначение шамана. Как он пишет, *бакиша*, *бакса*, *баксы* — «киргизский (казахский. — Ф. Х.) шаман, фигляр и гадатель, колдун и лекарь» [Даль, 1, 40]. Лексема *бакиши*, *баксы* зафиксирована в большинстве тюркских языков в значениях ‘учитель, наставник’, ‘шаман’, ‘ворожея’, ‘знахарь’ и т. п. [ЭСТЯ, 2].

Сата. Лексема в значении ‘камень — осколок метеорита, обладающий магическими свойствами’ зафиксирована в ряде русских говоров Сибири. В колымских и нижнеиндигирских говорах русского языка лексема *сата* записана в значении ‘магический камень для вызывания нужной погоды’ [Аникин, 2000, 488]. Безусловно, тюркизм *сата* в этих русских говорах восходит к якут. *сата* ‘камень, находимый в желудках, печени крупных животных и глухаря, который способен вызвать ветер, холод, непогоду, а зимой тепло’ [ДСЯС, 237]¹. Интересно, отметить, что представления о магическом камне, способном изменить погоду, встречаются у многих тюркоязычных народов. Так, например, названия *йэйташ* (букв. «летний камень»), *ямгырташ* (букв. «дождевой камень»), *колонташ* (букв. «камень-жеребенок»), *язаташ* (букв. «погодный камень») ‘магический камень, способный вызвать дождь и остановить его’ фигурируют у башкир [Хисамитдинова, 2011, 128, 186, 376]. Под названием *ядаташ* магический камень отмечается у алтайцев, телеутов, лебединцев, а также в памятниках древнетюркской письменности [Кашгари, 1; СИГТЯ,

¹ О рус. диал. *сата*, якут. *сата* см. также тезисы А. Е. Аникина в наст. изд. — Прим. ред.

611–613]. Очевидно, магический погодный камень в русскую мифологию проник от тюрков.

Шайтан. Лексема зафиксирована во многих русских говорах Урала и Сибири в следующих значениях: ‘черт, представитель нечистой силы’, ‘бранное слово’ [СРГБ, 394], ‘амбарчик с добром, охраняемый идолом’, ‘идол’, ‘тотем у народов Сибири’, ‘сильный ветер’ [Аникин, 2000, 685], ‘черт, дьявол, бес, сатана’ [Даль, 4, 618]. Это слово заимствовано из тюркских языков, где широко распространено (отмечено почти во всех тюркских языках [Радлов, 4, 928, 996; Ахметьянов, 2, 476, Аникин, 2000, 685]). Тюркский мифоним *шайтан* в значении ‘черт, дьявол, бес, сатана’ восходит к арабскому языку и считается родственным библейскому термину *сатана* (о мифологии шайтана см. [МНМ, 2, 636]).

Вторую группу русских мифологических заимствований составляют лексемы-кальки. В качестве примера можно привести астроним *Кол-звезда*, зафиксированный в томских, семипалатинских, терских русских говорах в значении ‘Полярная звезда’ [СРНГ, 14, 133]. В русских говорах Урала для названия Полярной звезды имеется мифоним *Конь на приколе* [Даль, 3, 416]. Оба мифонима, безусловно, возникли под влиянием тюркских языков. Ср. названия Полярной звезды у башкир: *Алтын казык йондозо* (букв. «Звезда золотой кол»), *Тимер казык йондозо* (букв. «Звезда железный кол»), *Казык йондоз* (букв. «Звезда-кол») и др. Данный мотив присутствует в якутском и других сибирских тюркских языках, а также в мифологии. В русских говорах Сибири зафиксировано еще калькированное название Большой Медведицы *Лабаз-звезда*, ср. якут. *Арангас Сулус* (букв. «Лабаз-звезда») для Большой Медведицы.

По-видимому, калькированным является название погодного камня — *дождевой камень* у русского населения Белорецкого района Башкортостана (С. М. Ильгамов, устное сообщение).

Третью группу тюркизов в мифологии русских Урала и Сибири составляют тюркские, точнее восточные, мотивы. В качестве примера можно привести зафиксированное в русских говорах название мифической птицы *Мага-птица* / *Нагай-птица*, связанное, по мнению А. Е. Аникина, с тюркской собакой-птицей *Симург* [Аникин, 2000, 363]. Тюркские мифологические мотивы, по-видимому, присутствуют и в астрониме *Мамаева дорога*, отмеченном в томских говорах русского

языка в значении ‘Млечный путь’ [СРНГ, 17, 349]. Мотив дороги нашел отражение также в тамбовских и тульских русских говорах в названии *Батыева дорога* для Млечного пути [Даль, 1, 54]. Аналогичные мифонимы зафиксированы в ряде тюркских языков и диалектов, ср. башк. *Кош юлы* (букв. «Дорога птиц»), *Каз юлы* (букв. «Дорога гусей»), *Мамай юлы* (букв. «Путь / дорога Мамаю»). Кстати, факт *Мамай юлы* отмечен и в языке сибирских татар.

Подводя итог, можно сказать, что в мифологической лексике русских говоров Урало-Поволжья и Сибири тюркизмы занимают солидное место.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск, 2000.

Ахметьянов Р. Г. Этимологический словарь татарского языка : в 2 т. Казань, 2015.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994.

ДСЯС — Диалектологический словарь языка саха / отв. ред. Е. И. Коркина, М. С. Воронкин. Новосибирск, 1995.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) : в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова ; под ред. И. В. Кормушина. М., 2010.

МНМ — Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М., 1997.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий : в 4 т. (8 кн.). СПб., 1893–1911.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006.

СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии : А–Я / отв. ред. З. П. Здобнова. Уфа, 2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011.

ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортьян и др. М. ; Астана, 1974–. Т. 1–.

Эдгар Хоффманн

Венский университет экономики и бизнеса
Вена, Австрия
edgar.hoffmann@wu.ac.at

Патриотизм в современной российской хремотонимии

В докладе рассматриваются конкретные условия, при которых имена собственные (далее — ИС) смогли утвердиться в России как носители патриотических традиций. Это, прежде всего, особый путь России в ее движении от плановой к рыночной экономике, что создало институциональные предпосылки для развития онимии, функционирующей в рыночных условиях. С другой стороны, уже в советское время сложились традиции патриотического именования, которые после распада всех существующих систем норм и ценностей, отмены советской государственности и утраты статуса России как одной из двух главных мировых держав не могли функционировать так, как это было раньше.

Неудовлетворительное развитие олигархического капитализма 1990-х гг., а также неопатримониальный капитализм 2000-х гг. способствовали развитию специфического дискурса о национальной идентичности, который также охватывал экономику и вместе с ней ИС. Конкретно речь идет о таких классах ИС, которые необходимы для экономики. К ним относятся имена коммерческих организаций и мероприятий (эргонимы), имена товаров и услуг (прагматонимы).

В докладе применяется конструктивистский подход к национальной идентичности. В [Stråth, 2002, 387] дается определение: «Идентичность — это понятие, используемое для конструирования сообщества и чувства сплоченности и единения, понятие, посредством которого создается впечатление, что внутри воображаемой общности все индивиды равны». Национальная идентичность является особой формой коллективной идентичности и поэтому формируется в соответствии с теми же основными принципами.

Стремление к максимальной репрезентативности при исследовании разнообразия ИС в российской экономике привело к созданию в общей сложности четырех отдельных корпусов: 1) рекламные ролики, 2) адверториалы, 3) страницы коммерческих фирм в социальной сети

«ВКонтакте», 4) блоги и форумы в Рунете, — с общим количеством 2 885 ИС в период 1992–2018 гг.

Для того чтобы описать патриотический потенциал хрематонимов, необходимо сначала дать определение патриотизма, а затем описать основные составляющие патриотизма в России. Общепринятым базовым определением является определение И. Примораца: «Патриотизм можно определить как любовь к своей стране, идентификацию себя с ней и особую заботу о ее благополучии и благополучии соотечественников» [Primoratz, 2015]. В отличие от многих западных работ актуальные российские работы по концепции патриотизма активно задействуют концепт «Родина».

Кризис мировой экономики с 2013 г. привел к кризису в России, который сопровождался девальвацией рубля, падением доходов от нефтегазового бизнеса, имеющих важное значение для государственного бюджета. В эти годы речь шла в значительной степени о политической компенсации ухудшения экономического положения народа. В результате советская ностальгия усилилась, патриотический консенсус стал закрепляться еще прочнее. В связи с 70-летием победы над фашизмом волна ура-патриотизма обрушилась на страну. Эта политическая ситуация порождает ожидание того, что патриотические ИС будут встречаться во всех сферах жизни общества, включая экономику, еще активнее, чем до патриотического бума.

Идеологически, политически и патриотически заряженные ИС можно найти во многих классах и разрядах онимов. Патриотические ИС в России существуют с конца XIX в. до наших дней. Особенно благоприятствует их распространению тот факт, что ИС в экономике часто являются семантически прозрачными и могут содержать характеристики именуемого объекта. В этой ситуации присвоение имен с патриотическим компонентом является одной из многих возможностей привлечения большего внимания на рынке. В специальной литературе существует относительное единодушие касательно вопроса о том, какие ИС можно считать патриотическими: это имена, которые связаны с искусством и культурой (произведения, авторы, герои), историй, важными зданиями и техническими достижениями, т. е. все имена, вызывающие гордость за Родину и демонстрирующие уникальность России. Патриотический потенциал выборочно активизируется в экономике в соответствии с социальным консенсусом

и политическими конstellациями, сложившимися в дискурсе, а значит, он может меняться и даже теряться. Это касается большого количества патриотических ИС советского времени.

Для 1990-х гг. онимический патриотизм нехарактерен, но с начала XXI в. патриотические ИС стали занимать определенное место в новой культуре памяти, основанной на советской модели, что свидетельствует о консервативной реидеологизации общества. Военная мощь и имперское величие вновь находятся в центре официального дискурса о национальной идентичности.

Однако исследование материала показывает, что бум ура-патриотизма не сопровождается в экономике активным приростом числа новых (ура-)патриотических ИС. Малая активность ИС с именной составляющей *Крым-* (например, *Крымнаш*) удивляет. То же самое можно наблюдать относительно ИС, которые встречаются в контекстах победы над фашизмом. Для этого имеется много причин.

Первая группа причин связана с тем, что патриотический потенциал распределяется по отдельным классам исследуемых ИС по-разному. Прагматонимы располагают существенно бóльшим патриотическим потенциалом, чем эргонимы. Инновационные прагматонимы могут повысить символическую стоимость товаров и услуг путем ассоциации с традиционными патриотическими ключевыми культурными концептами, а эргонимы по юридическим соображениям склоняются к устойчивости. Эвентонимы в российской экономике — относительно молодой класс ИС, и они встречаются в патриотических контекстах крайне редко.

Вторая группа причин касается возможностей патриотизации ИС. Патриотизировать можно только российские товары и услуги. Российские товары (и их названия) из-за контрсанкций ярко представлены в пищевом секторе, но не в других отраслях. Одновременно патриотизм является сезонным (весенним) бизнесом. Во многих случаях легче вызывать патриотические ассоциации и эффект «Крымнаш» патриотическим оформлением рекламы и упаковки товаров, чем менять их имя.

Третья группа причин связана с ролью ИС в маркетинг-миксе. Динамика различных культурных концепций создается в маркетинг-миксе не только ИС, но и рекламой, упаковкой, дизайном, брендом, имиджем производителя, а далее — пиар-мероприятиями.

Четвертая группа причин отражает тот факт, что пищевой сектор является сугубо персональным. В повседневной жизни вкус, запах, аромат и свежесть являются более важными параметрами, чем патриотический настрой. Во многих блогах патриотизм критикуют за то, что он не может заменить отличные вкусовые качества.

Последняя группа причин связана с тем, что даже в условиях контрсанкций и отсутствия западных продуктов питания имена иностранного происхождения продолжают пользоваться успехом. Популярность псевдобрендов свидетельствует об общем положительном статусе Запада.

Патриотизм позитивно оценивается в российской прагматике. Однако несмотря на это, в результате вышеназванных причин ура-патриотические ИС остаются периферийным явлением. Если проанализировать два полюса — глобализм и локализм, то возникает парадокс между ура-патриотизмом, подпитываемым враждебными стереотипами по отношению к Западу, и имитацией западного образа жизни в повседневном поведении российского населения. Это также относится к миру ИС.

Primoratz I. Patriotism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. Stanford, 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

Stråth B. A European Identity. To the Historical Limits of a Concept // European Journal of Social Theory. 2002. № 5 (4). P. 387–401.

А. Т. Хроленко

Курский государственный университет
Курск, Россия
alexanderhrolenko@yandex.ru

Сопоставительный анализ конкордансов курских и кубанских народных песен как средство выявления дифференцирующих признаков фольклорных диалектов

В становлении фольклорной диалектологии свое место занимает формирование комплекса языковых признаков для территориальной идентификации народно-поэтических текстов.

Наше лексикографическое описание фольклорного материала разных жанров дает основание полагать, что сопоставление конкордансов, представляющих большие массивы, может способствовать выявлению и систематизации территориальных признаков фольклорных текстов.

Реальный опыт поиска покажем на примере трех конкордансов, составленных курскими лингвофольклористами: 1) курские народные необрядовые лирические песни, включенные в свод А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (т. 2–6) [Бобунова, Хроленко, 2007]; 2) балладные, юмористические и сатирические песни Курской губернии из свода А. И. Соболевского (т. 1 и 7) [Бобунова, 2019]; 3) русскоязычные песни казаков Кубани, собранные А. Д. Бигдаем и Г. М. Концевичем [Литус, 2007].

В поисках устойчивых территориальных признаков песенного текста возможны два пути — сюжетный и лингвофольклористический. Сюжетный подход учитывает содержание песни и очевидные знаки места событий песни. Это северокавказская топонимия (*Анапа, Арпачай, Дагестан, Белая-река*), антропонимия — имена реальных персон, связанных с историей Кавказа и Кубани (*Атажупов, Бакланов, Бяратинский, Баур*), экзотизмы (*абрек, арчак, аскер, аул, делибаи*), названия оружия и воинской амуниции (*артиллерия, батарея, берданка, винтовка, бурка*).

Лингвофольклористический подход учитывает лексическую семантику и особенности связи слов (например, эпитетосочетания).

Так, признаками территориальной отнесенности того или иного текста могут служить диалектизмы. Местные слова *выглядаться, вербажи, гаметь, горкать* диалектологи квалифицируют как исключительно курские лексемы. В кубанских песнях местными являются слова *правдица, подабычиться, бело-зоновый*. К тому же в песнях Кубани наличествуют слова, которые В. И. Даль в своем словаре снабдил пометой «юж.», а другие диалектологи — «малорос.» (*гай, гаманец, горелка, важкий, выхилаться, зозуля, корчма, коханий, ожинушка*).

Методику и результат лингвофольклористического анализа покажем на примере сопоставления словарных статей «Зеленый» из трех конкордансов. В курских песнях *зеленый* — 91 с/у, количество определяемых объектов (и соответственно, существительных) — 24; в кубанских — 64 с/у и 17 объектов (существительных). Прежде всего выявляются общие для курских и кубанских песен эпитетосочетания типа *зеленый сад, зеленое вино, зеленая груша, зеленая сосна, зеленый луг*, которые обозначают устойчивые элементы общерусской фольклорно-языковой картины мира. Есть и сравнительно частые эпитетосочетания, используемые только в одной песенной традиции. Для курской песни это *зеленая мурава* и *зеленый кафтан*, для кубанской — *зеленая рассада*. Можно считать, что тексты с *зеленой муравой* и *зеленой рассадой* принадлежат разным фольклорным диалектам.

Обратимся к существительному *кафтан* с точки зрения цветовой характеристики.

Курск: «У зеленом кафтане, / Рубашка тонкая»; «На детинушке зелен кафтан...»; «Через тихий Дон поплыть, — / Зелен кафтан намочить...»; «Он во зеленом кафтане...»; «Зелен кафтан моего друга на столе лежит...»; «Зелен кафтан изодрал, по заборам лазючи...» [Бобунова, Хроленко, 2007, 88]; «Серая овечка / Барана окотила, / В зеленом кафтане / Шляпа пуховая» [Бобунова, 2019, 227].

Кубань: «... В кафтан себя одевали»; «Они кафтан одевали...» [Литус, 2007, 114].

Единичность и «бесцветность» на фоне иных «цветовых» решений тоже может быть территориальным признаком.

Кстати, заметим: ранее куряне установили, что если в курских песнях *кафтан* только *зеленый*, то в северных (архангельских и олонекских) песнях *кафтан* исключительно *голубого* или *синего* цвета. Почему? На этот счет у нас ответа пока нет, но обратим внимание на смысловые

различия цвета *кафтана*, на которые намекают две пословицы из словаря В. И. Даля: *Кафтан зелён, да бит ежедён*; *Пуст карман, да синь кафтан* (Даль к этой пословице оставил комментарий: «щеголь»). *Зелен кафтан* — знак социального статуса, а *синь кафтан* — общественного престижа?

Поиск неожиданных и в то же время устойчивых примет фольклорных диалектов, свидетельствующих о месте становления и/или бытования народно-поэтического текста, — одна из увлекательных задач фольклорной диалектологии, в арсенале которой наличествует фольклорная лексикография.

Бобунова М. А. Балладные песни Курской губернии. Конкорданс // Бобунова М. А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск, 2019. С. 49–156.

Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни. Т. 1 : Песни Курской губернии. Курск, 2007.

Литус Е. В. Фольклорное слово Кубани: Конкорданс народных песен линейных казаков Кубани. Курск, 2007.

DOI 10.31168/7996-2700-3.129

А. В. Черных

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Пермь, Россия

atschernych@yandex.ru

Названия старообрядцев в диалектной речи русского населения Пермского края*

Наличие значительного числа старообрядцев в Прикамье, их конфессиональное противопоставление сторонникам официальной православной церкви обусловили бытование целого ряда номинаций,

---

* Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 18-6-6-4 «Межэтнические отношения в Прикамье: исторический опыт и современные практики» комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН.

© Черных А. В., 2019

обозначающих старообрядческое население в общем, часто вне зависимости от принадлежности к тому или иному согласию. Среди наиболее частотных в этом случае — термины *кержак*, *старовер*, *старообрядец*. Однако в разных локальных сообществах эти наименования бывают многозначными и вариативными.

Повсеместное распространение в русских говорах Пермского Прикамья имеет термин *кержак*. В большинстве случаев его употребление соотносится с наиболее распространенными значениями, известными по словарям русского языка и характерными также для других регионов России. Фиксируются и его производные: *кержачка*, *кержанка*, *кержаночка*, *кержакиня*, *кержаковец*, *кержана*, *кержане*, *кержач*. Исследованные материалы показывают широкое бытование термина, в некоторых старообрядческих сообществах он имеет особенности употребления. В ряде районов Юго-Западного Прикамья со сложным конфессиональным составом номинация *кержаки* используется старообрядцами только для обозначения часовенного согласия, при этом она всегда противопоставляется названиям других согласий. В с. Курашим Пермского района номинацию *кержаки* также связывают только с часовенными старообрядцами: «Староверы были <...> вот только киржаков маленько осталось еще». На то, что номинация *кержак* преимущественно употребляется по отношению к представителям часовенного согласия в районах Урала и Сибири, и ранее указывали исследователи. Однако при широком употреблении данного термина часовенными старообрядцами и использовании его в качестве самоназвания в ряде групп некоторые общины часовенных все же отвергают возможность его использования для номинации своего согласия.

Иная ситуация наблюдается с использованием термина в другом районе Прикамья со значительным старообрядческим населением — в Верхокамье. На этой территории слово *кержаки* применимо для обозначения всех старообрядцев; разные старообрядческие согласия, не только часовенные, соотносят его со своей верой: «Поморская вера, кержакская, река Керж была, вера образовалась там. От Кержа все пришло» (д. Соколово, Верещагинский район, поморское согласие).

Наряду с термином *кержак* для обозначения старообрядческого населения в регионе активно используется номинация *старовер*. В большей части районов *старовер* и другие термины (*староверец*, *староверский кержак* и др.), составляющие целую группу,

используются синонимично слову *старообрядец*, без уточнения конкретного согласия. Это характерно как для православного, так и для старообрядческого населения. Однако в условиях сложной конфессиональной ситуации локальные сообщества разграничивают использование того или иного термина и закрепляют его за определенным согласием. В целом ряде районов обозначение *староверы* и его производные закрепляются только за часовенным согласием. Например, в ряде старообрядческих деревень и сел Куединского района *староверами* именовали себя лишь часовенные, а термин *старообрядцы* и производные от него использовались для обозначения представителей белокриницкого согласия: «У нас в деревне три веры: старообрядческая — австрийская, староверы — беспоповские, православные — мирские...»; «Три веры у нас: староверы, старообрядцы, никоньянцы» (д. Пильва, Куединский район). В Очерском районе термин *старообрядцы*, как и *старообрядческая вера*, закрепился за представителями белокриницкого согласия, а для старообрядцев-беспоповцев (часовенного или поморского согласий) использовался термин *староверы* и его производные.

Среди анализируемых народных названий старообрядческого населения термин *старообрядец* и связанные с ним *старообрядческая вера*, *старообрядчество* в разговорной речи являются наиболее редкими.

Анализ общих наименований старообрядцев и их веры в Пермском Прикамье показывает бытование трех основных номинаций — это слова *старообрядцы*, *староверы*, *кержачки* и производные от них. Все зафиксированные и проанализированные термины имеют общерусский характер и широкое распространение в разных регионах России, номинации *старообрядцы*, *староверы* функционируют и в литературном языке. Региональные и локальные особенности проявляются в закреплении того или иного термина, в большинстве случаев являющегося общим обозначением старообрядцев, за конкретным согласием.

О. В. Чеха

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
tchoekha@gmail.com

**Греческие названия участников обряда
вызывания дождя
(παπαρούνα, βερβερίτσα, μερμερούσα, ντοντολάς и др.)**

Обычай водить по селу увитого зеленью человека и обливать его водой с целью вызвать дождь принято считать одним из характерных общевосточноевропейских обрядов, несмотря на наличие близких западно- и восточноевропейских параллелей (например, белорусское вождение Куста), поскольку от последних он отличается отсутствием строгого календарного приурочения, а также прямым выражением в сопутствующих фольклорных текстах цели совершаемого действия (вызывания дождя) [Агапкина, 1999, 80]. А. А. Плотникова подробно описала южнославянскую терминологию обряда (название главного обрядового лица, традиционные зачины и рефрены песен, исполняемых другими участниками шествия) и ее ареальное распределение, отражающее деление южнославянского культурно-языкового континуума на восточную, центральную и западную части. В зависимости от региона центральный персонаж именуется *додолой*, *proporuše*, *barbaruša*, *пеперудой* [Плотникова, 2004, 143].

В Греции обычай вызывания дождя типа «додолы» характерен для северных областей (Эпира, Фессалии, Македонии и Фракии), и его главное действующее лицо называется *бирбурицей*: *μπιμπιρίτσα*, *πιρπιρίτσα* (Фессалия), *βιρβιρίτσα* (Фракия), *βαρβαρίτσα*, *βερβερίτσα* (Эпир); *мермерусой*: *μερμερούσα*, *μερμερούνα* (Македония); *пирпиронной*: *παπαρούνα* (Эпир, Загори), *πιρπιρώνα*, *πιρπιρούδα* (Фракия), *περπερούσα* (Македония); в единичных случаях — *додолой*¹: *ντοντολάς* (Македония, Серрес). Внутри греческой традиции ни одно из таких имен не имеет прозрачной этимологии, и оттого разные собиратели

¹ Отмечено только в зоне активных греко-славянских контактов, в селах, где проживало болгарское население.

в разное время видели в них турцизмы (*пирпируда* — турецкое слово со значением ‘поденщик’, ‘рабочий’ [Σιτάρας, 1946–1947, 236]) или же «расшифровывали» их через слова с узким диалектным значением (*барбаруса* [μπαρπαρούσα] (Этолия) — ‘головной убор из белой ткани’ > ‘участник обряда вызывания дождя, который носит на голове венок’). На роль «додолы» в разных локальных традициях выбирали мужчину или молодого человека², женщину, ребенка, сироту, иностранца; обвязывали их зеленью или (реже) сухими стеблями, надевали на голову цветочный венок; водили по деревне или (реже) по полям с пением песен, обращенных к Богу, чтобы тот послал дождь; встречные люди обливали «додолу» водой и одаривали его сопровождающих. Примечательно, что, несмотря на наличие большого количества вариантов названий центрального персонажа, а также появление дополнительных деталей («додолу» одевали в старую одежду, ставили на голову поднос с водой и лили воду на поднос и т. д.), традиционный зачин песни, исполняемый сопровождающими, оставался неизменным: <Пирпирица / Пирпируда / Мермеруна ходит, Бога просит> — «Πιρπιρίτσα πιρπατεί τον Θεό παρακαλεί» (Эпир), «Βερβερίτσα περπατεί τον Θεό παρακαλεί» (Фессалия), «Πιρπιρούδα περπατεί τον Θεό παρακαλεί» (Фракия), «Παπαρούνα περπατεί και τον Θεο παρακαλεί», макед. «Μερμερούνα περπατά το θεό παρακαλά» (Эпир) и т. п. Он отсылает нас к болгарскому песенному мотиву полета бабочки, выпрашивающей у Бога дождь: «Πεπεруда лятала, ка сай Бога молила» [Плотникова, 2004, 143].

В заключение обратим внимание еще на одно сходство греческой и славянских традиций, касающееся трансформации рассматриваемого обряда в более поздний период. В Восточной Македонии и Фракии, как и у родопских болгар, отмечается контаминация обряда вызывания дождя и обходов Лазаревой субботы. Например, во фракийской Силиврии (совр. Силиври в Турции) в Лазареву субботу группа детей водила по дворам *лазаря*, мальчика 10–12 лет, увитого с ног до головы зеленью, который раскачивался в такт колядке; в с. Майстрос (в окрестностях Александруполиса) на *лазаря* (ребенка, увитого цветами) хозяйка выливала кружку воды, а одна из строчек песни, исполняемой колядующими («Βάί βάί

² В этом случае участника обходов звали *верверицей*, *варварицой*, *перперницей*, что дает любопытную параллель к хорватским названиям *preperuše*, *barbaruša*, роль которых также исполняли мужчины.

τοῦ βαγιῶ» <Вай, вай, вайи>), сближается с формулой вызывания дождя «Βάϊ, βάϊ Ντουντουλέ» <Вай-вай, Додола> [Πετρόπουλος, 1942–1943, 187].

Агапкина Т. А. Балканская проекция славянской весенне-летней обрядности // Балканские чтения — 5. В поисках «балканского» на Балканах : тез. и материалы симп. / ред. Т. В. Цивьян. М., 1999. С. 78–80.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Πετρόπουλος Δ. Α. Λαογραφικά Μαΐστρου Αν. Θράκης // Αρχεῖον του Θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Τ. 9. Αθήνα, 1942–1943. Σ. 181–220.

Σιτάρας Α. Λαογραφικά Μαδύτου // Αρχεῖον του Θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Περιοδικόν σύγγραμμα εκδιδόμενον υπό υποτροπής Θρακῶν, διευθυντής Πολυδ. Παπαχριστοδούλου. Τ. Π'. Εν Αθήναις, 1946–1947. Σ. 228–237.

DOI 10.31168/7996-2700-3.131

Н. А. Чикало

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
megabelka2003@mail.ru

**Этимологизация лексики,
репрезентирующей понятие «здоровье»
в древнеанглийском языке
(общегерманский и индоевропейский фон)**

Метод этимологической реконструкции представляется наиболее эффективным для восстановления участка древнегерманского духовного универсума, в котором формировалось и эволюционировало понятие «здоровье». Обращение к общегерманским основам и глубже — к индоевропейским корням — должно вскрыть древнейшие мотивировочные признаки лексики, репрезентирующей понятие «здоровье» в древнеанглийском языке, и в целом обозначить специфику данного понятия в древнегерманской языковой картине мира.

Из [ТОЕ] было отобрано десять лексем древнеанглийского языка, репрезентирующих понятие «здоровье», — существительные со значением ‘хорошее физическое состояние’: *hǣl(u)*, *hǣlþ*, *(ge)sundfulnes*, *trumnes*, *gesynto*; прилагательные со значением ‘здоровый’: *hāl*, *gesund*,

© Чикало Н. А., 2019

gesundful; глаголы со значением ‘целить; выздороавливать’: *hǣlan*, *getrumian*. Для этимологической реконструкции представляется целесообразным сгруппировать слова с очевидно тождественной внутренней формой в отдельные словообразовательные гнезда: 1) *hāl* — *hǣl(u)* — *hǣlþ* — *hǣlan*; 2) *gesund* — *gesundful* — *(ge)sundfulnes* — *gesynto*; 3) *trumnes* — *getrumian*.

Первичная процедура этимологизации позволила определить общегерманские основы, развитием которых стали исследуемые группы древнеанглийских слов. Для номинаций *hāl* — *hǣl(u)* — *hǣlþ* — *hǣlan* такая основа — общегерманский корень **haila-* ‘крепкий, целый’ [Kroonen, 2013, 200]; для однокоренных *gesund* — *gesundful* — *(ge)sundfulnes* — *gesynto* — индоевропейская ареальная основа **suento-* ‘сильный, крепкий, здоровый’ [Pokorny, 1959, 1048]; для словообразовательного гнезда *trumnes*, *getrumian* — основа **truma* ‘крепкий, твердый’ [Kroonen, 2013, 524].

Реконструкция выявленных германских основ на индоевропейском уровне выстроила следующие деривационные цепочки: общегерм. **haila-* < и.-е. **kailo-/*kailu-* ‘целый, неповрежденный’ [Pokorny, 1959, 816]; общегерм. **suento-* «рифмующееся, но не тождественное с и.-е. **kuento*» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 801–802; Pokorny, 1959, 816]; общегерм. **truma-* < и.-е. **der(u)/*dre(u)* ‘крепкий, твердый, прочный’ [Pokorny, 1959, 214–217].

Проведенный этимологический анализ позволил обозначить мотивировочные признаки, ставшие семантическим фундаментом для древнеанглийской лексики, репрезентирующей понятие «здоровье»:

- признак целостности (производные от общегерм. **haila*);
- признак крепости и прочности (производные от общегерм. **truma*);
- признак силы (производные от общегерм. **suento*).

Важным для проводимого этимологического анализа становится указание на идею сакральности, воплощенную в общегерм. **haila* [Ганина, 2001, 73; Vries, 2000, 218; Green, 1998, 19]. Т. В. Топорова относит др.-англ. *hāl* к сакральной лексике и отмечает культовый характер формулы приветствия «будь здоров, здравствуй» (гот. *hails*, др.-англ. *wes þū hāl!* || др.-прус. *kails!*) и ее глагольных производных со значением ‘здороваться, приветствовать’ (др.-англ. *hālettan*, др.-в.-нем. *heilazzen*) [Топорова, 1994, 113].

Производные от общегерм. **haila-* в древнегерманских языках и их балто-славянские этимологические параллели представлены следующим образом: гот. *hails* ‘целый, здоровый’; др.-исл. *heill* (сущ. ж. р.) ‘благо’, ‘счастье’, ‘удача’, ‘благополучие’, ‘здоровье’; *heill* (прил.) ‘невредимый’, ‘здоровый’, ‘целый’; *heill* (сущ. ср. р.) ‘благо’, *heili* (сущ. ж. р.) ‘здоровье’; др.-сакс. *hēli* / др.-в.-нем. *heili* (сущ. ср. р.) ‘приветствие’, ‘пожелание удачи’, ‘удача’, ‘спасение’; др.-фриз. *hēl* / др.-сакс. *hēl* / др.-в.-нем. *heil* (прил.) ‘целый’, ‘невредимый’; др.-сакс. *hēli* / др.-в.-нем. *heili* (сущ. ср. р.) ‘приветствие’, ‘пожелание удачи’, ‘удача’, ‘спасение’; др.-англ. *hāl* (прил.) ‘невредимый’, ‘крепкий’, ‘безопасный’, ‘здоровый’, ‘целый’, ‘весь’, *hǣl(u)* / *hǣlþ* (сущ. ж. р.) ‘здоровье’, ‘целостность’, ‘невредимость’, ‘исцеление’, ‘спасение’, ‘благополучие’, ‘процветание’, ‘удача’, ‘счастье’, *hǣl* (сущ. ср. р.) ‘хорошее предзнаменование, добрый знак’ || др.-прус. *kailūstiskan* ‘здоровье’ (вин. п. ед. ч. от **kailu-s*)³, общеслав. **cělъ-*, рус. *цел* (> *целый, целить, целитель, целовать* [ЭССЯ, 3, 176–178]).

Как видно, древнеисландские и древнеанглийские существительные со значением физической целостности обнаруживают ярко выраженный синкретизм семантики, при котором в едином семантическом комплексе собственно физические значения — ‘здоровье’, ‘целостность, невредимость’, ‘исцеление’ — совмещаются с такими духовно-ценностными смыслами, как ‘счастье’, ‘удача’, ‘благополучие’, ‘процветание’. На основании этого можно заключить, что понятие «здоровье» в древнегерманском языковом сознании в качестве составной части входит в более объемное духовно-ценностное понятие «благо».

Основа **suento-*, как и общегерм. **haila-*, обнаруживает близкую генетическую связь с духовными понятиями и ритуалами индоевропейского социального устройства. Данная связь обнаруживается при установлении этимологического родства **suento-* с и.-е. **kuento*, при котором **suento-* характеризуется как индоевропейское ареальное образование (специфичное исключительно для германского ареала), «рифмующееся, но нетождественное с и.-е. **kuen-to*» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 801–802]. Производные от и.-е. **kuento* в ирано-балто-славянской группе — в большинстве своем сакральные термины:

³ Э. Бенвенист рассматривает балтийскую форму как заимствование из германского в древней форме с начальным **k-* [Ганина, 2001, 72].

авест. *spənta* ‘священный’, лит. *šveñtas* ‘священный’, латыш. *svinet* ‘освящать, праздновать’, ст.-слав. *svetŭ* ‘святой’, рус. *святой*.

Основа **suento-* реконструируется исключительно на основании германских форм (отсюда термин «ареальное образование») и представлена следующими лексико-семантическими изоглоссами в древнегерманских языках: гот. *swinþs* ‘крепкий, сильный, здоровый’, др.-исл. *svinnr* ‘быстрый, сильный, крепкий, мощный, мудрый’, др.-в.-нем. *gisunt* ‘здоровый’, др.-фриз. *sund* ‘свежий, здоровый’, др.-англ. *swið* ‘сильный, неистовый, деятельный, суровый, жестокий’, *gesund* ‘здоровый’.

Выявленная родственная языковая связь основ **kuento//*suento-* позволяет снова говорить о непосредственной близости понятия «здоровье» с понятием «священное». С учетом вышесказанного древнеанглийские рефлексы основы **suento-* (*gesund — gesundful — (ge)sundfulnes — gesynto*) и производные от основы **haila* (*hāl — hǣl(u) — hǣlp — hǣlan*) можно отнести к лексике с сакральным этимологическим фундаментом.

Таким образом, результаты этимологизации лексики с семантикой здоровья в древнеанглийском языке позволяют сделать следующий вывод: здоровье имело сакральное значение и было осложнено аксиологическим смыслом в англо-саксонском языковом мышлении и древнегерманском мировидении в целом.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

Ганина Н. А. Готская языческая лексика. М., 2001.

Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

Green D. Language and History in the Early Germanic World. Cambridge Univ. Press, 1998.

Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden ; Boston, 2013.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>.

TOE — A Thesaurus of Old English / eds. J. Roberts, C. Kay. Glasgow, 2017. URL: <https://oldenglishthesaurus.arts.gla.ac.uk>.

Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 2000.

Ю. А. Шкураток*, А. В. Кротова-Гарина**

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Пермь, Россия

*shkuratok@mail.ru

**anastasia.garina@ya.ru

Система названий персонажей низшей демонологии в коми-пермяцком языке*

Из различных источников — полевых материалов, архивных записей и опубликованных текстов — было извлечено более сотни наименований мифологических персонажей низшей мифологии (далее — МП). Некоторые лексемы, содержащиеся в работах этнографов, вызвали серьезные сомнения в достоверности фиксации, например упоминаемое со ссылкой на архив В. П. Налимова название домового *моха*, так как в коми-пермяцком языке не может быть [х]. *Кузьюрсиа* (букв. «длинноволосый») в работе Т. Г. Голевой приводится как наименование водяного и банника, но, судя по контексту, мы не можем однозначно это утверждать: «...и сылò петас ю шòрсис <...> ыджыт чочком морт кузьюрсиа, сэтшòм мича, красавича» <...посреди речки вышел... большой белый человек с длинными волосами, такая красивая, красавица> [Голева, 2010, 55].

В этнолингвистике до сих пор не имеет однозначного ответа вопрос о том, что считать номинацией МП. В текстах мифологических рассказов, помимо слов, имеющих закрепленное в системе языка значение (*домовой*, *русалка* и пр.), существует ряд однословных и неоднословных наименований, указывающих на определенного МП. В качестве материала нами были взяты только те номинации, которые обладают относительной семантической и синтаксической слитностью и повторяются в ряде текстов.

Коми-пермяцкая мифологическая традиция испытала значительное влияние русской, что отражается в заимствованиях: *бес*, *домовик*, *кикимора*, *лешак*, *обороника*, *овинник*, *сатана*, *соседко*, *русалка* и др.

Достаточно большую группу составляют названия персонажей низшей мифологии, имеющие в коми-пермяцком языке прозрачную

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18-012-00750.
© Шкураток Ю. А., Кротова-Гарина А. В., 2019

внутреннюю форму. Далее будут рассмотрены положенные в основу номинаций признаки.

Признак « м е с т о о б и т а н и я » реализуется в большой группе номинаций. Существуют названия для духов различных локусов: *банысь*, *банычуд* 'банник', *ваись*, *вабес*, *вакуль* 'водяной', *вакулёноккез*, *вакульпьяннэз* 'детеньши водяного черта' (*ва* 'вода'), *вёрись*, *вёрдядь*, *вёрлешак* 'леший' (*вёр* 'лес'), *овинчуд* 'овинник', *ыбдядь*, *ыбчуд* 'дух поля' (*ыб* 'поле').

Лексемы, объединенные признаком « в н е ш н и й в и д », достаточно разнородны и в меньшей степени удовлетворяют заявленным выше критериям устойчивости и семантической и синтаксической слитности. В текстах встречаются следующие обозначения лешего, актуализирующие признак аномального роста: *кузь дядя* (букв. «высокий дядя»), *ыджыт* (букв. «большой»), *ыджыт морт* (букв. «большой человек»). Помимо этого, лешего называют *кёспель* (букв. «сухоухий»), *сюра-пеля* (букв. «рогатый-ушастый»).

В ряду номинаций лешего приводится и *кизя-виззя* (букв. «на застежках в полоску»), имеются в виду «пуговицы, застегнутые в ряд» [Голева, 2010, 97]. Подобные случаи Л. Н. Виноградова описывает в славянской традиции: «Значительно реже в демонологическом лексиконе восточных славян отмечается тенденция именования персонажей нечистой силы по особенностям их одежды» [Виноградова, 2016, 91]. В качестве примеров она приводит эфемистические названия водяники — *белая баба*, житного духа — *баба в красном казане* [Там же]. Стоит обратить внимание на то, что Л. Н. Виноградова сомневается в способности подобных словосочетаний быть полноценными языковыми единицами, включенными в «лексикон».

Следующая группа объединяет номинации, где признаком, актуальным для носителя традиции, является « д е й с т в и е » МП: *сорваись* (букв. «мешающий», «перемешивающий» либо «шальная») обозначает духа воды.

Признак в р е м е н и п о я в л е н и я МП отражается в таких названиях, как *лунишорика* / *вуншорика* (*лун* / *вун* 'день', *шёр* 'средина') — дух полей и лугов, активизируется во время летнего цветения, вплоть до полной уборки урожая с полей [Голева, 2010, 56], *ойшорика* (*ой* 'ночь'), соответствует славянскому МП *ночища*.

В отдельную группу были выделены непроемные и деэтимологизированные в современном коми-пермяцком языке названия: *абач* ‘домовой’, *боболь* ‘детск. буква’, *колян / калян* — дух дома, бани, леса, святочный персонаж, *куль* ‘бес, черт’.

Проведенный анализ показал:

1) названия МП в коми-пермяцком языке составляют обширную группу;

2) большая группа номинаций является заимствованиями из русского языка, что связано с многовековым взаимодействием русской и коми-пермяцкой культур;

3) значительная часть коми-пермяцких наименований МП — имена мотивированные; можно выделить четыре основных признака, отраженных во внутренней форме: место обитания, внешний вид, время проявления и действия; наиболее продуктивна первая модель;

4) небольшую группу составляют непроемные наименования, по всей видимости, более древние (например, *куль*).

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб., 2010.

DOI 10.31168/7996-2700-3.133

К. С. Юзиева

Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия
kristina.yuzieva@gmail.com

Деривационно-фразеологическая семантика названий птиц в марийском языке

В докладе представлены результаты анализа дериватов и фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в марийском языке. Орнитонимическое лексическое пространство можно рассматривать с точки зрения «левых» и «правых» семантико-мотивационных связей. При «левой»

© Юзиева К. С., 2019

мотивации слово (в нашем случае орнитоним) может быть мотивированным, а при «правой» — мотивирующим. В случае «правой» мотивации название птицы служит базой для создания оторнитонимических наименований: это могут быть обозначения человека (*коракшинча* ‘слепец; о невнимательном человеке’, букв. «вороний глаз»), фитонимы (*вараксимйолаш* ‘гвоздика, *Dianthus*’, букв. «ласточкины штаны»), миконимы (*тыманавонгы* ‘сморчок, *Morchella*’, букв. «совиный гриб»), названия болезней (*чывышинча* ‘куриная слепота’, букв. «куриный глаз»), предметов крестьянского быта (*турняшуй* ‘кривой брус в телеге’, букв. «журавлиная шея») и др.

Большую группу производных от названий птиц составляют фитонимы, в которых отражаются окраска птицы, форма частей ее тела, время пения, место обитания, питание. Так, внешнее сходство соцветия плевела с хвостом петуха отражено в марийском наименовании этого растения *агытанпоч* (букв. «петушиный хвост») ‘плевел, *Lolium*’. Листья растения *кукушудо* (букв. «кукушкина трава») ‘ятрышник пятнистый, *Orchismaculata*’ покрыты темными крапинками, что стало основанием для сравнения с пестрой окраской кукушки. Любимое лакомство журавля — клюква (*Охусоссу*) — в марийском языке получило название *турнявӧчыж* (*тырнявӧчыж, тыртнявӧтыж*), букв. «журавлиная ягода».

Небольшая группа орнитонимов в марийском языке образует семантические дериваты без изменения формы исходного слова. К таким орнитонимам относятся *агытан* ‘петух’, *вырлянге* ‘трясогузка’, *вӧтельӧ* ‘кулик’, *купиӧльӧ* ‘сойка’, *турий* ‘жаворонок’, *турня* ‘журавль’, *тумна* ‘сова’, *шогертен* ‘сорока’ и др. Например, восточные мари орнитонимом *вырлянге* (‘трясогузка’) именуют красивую, стройную девушку, луговые мари орнитонимом *купиӧльӧ* (‘сойка’) называют худого человека, у горных мари *вӧтельӧ* (‘кулик’) — юркий, неугомонный или вредный, нехороший человек. Все эти примеры относятся к семантической сфере «характеристика человека по определенным качествам». Деривационный потенциал лексемы *корак* ‘ворона’ проявляется в сфере цветообозначения (*корак* ‘серый, серовато-синий’) и наименования предметов (*корак* ‘шерсть с комочками’).

Следует отметить, что наименования птиц — один из самых древних пластов лексики во всех языках. Многие наименования птиц стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества

человека: задорный человек, забияка сравнивается с петухом, глуповатый человек — с курицей и т. д. Человек, стремясь охарактеризовать свое поведение, чувства, состояния, внешность, прибежал к сравнению с тем, что было ему ближе всего и похоже на него самого — с представителями животного мира. Поэтому фразеологизмы с компонентом-орнитонимом являются одной из самых интересных и характерных групп фразеологического фонда любого языка.

Основой для образования фразеологизмов с компонентом-орнитонимом служат наблюдения за повадками диких и домашних птиц, которые окружают человека. Основными компонентами в марийских фразеологизмах выступают *агытан* 'петух' (*агытанла тӱриштылаш* 'вести себя вызывающе, задиристо; лезть в ссоры без каких-л. оснований', букв. «прыгать как петух»), *корак* 'ворона' (*коракым шотлаш* 'ротозейничать, бесцельно проводить время, лодырничать', букв. «считать ворон»), *тумна* 'сова' (*тумна гай илаш* 'жить одиноко, без семьи, без родных', букв. «жить как сова»), *шӱштык* 'соловей' (*шӱштык омо* 'непродолжительный, короткий, чуткий сон', букв. «соловьиный сон»), *чыве* 'курица' (*чыве логар* 'плохой, слабый едок', букв. «куриное горло»).

Анализируя семантику фразеологических оборотов, включающих названия птиц, можно выделить группы фразеологизмов, которые обозначают:

1) внешний облик: *шем корак иге гане* 'о человеке с черными волосами', букв. «как черный вороненок»;

2) психические свойства: *мальше корак гай* 'вялый, пассивный, невнимательный', букв. «как спящая ворона»;

3) физические качества: *турня йол* 'о человеке с тонкими и длинными ногами', букв. «журавлиные ноги»;

4) интеллект или его отсутствие: *тумна вуй* 'глупый, забывчивый', букв. «совиная голова»;

5) количество: *чыве шӱр гына уке* 'всего полно, вдоволь', букв. «только птичьего молока нет»;

6) характеристика действия: *тыьри мыным оролен шалгаш* 'бездельничать в пору полевых работ (в страду)', букв. «караулить яйца жаворонка».

Представления человека о той или иной птице складывались веками. В результате наблюдений за птицами создавались их образы,

основанные на реальных признаках и качествах. Однако и культурная составляющая, фольклорные мотивы, этиологические легенды также повлияли на эти представления в каждой конкретной диалектной и культурной среде. В дальнейшем эти отдельные стереотипы вошли в состав марийского национального языка и традиционной культуры и сформировали многосторонние образы птиц.

DOI 10.31168/7996-2700-3.134

Мариола Якубович
Институт славистики ПАН
Краков, Польша
mjakub7@interia.pl

**К вопросу о выделении семантических полей
реконструируемой лексики
(из опыта работы над 11-м томом
«Праславянского словаря»)**

В очередном томе «Праславянского словаря» [SP], который впервые будет представлен еще и в электронном виде, среди прочих нововведений предполагается определение лексико-семантических полей, которым принадлежит реконструируемая лексика, чтобы обеспечить читателям возможность поиска по семантическому принципу. Надо отметить, что семантическая реконструкция с самого начала работы над «Праславянским словарем», издаваемым в Кракове, занимала в нем важное место.

При выделении семантических полей мы основываемся на лексике, представленной в уже изданных томах, а кроме того, на картотеке, составленной в начале работы над словарем и хранящейся в Институте славяноведения ПАН. На этой базе мы пытаемся создать приблизительную картину возможных значений слов, входящих в состав «Праславянского словаря».

Для существительных предусмотрены следующие категории: названия животных; названия растений и их частей; названия частей тела; названия предметов быта (например, орудий, посуды, одежды); названия помещений и их частей и т. д. Среди глаголов предполагается

выделение таких категорий, как глаголы движения, смыслового восприятия, способов звукоизвлечения, и пр. Среди прилагательных планируется выделение определений цвета, размера и т. д.

Конечно, не все реконструируемые лексемы можно четко распределить по категориям. Легче всего семантической классификации поддаются существительные, хуже — прилагательные, еще сложнее дело обстоит с глаголами. Надо иметь в виду, что в процессе работы над словарем возникнут новые категории, и нужно заранее подготовить инструментарий, позволяющий включить их в уже созданную семантическую структуру. Но надо учитывать и тот факт, что не каждую праславянскую лексему получится поместить в семантическую сетку. Возможна и обратная ситуация: иногда одна лексема должна быть приписана к двум разным семантическим категориям. Это касается лексем, для которых возможно реконструировать разные значения (т. е. своего рода омонимов).

SP — Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław ; Kraków, 1974—.

DOI 10.31168/7996-2700-3.135

Е. И. Якушкина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

jkatia@yandex.ru

Праславянские лексические изоглоссы западной части сербскохорватского ареала*

Сербскохорватские лексические изоглоссы, предположительно восходящие к праславянскому периоду, мы выделяем путем проверки по этимологическим словарям дифференциальных лексем, содержащихся в вопроснике «Хорватского лингвистического атласа»

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

© Якушкина Е. И., 2019

[НЈАУ, 1997] и опубликованных выпусках «Общеславянского лингвистического атласа» (исходное число противопоставленных лексических пар — около 500). Употребление в говорах выделенных таким образом дифференциальных лексем проверяется по диалектным словарям. Под западной частью сербскохорватского ареала подразумевается область распространения кайкавских, чакавских и западноштокавских говоров.

В настоящем докладе мы рассмотрим несколько дифференциальных лексем из семантического поля частей тела человека. В этой группе слов существуют следующие ареально противопоставленные дублеты, восходящие к праславянским формам: **nosъnica* и **nozdrī* ‘ноздря’ [ЭССЯ, 25, 221; 26, 15–17], **pъrsъ*, **grōdъ*, **nĕdro* ‘грудь’ [ЭССЯ, 7, 148, 149; 25, 94–96], **volsi* и **kosa* ‘волосы’ [ЭССЯ, 11, 131–133], **čĕrvo* и **drobъ* ‘живот человека’ [ЭССЯ, 4, 82; 5, 120].

Продолжения праслав. **nosъnica* в значении ‘ноздря’ зафиксированы в словенском, сербскохорватском и македонском языках, а в значении ‘отверстие в мельнице’ также в старочешском. Эта лексема употребляется на севере хорватской территории, прилегающей к Словении: в кайкавских говорах и в Истрии, а также в Славонии (видимо, через кайкавское посредство). Для большинства чакавских и для штокавских говоров свойственны продолжения лексемы **nozdrī*, которые в словенском и сербскохорватском часто выступают с расширением в форме *nozdrva*. В силу более широкого распространения в славянских языках продолжений лексемы **nozdrī* и ее более архаичной словообразовательной структуры (**nos-sri* < **ser* ‘течь’) можно предположить, что **nosъnica* является инновацией, захватившей словенские и западные хорватские говоры.

Продолжения архаического соматического термина **pъrsъ*, **pъrsi* ‘грудь’ широко представлены на всей сербскохорватской территории, так же как и по всей Славии. Вторичное наименование **grōdъ* (родственно **grōda* [ЭССЯ, 7, 149], этимологическое значение — ‘вышшение, выступающая часть тела’), хотя и имеет в значении ‘грудь’ общеславянское распространение и в том числе употребляется в словенском языке, представлено не во всех сербскохорватских говорах. Насколько можно судить по данным хорватской диалектной лексикографии, слово **grōdъ* не характерно для кайкавских, чакавских и прилегающих к Адриатическому побережью штокавских говоров, однако представлено в Славонии и на востоке сербскохорватской территории.

В западном ареале, где не фиксируется слово **grǫdъ*, наблюдается употребление в том же значении продолжений лексемы **nĕdro*, которая в разных славянских языках служит именованьем груди, пазухи, внутренностей и др. (вероятное этимологическое значение — ‘внутренности’, из **ne-ed* [ЭССЯ, 25, 94–96]). Эта лексема присутствует в кайкавских, чакавских и некоторых штокавских говорах.

Исконное праслав. **volsi* ‘волосы’ характерно для кайкавских, чакавских и западноштокавских говоров, тогда как вторичное **kosa* (более древнее значение **kosa* — ‘заплетенные волосы’ [ЭССЯ, 11, 132]) распространено в части западноштокавских и восточноштокавских говоров (за пределами сербскохорватского ареала, в говорах болгарского, македонского, белорусского, украинского языков часто в форме **kosy*).

Слово **čĕrvo*, одно из основных славянских названий живота (исходно ‘кожный покров живота’ [ЭССЯ, 4, 83]), в значении ‘живот’ характерно для северных кайкавских говоров (пп. 30–32 «Общеславянского лингвистического атласа»). В некоторых кайкавских, чакавских, а также западноштокавских говорах обозначением живота служат продолжения **drobъ* (из **drobiti* ‘размельчать’, исходно ‘внутренности’). В большинстве же чакавских, кайкавских и штокавских говоров живот человека получил название *trbux* [Skok, 1973, 495].

В докладе будут проанализированы дифференциальные лексемы, относящиеся также и к другим семантическим полям.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32); А. Ф. Журавлева (вып. 33–39); Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М., 1974–. Вып. 1–.

HJAU — Hrvatski jezični atlas. Uputnik. Zagreb, 1997.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

Илона Янышкова

Институт чешского языка ЧАН
 Брно, Чешская Республика
 ilona.janyskova@ujc.cas.cz

К изучению названий внебрачного ребенка в старославянском и (старо)чешском языках

Доклад посвящен этимологизации названий внебрачного ребенка в старославянском, старочешском и чешском языках. Нас интересует вопрос, каким образом наши предки обозначали незаконнорожденных детей и как в таких названиях отражается отношение общества к этим детям.

В каноне старославянских письменных памятников нет слов и выражений, называющих незаконнорожденного ребенка, они засвидетельствованы только в более поздних церковнославянских рукописях. К ним относится церк.-слав. *ljuboděičištъ* ‘незаконнорожденный ребенок, побочный сын’ [SJS, 2, 161], образованное от существительного *ljuboděica* ‘развратница, распутная женщина, блудница, проститутка’, и *ženimištъ* [Востоков, 1, 123], *ženimičičištъ* [Miklosich, 1862–1865, 194] ‘сын наложницы’, образованные от существительного (первоначально страдательное причастие настоящего времени) *ženima* ‘любовница, наложница’. Последние названия встречаются также в старочешском языке, ср. ст.-чеш. *ženima* ‘женщина легкого поведения, проститутка, любовница’, от которого производны *ženimčě*, *ženimčic*, *ženimec* ‘ребенок, сын проститутки, внебрачный, побочный ребенок’ [MStčS, 687].

При этом в старочешском языке засвидетельствованы и другие наименования, обозначающие незаконнорожденных детей. Некоторые из этих названий отмечаются также в современном чешском языке.

Известный этнолингвистический словарь «Славянские древности» приводит в статье «Ребенок внебрачный» [СД, 4, 414–415] среди славянских примеров также чешские названия. Целью нашего доклада является пополнение и расширение ряда чешских названий внебрачного ребенка и обнаружение их семантической мотивации.

- Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка : в 2 т. СПб., 1858–1861.
СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред.
Н. И. Толстого. М., 1995–2012.
- Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
MStčS — *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / eds.
J. Kurz, Z. Hauptová. T. 1–4. Praha, 1966–1997.

Сокращения

В названиях языков

авест.	авестийский	общерус.	общерусский
алан.	аланский	общеслав.	общеславянский
ар.	арийские	общесловац.	общесловацкий
балт.-слав.	балто-славянские	перм.	пермские
валл.	валлийский	п.-монг.	письменный монгольский
вепс.	вепсский		
вод.	водский	праалт.	праалтайский
вост.-слав.	восточнославянские	празап.-кавк.	празападнокавказ- ский
вост.-словац.	восточнословацкий		
гот.	готский	праи.-е.	праиндоевропейский
доперм.	допермский	праперм.	прапермский
др.-исл.	древнеисландский	прасин.-кавк.	прасино-кавказский
др.-приб.-фин.	древнеприбалтийско- финский	праслав.	праславянский
		пратиб.-бирм.	пратибето- бирманский
др.-прус.	древнепруссский		
др.-сакс.	древнесаксонский	прауг.	праугорский
др.-фриз.	древнефризский	прафин.-волж.	прафинно-волжский
др.-чеш.	древнечешский	приб.-фин.	прибалтийско- финские
енис.	енисейские		
зап.-слав.	западнославянские	приб.-фин.-морд.	прибалтийско- финско-мордовский
ижор.	ижорский		
имбат.	имбатский		
камас.	камасинский	раннепраслав.	раннепраславянский
кашуб.	кашубский	русин.	русинский
кет.	кетский	саам.	саамский
коми-зыр.	коми-зырянский	сельк.	селькупский
коми-перм.	коми-пермяцкий	ср.-валл.	средневаллийский
коми-язьв.	коми-язьвинский	ст.-бел.	старобелорусский
котт.	коттский	ст.-польск.	старопольский
лив.	ливский	ст.-рус.	старорусский
манс.	мансийский	ст.-чеш.	старочешский
маньчж.	маньчжурский	удэг.	удэгейский
матор.	маторский	хант.	хантыйский
мокш.	мокша-мордовский	чагат.	чагатайский
нахск.	нахские	чукот.	чукотский
нган.	нганасанский	эн.	энецкий
нен.	ненецкий	эрз.	эрзя-мордовский
нов.-в.-нем.	нововерхненемецкий	юг.	югский
общегерм.	общегерманский	юж.-слав.	южнославянские
общеперм.	общепермский	юкаг.	юкагирский

В названиях говоров русского языка

амур.	амурские	новосиб.	новосибирские
арх.	архангельские	олон.	олонецкие
байк.	байкальские	омск.	омские
белом.	русские говоры побережья Белого моря	онеж.	онежские
брян.	брянские	оренб.	оренбургские
влад.	владимирские	орл.	орловские
влг.	вологодские	пенз.	пензенские
волг.	волгоградские	перм.	пермские
ворон.	воронежские	помор.	поморские
вят.	вятские	приамур.	приамурские
дон.	донские	прибайк.	прибайкальские
енис.	енисейские	пск.	псковские
забайк.	забайкальские	рост.	ростовские
зап.	западные	ряз.	рязанские
иркут.	иркутские	свердл.	свердловские
казан.	казанские	сев.	северные
калуж.	калужские	сев.-зап.	северо-западные
камч.	камчатские	сев.-рус.	севернорусские
карел.	карельские	сиб.	сибирские
кемер.	кемеровские	смол.	смоленские
киров.	кировские	ср.-урал.	среднеуральские
костр.	коstromские	тамб.	тамбовские
краснояр.	красноярские	твер.	тверские
куйб.	куйбышевские	тобол.	тобольские
курган.	курганские	томск.	томские
курск.	курские	тюмен.	тюменские
латв.	русские говоры на территории Латвии	урал.	русские говоры бассейна р. Урал
ленингр.	ленинградские	хакас.	русские говоры на территории Хакасии
лит.	русские говоры на территории Литвы	челяб.	челябинские
морд.	русские говоры на территории Мордовии	юж.	южные
нижегор.	нижегородские	юж.-рус.	южнорусские
новг.	новгородские	якут.	русские говоры на территории Якутии
		яроsl.	ярославские

В названиях диалектов других языков

бер.	березовский диалект хантыйского языка	вах.	ваховский диалект хантыйского языка
вас.	васюганский диалект селькупского языка	в.-вычег.	верхневьчегодский диалект коми-зырянского языка

вепс. сев.	северные говоры вепского языка	марГ.	горное наречие марийского языка
вепс. юж.	южные говоры вепского языка	марЛ.	луговое наречие марийского языка
в.-лозъв.	верхнелозьвинский диалект мансийского языка	минск.	минские говоры белорусского языка
в.-сысол.	верхнесысольский диалект коми-зырянского языка	н.-вычег.	нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
вым.	вымский диалект коми-зырянского языка	низ.	низямский диалект хантыйского языка
дем.	демянковский диалект хантыйского языка	н.-лозъв.	нижнелозьвинский диалект мансийского языка
дигор.	дигорский диалект осетинского языка	н.-поднепр.	нижнеподнепровские говоры украинского языка
ижем.	ижемский диалект коми-зырянского языка	обд.	обдорский диалект хантыйского языка
ирон.	иронский диалект осетинского языка	пелым.	пелымский диалект мансийского языка
ирт.	иртышский диалект хантыйского языка	печор.	печорский диалект коми-зырянского языка
каз.	казымский диалект хантыйского языка	подкарп.	подкарпатские говоры украинского языка
карел.	собственно карельское наречие карельского языка	присыкт.	присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
карел. сев.	карельские говоры Финляндии	саам. кильд.	кильдинский диалект саамского языка
кет.	селькупские говоры по р. Кеть	саам. кольск.	кольские диалекты саамского языка
кильд.	кильдинский диалект саамского языка	саам. лул.	диалект Луле саамского языка
конд.	кондинский диалект мансийского языка;	саам. норв.	саамско-норвежский язык
	кондинский диалект хантыйского языка	саам. тер.	терский диалект саамского языка
ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	сал.	салымский диалект хантыйского языка
луз.-лет.	лузско-летский диалект коми-зырянского языка	ср.-лозъв.	среднелозьвинский диалект мансийского языка
люд.	людиковское наречие карельского языка	ср.-сысол.	среднесысольский диалект коми-зырянского языка
малорос.	говоры Малороссии	сын.	сынский диалект хантыйского языка
манс. сев.	северные диалекты мансийского языка	тавд.	тавдинский диалект мансийского языка

тром.	тромьюганский диалект хантыйского языка	Чая	селькупские говоры по р. Чая
тым.	тымский диалект селькупского языка	шерк.	шеркальский диалект хантыйского языка
удор.	удорский диалект коми-зырянского языка	юган.	юганский диалект хантыйского языка
хакуч.	хакучский говор адыгейского языка	язьв.	коми-язьвинское наречие коми-пермяцкого языка

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	Архангельская область	Новг.	Новгородская область
Белоз.	Белозерский район Вологодской области	Нянд.	Няндомский район Архангельской области
Ваш.	Вашкинский район Вологодской области	Олон.	Олонецкая губерния
Вел.	Вельский район Архангельской области	Он.	Онежский район Архангельской области
Верх.	Верховажский район Вологодской области	Петрозав.	г. Петрозаводск
Вил.	Вилегодский район Архангельской области	Пин.	Пинежский район Архангельской области
Влг.	Вологодская губерния	Плес.	Плесецкий район Архангельской области
Влгд.	Вологодский район Вологодской области	Прим.	Приморский район Архангельской области
Выт.	Вытегорский район Вологодской области	Прион.	Прионежский район Карелии
Вят.	Вятская губерния	С.-Двин.	Северодвинский городской округ Архангельской области
Гряз.	Грязовецкий район Вологодской области	Самар.	Самарская губерния
Карг.	Каргопольский район Архангельской области	Сарат.	Саратовская губерния
К-Г	Кичменгско-Городецкий район Вологодской области	Сиб.	Сибирская губерния
Кирил.	Кирилловский район Вологодской области	Сямж.	Сямженский район Вологодской области
Курск.	Курская губерния	Тарн.	Тарногский район Вологодской области
Леш.	Лешуконский район Архангельской области	Тихв.	Тихвинский район Ленинградской области
Лод.	Лодейнополюский район Ленинградской области	Тот.	Тотемский район Вологодской области
Межд.	Междуреченский район Вологодской области	У-Куб.	Усть-Кубинский район Вологодской области
Мез.	Мезенский район Архангельской области	Шар.	Шарьинский район Костромской области
		Шексн.	Шекснинский район Вологодской области
		Шенк.	Шенкурский район Архангельской области

Прочие

без указ. м.	без указания места фиксации
вх.	вхождение
детск.	детский
диал. шир. распр.	диалектное широкого распространения
косв.	косвенный падеж
н. п.	населенный пункт
пок.	покос
с/у	словоупотребление

Научное издание

ЭТНОЛИНГВИСТИКА. ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ

Материалы

IV Международной научной конференции

Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.

Редактор	<i>В. С. Кучко</i>
	<i>О. Д. Сурикова</i>
Корректор	<i>А. А. Макарова</i>
	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Р. Дауровой</i>

Подписано в печать 20.08.19

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 21,7. Усл. печ. л. 22,09. Тираж 200 экз. Заказ 247.

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

Для заметок

Для заметок